

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ISSN: 2664-7362

РУССКИЙ ЦЕНТР

МАТЕРИАЛЫ

VI Международной научной конференции

Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 7

Исторические науки

Дорогие коллеги!

В Донецком национальном университете стало традиционным проведение международных научных конференций «Донецкие чтения». Они организуются ежегодно, начиная с 2016 года.

В 2021 году Международная научная конференция «Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» проходит в шестой раз и принадлежит к числу наиболее масштабных и значимых научных мероприятий в Донецкой Народной Республике.

С каждым годом эти конференции вызывают все больший интерес в отечественном и зарубежном научно-образовательном пространстве. Постоянно расширяется состав их участников, перечень выносимых на обсуждение научных проблем. Число представляемых докладов за годы проведения конференций возросло более чем в два раза.

В 2021 году VI Международная научная конференция «Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» проводится при поддержке Главы ДНР, Общественной организации «Русский Центр», Совета ректоров вузов ДНР. В ее подготовке и проведении активное и деятельное участие принимают научные организации Донецкой Народной Республики, входящие в состав академического консорциума «Научно-образовательный и инновационный комплекс ДонНУ».

Конференция представлена 67 секциями, которые отражают достижения по широкому спектру научных направлений – от фундаментальной математики и цифровых компьютерных технологий до проблем культуры, духовности, искусства. Данный сборник является одинадцатым изданием, включающим 16 книг общим объемом более пяти тысяч страниц.

Свои доклады на VI Международную научную конференцию «Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» по результатам выполненных фундаментальных и прикладных исследований прислали известные специалисты и молодые ученые из многочисленных научно-образовательных организаций, представляющие Донецкую и Луганскую народные республики, Российскую Федерацию и целый ряд зарубежных государств. Уверенность в успешной работе конференции придает единоклассие всех участников из многих уголков Русского мира: Москвы, Рязани, Ростова, Воронежа, Ставрополя, Краснодар, Минска, Цухуми, Цхинвала, Республики Крым.

Проведение VI Международной научной конференции «Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» будет способствовать решению новых актуальных задач фундаментальной и прикладной науки, технологий, внесет свой вклад в инновационное развитие Донецкой Народной Республики, в дальнейшее укрепление творческих контактов ученых, педагогов, деятелей культуры и искусств стран-участниц.

Пусть наша конференция станет местом для дальнейших интересных и плодотворных встреч. Уверена, что результаты работы будут полезны всем участникам, а предложенные рекомендации найдут свое применение в дальнейшей практической деятельности каждого из нас!

Ректор, доктор физико-математических наук, профессор
С.В. Беспалова

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
Русский Центр

VI Международная научная конференция

Материалы
конференции

Том 7

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

г. Донецк
26–28 октября 2021 г.

Донецк
Издательство ДонНУ
2021

ББК Т.я431
УДК 93/99(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (главный редактор), М.В. Фоменко (отв. секретарь),
В.А. Дубровина, В.И. Сторожев, В.В. Разумный, В.Л. Агапов,
А.В. Бредихин, А.В. Колесник, О.Б. Пенькова, В.Б. Ищенко

Д672 Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции (Донецк, 26–28 октября 2021 г.). – *Том 7: Исторические науки* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. – 294 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.

В седьмой том материалов VI Международной научной конференции «Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам исторических наук. Рассматриваются вопросы всемирной, отечественной и региональной истории, истории России и славянских народов, историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам, докторантам и практическим специалистам, проводящим исследования в области исторических наук.

ББК Т.я431
УДК 93/99(043.2)

© Коллектив авторов, 2021

© Донецкий национальный университет, 2021

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В., д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого национального университета (г. Донецк).

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва).

Члены программного комитета:

Аваков С.Ю., д-р экон. наук, профессор, ректор Таганрогского института управления и экономики (г. Таганрог).

Андреев Д.А., канд. ист. наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Аноприенко А.Я., канд. техн. наук, профессор, ректор Донецкого национального технического университета (г. Донецк).

Болнокин В.Е., д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр., руководитель Центра подготовки научных кадров ФГБУН «Институт машиноведения им. А.А. Благонравова» (г. Москва).

Васьков М.А., д-р социол. наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

Воронова О.Е., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры журналистики, руководитель Есенинского научного центра Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России (г. Рязань).

Евстигнеев М.П., д-р физ.-мат. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Зайченко Н.М., д-р техн. наук, профессор, ректор Донбасской национальной академии строительства и архитектуры (г. Макеевка).

Кишкань Р.В., председатель Государственного комитета по экологической политике и природным ресурсам при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Кожухов И.Б., д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва).

Куролап С.А., д-р геогр. наук, профессор, декан факультета географии, геоэкологии и туризма Воронежского государственного университета (г. Воронеж).

Минаев А.И., д-р ист. наук, профессор, ректор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань).

Нечаев В.Д., д-р полит. наук, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Полищук В.С., д-р техн. наук, директор ГУ «Научно-исследовательский институт «Реактивэлектрон» (г. Донецк).

Половян А.В., д-р экон. наук, доцент, Министр экономического развития Донецкой Народной Республики, и.о. зав. кафедрой менеджмента Донецкого национального университета (г. Донецк).

Приходько С.А., канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк).

Решидова И.Ю., канд. физ.-мат. наук, директор ГУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Рябичев В.Д., д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Савоськин М.В., канд. хим. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк).

Скафа Е.И., д-р пед. наук, профессор, проректор Донецкого национального университета (г. Донецк).

Соболев В.И., д-р биол. наук, профессор кафедры здоровья и реабилитации Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта).

Сторожев В.И., д-р техн. наук, профессор, проректор Донецкого национального университета (г. Донецк).

Судаков С.Н., д-р физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., и.о. директора ГУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк).

Тедеев В.Б., канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал).

Третьяков В.Т., профессор, декан Высшей школы телевидения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

Шемякина Н.В., канд. экон. наук, доцент, директор ГБУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк).

Всемирная история

УДК 94(410)+94(44)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИТИНЕРАРИИ АНГЛИЙСКИХ КОРОЛЕЙ ВО ФРАНЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Баканова Е.Н.¹, Леонова Е.Б.², канд. техн. наук, доц.

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

²ФГБОУ ВО «Российский химико-технологический университет

им. Д. И. Менделеева», г. Москва, РФ

elena.bakanova0@gmail.com, Silvaf@mail.ru

Введение. Королевские итинерарии являются важным цифровым историко-ориентированным ресурсом [1; 2; 3]. В последние десятилетия в исторической науке значительно вырос интерес к проблемам королевского двора, королевских резиденций, маршрутам и целям монарших поездок по стране, соотношению их репрезентативной и управленческой функций [4; 5; 6]. Одной из важнейших и очень трудоемких задач является создание первоначальной базы данных [5], которая позволяет применение методов статистического анализа. Параллельно должны идти поиск новых источников информации и перепроверка имеющегося материала. ГИС-картографирование является дополнительным инструментом такой проверки, отсекая заведомо физически недостижимые пункты на королевском маршруте.

Задача настоящей работы не подтвердить или опровергнуть утверждение о том, что у средневековой Англии «не было столицы, кроме королевской дороги», а предложить возможные подходы к анализу английских королевских итинерариев, определить перспективы междисциплинарного анализа традиционных исторических сюжетов по целям и логистике королевских перемещений.

Основная часть. Если для территории английского королевства, по меньшей мере с XIII в., пребывание королевского двора по данным различных источников может быть определено за редкими исключениями с точностью до одного дня, то иначе обстоят дела с пребыванием английских монархов в их владениях на территории французского королевства. Точно известны области (герцогства и графства), в которых находился король, но данные о его конкретном местопребывании и маршрутах поездок фрагментарны. Неопределенность, связанная с королевскими перемещениями, и неполнота данных доступных на сегодня источников могут быть частично компенсированы картографической обработкой через географическую информационную систему.

Плантагенетам принадлежала в качестве ленных владений западная половина Франции. Они владели почти всем берегом Ла-Манша и всем побережьем Атлантического океана. Владения на материке, борьба за их

сохранение или попытки возврата вынуждают английских королей проводить более или менее значительное время в своих континентальных владениях. Для анжуйского периода (1154–1216) это обычная практика. Мартин Орелл воссоздал портрет «кочевого» двора Генриха II (1154–1189). Согласно его утверждению, первый анжуйский монарх был «вечным всадником» с «арочными» ногами, «покрытыми синяками от частых прищипываний лошадей». За 34 года правления Генрих II встречал Рождество в 24 разных местах и почти никогда не провел его дважды в одном и том же. Он 28 раз пересек Ла Манш. Трудно определить территориальные предпочтения монарха: примерно одинаковое количество времени он провел в Анжу и Нормандии (14,5 лет) и Англии (13 лет); 7 лет 1/5 царствования) в Аквитании и максимум 32 месяца (2 года и 8 месяцев), что составляет менее 1/6 всего правления на землях южной части Франции. Только в XIII в. королевские маршруты становятся достаточно полными, чтобы можно было провести их детальное исследование. Король Иоанн Безземельный (1199–1216) – первый английский монарх, чьи поездки можно наблюдать почти ежедневно. После утраты континентальных владений во время его правления, ситуация с пребыванием английских королей во Франции меняется. Все последующие правители проводили относительно короткие периоды времени вне пределов королевства. Эдуард I (1272–1307) провел во Франции и Аквитании один непрерывный период в 3 года и 3 месяца (с 13 мая 1286 по 12 августа 1289 г.). Эдуард III (1327–1377), несмотря на его активное участие в войне с Францией, провел за границей всего около трех лет, шести месяцев и двух недель в течение пятидесятилетнего правления. Последний Плантагенет Ричард II (1377–1399) провел за пределами Англии 11 месяцев и 2 недели, но, в основном, в Ирландии. Первый представитель новой династии (в глазах части подданных, узурпатор престола) Генрих IV Ланкастер (1399–1413) за время своего правления никогда не покидал страну. Его сын и наследник, Генрих V, заметно отличался от предшественников тем, что несколько раз находился за пределами Англии весьма продолжительное время: три года и семь месяцев непрерывно он пребывал в Нормандии и Франции (23 июля 1417 – 1 февраля 1421 г.), пытаясь вначале восстановить английские владения во французском королевстве, а затем претендуя на французский престол; затем последовал еще один непрерывный период в 1 год и 3 месяца, который завершил его правление (10 июня 1421 – 1 сентября 1422 г.). Генрих V отсутствовал в английском королевстве в общей сложности 5 лет и 2 месяца за 9 лет правления и умер в созданном им королевстве двух корон – Англо-Франции.

Существуют различные типы вопросов, которые могут быть решены с помощью анализа королевского итинерария. Одни касаются характера самого маршрута – насколько быстро и как далеко путешествовал королевский двор, как долго он оставался «оседлым», существуют ли

сезонные ритмы поездок. Другие вопросы касаются цели маршрута – почему король путешествовал. Один из фундаментальных вопросов, связанных с маршрутом, заключается в том, в какой степени в Вестминстере был управленческий центр с функциями столицы, и был ли подобный центр в английских континентальных владениях.

Заключение. Таким образом, в современных условиях развития науки цифровизация активно используется в исторических исследованиях. Применение наработок и методик информационных наук, в частности «науки о данных», становится востребованным и актуальным для обработки и анализа больших массивов исторической информации. Для этого требуется владение современным уровнем аналитического инструментария (как специализированного, так и универсального). Разработка и освоение новых методик и технологий исследований невозможны без их апробации на конкретном историческом материале. Изучение с его помощью итинерариев английских королей во Франции представляется возможным, оправданным и перспективным.

Список литературы

1. Санжаров В. А. Королевские итинерарии как исторический источник: на примере постоянных резиденций и маршрутов передвижений Людовика XI (1461–1483) / В. А. Санжаров, Е. С. Гришин // Источниковедение в современной медиевистике: Сб. материалов Всероссийской научной конференции / ред. И. Г. Коновалова, Е. Н. Кириллова. – М.: ИВИ РАН, 2020. – С. 322-325.
2. Санжаров В. А. Возможности статистической обработки формализованных данных на материале итинерария Людовика XI (1461–1483) / В. А. Санжаров, М. Р. Смагин, Е. Б. Филиппова // Мир Евразии: от древности к современности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / ред. Р. Р. Тухватуллин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Т. 1. – С. 141-146.
3. Санжаров В. А. Комплексная цифровая модель параллельных франко-бургундских итинерариев (Людовика XI, Филиппа Доброго и Карла Смелого) как инструмент изучения управленческих институтов, военно-политической и дипломатической активности / В. А. Санжаров // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии. – Москва: МАКС Пресс, 2020. – С. 311-316.
4. Гришин Е. С. Пространственная мобильность Генриха IV в 1063–1073 гг. как фактографическая основа для анализа распространения информации в средневековой Германии / Е. С. Гришин // Историческая информатика. – 2018. – № 3. – С. 106-122.
5. Филиппова Е. Б. Итинерарий первого представителя династии Валуа (создание и возможности использования базы данных) / Е. Б. Филиппова, Е. Н. Баканова // Мир Евразии: от древности к современности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / ред. Р. Р. Тухватуллин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – Т. 1.
6. Вербовский А. В. Места пребывания монаршего двора при Людовике XI – предварительные итоги анализа по королевским ордонансам / А. В. Вербовский // Гуманитарный вестник. – Горловка, 2017. – № 4. – С. 12-18.

ЦЕРЕМОНИЯ ТОРЖЕСТВЕННЫХ ВЪЕЗДОВ МОНАРШИХ ОСОБ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Бессилин Н.А.¹, канд. ист. наук, доц., **Вербовский А.В.**²

¹ФГБОУВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, РФ

²ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

bessna-1958@mail.ru, verbovskiyy@ro.ru

Введение. В отечественной историографии различные аспекты политической и институциональной истории Франции на переломе средних веков и раннего нового времени рассматривались в исследованиях Н. А. Хачатурян, Ю. П. Малинина, С. Л. Плешковой, Р. А. Маслова, С. К. Цатуровой, Р. М. Асейнова, В. А. Санжарова, Н. А. Бессилина, Т. Ю. Стукаловой, Л. Л. Дорониной и других [1]. В частности, церемония торжественных въездов монарших особ Западной Европы в период позднего средневековья и раннего Нового времени достаточно часто освещается в работах отечественных специалистов. При этом интерес к этому ритуалу проявляют не только историки, но и культурологи, и искусствоведы.

Основная часть. С.К. Цатурова считает тему политического театра власти одной из ведущих в современной медиевистике. В исследованиях на данную тематику акцент делается на конкретных церемониях, ритуалах и на знаках власти, рассматриваемых в своей эволюции от зарождения до упразднения [2]. В работе «"На ком платье короля?" Королевские чиновники в торжественных въездах королей в Париж (XIV–XV вв.)» этого исследователя рассматривается роль королевских чиновников в торжественных въездах французских королей в Париж. [3]. Н. А. Хачатурян отмечает, что зарождение театра, происходившее в XVI–XVII вв., тормозилось в Западной Европе концентрацией основных художественных усилий на церемониях торжественных въездов королей, решавших важную задачу репрезентации власти государя и его контактов с обществом [4].

М. А. Бойцов в своей книге «Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе» акцентирует внимание на том, что для Средневековья принципиальное значение имела идентификация города с невестой. Это способствовало тому, что многие политические и социальные явления (и монаршие въезды в их числе) описывались с использованием богатой метафорики брачных отношений [5]. Этот же аспект торжественных въездов упоминает Е. И. Носова в работе «Механизмы семейной протекции при дворе герцогов Бургундских»: торжественный въезд государя в город рассматривался не только как священный брак, где город идентифицировался с невестой, а государь – с

женихом, но и как воссоединение монарха и его подданных в лоне семьи [6]. Тот же М. А. Бойцов в своей статье «Архиепископ Трирский объезжает свои владения» отмечает, что торжественный въезд являлся одним из наиболее сильных импульсов в символическом общении между средневековым государем и подвластным ему городом [7].

В. А. Ковалев в работе «Истина мифа власти: континуитет и дисконтинуитет в аккламационных процессиях английских монархов конца XIV – начала XVII века» интерпретирует монаршие въезды (как средневековые, так и ренессансные) как символическую схему распространения особой королевской магии. По его мнению, символическое и даже магическое содержание этой церемонии было различным – от демонстрации божественных доблестей монарха до преобразования всего государства по образцу королевского двора, находящегося на грани мира земного и мира божественных идей [8].

Посткоронационный въезд короля в столицу домена и социальный состав выстроившейся делегации рассматривает в своей статье С. А. Польская. Исследователь отмечает изменения, происходящие в церемонии королевских торжественных въездов в XV в. В частности, ритуал подачи прошения, уходящий корнями в период коммунальной борьбы, прекратил свое существование к концу XV в., а именно, в 1498 г. при торжественном въезде Людовика XII [9].

Торжественный въезд в Париж Генриха II в 1549 г. как историческое событие, значимое для культуры ренессансной Франции, рассматривает искусствовед М. А. Демидова. Исследователь отмечает, что по унаследованной средневековой традиции художественные программы конструировались, как правило, не самим художником. Сочинителем церемонии выбирался человек, обладавший всесторонним культурным кругозором (в случае торжественного въезда Генриха II – гуманистическим). При этом, сложное семантическое содержание находило органичное воплощение в художественных формах благодаря тесному сотрудничеству автора программы с художником [10]. Использование торжественного въезда как определенного аллегорического послания короля своим подданным на примере въездов Генриха V Ланкастера в Лондон (1415 г.) и в Париж (1420 г.) рассматривает в своей статье А. В. Сидяка. Приуроченные к кульминационным моментам правления этого монарха – победе англичан при Азенкуре и заключению договора в Труа, эти церемонии, по мнению исследователя, должны были предложить «объяснение» важности для страны вышеуказанных событий [11]. Символику королевской власти на примере церемониала торжественного въезда, ее античные и средневековые истоки, а также трансформации ритуала в эпоху Ренессанса описывает культуролог Н. И. Макарова. Автор видит принципиальное отличие торжественного въезда эпохи Возрождения в том, что в это время акцент делается не на самой церемонии, с ее аллегорическими композициями, а на системе педжентов [12]. Взглянуть на церемониал

торжественного въезда глазами непосредственного свидетеля событий, происходивших в начале пятнадцатого века в Париже, предлагают в совместной статье З. Лионидас и А.В. Вербовский [13].

Заключение. Таким образом, на настоящий момент в отечественной историографии тема торжественных въездов рассмотрена достаточно основательно и с разных углов зрения, что, тем не менее, не является основанием для приостановки изучения этого церемониала.

Список литературы

1. Вербовский А. В., Санжаров В. А. Проблемы истории Франции второй половины XV века в отечественной историографии // Донецкие чтения 2017. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – Том 5. – С. 14-16.
2. Цатурова С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII-XV веков / С. К. Цатурова; Ин-т всеобщей истории РАН. – М.: Наука, 2012. – С. 434.
3. Цатурова С. К. "На ком платье короля?" Королевские чиновники в торжественных въездах королей в Париж (XIV–XV вв.) / С. К. Цатурова // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. – М.: Наука, 2004. – С. 220.
4. Хачатурян Н. А. Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет фазана» герцога Бургундского в XV в. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. – М.: Наука, 2004. – С. 177-199.
5. Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе / М. А. Бойцов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 550 с.
6. Носова Е. И. Механизмы семейной протекции при дворе герцогов Бургундских // Французский ежегодник 2014. Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. – М., 2014. – С. 168.
7. Бойцов М. А. Архиепископ Трирский объезжает свои владения // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. – М.: Наука, 2004. – С. 318.
8. Ковалев В. А. Истина мифа власти: континуитет и дисконтинуитет в аккламационных процессиях английских монархов конца XIV – начала XVII века // Королевский двор в Англии XV–XVII вв. – СПб., 2011. – С. 329.
9. Польская С. А. Королевские клятвы корпорациям Парижа: дипломатические стратегии сторон (XIV–XV вв.) // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. Выпуск №4 (4). Ставрополь, 2014. – С. 57.
10. Демидова М. А. Церемония вхождения Генриха II в Париж (1549). К вопросу о принципах формирования ренессансного образа // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. Выпуск 1 (21). 2016. – С. 9-28.
11. Сидяка А. В. Лондон и Париж встречают Генриха V: въезд короля как форма репрезентации власти [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/london-i-parizh-vstrechayut-genriha-v-vezd-korolya-kak-forma-reprezentatsii-vlasti-1>
12. Макарова Н. И. Символика королевского входа в город в эпоху Возрождения // Вестник НГУЭУ, №3, 2013. – С. 192-200.
13. Лионидас Зои, Вербовский А. В. Монаршие въезды в столицу глазами горожан (по «Дневнику парижского горожанина») // Мир Евразии: от древности к современности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 05.03.2021 г.). Т. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021.

ФОЛКЛЕНДСКИЙ ВОПРОС В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ АРГЕНТИНОЙ И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ В 80-е гг. XX в.

Бредихин А.В., д-р ист. наук, проф.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

kf.vsemir.zav@donnu.ru

Введение. Поражение Аргентины и отставка её военного правительства в 1984 г. не прекратили, а лишь перевели спор в латентную форму. С учётом этого, целью данной статьи является анализ эволюции «фолклендской проблемы» в системе международных отношений с 1984 по 1990-й гг. (до момента восстановления дипломатических отношений и формального окончания конфликта).

Основная часть. В конце 1984 г. эволюция «фолклендского вопроса» была ознаменована несколькими важными событиями. Заключив 19 декабря «Объединённую китайско-британскую декларацию по вопросу передачи Гонконга», кабинет М. Тэтчер, одновременно взял курс на укрепление своего положения в других зависимых территориях, остававшихся под юрисдикцией Лондона. С целью нивелиации колониального статуса архипелага, Лондон корректировал его правовой статус: островитянам было предоставлено полное гражданство, а также дарована конституция, существенным образом расширившая их автономию и полномочия во внутренних делах. Вступивший в силу 18 апреля 1985 г. «указ о конституции Фолклендских островов» увеличил число избираемых членов местного Законодательного совета до восьми и гарантировал права и конституционные положения островитян [1]. Кроме того, Лондон предоставил жителям право на самоопределение, впрочем, учитывая, что в своем подавляющем большинстве они являлись и чувствовали себя англичанами, это ничего не значило. В качестве справки следует привести данные исследования специальной комиссии Палаты общин, усилиями которой после войны 1982 г. было проведено исследование о степени законности требований Аргентины на архипелаг с исторической и международно-правовой точки зрения. По итогам работы, комиссия заключила, что «не в состоянии прийти к категоричному выводу» о степени правоты Лондона и Буэнос-Айреса.

Таким образом, степень самоуправления Фолклендов была существенным образом расширена, что должно было ослабить аргументы Буэнос-Айреса об их ассимиляции британцами. В тот же период, ко всей существовавшей напряженности были добавлены другие проблемы:

– разведка в акватории архипелага значительных запасов нефти (в октябре 1984 г. американская компания First Land Oil and Gas провела на островах разведку углеводородов и в январе 1985 г. начала её добычу);

– открытие в мае 1985 г. аэропорта Маунт-Плезант в Порт-Стэнли (особое раздражение аргентинцев вызвал факт участия в торжествах принца Эндрю, ветерана войны 1982 г.).

С учётом указанных факторов, правительство Аргентины стремилось усилить давление на Соединённое Королевство. В сентябре 1985 г. Р. Альфонсин встретился в Париже с лидером британской парламентской оппозиции – лейбористом Н. Кинноком. Оба согласились с необходимостью восстановления дипломатических и торговых отношений между двумя странами и проведения переговоров, которые включали бы все аспекты будущего островов [2]. Месяц спустя Р. Альфонсин встретился в Мадриде с Д. Стилом, занимавшим пост председателя либеральной партии, а также членом британской Палаты лордов. В ходе разговора с ним было также отмечено совпадение во взглядах на пути решения «фолклендской проблемы», что позволило согласовать ряд шагов для нормализации двусторонних отношений:

- прекращение Аргентиной формально продолжавшихся военных действий;
- снятие Великобританией зоны отчуждения вокруг островов;
- возобновление межправительственных переговоров о будущем архипелага.

Неформальные контакты, к которым присоединился социал-демократ Д. Оуэн, продолжились и в следующем году, хотя твёрдое обязательство по вопросу о возможности пересмотра суверенитета более не звучало [3].

Продолжалась работа аргентинцев и в рамках ООН. В частности, до конца 1985 г. Министр иностранных дел Д. Капуто провёл в стенах этой организации два мероприятия. Первое было проведено в сентябре, когда снова был осуждён отказ Великобритании вести переговоры по вопросу о суверенитете, как и её чрезмерное военное присутствие в Южной Атлантике.

Во втором выступлении 26 ноября 1985 г. Д. Капуто выразил надежду на поддержку миролюбивых сил во всём мире, а предложенный им текст резолюции не содержал терминов, связанных с суверенитетом, что представляло уступку британцам для их согласия на продолжение открытых переговоров. Впервые также была затронута проблема рыбных ресурсов, а также подчеркнута опасность дальнейшей милитаризации региона. В итоге, на следующий день была опубликована резолюция 40/21, в которой признавалось, что обе стороны заинтересованы в нормализации своих отношений [4].

Заключение. Подводя итог, отметим, что неразрешённый территориальный спор Аргентины с Великобританией по поводу принадлежности Фолклендских островов по-прежнему остаётся наиболее болезненным вопросом двусторонней повестки дня. Аргентина, как и ранее, претендует на острова, и никакое мыслимое правительство не сможет отказаться от

этого требования. Преградой решения данного вопроса является экономический кризис, не позволяющий развить вооружённые силы до уровня, позволяющего отвоевать спорные острова.

Список литературы

1. The Falkland Islands Constitution Order 1985. URL: https://www.worldstatesmen.org/Falkland_order1985.pdf (accessed: 30.01.2021).
2. Dolzer R. El status territorial de las Islas Malvinas-Falkland. Pasado y presente. Buenos Aires: Monteverde, 1995. – 426 p. – P. 389-390.
3. Beck P.J. The Falkland Islands Dispute as an International Problem. – London: Routhledge, 1988. – 247 p. – P. 178-179.
4. Вопрос о Фолклендских (Мальвинских) островах. A/RES/40/21. 27 ноября 1985 г. // Организация Объединённых Наций. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/40/21> (дата обращения: 30.01.2021).

УДК 94(4) +75.041.5

СКУЛЬПТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ БУРГУНДСКОГО ГЕРЦОГА ФИЛИППА ХРАБРОГО ИЗ ДИНАСТИИ ВАЛУА

Вербовский А.В., Бредихин А.В., д-р ист. наук, проф.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
verbovskiyy@ro.ru

Введение. Бургундия перешла под власть Валуа после смерти в 1361 г. Филиппа де Рувра, последнего Капетинга, носившего корону этого герцогства. В январе 1363 г. император Карл IV секретным актом предоставил инвеституру на графство Бургундия юному герою Пуатье – Филиппу, сыну короля Франции Иоанна II Доброго. Летом того же года Филипп (прозванный позднее Храбрым) приехал в Дижон в качестве королевского наместника; через три месяца отец сделал его герцогом Бургундским [1]. Ставший после смерти Иоанна Доброго королем Карл V, добился 19 июня 1369 г. брака своего младшего брата Филиппа Храброго и Маргариты Мальской, чем помог созданию государственного образования, ставшего проблемой французской монархии на последующее столетие [2].

Основная часть. Как и его братья: французский король Карл V, герцоги Людовик Анжуйский и Жан Беррийский, Филипп Храбрый был покровителем искусств и меценатом. Двор Бургундского герцога по пышности и роскоши превосходил королевские дворы Европы [3]. В Дижоне при Филиппе Храбром работали Клаус Слютер из голландского Харлема и Клаус де Верве, Анри Бельшоз из Брабанта, Жан де Боме из Артуа, Жан Малуэль из Гелдерна [4]. С 1384 г. в качестве художника и камергера на службе у Филиппа Храброго находился мастер из Ипра – Мельхиор Брудерлам [5]. Ему было поручена роспись алтаря в церкви

дижонского монастыря. Клауса Слютера бургундский герцог пригласил в Дижон в 1385 г., где тот возглавил работы по оформлению часовни картезианского монастыря после смерти Жана де Марвиля [6].

Около 1387–1394 гг. был создан портал церкви в Шамполе. Портал, представленный в виде некоего сценического действия, по пластической выразительности не имел себе равных в истории средневековой скульптуры [7]. Настолько реалистичное изображение живых людей впервые появляется на портале сакрального строения. До этого можно было увидеть скульптуры местных святых (например, покровителей Парижа или Амьена), но только потому, что они были канонизированы и вошли в историю католической церкви. Но индивидуализированные изображения мирян (герцога и его супруги) в том же объемном плане, где расположена фигура Богоматери, воплотили жажду самоутверждения Филиппа Храброго в принципиально новой форме [8].

Достоинство этого шедевра бургундской пластики отмечали: Эрвин Панофский и Эрнст Гомбрих, М. В. Алпатов и Н. Б. Петрусевиچ. Невиданное доселе сходство с натурой в работах Клауса Слютера отмечает Эрнст Гомбрих [9]. По мнению Н. Б. Петрусевиچ, насыщенный драматизм образов, разнообразие характеров, мощь объемов, созданных Слютером, резко контрастировали с изящной манерностью позднеготической скульптуры [10]. Фигура коленопреклоненного бургундского герцога, по утверждению М. В. Алпатова, пугает своей жизненностью, почти как испанские статуи, созданные тремя столетиями позднее [11].

Не менее впечатляющим портретным изображением Филиппа Храброго является его надгробный памятник. Модель этого изваяния была создана Клаусом Слютером, большую часть работ, несомненно, выполнил Клаус де Верве. Фигура Филиппа Храброго покоится на саркофаге черного мрамора. Изваяние герцога, выполненное из белого мрамора, находится в окружении фигур плачущих монахов и мирян. Выполненное с величайшим мастерством, лицо герцога трактовано индивидуально и обладает теми же узнаваемыми чертами, что и фигура на портале церкви [12].

Заключение. Можно с уверенностью говорить, что в конце XIV в. в технике круглой скульптуры мастера, работавшие при бургундском дворе, превосходят достижения итальянских ваятелей. Скульпторы Клаус Слютер, Клаус де Верве (как и работавшие при французском королевском дворе Андре Боневе и Иоанн Лютихский) добились впечатляющей реалистичности в передаче внешности модели [13]. Слютеровская пластика и в дальнейшем, вплоть до XVI в. будет являться основой для бургундской скульптуры [10]. До того, как вся Западная Европа приняла флорентийские схемы, как превосходящие средневековую традицию, культура Бургундии в большей степени определяла судьбу пластических искусств, нежели культура Тосканы или Романьи [14].

Список литературы

1. Фавье Ж. Столетняя война / Жан Фавье. – СПб.: Евразия, 2009. – 656 с.
2. Майзлиш А. А. Как королю Англии стать сюзереном Фландрии? (дипломатическая борьба за графство во второй половине XIV века) // Известия Саратовского университета. 2012. – Т. 12. Сер. История. Международные отношения, вып. 2. – С. 10-14.
3. Вербовский А. В. Портретный жанр в средневековой Франции: устоявшийся стереотип и исторические реалии / А. В. Вербовский // Вестник ДонНУ. Сер. Б: Гуманитарные науки. – 2021. – № 2. – С. 5-15.
4. Фаулер К. Эпоха Плантагенетов и Валуа. Борьба за власть (1328–1498) / Кеннет Фаулер. – СПб.: Издательская группа «Евразия», 2002. – 352 с.
5. Лайта Э. Ранняя французская живопись / Эдит Лайта – Будапешт: Корвина, 1981. – 130 с.
6. Erlande-Brandenburg Alain. Jean de Thoiry, sculpteur de Charles V. In: Journal des savants, 1972, n° pp. 210-227. https://www.persee.fr/doc/jds_0021-8103_1972_num_3_1_1269.
7. Панофский Э. Готическая архитектура и схоластика // Богословие в культуре средневековья. – К.: Христианское братство «Путь к истине», 1992. – 384 с.
8. Geese Uwe. “Skulptur der Gotik in Frankreich, Italien, Deutschland und England.” // GOTIK Architektur Skulptur Malerei, h.f. ullmann ist ein Imprint der Tandem Verlag GmbH, 2007. – S.319.
9. Гомбрих Э. История искусства / Э. Гомбрих. – М.: Издательство АСТ, 1998. – 510 с.
10. Петрусович Н. Б. Искусство Франции XV–XVI веков. – Л.: Искусство, 1973. – 223 с.
11. Алпатов М. В. Всеобщая история искусств. В 3 т. Т. 2. Искусство эпохи Возрождения и Нового времени. – Москва-Ленинград: Искусство, 1949. – 409 с.
12. Верман К. История искусства всех времен и народов. Т. 2. Европейское искусство средних веков. – СПб.: Просвещение, 1896. – 928 с.
13. Вербовский А. В., Санжаров В. А. Портретный жанр в рисунке, живописи и пластическом искусстве Западной Европы развитого средневековья / А. В. Вербовский, В. А. Санжаров // Журнал исторических, политологических и международных исследований, 2018. – № 3 (66). – С. 65-74.
14. Франкастель Пьер. Фигура и место. Визуальный порядок в эпоху кватроченто / Пьер Франкастель. – СПб.: Наука, 2005. – 338 с.

УДК 94(567) «1980–1988»

ИСТОЩЕНИЕ ЭКОНОМИКИ ИРАКА В ХОДЕ ВОЙНЫ С ИРАНОМ В 1980–1988 ГОДАХ

Гречихин К.А., Разумный В.В., канд. ист. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kirkll09593@gmail.com

Введение. Война с соседним Ираном стала серьезным испытанием для экономики Ирака. Один из самых кровопролитных конфликтов второй половины XX века на долгое время затормозил развитие экономики Ирака, которое бурно развивалось в 1970-е годы.

Эдвард Мортимер отмечает, что с развитием иранской революции Ирак стал вторым экспортером нефти в мире. Рост экспорта нефти

омолодил экономику страны, почти все экономические показатели выросли до беспрецедентного уровня. С 1970 по 1980 год экономика Ирака выросла на 11,7 % [1].

Однако важно отметить, что с середины 1970-х годов в стране высокими темпами увеличивалась доля военных расходов, что в 1980-е годы сыграет свою роль в работе внутриэкономических процессов.

Нам важно проследить действия правительства Ирака в экономической сфере, в условиях войны на истощение, и зафиксировать основной ущерб, нанесенный стране по итогам войны. А также мы должны оценить изменения в экономической сфере Ирака на конец войны.

Основная часть. Еще в 1970-е годы Саддам Хусейн пытался решить вопрос диверсификации доходов в стране. В результате экономического сотрудничества с СССР и Францией, было осуществлено и разрабатывалось множество проектов. Однако на начало конфликта основные доходы по-прежнему приносила нефтедобыча.

Ирак успешно начал войну, заручившись поддержкой большинства стран Запада и региона. Однако уже в 1981 году погибла надежда на ядерный проект «Озирак» близ Багдада, который был уничтожен авиацией Израиля в ходе операции «Опера» 7 июня [2].

К началу войны серьезной проблемой стали и рост инфляции (в 1976–1980 гг. уровень ее достигал 18-20 % в год) и «перегрев» экономики, то есть развитие ее чрезмерно высокими темпами [3].

Ирано-иракская война 1980–1988 гг. проходила для Багдада почти на 2 фронта. Сирия объявила себя союзником Ирана, перекрыла ключевой нефтепровод к Средиземному морю, закрыла транспортные артерии и отвлекала иракские войска.

Фронт войны был достаточно широким. Огромные усилия тратились на поддержание стабильности в Иракском Курдистане, где ряд племен стал на сторону Ирана

Мероприятия, предпринятые Саддамом, были весьма актуальными особенно в начальный период войны. Поднимался жизненный уровень офицерского корпуса, военные имели солидные льготы при покупке машины или дома. Семьи погибших получали бесплатную машину, бесплатный участок земли и беспроцентную ссуду для постройки дома [4]. К концу же войны, руководство партии баас всячески пыталось сэкономить, сократив расходы на подобное мероприятия.

Режиму Хусейна шла экономическая поддержка с Запада. Так, в 1983 г. Багдад получил кредит в размере 300 млн. долл. от Министерства сельского хозяйства США. В 1984 г. предоставлены кредиты на сумму в 345 млн. долл., а в 1985 – на сумму в 675 млн. Было сотрудничество в военной сфере. Большие партии оружия регулярно направлялись в Иорданию, Египет и Кувейт, откуда их переправляли в Ирак. Багдад получал от США товары «двойного назначения». В 1982 г. Багдад купил

60 вертолетов «Hughes», из которых 30 единиц использовались для тренировок [5].

Быстрыми темпами развивалась национальная военная промышленность. К концу войны с Ираном она полностью обеспечивала армию легким стрелковым оружием, многими типами боеприпасов, в т. ч. авиабомбами. Был налажен выпуск баллистических ракет «Аль-Аббас» и «Аль-Хусейн», РСЗО, 155-мм САУ «Майнун» с дальностью стрельбы 36 км и 203-мм САУ «Фао» (57,3 км), танков «Абабиль» (модернизированный Т-72) [2, с. 367].

Ираку удалось выдержать наступательную мощь Ирана в 1983 году. С 1984 года начинается очередная активная фаза войны – танкерная война. На проведение боевых действий в Персидском заливе уходило также множество средств.

С 1984 года началась «война городов», в ходе которой противостоящая авиация обстреливала населенные пункты с обеих сторон. Это было очередная статья расходов для правительства Ирака на восстановление инфраструктуры.

В 1986 году Ирак не смог достигнуть позиционных успехов на фронте, однако получилось нанести значительный ущерб нефтяной отрасли Ирана, а также сумел нарастить добычу и экспорт собственной нефти на 15 и 30 процентов соответственно. Однако дальнейшее увеличение добычи нефти Кувейтом и ОАЭ в конце десятилетия, ударят по экономике Ирака значительным образом.

Еще до окончания войны, в начале 1988 г. в Ираке была принята программа строительства ряда промышленных предприятий, для создания новых отраслей индустрии и увеличение существующих мощностей. Было намечено сооружение второго металлургического завода в Эн-Насирие мощностью в 1-2 млн. т продукции в год. Было также решено увеличить мощности первенца черной металлургии – завода в Хор-эз-Зубайре, пущенного в эксплуатацию в 1978 г. и законсервированного в начале 80-х годов. Предполагалось в дополнение к имеющимся мощностям по выпуску 400 тыс. т стали построить цеха для производства 400–500 тыс. т губчатого железа в год. В Эль-Мусайибе, недалеко от Багдада, было начато сооружение второго нефтехимического комплекса стоимостью 2,5–3 млрд. долл [3].

В городе Таджи итальянская фирма строила завод специальных сталей, ввод которого в эксплуатацию был намечен на 1990 г. Этот завод должен был стать крупнейшим на Ближнем Востоке предприятием по выпуску нержавеющей, машиностроительной и инструментальной стали в объеме 300 тыс. т в год, что позволило бы ускорить темпы развития машиностроения в стране [3].

Заключение. Подведем итоги касательно экономических показателей, а также количество потерь Ирак после войны с Ираном.

По данным Пьера Разу иракские потери составили около 250 тыс. убитых, 350–400 тыс. раненых, 70 тыс. чел. оказались в иранском плену. Война стоила Багдаду примерно 193 млрд. долл., в т.ч. на закупки оружия было израсходовано 30–35 млрд. долл., из них в СССР – 9 млрд., во Франции – 6,5 млрд., в ФРГ – 3 млрд., в Италии – 2,6 млрд. долларов. 9 млрд. – социальные расходы, 3 млрд. – строительство новых трубопроводов [6, с. 573]. Потери от недополученного нефтяного экспорта составили 40–41 млрд. долл. Долги Ирака после войны превысили 80 млрд. долл. (не считая саудовских нефтяных займов с 1985 г.), в т.ч. арабским кредиторам – 35 млрд. долл. (из них 14 млрд. долл. – Кувейту) [2, с. 221–222].

В тоже время к 1988 году, в Ираке была четвертая по величине армия в мире. По словам Майкла Найтса, иракская армия выставила 1 млн. человек и 850 000 резервистов; там было 53 Дивизии, 20 бригад спецназа и несколько региональных ополченцев [7, с. 20].

Важным стал факт заморозки многих престижных объектов и проектов. Упала добыча нефти и доходы от нее. Подверглись разрушению нефтеперерабатывающие заводы в Басре и нефтяные причалы. Произошел сдвиг в промышленном производстве от потребительских товаров к военным. Социальные программы предыдущего десятилетия, ухудшались и останавливались, а средний уровень жизни снижался.

В Ираке образовалась большая проблема внешнего долга странам Запада. Процесс восстановления экономики требовал участия в нем западных фирм и компаний. Эти фирмы и компании, в то же время, зачастую не могли получить у своих правительств и подчиненных им государственных кредитно-страховых учреждений необходимых гарантий из-за задолженности Ирака этим странам. Кроме государств Запада Ирак делал небезуспешные попытки получения займов и кредитов у международных организаций, в социалистических и развивающихся странах.

Список литературы

1. Mortimer E. The Thief of Baghdad // [Электронный ресурс] NY Review of Books, 1990. Citant Fuad Matar, Saddam Hussein: A Biography 1990. – Режим доступа: <https://www.nybooks.com/articles/1990/09/27/the-thief-of-baghdad/>
2. Юрченко В. П. Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века). Ин-т Ближнего Востока. – М., 2007.
3. Шахбазян Г. С. Экономические и социальные последствия для Ирака вооруженного конфликта с Ираном (1980–1988 гг.) // [Электронный ресурс] Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (Новейшая история, экономика и политика). – М. 1997. Режим доступа: <http://www.middleeast.org.ua/research/irak3.htm>
4. Majid Khadduri. The Gulf War: The Origin and Implications of the Iraq–Iran Conflict // [Электронный ресурс] NY: Oxford University Press, 1988. – p.236. – режим доступа: [Majid_Khadduri_The_Gulf_War_The_Origin_and_Implications_of_the_Iraq-Iran_Conflict_New_York_Oxford_Universit](#)
5. Белоусова К. А. Ирано-иракская война (1980–1988) и политика США в Ираке // Вестник Рязанского ГУ им. С. А. Есенина. – 2005. [Электронный ресурс] – режим

доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/irano-irakskaya-voyna-1980-1988-i-politika-ssha-v-irake>

6. Razoux P. The Iran-Iraq War. – Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2015. – 688 с.
7. Knights M. Cradle of Conflict: Iraq and the Birth of Modern U.S. Military Power. [Электронный ресурс] United States Naval Institute, 2005. – Р. 473. – режим доступа: <https://archive.org/details/cradleofconflict00knig/page/20/mode/2up>

УДК 94:237 (410.1)+(7/8)“XX в.“

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В НАЧ. 1980-х гг.

Дьяченко Г.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
g.dyachenko@donnu.ru

Введение. В 1979 г. к власти в Великобритании пришла консервативная партия во главе с М. Тэтчер. Первоочередным заданием для кабинета М. Тэтчер стало укрепление взаимоотношений с США, несмотря на то, что министр иностранных дел Великобритании лорд П. Каррингтон выступал за углубление процесса интеграции западных государств в рамках ЕЭС и считал, что именно ЕЭС станет ценным партнером для США [1].

Основная часть. Великобритания и США продолжали сотрудничество в военной и ядерной сферах, включавшее разработку новых видов вооружения, взаимные поставки военной техники и снаряжения, согласование действий в стратегически важных регионах мира (Персидский залив, территория «на восток от Суэца», зона Индийского океана), использование военных баз для дислокации своих вооруженных сил. В конце декабря 1979 г. в Вашингтоне состоялась встреча президента Дж. Картера и М. Тэтчер, на которой британский премьер-министр подтвердила поддержку плана НАТО по размещению американских баллистических ракет средней дальности «Першинг II» и крылатых ракет BGM-109G «Томагавк» наземного мобильного базирования в Западной Европе [2]. В июле 1980 г. Картер и Тэтчер заключили соглашение, согласно которому США обязались поставлять новые ракеты «Трайидент I» для атомных подводных лодок Великобритании [3].

Ввод советских войск в Афганистан в 1979 году заставил страны Запада предпринять решительный ответ. Оборонный бюджет США резко возрос, а в январе 1980 года во время ежегодного послания «О положении страны» на заседании конгресса была провозглашена Доктрина Картера. Положение в Афганистане резко обострило отношения между Востоком и Западом и способствовало укреплению англо-американских «особых» отношений.

В целом расцвету англо-американских отношений в 1980-е гг. способствовал приход к власти в США Рональда Рейгана (1981–1988 гг.). Между американским президентом и М. Тэтчер сложились тесные идейные и политические отношения, их объединяли антикоммунизм, схожие взгляды на роль ядерного оружия и двустороннего сотрудничества в военной сфере, политическая взаимовыгодность партнерства, а также личные симпатии между президентом и премьер-министром.

В полной мере «особый» характер англо-американских отношений проявился в период англо-аргентинского конфликта из-за Фолклендских островов. 2 апреля 1982 года аргентинский десант высадился на островах и после короткого боя вынудил капитулировать находившийся там небольшой гарнизон британских морских пехотинцев. После этого в Южную Атлантику немедленно отправилось крупное британское военно-морское соединение, чтобы вернуть острова. В соответствии с положениями Межамериканского договора о взаимной помощи от 1947 г. США были связаны союзническими обязательствами с Аргентиной. Оказавшись в сложной дипломатической ситуации, США выступили посредниками в конфликте между Лондоном и Буэнос-Айресом. После начала полномасштабной войны Соединенные Штаты встали на сторону Великобритании. По словам Рейгана, «особые отношения» не позволяли Вашингтону придерживаться нейтралитета в Фолклендской войне. «Мы были верными союзниками Великобритании и поддерживали ее право защищать свою колонию», – писал Рейган в своей автобиографии [4]. Вашингтон предоставлял разведывательную информацию о ситуации в Южной Атлантике, а также дал разрешение британцам на использование своей военной базы на о. Вознесения; британский флот получал американское топливо, вооружение и боеприпасы [5]. Победа в войне значительно укрепила авторитет М. Тэтчер и позиции консервативной партии в стране.

Заключение. В 1983 г. США совершили интервенцию на Гренаду из-за военного переворота во главе с Х. Остином, который соседние островные государства рассматривали как угрозу собственной безопасности. Вмешательство США во внутренние дела Гренады с целью отстранения от власти левых сил было прямым нарушением норм международного права. Высадка американских войск не могла быть осуществлена без согласия британской королевы, которая была главой Гренады, и генерал-губернатора страны, но боясь утечки информации, Вашингтон даже не сообщил о своих планах Лондону. США нарушили основную составляющую «особых» отношений с Великобританией – постоянные межправительственные консультации по вопросам международных отношений, что не могло не обидеть британцев. События 1983 года заставили Великобританию пересмотреть свои взгляды на несомненную лояльность к США.

Список литературы

1. Политический портрет П. Каррингтона: Науч.-аналит. обзор. АН СССР. – М., 1988. – С. 14-15.

2. Дипломатический словарь: В 3 т. – М., 1984. – Т. 1. – С. 28.
3. Трухановский В. Г. Английское ядерное оружие. Истор.-полит. аспект. – М., 1985. – С. 182.
4. Reagan R. An American Life. The Autobiography. – N. Y., 1990. – P. 357-358.
5. Лебедев А. Очерки Британской внешней политики (60–80-е годы). – М., 1988. – С. 112.

УДК 327.56

К ВОПРОСУ О БРИТАНО-СОВЕТСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ПЕРИОД 80-х гг. XX ВЕКА

Журба В.В.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
vitalyvladimirovich1991@gmail.com

Введение. Рассмотрение британо-советского сотрудничества занимает ключевое место в истории международных отношений. Исследование данного вопроса является важным, по той причине, что имеется возможность проследить развитие международных отношений СССР и Великобритании, которое происходило в период коренных изменений. Для Туманного Альбиона это было время формирования и укрепления новой идеологии консервативной партии, социально-экономических и политических преобразований. В рамках международных отношений данный период вернул былое величие Великобритании, а именно из-за победы в войне на Фолклендских островах и усиления Великобритании в новом статусе – в качестве посредника между Европой и США, между СССР и США.

Основная цель – проанализировать особенности британо-советского сотрудничества в период 80-х гг. XX века.

Основная часть. Первые шаги в политике нового премьер-министра Тэтчер вызвали ухудшение отношений между Великобританией и СССР. Предпосылки были связанные с военной политикой СССР: размещение на европейской территории СССР ракет СС-20, введение советских войск в Афганистан, угроза военной интервенции в Польшу. Апогеем данных процессов стало резкое ограничение контактов между СССР и Великобританией, которое было инициировано британской стороной. В этих действиях Великобритания строго соблюдала порядок и характер внешнеполитических отношений, который задавали США. Однако нельзя сказать, что британское руководство слепо следовало за внешнеполитическим курсом своего давнего союзника, США. К примеру, Тэтчер с большим трудом удалось присоединить Великобританию к бойкотированию Олимпийских игр, которые планировалось проводить в СССР летом 1980 года. Члены британского олимпийского комитета были категорически против присоединения к бойкотированию [2, с. 36].

В социально-экономической отрасли Британия вовсе не поддерживала идеи руководства США разорвать договоренности о строительстве газопровода из Сибири в Европу. Особая отличительная черта в подходе Тэтчер в отношении СССР, начала проявляться в первые годы правления.

После победы в 1983 году на выборах Тэтчер незамедлительно заявила о решении постепенного возобновления контактов с Советским Союзом, в том числе на высоком уровне. Был разработан механизм ускорения политических обменов между Великобританией и СССР. Данный обмен предусматривал зеркальные дипломатические визиты на министерском, парламентском и межпартийном уровнях [1, р. 297].

Достижением этих процессов стал приезд парламентской делегации СССР в Великобританию в декабре 1984 года. Первая официальная встреча М. Горбачева и М. Тэтчер стала отправной точкой преобразований в отношении двух стран, заложила основы формирования новых внешне-политических концепций Советского Союза, во многом укрепила позиции Горбачева, что в итоге привело к избранию его на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Наконец, эта встреча позволяла установить доверительные отношения и тесный диалог между лидером неоконсерваторов и советским политическим деятелем, что также сыграло немаловажную роль в изменении характера советско-британских отношений [3, с. 21].

Стоит отметить, что впервые была введена практика постоянного обмена письменными посланиями между главами СССР и Великобритании. Лидер Великобритании делилась с Горбачевым впечатлениями от саммитов большой семерки, своих встреч с руководителями ведущих западных стран и другими политическими лидерами, высказывала свое мнение по отношению решения международных проблем. Лидер СССР информировал Тэтчер о своих встречах с президентом США, регулярно телеграфировал ей о ходе экономических реформ в СССР. В свою очередь, Тэтчер придавала важное значение развитию отношений с советским руководителем. В качестве наглядного примера следует вспомнить эпизод с приездом чрезвычайного и полномочного посла СССР в Великобритании Л. М. Замятина в апреле 1986 года. И как только Тэтчер сообщили о том, что послу поручено передать ей личное послание Горбачева, она тотчас приняла его, несмотря на то, что по протоколу послу положено сначала явиться в МИД и вручить верительные документы. Этим поступком, как сообщает советский посол Замятин, Тэтчер «продемонстрировала, что она придает контактам с советским лидером особое значение и готова ради укрепления этих контактов даже на нарушение традиций – факт для британской дипломатической практики почти беспрецедентный» [3, с. 26-28].

Государства постепенно восстанавливали сотрудничество в политической сфере по всем отраслям и направлениям. М. Тэтчер из статуса противника советского режима постепенно превращалась в покровителя внутренней и внешней политики нового советского руководства. Открытая поддержка реформ, проводившихся Горбачевым, наблюдалась не только

во время посещений британским лидером Советского Союза, но и на международных встречах, на саммитах большой семерки, на конференциях ООН и т.д. [4, с. 360]. К концу 1980-х годов, когда в Советском Союзе начались процессы, позднее приведшие к распаду СССР, Тэтчер выказывала поддержку М. Горбачеву, оправдывая его политические начинания и призывая сохранять достигнутое.

Заключение. Таким образом, стоит выделить ключевые этапы британо-советского политического сотрудничества в конце 1970-х – начале 1990-х годов:

I этап (1979–1983 гг.) – отметился резким снижением контактов как результат ряда внешнеполитических действий СССР.

II этап (1983–1984 гг.) – ознаменовался поиском стратегии улучшения сотрудничества, пересмотр Великобританией политики в отношении СССР.

III этап (1985–1990 гг.) – данный этап характерен постепенным ростом британо-советских политических обменов, прослеживается существенное улучшение отношений между Туманным Альбионом и СССР. В качестве исключения, стоит выделить 1985–1987 гг. в рамках данного периода, когда перестройка в СССР стремительно набирала обороты и не встречала критичных оценок, и 1988–1990 гг. – период кризиса проводимой Горбачевым политики реформирования советского общества.

В период правления М. Тэтчер британо-советские отношения претерпели существенную позитивную эволюцию. В начале ее премьерства Британия рассматривалась советскими руководящими кругами как партнер малозначимый, в отличие от, например, Федеративной Республики Германии или Франции. Политика же Великобритании в отношении СССР рассматривались в более широком контексте отношений Запад-Восток. У лидера Великобритании не наблюдалось конкретного плана в отношении к СССР, и часто Тэтчер разделяла те или иные действия своих западных партнеров. К концу 1980-х годов диалог между Великобританией и Советским Союзом вышел на более самостоятельный уровень.

Список литературы

1. Keeble C. Britain and the Soviet Union, 1917–1989 / C. Keeble. – New York: St.Martin's press, 1990. – XIV – 387 p.
2. Замятин Л. М. Горби и Мэгги. Записки посла о двух известных политиках – Михаиле Горбачеве и Маргарет Тэтчер / Л. М. Замятин. – М.: ПИК ВИНТИ, 1995. – 182 с.
3. Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям / А. С. Черняев. – М.: Прогресс – Культура, 1993. – 524 с.
4. Яковлев А. Н. Омут памяти. От Столыпина до Путина: В 2-х книгах. Кн. 1 / А. Н. Яковлев. – М.: Вагриус, 2001. – 622 с.

ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ ГАРРИ ЭС ТРУМЭНА 1948 г.

Ищенко В.Б., Разумный В.В., канд. ист. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
ivfoch@gmail.com

Введение. Президентские выборы 1948 года вошли в историю США как выборы с непредсказуемым результатом. Вероятность победы Томаса Дьюи, согласно прогнозам, была настолько высокой, что про-республиканская газета «Chicago Daily Tribune» выпустила тираж с неправильным заголовком «Дьюи побеждает Трумэна». Но несмотря на падающий рейтинг и раскол внутри демократической партии, выборы 1948 г. оказались успешными для кандидата от демократов.

В отечественной историографии проблема как выборов 1948 г., так и президентских предвыборных кампаний не нашла детального отражения. Были изучены отдельные стороны (главным образом, внешняя политика) деятельности президента Г. Трумэна на его посту.

Целью настоящего исследования является изучение особенностей предвыборной кампании Г. Трумэна. Поставленная цель подразумевает решение следующих задач: 1) определить основные формы предвыборной агитации; 2) исследовать, на какие слои общества она была направлена; 3) исследовать данные опросов.

Источники по исследуемой проблематике целесообразно разделить на несколько групп: 1) статистические данные опросов; 2) публичные выступления и речи; 3) интервью в прессе; 4) мемуары; 5) политические карикатуры и предвыборные плакаты.

Основная часть. Предвыборная кампания Трумэна началась 6 сентября в День труда с многоэтапного тура по 18-ти наиболее важным штатам США [6]. «Стратегия президента заключалась в том, чтобы объехать всю страну и открыто обсуждать с людьми проблемы...» – вспоминал его секретарь Чарли Росс [7].

Во время поездки Трумэн посещал госпитали с ветеранами, баптистские церкви, привлекал к публичным выступлениям свою семью – жену и дочь. Его помощники проводили опросы общественного мнения в местах остановки маршрута [4, р. 3-5]. На каждой остановке оркестр исполнял «Миссурийский вальс», который, по воспоминаниям Уильяма Брэя, не только был любимой мелодией Трумэна, но и обладал необходимым темпом, пробуждающим энтузиазм [4, р. 9].

Одним из лозунгов кампании стала фраза «Задай им жару, Гарри!» (под «ними» подразумевались республиканцы.) Во время одного из публичных выступлений человек из толпы выкрикнул ее. На что Трумэн ответил: «Я не собираюсь задавать им жару, а просто буду говорить правду о них» [4, р. 17-18].

К началу предвыборной кампании внутри Демократической партии уже произошло два раскола: «левый» и «правый». Левый был связан с бывшим вице-президентом Генри Уоллесом, выступающим против анти-советской политики Трумэна [1], правый – с деятельностью губернатора Южной Каролины Стромом Термондом, сторонником сохранения сегрегационной политики [5]. Однако кандидатура Генри Уоллеса становилась менее привлекательной из-за начала «холодной войны» и антикоммунистической паники в США, а Стром Термонд выступал за жесткую сегрегацию.

В своих предвыборных речах Г. Трумэн критиковал не столько главного соперника Т. Дьюи, сколько республиканцев в целом и республиканский 80-й Конгресс как «бездействующий». [4, р. 21].

Несмотря на традиционную поддержку республиканцев со стороны фермерства, общественное настроение в фермерской среде не было полностью на стороне последних. Фермеры были недовольны налоговой политикой в отношении кооперативов, сокращением количества зернохранилищ, снижением цен на зерно. Трумэн посвятил много выступлений этому вопросу во время своей предвыборной кампании [5].

Он не обошел вниманием интересы рабочих, которые он старался отстоять, накладывая вето на закон Тафта-Хартли, значительно ограничивающий деятельность профсоюзов: «Я наложил на него вето. И я хотел бы, чтобы вы прочитали это вето. Тогда вы бы точно поняли, что я чувствую по этому поводу...» [8, р. 670].

Также он неоднократно обращался в своих речах к личности Ф. Рузвельта и к «Новому курсу»: «Когда вы избрали Франклина Рузвельта в 1932 году, вы узнали, насколько велика разница между демократами и республиканцами... Собираетесь ли вы продолжать поддерживать то правительство, что так много сделало для народа, или же отправитесь обратно по республиканской тропе?» [8, р. 653-654].

Один из голосовавших сказал в интервью: «Я голосовал за Трумэна отчасти из-за упорной борьбы, которую он вел, но я не думал, что он справится». «Когда я слушал губернатора Дьюи по радио, – говорил другой опрошиваемый, – я отчетливо услышал снисходительный тон в его голосе, и я почувствовал, что отворачиваюсь от него» [3, р. 80].

Поскольку почти вся пресса поддерживала Т. Дьюи, политические карикатуры того периода изображали Г. Трумэна потерпевшим поражение хмурым неудачником. На одной из них два кандидата стоят перед результатами опросов общественного мнения с преобладающей поддержкой Дьюи. Тот обращается к Трумэну со снисходительной улыбкой: «Какой смысл идти на выборы?» [2].

Заключение. Однако голосование, как известно, принесло победу Г. Трумэну. Известный американский социолог Эмори С. Богардус, анализируя причины этого, пришел к следующему заключению: «Выборы показали, что на общественное мнение влияют профессиональные и

экономические интересы людей, будь то крупные бизнесмены, фермеры-арендаторы, молодые женатые ветераны, скромные домохозяйки или даже представители этнических группы. Каждая из этих групп склонна голосовать за ту политическую партию, которая, по-видимому, может предложить ей больше всего...» [3, р. 81]. Также Богардус говорил о так называемом «скрытом мнении», когда избиратели по определенным причинам не могли открыто заявить о своих предпочтениях из-за доминирующего общественного мнения, что в 1980-е гг. называли «эффектом Брэдли».

Список литературы

1. Минасян Г. Е. Левые силы США против "холодной войны" (1945–1948) // Американское общество на пороге XXI века... Материалы II научной конференции. 1995 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.amstud.msu.ru/full_text/texts/conf1995/minasyan14.htm.
2. Berryman, Clifford K. What's the Use of Going Through with the Election?. National Archives and Records Administration. October 19, 1948. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://artsandculture.google.com/asset/“what’s-the-use-of-going-through-with-the-election-”/cQHSLi6CySZmBw>.
3. Bogardus, E. S. Public Opinion and The Presidential Election of 1948 // Social Forces, 28(1), (1949), P. 79–83.
4. Bray, William J. Recollections of the 1948 Campaign. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/recollections-1948-campaign-william-j-bray?documentid=NA&pagenumber=9>.
5. Lemelin, B. The U.S. Presidential Election of 1948: The Causes of Truman's "Astonishing" Victory // Revue française d'études américaines 2001/1 (№87). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-francaise-d-etudes-americaaines-2001-1-page-38.htm#no2>.
6. List of Campaign Speeches, November 5, 1948. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/list-campaign-speeches?documentid=NA&pagenumber=1>.
7. Ross Charles G. "How Truman Did It." Collier's 25 Dec. 1948. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.trumanlibrary.gov/public/1948Campaign_DocumentSet.pdf.
8. Truman Harry S. 1948: containing the public messages, speeches... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=miua.4728453.1948.001&view=1up&seq=696&skin=2021>.

УДК 323.283(728.5):336(73)"198"

ФИНАНСИРОВАНИЕ КОНТРАС АДМИНИСТРАЦИЕЙ Р. РЕЙГАНА В 80-е гг. XX в.

Коваленко Р.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kovalienko-86@mail.ua

Введение. Проблемы с финансированием «контрас» у администрации Рональда Рейгана начались уже в первый срок его президентства. В 1984 году

конгресс прекратил оказание им военной помощи. Попытки Рейгана возобновить финансирование «контрас», которые вели борьбу с поддерживаемыми Советским Союзом сандинистами в Никарагуа, оканчивались неудачами до июля 1986 года. Именно в этом году конгресс одобрил выделение финансовой помощи Никарагуанским Демократическим Силам, а также взял на себя обязательство открыто их поддерживать в будущем.

Основная часть. Однако проблемы с финансированием «контрас» на этом не закончились, так как, примерно, в это же время международный суд в Гааге постановил, что США нарушают суверенитет Никарагуа, спонсируя НДС. И хотя деньги всё же были выделены, ситуация с поддержкой «контрас» для Рейгана была проблемной, к тому же две трети населения США выступали против неё.

Стоит отметить, что взгляд в конгрессе на отношения США с их южными соседями не всегда обуславливался межпартийными противоречиями. Эти противоречия, скорее носили идеологический характер. Разногласия обуславливались различными взглядами на проблемы и определение их источников с различных позиций. Консервативная позиция – это позиция жёсткого отношения к соседям, использование силовых приёмов, вплоть до вооружённой интервенции. Этот набор методов был обусловлен тем, что происходящее в регионе воспринималось, как последствия вмешательства и подрывной деятельности международного коммунизма.

С либеральной позиции происходящее рассматривалось не как искусственно созданный конфликт, а как кризис, имеющий внутренние естественные причины в виде нищеты, нарушения прав человека, коррупции и т.д. А поэтому, поддержка в регионе авторитарных режимов и экстремистов, как факторов негативно влияющих на социальную и гуманитарную обстановку в регионе, несёт негативные последствия для США в виде беженцев, бандитизма и неконтролируемого оборота оружия [2, с. 7-10].

Несмотря на запреты конгресса администрация Рейгана изыскивала способы обеспечить «контрас» оружием, что привело впоследствии к скандалу «Иран-контрас». Невзирая на свою незаконную деятельность, все участники операции занимали позицию людей с чистой совестью и были помилованы Джорджем Бушем старшим в 1992 году. При этом Дж. Буш, будучи вице-президентом США во время президентства Рейгана не мог быть не осведомлён о действиях этих людей [2, с. 17].

В свете этих событий интересна статистика перехвата в Гондурасе наркотрафиков из Колумбии в США. В 1986 году было перехвачено 11 тонн кокаина, и в этом же году было уволено наибольшее количество сотрудников сил безопасности Гондураса «за плохое поведение» [4, с. 91].

Также интересно, что в 1989 году в Гондурасе были застрелены два силовика, активно сотрудничающие с США: бывший главнокомандующий вооружёнными силами Гондураса генерал Густаво Альварес и один из командиров никарагуанских «контрас» Адан Ругама. В этом же году от пуль неизвестных погиб адвокат одного из крупных наркоторговцев

Медельинского наркокортежа Рамона Матте – Карлос Лоренсана [4, с. 89]. Самого же Рамона Матте, который контролировал транзит наркотиков через Гондурас [5, с. 87], арестовали ещё в 1988 году и посадили на пожизненный срок в одну из тюрем США.

Заключение. Учитывая все вышеперечисленные факты, использование американскими военными денег от продажи наркотиков для помощи никарагуанским «контрас», их активное сотрудничество с крупными наркоторговцами США [6, 7] и с военными Гондураса, замешанными в наркобизнесе [4, с. 92], можно говорить о целенаправленном использовании американцами наркотрафика через Гондурас для обеспечения поддержки никарагуанских «контрас».

Список литературы

1. Матлина А. А. Разногласия в правящих кругах США по вопросам латиноамериканской политики / А. А. Матлина. // Латинская Америка.. – 1987, №1. – С. 5-21.
2. NSC, National Security Planning Group Minutes, "Subject: Central America," June 25, 1984 [Электронный ресурс]. – URL: (<https://nsarchive.gwu.edu/document/22302-01-nsc-national-security-planning-group-minutes>)
3. Кузьмищев А. В. Гондурас на рубеже десятилетий / А. В. Кузьмищев // Латинская Америка. – 1990, №4. – С. 88-95.
4. Кравченко А. А. Наркобизнес: проблема без решения / А. А. Кравченко, В. А. Чистов // Латинская Америка. – 1988, №8. – С. 78-90.
5. Oliver North notebook entries, July 12, 1985 [Электронный ресурс]. – URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/16590-document-02-oliver-north-notebook-entries-july>
6. Memorandum from "TC" (Robert Owen) to "BG" (Oliver North), "Update," February 10, 1986 [Электронный ресурс]. – URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/16592-document-04-memorandum-tc-robert-owen-bg>

УДК 94 [(970+571):(55):(560)] "1915"

РЕЙД КОННОГО ОТРЯДА ГЕНЕРАЛА ШАРПАНТЬЕ В УРМИЙСКУЮ ОБЛАСТЬ ВЕСНОЙ 1915 ГОДА: ЦЕЛИ И ИТОГИ

Корниловский А.С.

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, ЛНР
akornils@yandex.ru

Введение. История образования Персидского фронта и действий на нём русской армии во время Первой мировой войны остаётся одной из малоизученных проблем современной исторической науки. Во многом это обусловлено тем, что данный фронт на протяжении всей войны имел второстепенное значение для высшего военно-политического руководства двух противоборствующих блоков. С точки зрения задействованных сил и

средств, по характеру ожесточённости боёв он существенно уступал другим театрам военных действий, как на европейском, так и азиатском направлениях.

Основная часть. Между тем русские воинские части, которым с самого начала этого вооружённого конфликта пришлось сражаться в Персии (Иране с 1935 г.) в крайне неблагоприятных для них условиях, несли здесь основную нагрузку в противостоянии с турецкими войсками, не потерпев при этом ни одного серьёзного поражения. Это обстоятельство вызывает естественное стремление историков к детальному исследованию всех тех событий, которые происходили на территории Ирана в годы Первой мировой войны. Настоящая проблема приобретает особую актуальность в свете острых дискуссий, развернувшихся в последнее время в научном сообществе относительно вклада России в общую проблему держав Антанты над государствами Четвертного союза. Настоящая работа, посвящённая успешной операции российской армии в Урмийской области весной 1915 г., имеет своей целью заполнить некоторые имеющиеся пробелы.

С началом боёв на Ближнем Востоке, в конце октября 1914 г., территория Ирана, несмотря на объявленный иранским правительством нейтральный статус, превратилась в арену яростного противостояния двух противоборствующих военно-политических блоков. Наибольшую агрессивность в этой стране проявляли Германия и Турция. В Берлине и Стамбуле намеревались использовать Иран в качестве плацдарма для вторжения в Закавказье, в зону Бакинского нефтяного района, Каспийского моря и в Среднюю Азию [1, с. 74].

Исходя из этих соображений, немцы и турки развернули во всём Иране и в особенности в его северо-западных провинциях, непосредственно примыкавших к русской кавказской границе, активную антироссийскую пропаганду. Германо-турецкой агентуре удалось заручиться поддержкой части иранской правящей элиты, провинциальных чиновников, буржуазно-помещичьих кругов и вождей многих кочевых племён (курдов, луров, кашкайцев, бахтиар). Всё это в конечном итоге привело к тому, что Германия и Турция сумели открыть в Иране фронт против России.

В середине ноября 1914 турецкие войска, усиленные за счёт курдских конных формирований, вступили в пределы Северо-Западного Ирана и стали довольно быстро продвигаться вглубь этой области. К началу января 1915 г. турецким воинским частям при содействии курдов удалось потеснить расквартированные на западе Персии соединения русского Азербайджанского отряда и захватить ряд крупных иранских городов: Соуджбулак, Урмию, Дильман и Тавриз [2, с. 227-228]. Возникла угроза прямого турецкого вторжения в Закавказье и потери Бакинского нефтяного района. Однако на этом военные успехи германо-турецкой коалиции завершились.

В конце января 1915 г. командующий Азербайджанским отрядом генерал-лейтенант Ф. Г. Чернозубов получил приказ «вернуть потерянные

территории». перейдя в контрнаступление, русским войскам удалось нанести туркам и курдам несколько чувствительных поражений и к марту 1915 г. оттеснить их на линию, проходившую южнее Соуджбулака и Урмийского озера [2, с. 228]. Тем не менее, обстановка в Персии по-прежнему продолжала оставаться крайне тяжёлой для России.

Придя в себя после поражений, турецкое командование готовилось к проведению летом 1915 г. новых наступлений. В целях отвлечения внимания русских от центрального малоазийского участка фронта, где турецкие генералы планировали нанести основной удар, турки активизировали свои действия на левом фланге Кавказской армии – в Северо-Западном Иране.

В середине марта 1915 г. к иранской границе был направлен сводный корпус под командованием Халил-бея. Перед ним была поставлена задача, прорваться через персидскую территорию к Елисаветполю и Баку [3, с. 146]. В начале апреля сводный турецкий корпус был переброшен в Западную Персию в район Урмийского озера. Потеснив подразделения Азербайджанского отряда, турки вновь овладели Урмией, Дильманом и Соуджбулаком [3, с. 146].

Появление значительных сил турецких регулярных войск в Урмийском округе привело к дальнейшему падению престижа России среди местного населения и в первую очередь среди курдов. Как отмечал российский военный историк генерал Е. В. Масловский иранские курды в решительных действиях турок «увидели ослабление былой мощи России» [3, с. 147]. Они стали массово переходить на сторону Турции, совершая нападения на склады, обозы и дороги. Османское правительство, предупреждал российский вице-консул в Казвине Н. З. Бравин, намеревалось «руками курдов захватить весь район Хамадана – Керманшаха» [4, л. 89].

Неблагоприятная военно-политическая обстановка на северо-западе Персии вынуждало российское командование предпринять срочные ответные действия. Для обеспечения безопасности позиций Азербайджанского отряда, командующим Кавказской армией генералом от инфантерии Н. Н. Юденичем был отдан приказ о проведении демонстративного конного рейда вокруг Урмийского озера. Кроме военной эта операция преследовала также важную политическую цель: убедить иранских курдов в силе России и заставить их в дальнейшем отказаться от враждебных выступлений против Российских войск [2, с. 239].

Для проведения этого рейда была образована особая конная группа в составе 36 кавалерийских эскадрона и казачьих сотен, при 22 орудиях и 8 пулемётах. Общее руководство операцией было поручено генерал-лейтенанту Н. Р. Шарпантье. Его группа должна была вступить в Западную Персию и начать движение в направлении городов Тавриз, Соуджбулак, по южному берегу Урмийского озера к городу Урмия. Боевая задача группы заключалась в том, чтобы «своим движением произвести впечатление на население» и в случае обнаружения неприятеля уничтожить его [2, с. 240].

В конце апреля 1915 г. войска Н. Р. Шарпантье эшелонами были переброшены в Западный Иран. Сосредоточившись в районе Тавриза, они 10 мая 1915 г. начали рейд. 13 мая российские кавалерийские части недалеко от Соуджбулака встретились с неприятелем – 10 рот турецкой пехоты и несколько сотен конных курдов. После непродолжительного боя противник был разбит и обращён в бегство. 15 мая 1915 г. конный отряд Шарпантье вступил в Соуджбулак [3, с. 155]. В Соуджбулаке отряд оставался до 17 мая, после чего выступил к селению Ушнуэ, в котором находился турецкий жандармский батальон и курды. На этот раз турки и курды оказали более упорное сопротивление, но были быстро разбиты и отступили в направлении Мосула. Развивая успех, русский отряд повернул на юг и следуя вдоль берега Урмийского озера 30 мая 1915 г. достиг города Урмии [3, с. 155]. На этом задача по вытеснению турецких войск из Урмийского округа была завершена. Сводный корпус Халил-бея отошёл на турецкую территорию.

Фактически рейд конного отряда Н. Р. Шарпантье вокруг Урмийского озера представлял собой наглядный пример классической спецоперации по очищению важной в стратегическом отношении области от регулярных армейских подразделений неприятеля и многочисленных вооружённых формирований, подготовленных к ведению партизанской войны. В ходе этой операции русским удалось взять под контроль самые важные и густозаселённые центры Северо-Западного Ирана, в которых туркам удавалось формировать большинство курдских отрядов.

Заключение. Рейд произвёл сильное впечатление на иранских курдов, которые прекратили свои враждебные акции и нападения в тылу российских войск. Русский консул в Урмии В. П. Никитин в своих записках, упоминая о движении конной группы вокруг Урмийского озера отмечал, что появление образцовых кавалерийских частей имело громадное военно-политическое значение в глазах населения всего Персидского Азербайджана (Северо-Западного Ирана – *А.К.*). «В мае месяце, – констатировал он, – мы, следовательно, могли считать себя и действительно были хозяевами положения в Азербайджане...» [3, с. 156]. Вследствие этого российскому командованию удалось стабилизировать ситуацию в зоне ответственности Азербайджанского отряда, сорвав тем самым планы германо-турецкой агентуры по прорыву и захвату закавказских губерний России.

Список литературы

1. Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Военно-политический очерк. – М.: Изд-во МГУ, 1961. – 386 с.
2. Корсун Н. Г. Кавказский фронт Первой мировой войны. – М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. – 685, [3] с.
3. Масловский Е. В. Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917. – М.: Вече, 2015. – 544 с.
4. Архив внешней политики Российской империи. Ф. № 133 «Канцелярия Министерства иностранных дел». Оп. 470. Д. 107.

АМЕРИКАНСКАЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ И АФГАНСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

Крыжановская И.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

i.kryzhanovskaya@donnu.ru

Введение. События 11 сентября 2001 г. многое изменили в мировой политике. Они стали тем предлогом, которым воспользовались США и их союзники для практического закрепления новой геополитической ситуации в тех регионах мира, которые американцы считали зонами «жизненно важных интересов» своей страны. На протяжении двадцати лет пребывания на территории Афганистана, США пытались навязать народу этой страны совершенно чуждые им ценности, идеи и мировоззрение, при этом «увязая» в пучине вооруженного конфликта все глубже и глубже.

Цель: проанализировать роль американской исключительности на реализацию внешнеполитических целей на территории Афганистана.

Основная часть. После крушения башен-близнецов, Афганистан стал одной из ключевых целей внешнеполитического курса Вашингтона. В обращении к американскому народу президент США Дж. Буш-младший публично пообещал найти виновных, и привлечь их к ответственности. Антитеррористическая операция «Несокрушимая свобода» на территории Афганистана была начата осенью 2001 года, под предлогом борьбы с «международным терроризмом» и «защитой прав человека», американцы перешли к открытому применению вооруженных сил на территории Афганистана. Главной целью американцев на недружественной территории стало пресечение, а в дальнейшем и ликвидация движения «Талибан».

Важно понимать, что начав военные действия в Афганистане, американская администрация полагала, что в условиях однополярного миропорядка она несет особую ответственность за судьбы всего мирового сообщества. При этом американская администрация преследовала несколько целей: укрепить свою репутацию «стража мира» в глазах своих союзников, решить репутационные потери внутри самих Соединенных Штатов, а заодно решить экономические проблемы внутри государства, за счет американского ВПК.

Со времен успешной войны в Ираке (операция коалиционных сил «Буря в пустыне»), американские военные, для сохранения жизни собственных военнослужащих не проводили наземных операций. Поэтому американские и Международные Силы Содействия безопасности обрушили шквал авиационных ударов по военным базам талибов. Наиболее крупные войсковые операции пришлось на ноябрь 2001 года. Тактика коалиции возымела свои плоды: под ее контроль перешли крупные

афганские города Мазари-Шариф, Кабул, Кундуз. Со взятием города Кандагар 7 декабря 2001 года фаза военных действий в Афганистане была завершена, а террористы были отброшены в горную местность [1].

Параллельно, под непосредственным контролем американских войск шло государственное строительство «нового Афганистана». Было создано временное «переходное правительство», принята новая Конституция государства и «избран» новый лидер государства – Х. Карзай. Для поддержания безопасности в Афганистане была развернута военная миссия НАТО (согласно резолюции Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 г.). Казалось бы, одержана победа, демократия восторжествовала.

Между тем, восстановившие силы талибы, создавали небольшие боееспособные отряды стали наносить ощутимые удары по правительственным войскам и войскам коалиции во главе с США. Американские военные совместно силами коалиции провели ряд войсковых операций для уничтожения остатков, как они считали, талибов. Операции: «Анаконда» (март, 2002), «Мангуст» (январь 2003), «Медуза» (сентябрь 2006), «Горная ярость» (сентябрь 2006 – январь 2007) не принесли существенных результатов.

В период с 2003 по 2009 год противостояние коалиционных войск с талибами обернулось провалом. В девять раз выросло число террористических актов против войск НАТО [2].

Об этом свидетельствует тот факт, что число террористических актов возросло в девять раз, так же возросли теракты террористов-смертников, в результате чего войска НАТО несли крупные потери.

После вступления в должность президента США в январе 2009 г. Б. Обама объявил о необходимости пересмотра стратегии на Ближнем Востоке. В декабре 2009 г. в Вест-Пойнте он обозначил три основные задачи военной стратегии США: военное содействие афганской армии для дальнейшей передачи полномочий; помощь гражданскому населению в дальнейшей интеграции; координация и углубление сотрудничества с Пакистаном в рамках борьбы с терроризмом [3]. Процесс перехода власти к местным властям должен был завершиться к 2014 году.

13 февраля 2013 г., обращаясь к конгрессу США, Б. Обама официально объявил о выводе половины американского контингента – 34 тыс. военнослужащих – из Афганистана к началу 2014 года. 30 сентября 2014 г. США и Афганистан, а также США и НАТО решили подписать соглашение о безопасности, которые юридически обосновали присутствие контингента американских (около 10 тыс. чел.) и натовских (около 3 тыс. чел.) войск на территории республики до 2016 г. после формального вывода из Афганистана основной группировки антитеррористической коалиции в конце 2014 года. 28 декабря 2014 г. в Кабуле, в обстановке строгой секретности, возглавляемая США миссия НАТО в Афганистане была завершена [4].

Начиная с января 2015 года, в Афганистане, проводились одновременно две операции: миротворческая миссия США и НАТО «Решительная поддержка» и контртеррористическая операция США «Страж свободы».

Смена лидера в Овальном кабинете США привела к форсированию решений по афганскому вопросу. В феврале 2020 года Д.Трамп и союзники по НАТО договорились с талибами о достижении мира в Афганистане и выводе войск с его территории. А в мае 2001 новая администрация Байдена объявила о безоговорочном выводе сил США и НАТО. Процесс вывода войск проходил стремительно, оставив на территории Афганистана большую часть техники, вооружения и обмундирования. В ночь с 30 по 31 августа 2021 года последний американский военнослужащий покинул территорию Афганистана [5].

Заключение. Афганская кампания для Соединенных Штатов и войск объединенной коалиции обернулась провалом, как экономическом, так и в репутационном плане. Вложенные в военную операцию средства и усилия не оправдали себя, не удалось реализовать основные цели кампании – ликвидировать движение «Талибан». И главное – пострадал государственный престиж Соединенных Штатов, как государства-миротворца, несущего «свет непросвещенным народам», а значит, как показывает история, в ближайшее время США потребуются «новая победоносная война», под флагом исключительности.

Список литературы

1. Движение Талибан: история, современность, будущее. [Электронный ресурс]: <https://militaryarms.ru/armii-mira/dvizhenie-taliban/> (Дата обращения: 29.09.2020).
2. Саранцева А. А. Причины и предпосылки появления движения «Талибан» // Архонт. – 2020. – № 3 (18). – С. 104-110.
3. Гасайние З. Г. Военная операция США на территории Афганистана в 2001–2014 гг. и ее Последствия <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-operatsiya-ssha-na-territorii-afganistana-v-2001-2014-gg-i-ee-posledstviya> (дата обращения: 20.09.2020).
4. Кто убивал американцев 11 сентября 2001 года. [Электронный ресурс]: https://domknig.com/read_155176-2 (Дата обращения: 15.04.2020).
5. Сатцаев Э. Б. «Исламская западня»: политика США в Афганистане и Ираке [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-zapadnya-politika-ssha-a-afganistane-i-irake> (Дата обращения: 14.09.2020).
6. Асатрян Г. Э. Эволюция контртеррористической политики США в Афганистане (2001–2008 гг.). – 2015. – С. 186.

СТАНОВЛЕНИЕ ОЛИГАРХИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В США В 2010-е гг.

Крысенко Д.С., д-р ист. наук, доц.

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный аграрный университет», г. Луганск, ЛНР
gumilev.l@mail.ru

Введение. Одной из закономерностей мирового интеллектуального дискурса на рубеже XX–XXI вв. было расширение «спроса» на идею социальной справедливости в большинстве стран мира. Причиной тому были особенности развития мировой капиталистической системы, лишённой своего системного противника, а соответственно, необходимости содержать средние слои населения – как в США, так и в зависимых от них государствах. В таких условиях происходила концентрация потребления производимой мировой экономикой продукции в США при одновременном снижении в большинстве остальных стран мира. Однако социальная поляризация происходила и в самих США, в которых вопреки пропагандируемым ценностям «равных прав и возможностей», фактически формировалась олигархическая система. Итак, целью данной статьи является анализ социально-экономических особенностей и причин становления олигархической системы США в начале XXI века.

Основная часть. Эволюция либерально-демократической системы в олигархическую, в диктатуру финансового капитала, не была новым явлением. Согласно исследованию экономистов Л. Мишеля, Э. Гулд и Дж. Бивенса, особенностью Соединённых Штатов Америки является тенденция к усилению неравенства доходов и хронически медленный рост уровня жизни граждан с низким и умеренным доходом. Это явление предшествовало Великой депрессии 1930-х гг. и повторилось после 1970 г. Но в конце XX в. рост концентрации богатства и социального неравенства ускорился настолько, что доминирующий класс накопил больше средств, чем когда-либо со времён Великой депрессии. В наибольшей мере олигархизации был подвержен банковский сектор. Например, к 2013 г. капитализация холдингов JP Morgan Chase, крупнейшего банка в мире, составила около 4 трлн. долл. Эти активы были эквивалентны одной трети ВВП США, оцениваемого в 16,1 трлн. долл. Обозреватель «Financial Times» М. Вульф отметил, что, несмотря на факторы технологических инноваций, либерализации торговли, финансового дерегулирования и изменений в корпоративном управлении в США, плоды развития, несомненно, приносили пользу лишь вершине социальной пирамиды [1].

К 2015 г. 1 % населения Соединённых Штатов и Европейского союза аккумулировал 50 % богатства планеты, оцениваемого в 250 трлн. долл. По словам Дж. Друкера, обозревателя «Bloomberg Businessweek», Соединен-

ные Штаты становились новым налоговым убежищем, где иностранные олигархи могли скрывать свои состояния. Правительство США сопротивлялось принятию «новых глобальных стандартов раскрытия информации» о банковских счетах, создавая «новый горячий рынок и становясь местом, куда можно спрятать иностранное богатство», даже несмотря на то, что другие страны, такие как Швейцария, США заставляли действовать иначе [2].

На встрече в Давосе в январе 2016 г. организация Oxfam, целью которой является решение проблем бедности и связанной с ней несправедливостью в мире, опубликовала отчет, в котором говорится, что 62 самых богатых миллиардера мира (в основном из США) владеют таким же состоянием, как и беднейшая половина населения мира. Концентрация доходов особенно ускорилась после мирового финансового кризиса 2008 г., и, хотя число самых богатых олигархов-миллиардеров сократилось, к 2015 г. состояние, накопленное остальными, выросло с 500 млрд. долл. до 1,76 трлн. долл.

Накопление богатства в руках финансовой олигархии, начавшееся во второй половине XIX в., когда произошла паника 1857 г., стало более заметным в XX в. и еще больше ускорилось после 1970 г. В крупных фирмах с Уолл-стрит, особенно в банках, происходила постоянная концентрация политической власти.

Внешняя политика США после распада СССР во многом руководствовалась интересами крупных банковских, нефтяных и военных корпораций, заинтересованных в установлении мировой гегемонии. Стратегическая цель Вашингтона заключалась в создании единого мирового экономического пространства под предлогом продвижения демократии за рубежом. Широта экономического пространства находилась в прямой пропорциональной зависимости от политической мощи финансовой олигархии, базирующейся на Уолл-стрит. По этой причине президент Б. Обама направлял значительные усилия на подписание договоров о Трансатлантическом и Транстихоокеанском торговом и инвестиционном партнёрстве с Европейским союзом с одной стороны и КНР – с другой. В то же время, Пентагон снова стремился сформировать вокруг России образ главной угрозы национальной безопасности (наряду с КНР, Ираном и ИГИЛ) для сохранения контроля над НАТО (особенно ФРГ) и манипулирования бюджетными ресурсами.

В своем выступлении перед Конгрессом Дж. Терли, профессор публичного права в Университете Джорджа Вашингтона, указал на опасность концентрации власти в исполнительных органах, как это произошло, в частности, в администрациях Дж. Буша и Б. Обамы, которые развязали войны в Ираке и Ливии без законодательной санкции [3]. Исследователь подчёркивал, что хотя международная напряжённость формировала условия для извлечения постоянной прибыли предприятиями, она также влекла к «постоянным потерям для семей».

Другой исследователь, профессор М. Цвейг, директор Центра изучения жизни рабочего класса в Государственном университете Нью-Йорка [4], также отмечал, что президентские полномочия были беспрецедентно усилены, а бюджеты органов внутренней безопасности и обороны беспрецедентно увеличены. И эта новая коалиция корпораций, агентств и лоббистов превратилась в центральный элемент политической системы, как и предвидел президент Д. Эйзенхауэр в 1961 г., призывавший американское правительство к недопущению «обретения необоснованного влияния... военно-промышленным комплексом» [5]. В действительности, на рубеже XX-XXI вв. военно-промышленный комплекс удерживал в заложниках все администрации, – как республиканские, так и демократические. Военные расходы имели тенденцию постоянного роста, поддерживая оборонную промышленность и её производственные цепочки, порождая потребность в постоянной войне, а также в реальных или предполагаемых угрозах национальной безопасности Соединенных Штатов. Ни одна администрация не могла ограничить военную промышленность без серьезных политических последствий, поскольку это увеличило бы количество безработных и подорвало бы экономику нескольких штатов (Калифорния, Техас, Миссури, Флорида, Мэриленд и Вирджиния), где она концентрировалась. Это особенно касалось капиталоемких производителей оружия, которые были заинтересованы в экспериментах в реальных войнах.

В силу комплекса указанных причин, в 2013 г. США удерживали около 800 военных объектов по всему миру, 23 из которых – в Европе (большинство – в ФРГ), где размещалось командование американской армии и релейная станция. База в Рамштайне имела важное значение для использования беспилотных летательных аппаратов в операциях на Ближнем Востоке, в Африке и Юго-Восточной Азии. Также действовали 23 объекта в Японии, 15 – в Южной Корее и 7 – в Италии, в дополнение к сотням, развёрнутым в более чем 70 странах. Затраты на их содержание составляли от 85 до 100 млрд. долл., а еще от 160 до 200 млрд. долл. было потрачено в зонах боевых действий в течение 2014 финансового года.

Лоббистские организации в Вашингтоне добились непрерывного увеличения бюджетных ассигнований на министерства обороны, внутренней безопасности и юстиции, – 16 гражданских и военных агентств.

В своем выступлении в Конгрессе США Папа Франциск откровенно спросил, почему смертоносное оружие было продано тем, кто планировал «причинить невыразимые страдания отдельным людям и обществу». Он пришел к выводу, что «к сожалению, ответ, как мы все знаем, – деньги: деньги, залитые кровью, часто невинной кровью» [6].

Заключение. Подводя итог, отметим, что к началу XXI в. основные политические институты США оказались приватизированными крупнейшими олигархическими корпорациями. Данные структуры поглотили и подменили собой американское государство, и по этой причине внешняя

политика США определяется уже не Белым домом и не национальными, а кланово-олигархическими интересами.

Список литературы

1. Wolf M. Nativist populists must not win. We know that story: it ends very badly indeed // Financial Times, January 26, 2016. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/135385ca-c399-11e5-808f-8231cd71622e.html#axzz3yYqNWs9U> (дата обращения: 19.09.2021).
2. Drucker J. US has become world's favorite new tax haven // Bloomberg Businessweek URL: <http://www.royalgazette.com/article/20160128/BUSINESS/160129700>.
3. Turley J. Big money behind war: the military-industrial complex // Al Jazeera, January 11, 2014. URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2014/01/big-money-behind-war-military-industrial-complex-20141473026736533.html>.
4. Turley J. America's Longest War: New Study Examines Demographics of U.S. Casualties in Afghanistan // Democracy Now, October 10, 2011 URL: http://www.democracynow.org/2011/10/10/americas_longest_war_new_study_examines.
5. Eisenhower D. 1960–1961: containing the public messages, speeches, and statements of the president, January 1, 1960, to January 20, 1961 // Public Papers of the Presidents, Dwight D. Eisenhower, 1960–1961, pp. 1035–1040. URL: <http://quod.lib.umich.edu/p/ppotpus/4728424.1960.001/1087?rgn%4full+text;view%4image>.
6. Pope Francis's speech to US Congress. URL: <http://www.aljazeera.com/news/2015/09/full-text-pope-francis-speech-congress-150924152204132.html>.

УДК 929.523

РОДСТВО ШТАУФЕНОВ И ПОЗДНИХ ГАБСБУРГОВ КАК ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Кухтин М.М., канд. полит. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
mikhail-kukhtin@yandex.ru

Введение. Актуальность темы обусловлена наличием пробелов в генеалогии западноевропейского Средневековья, которые объясняются как неполнотой источников, так и необозримо большим объемом и недостаточной упорядоченностью доступной информации.

Цель исследования – доказать родство Габсбург-Лотарингского дома с династией Штауфенов.

Достижение данной цели предполагает решение следующих задач:

- изучить генеалогии династий Штауфенов и Габсбургов, Арагонского и Кастильского домов;
- путем их сопоставления обосновать вывод о родстве Фридриха I Барбароссы и Карла Габсбург-Лотарингского, нынешнего главы одноименного аристократического рода.

Основная часть. Как известно, династия Штауфенов пресеклась по мужской линии с казнью Конрадина в 1268 г., если не считать незаконных

потомков императора Фридриха II. При этом кровь Фридриха I Барбароссы течет и в жилах некоторых наших современников. У сицилийского короля Манфреда, внебрачного сына Фридриха II Штауфена, была дочь Констанца. В 1262 г. она вышла замуж за короля Арагона Педро III [1, с. 389]. Их праправнучка, Элеонора (Леонор) Арагонская, в 1375 г. вышла замуж за Хуана I Кастильского [1, с. 467]. Их правнучка, Изабелла I Кастильская, была (через Хуану Безумную) бабушкой императора Фердинанда I Габсбурга [1, с. 125, 453-454]. Прямым потомком последнего (через Марию Терезию) был Франц II – последний император Священной римской империи. Действующим главой Габсбург-Лотарингского дома является прямой потомок Франца II Карл Томас [1, с. 125-128].

Таким образом, потомок Барбароссы Фердинанд I получил императорскую корону через три столетия после Конрада IV, хотя в свое время конфликт папства и империи привел к почти полному истреблению Штауфенов. Пусть здесь и нет политической преемственности, однако генеалогическая связь сама по себе символична.

Эмпирическая верификация предложенных выводов вполне возможна. Останки Фридриха II Штауфена, покоящиеся в кафедральном соборе Палермо, уже подвергались исследованию на предмет возможного отравления императора. Состав его ДНК науке известен [2]. Генетическая экспертиза может окончательно решить вопрос о его родстве с Карлом Габсбург-Лотарингским. Кроме того, привлечение современных потомков Штауфенов, не связанных с Габсбургами, обеспечит независимую проверку изложенных выводов.

Заключение. «Белые пятна» в генеалогии древних и средневековых династий существуют по нескольким причинам. В одних случаях необходимая информация просто отсутствует в известных науке документах, в других – она теоретически доступна, но на практике к ней приводит только крайне трудоемкое сопоставление десятков генеалогических таблиц. Облегчить такого рода исследования может их частичная автоматизация. Каждого представителя династии можно рассматривать как вершину математического графа, способную находиться в разных отношениях с соседними вершинами (муж/жена, родители и дети данного лица). В единую базу данных вносятся все интересующие исследователя династии с указанием только родства первой степени для каждой персоналии.

Дальше решается чисто математическая задача: берутся две династии, и каждый представитель первой сопоставляется с каждым представителем второй. Если программа хотя бы единожды нашла путь через вершины и ребра графа от одного элемента пары к другому, значит, между династиями есть генеалогическая связь. Дальнейшая работа проводится традиционными методами исторической науки. Это позволит значительно сэкономить труд специалистов по генеалогии, частично автоматизировав научный поиск в узко очерченной и строго формализованной проблемной области.

Список литературы

1. Генеалогические таблицы по истории европейских государств / авт.-сост. Г. М. Шафров. – Изд. 10-е, испр. и доп. – М.-Екатеринбург-Ташкент: Уральское историко-родословное общество: Историко-родословное общество в Москве, 2018. – 1821 с.
2. Kein Gift in Friedrich II. // Sächsische Zeitung. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20171228232407/http://www.sz-online.de/nachrichten/kein-gift-in-friedrich-ii-493975.html> (дата обращения: 16.11.2020).

УДК 94(44)026+94(410)«1418/1419»+929 Генрих (410)*5+327

ДЖОН ПЕЙДЖ ОБ ОСАДЕ РУАНА В 1418 ГОДУ

Лионидас З.¹, исследователь, *Санжаров В.А.²*, канд. ист. наук

¹Канада, ²г. Горловка, ДНР
bird34@yandex.ru, valsandzh@yandex.ru

Введение. Руан был крупнейшим французским городом, который англичане осаждали за все время Столетней войны [1, гл. 14; 2]. От 20 000 до 25 000 человек проживали в 35 приходах города. Руан был обнесен высокой стеной и глубоким сухим рвом. При приближении англичан городские предместья (8 приходов) снесли. Численность гарнизона составляли 1200–1600 профессиональных воинов. У англичан был печальный опыт крупных осад в прошлом веке: Турне в 1340 г., Ренна в 1356 г., Реймса в 1359 г. и Нанта в 1381–1382 гг. Был и недавний успешный опыт использования осадной артиллерии при взятии Арфлера, Кана, Фалеза. Но для захвата Руана английский король избрал другую тактику. Событийная сторона осады подробно описана в английских хрониках [3; 4]. Мы же обратимся к необычному памятнику – поэтическому свидетельству Джона Пейджа, воина, участника осады, близкого к окружению короля [5; 6].

Основная часть. Поэт-воин сообщает подробности событий: англичане взяли Понтуаэ, переправились через Сену, Джон Холланд, герцог Экзетер первым подошел к Руану и отправил герольда с предложением сдаться, которое было отвергнуто. Автор отмечает высокомерное поведение руанцев, оскорбление послов, стрельбу в отъезжающих, погоню, при этом Экзетеру удалось захватить пленных. Пейдж свидетельствует, что Руан был хорошо укреплен и готов к обороне, он перечисляет церкви (10), снесенные у разных ворот в предместьях города, осуждая вынужденную меру как «попрание веры», «греховность деяния». Защитники срубили сады и рощи, город опоясывали широкий и глубокий ров с ловушками и вал. Англичанин профессионально отмечает запасы смолы и камней, ширину руанских стен (может проехать телега), стрелков в укрытиях, оснащенность бомбардами, пушками, баллистами, говорит о пяти городских воротах и называет французских капитанов, которые их защищали. Тараны

и пушки осаждающих представляются ему бесполезными против городских укреплений нормандской столицы.

Пейдж рассказывает о прибытии короля и его ставке на восточной стороне в уцелевшем монастыре картезианцев, перечисляет английских капитанов (более 20, в том числе младших братьев короля) и их позиции, сообщает подробности организованной по приказу короля блокады города (контроль за рекой: король приказал протянуть через Сену выше Руана железную цепь, а за ней собрать мост для переправы). Эрл Уорвик занял Домфрон и осадил Кодебек – город сдался, избежал грабежа и разрушений, – английские корабли смогли беспрепятственно подвозить припасы и подкрепления по Сене, а речная блокада дополнила сухопутную.

Поэт перечисляет французских капитанов руанского гарнизона с традиционно для средневековых авторов завышенными цифрами по численности воинов (5 000 у каждого капитана) и общего количества осажденных (300 000 с женщинами и детьми). Руанцы, по свидетельству их противника, не боялись осады, готовы были сражаться, совершали вылазки одновременно из 2-3 ворот (от 1 до 3 000 воинов) вплоть до Рождества. Руанцы стреляли со стен: Пейдж отмечает меткость лучников (редкость для стрелков-французов), точность артиллеристов. Постоянные вылазки заставили англичан отгородиться рвом и валом. В ожидании прихода герцога Бургундского с войском (слухи о приближении) англичане окружили свой лагерь еще одним наружным рвом.

Голод стал главным врагом осажденных. Поэт живописует истощение припасов (много людей): вода в достатке, зерна почти не осталось (за кусок хлеба размером с ладонь на рынке платили золотой франк; муки не было, хлеб пекли из отрубей), из мяса – только конина (за четверть клячи, «костлявой и тощей», просили сто солей), перебили всех собак, начали есть кошек, крыс (семейный ужин: крыса за 30 денье – не все могли себе позволить), мышей (по 4 денье), вздорожали порей, лук, яйца (9 денье за 1), яблоки (10 денье за «небольшое»). Когда деньги заканчивались, в пищу шли трава и корни растений, – признак близкой смерти. По всему городу лежали трупы умерших от голода.

Англичанин констатирует, жестокий голод лучший воин, он возьмет любые стены. Французы выгнали из города бедняков – стариков, женщин, детей, а англичане не пропустили их через свои позиции, они остались в городском рву. Однодневное Рождественское перемирие позволило накормить несчастных, многие умирали от холода – конец декабря (матери прижимали умерших детей к груди, малые дети прильнувшие к трупам матерей, умершие казались просто спящими).

Под Новый год руанцы запросили мира (12 представителей от дворян, духовенства и горожан – одеты в черное). Генрих принял их после мессы в доспехах и с золотой короной на шлеме. Пейдж так описывает «милосердие» своего монарха: он позволил забрать людей из рвов в город, потребовал открыть ворота и принести присягу верности, посмеялся над

верностью присяге суверену, который не пришел на их защиту. Король непреклонен: Руан по праву мой, речь может идти не об условиях сдачи, а о пощаде сдавшихся; условие проявления милосердия – принесение присяги.

Переговоры шли трудно, но в конце концов английский король согласился на просьбу руанцев послать гонца к французскому королю с изложением условий сдачи и 8 дней ждать ответа. После чего присяга, подчинение, 1000 фунтов и строительство королевского замка в городе в течение 3 с половиной лет. Городу сохранили его торговые привилегии. Защитники могли покинуть город или завербоваться в английское войско.

18 января капитан и мэр города вручили английскому королю ключи от города. Англичане въезжали в Руан под колокольный звон и крики толпы: «Святой Георгий!», английские флаги над городскими воротами. Торжественный въезд Генриха V на черном коне во всем черном (трубы и горны при въезде молчали) в сопровождении примаса Англии: 3 епископа и 7 аббатов обратились к королю с торжественной речью, процессия горожан с эмблемами цехов и гильдий. Отстоял мессу в кафедральном соборе и разместился в архиепископском дворце. Руанцы накормлены.

Заключение. Таким образом, Джон Пейдж, как и остальные английские авторы, не сомневается в законности прав и притязаний Генриха V в Нормандии. Он сообщает, что король не считал великой славой возврат Руана, который «принадлежал ему по праву». Джон Пейдж имеет свою точку зрения, он ставит событие в один ряд со взятием Иерусалима и Трои. Автор восхищается настойчивостью, мудростью и милосердием своего монарха, простившего мятежных подданных, отвагой английских капитанов и воинов. Но он отмечает мужество и стойкость руанцев, которых принудили к сдаче голод и страдания горожан. Отсутствие помощи от французского короля, по мнению Пейджа, вынудило горожан сдать город, принести присягу верности английскому королю и восторженно встречать нового «законного» суверена.

Список литературы

1. Sumption J. Cursed Kings: the Hundred Years War / Jonathan Sumption. – London: Faber & Faber, 2015. – Vol. 4. – XIII, 909 p.
2. Санжаров В. А. Судьба герцогства Нормандия (1419–1450) в историческом контексте эпохи: попытка осмысления. Рец. на книгу: Бароне В.А. «Английская Нормандия» первой половины XV в.: путь во Францию. – М.-СПб, 2018 / Валерий Анатольевич Санжаров // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. – 2019. – Вып. 5(2). – С. 157-192.
3. Wylie J., Waughn W. The reign of Henry the Fifth / James H. Wylie, William T. Waughn. – Cambridge: University Press, 1914. – Vol. I. – 589 p.
4. Калмыкова Е. В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья / Елена Викторовна Калмыкова. – М.: Квадрига, 2010. – 664 с.
5. Page J. The siege of Rouen / John Page // The historical collections of a citizen of London in the fifteenth century / ed. James Gairdner. – London, 1876. – XLIX, 279 p.
6. Drukker T.S. An Eye-Witness Account or Literary Historicism? John Page's Siege of Rouen / Tamar S. Drukker // Studies in English. – Leeds, 2005. – n.s. 36. – P. 251-273.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ БРИТАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД КАБИНЕТОВ Т. БЛЭРА И Г. БРАУНА

Милокост Л.С., канд. ист. наук, доц.
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР
lubov.milokost@mail.ru

Введение. В 1997 г. в связи с изменениями на Даунинг-стрит, 10, ввиду победы Лейбористской партии на выборах и приходом к власти «новых лейбористов» во главе с Т. Блэром, большинство аналитиков ожидали улучшения отношений Лондона и Москвы. При этом развитие британо-российского политического диалога в период 1997–2010 гг. характеризовалось рядом особенностей и определялось факторами как внутреннего, так и внешнего характера.

Основная часть. Определенным шагом, свидетельствовавшим о возможности интенсификации двусторонних отношений, стало подписание Меморандума о взаимоотношениях между внешнеполитическими ведомствами по вопросам сотрудничества и координации, Совместное заявление о сотрудничестве по подготовке российских управленческих кадров. Однако отсутствие заинтересованности в дальнейшем конструктивном двустороннем диалоге продемонстрировал визит Т. Блэра в Москву в октябре 1997 г., основным итогом которого стало заключение межправительственного соглашения о сотрудничестве в области борьбы с организованной преступностью [1]. В целом, в этот период динамика политических контактов Лондона и Москвы определялась косовской проблемой и ситуацией вокруг Ирака, проблемой укрепления европейской безопасности.

Начало нового этапа в развитии британо-российских отношений было связано с приходом к власти В. В. Путина. Выступая на совместной пресс-конференции по итогам визита Президента РФ в Великобританию 17 апреля 2000 г. Т. Блэр указывал, что «...развитие более тесных отношений с Россией отвечает основополагающим национальным интересам Великобритании...» [2]. При анализе содержания стенограммы совместной пресс-конференции В. В. Путина и Т. Блэра можно сделать вывод о достаточно большом спектре вопросов двусторонних отношений, которые обсуждались в Лондоне. Подчеркнуть значимость развития дальнейших отношений была призвана и аудиенция В. В. Путина у главы государства королевы Елизаветы II.

Дальнейшие консультации по вопросам развития британо-российских отношений были продолжены в ходе рабочего визита Председателя Правительства Российской Федерации М. М. Касьянова в Великобританию 18–20 сентября 2000 г. Результаты данного визита способствовали закреплению положительной динамики двусторонних британо-российских

отношений, активизации взаимодействия двух стран в духе долгосрочного стратегического партнерства. При этом, превалирующим направлением партнерства продолжало оставаться экономическое взаимодействие, о чем свидетельствует встречи премьер-министра с представителями британских промышленных кругов, представителями Европейского банка реконструкции и развития [3]. Вопросы экономического сотрудничества также активно обсуждались в ходе официального визита Т. Блэра в Москву в ноябре 2000 г. [4].

В 2001–2003 гг. Москва и Лондон поддерживали интенсивный политический диалог. В ходе визитов Т. Блэра в Москву в апреле и октябре 2002 г. стороны обсудили основные проблемы двусторонних отношений и мировой политики. Перед самым визитом Т. Блэра в Москву официальный представитель российского МИД заявил, что «отношения России с Великобританией вышли на качественно новый уровень стратегического партнерства» [5]. Но именно в ходе этого визита наметилась основная проблема, которая оказала существенное влияние на дальнейшие британо-российские отношения, – отказ В. В. Путина от американского варианта по Ираку, который поддержала Великобритания. Именно расхождение Великобритании и России по иракскому вопросу и участие Лондона в военной агрессии против Ирака, по мнению К. А. Годованюк, послужили началом постепенного охлаждения отношений двух стран [6].

В 2003 г. Лондон и Москва еще пытались наладить контакт и продолжить особую линию в двусторонних отношениях. Во многом реализовать данный шанс был призван государственный визит президента РФ В. В. Путина в Великобританию 24–26 июня 2003 г. По итогам визита был подписан ряд важных двусторонних документов, а, выступая на открытии Международной энергетической конференции «Россия–Великобритания: долгосрочное партнерство» 26 июня 2003 г., В. В. Путин назвал Великобританию одним из значимых европейских партнеров, отношения с которым выходят на уровень стратегического партнерства [7]. Однако именно в 2003 г. к уже имеющимся негативным факторам в развитии двусторонних отношений добавились и новые в виде проблемы, связанной с так называемыми «политическими эмигрантами» А. Закаевым и Б. Березовским.

Охлаждение британо-российских отношений достигло своего апогея с появлением дела А. Литвиненко, которое практически свело на нет развитие конструктивного диалога между Лондоном и Москвой. В целом, на протяжении премьерства Г. Брауна именно «дело Литвиненко» воспринималось как главная проблема в развитии британо-российских отношений. С 2008 г. еще одной проблемой в отношениях Соединенного Королевства и Российской Федерации стало закрытие двух отделений Британского Совета, которые находились в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге, вопросы, связанные с выдачей виз иностранным сотрудникам кампании ТНК-ВР.

Накануне двусторонней встречи Г. Брауна и Д. Медведева в рамках саммита «большой восьмерки» в Японии 7 июля 2008 г., Президент РФ указывал на возможность начала конструктивного диалога и активной работы по налаживанию британо-российских отношений, несмотря на наличие существенных проблем в развитии политического диалога [8]. Однако «перезагрузки» двусторонних отношений не произошло, и акцент во взаимодействии Лондона и Москвы все больше смещался на проблемы мировой политики.

Важным фактором осложнения отношений Москвы и Лондона в период премьерства Г. Брауна стал военный конфликт в Грузии в августе 2008 года, в ходе которого Великобритания выразила поддержку Тбилиси, заняв достаточно жесткую позицию по отношению к РФ. Происходит смещение акцента во взаимоотношениях Лондона и Москвы на сотрудничество в международной сфере, экономической и культурной сферах, при соблюдении низкого уровня именно политических отношений. Ярким примером является результат визита в Москву Министра иностранных дел и по делам Содружества Великобритании Д. Милибэнда в ноябре 2009 г. [9].

Заключение. Основой стабильного британо-российского взаимодействия с 1997 года до 2003 г. был ряд факторов, среди которых, наряду с экономическими, следует выделить стремление «новых лейбористов» утвердить свой международный авторитет за счет налаживания традиционно «непростых отношений» с Москвой. Однако, постепенно усиливались негативные тенденции в развитии британо-российского политического диалога, которые определялись, прежде всего, возникшими разногласиями по вопросам международной повестки дня и «делом Литвиненко».

Список литературы

1. Ельцин обрел очередного друга. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/185243> (дата обращения: 01.04.2021).
2. Стенограмма совместной пресс-конференции Президента Российской Федерации В. В. Путина и премьер-министра Великобритании Т. Блэра // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/gb/-/asset_publisher/0OgUTpTSJ2GM/content/id/604088 (дата обращения: 02.04.2021).
3. О рабочем визите в Великобританию Председателя Правительства России М. М. Касьянова // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/gb/-/asset_publisher/0OgUTpTSJ2GM/content/id/600224 (дата обращения: 12.04.2021).
4. Премьер-министр Великобритании Тони Блэр прибыл с визитом в Москву. – URL: <https://www.newsru.com/russia/20nov2000/blair.html> (дата обращения: 13.04.2021).
5. Интервью официального представителя МИД России А. В. Яковенко РИА «Новости» по поводу визита в Москву премьер-министра Великобритании Тони Блэра. URL: <https://ria.ru/20021009/239816.html> (дата обращения: 14.04.2021).
6. Годованюк К. А. Россия во внешнеполитической стратегии Великобритании на современном этапе: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Годованюк Кира Анатольевна; [Место защиты: Ин-т Европы РАН]. – Москва, 2015. – 30 с.

7. Владимир Путин и Премьер-министр Великобритании Энтони Блэр открыли российско-британскую энергетическую конференцию. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/28915> (дата обращения: 18.01.2020).
8. Медведев подружился с Европой. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2008/07/07_a_2776338.shtml (дата обращения: 25.01.2020).
9. Стенограмма выступления и ответов Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Великобритании Д. Милибэндом, Москва, 2 ноября 2009 года// Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/275150 (дата обращения: 27.01.2020).

УДК 930.85(44)«17»

ФРАНЦУЗСКИЕ САЛОНЫ И ПРИДВОРНЫЕ ГРУППЫ XVIII в.

Носко К.Г.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
k.nosko@donnu.ru

Введение. При дворе французского монарха существовали различные группы, объединенные вокруг высокопоставленных политических деятелей. Каждая из них боролась за свое влияние на короля с целью удовлетворения собственных интересов. Нередко участниками этих придворных групп становились хозяева салонов. Так, маркиза дю Деффан представляла «партию» герцога де Шуазеля, графиня де Буффле – принца де Конти, маркиза де Ля Ферте-Эмболь – графа де Морепа. Это объясняется существованием разветвленной сети межличностного общения, связывающего двор, находящийся в Версале, и Париж, а также активизацией общественно-политической жизни Франции во второй половине XVIII в.

Салоны выступали площадками для отстаивания интересов влиятельных общественно-политических деятелей, а их хозяева выполняли функции посредников. Детально оценить характер взаимосвязи и взаимодействия можно на примере придворной группы государственного секретаря по иностранным делам герцога де Шуазеля и салона маркизы дю Деффан.

Основная часть. Во второй половине XVIII в. салон мадам дю Деффан был одним из самых влиятельных и популярных в Париже. По свидетельству современников, маркиза дю Деффан отличалась проницательным умом, юмором, хитростью, а также тонким вкусом, сформированным под влиянием высшего общества двора и города [4, р. 231], [5, р. 310]. Первоначально ее посещали французские писатели и философы: Вольтер, Монтескье, д'Аламбер, Ш.-Ж.-Ф. Эно, Мармонтель, герцог Лавальер, тулузский архиепископ Ломени де Бриен. Однако после разрыва

маркизы с компаньонкой Ж. де Леспинас в 1764 г. часть посетителей во главе с д'Аламбером перешла в салон последней.

После смерти ряда постоянных гостей (Монтескье, Ш.-Ж.-Ф. Эно) салон маркизы дю Деффан становится более аристократическим, объединяя ближайших друзей и родственников знатного происхождения. Именно в этот период завязывается тесная связь мадам дю Деффан и супругов де Шуазель. Она организовала для них небольшие закрытые приемы, подчеркивающие статус гостей [3, р. 91]. Как правило, такой формат встреч был предназначен для наиболее близких друзей.

После отставки и ссылки в Шантлу герцога де Шуазеля (декабрь 1770 г.) происходит активизация взаимоотношений между мадам дю Деффан и супругами де Шуазель. Маркиза сообщала опальному министру и его жене социально-политические новости Парижа. Это позволяло семье герцога, находящейся в ссылке в провинции, поддерживать связь со столицей.

Анализ переписки мадам дю Деффан с герцогиней де Шуазель и аббатом Бартеlemi (секретарь герцога де Шуазеля и доверенное лицо его супруги) показывает преобладание новостей политического характера. Исходя из тематики, можно выделить следующие группы политической информации: 1) деятельность королевских министров; 2) кадровые перестановки (назначения и снятия с должностей); 3) королевские указы; 4) королевская семья и двор; 5) события, произошедшие в иностранных государствах.

Маркиза дю Деффан отстаивала интересы бывшего министра в Париже. Она выступала своеобразным связующим звеном между супругами де Шуазель и представителями высшего французского общества, активно распространяя в своем салоне и других парижских сообществах новости из Шантлу, что имело явный политический подтекст: партия Шуазеля продолжает существовать, а сам бывший министр, несмотря на немилость, остается активным политическим игроком [2, р. 371], [3, р. 4, 12].

Мадам дю Деффан выполняла различные поручения герцогини де Шуазель, превратившись фактически в ее доверенное лицо. Она передавала письма герцогини их адресатам в Париже [2, р. 357, 370, 382], [3, р. 43]. Кроме того, маркиза лично озвучивала просьбы, указания, распоряжения герцогини указанным ею лицам [2, р. 364, 432].

Маркиза дю Деффан поддерживала интенсивную связь со сторонниками герцога де Шуазеля: принцем и принцессой де Бово, графом де Крейцем, аббатом Бартеlemi, Л.-А. Караччиоли, герцогом де Лозе и т.д. Она принимала их в своем салоне в Париже [2, р. 308, 396, 413], [3, р. 90, 153]. «Я нечто вроде центра для них», – отмечала мадам дю Деффан в одном из своих писем. Подчеркивая свою личную значимость, маркиза указывала, что они часто посещают ее салон в надежде максимально сблизиться с отсутствующими во французской столице супругами де

Шуазель [2, р. 412]. Салон мадам дю Деффан стал своего рода объединяющим центром для сторонников герцога де Шуазеля, а также источником наиболее актуальной и достоверной социально–политической информации.

Несмотря на открытую поддержку опального де Шуазеля, маркиза не прерывала связь с его противниками (герцогиней Люксембургской, маршалшей де Мирпуа, герцогиней д'Эгийон), которые принадлежали к кругу друзей мадам дю Барри и Людовика XV [2, р. 309]. Она принимала их в своем салоне, а также регулярно посещала их званые приемы. Таким образом, герцог де Шуазель посредством маркизы дю Деффан рассчитывал получить доступ к информации из противоборствующего лагеря, находившегося при власти.

Заключение. Таким образом, придворные группы выходили за пределы двора и активно действовали в публичном пространстве Парижа и его пригородов. Салоны выступают площадкой для обсуждения и распространения идей, а также совершения определенных действий. Через салоны придворные группы оказывали влияние на общественное мнение, создавая популярность своему лидеру. Хозяева салонов были широко задействованы в сети придворной клиентелы.

Список литературы

1. Du Deffand M. Correspondance complète de la marquise du Deffand avec ses amis: le Président Hénault, Montesquieu, d'Alembert, Voltaire, Horace Walpole: En 2 vol. / M. du Deffand; par M. de Lescure. – Paris: H. Plon, 1865. – Т. 1. – 591 p.; Т. 2. – 794 p.
2. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Correspondance complète de Mme du Deffand avec la duchesse de Choiseul, l'abbé Barthélemy et M. Craufurt: En 3 vol. Т. 1. / M. du Deffand, L. Choiseul, J.-J. Barthélemy; par M. le M. de Sainte-Aulaire. – Paris: Michel Lévy frères, 1866. – 461 p.
3. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Correspondance complète de Mme du Deffand avec la duchesse de Choiseul, l'abbé Barthélemy et M. Craufurt: En 3 vol. Т. 2. / M. du Deffand, L. Choiseul, J.-J. Barthélemy; par M. le M. de Sainte-Aulaire. – Paris: Michel Lévy frères, 1866. – Т. 1. – 508 p.
4. Marmontel J.-F. Mémoires de Marmontel: En 3 vol. Т. 2. / J.-F. Marmontel; par M. Tourneux. – Paris: Librairie des bibloophiles, 1891. – 378 p.
5. Morellet A. Mémoires inédits de l'abbé Morellet,... sur le dix-huitième siècle et sur la Révolution: En 2 vol. Т. 2. / A. Morellet; par M. Lémontey. – Paris: a la librairie française de Ladvocat, 1822. – 516 p.

ИЗУЧЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Панасенко Д.А., Шенко Л.Г., д-р ист. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
dima.panasenko.1994@mail.ru

Введение. Значение военного фактора в истории Древнего Рима невозможно переоценить. В силу особых исторических условий формирования и развития римской *civitas* военные потребности и задачи имели огромное влияние на весь уклад жизни древних римлян, эволюцию их государственного строя, идеологию, нравственные идеалы. Социальные и государственно-политические структуры Рима всегда находились в теснейшей взаимосвязи и взаимообусловленности с эволюцией его военной организации. Война и военная деятельность буквально со времен Ромула и до эпохи упадка Римской империи считались важнейшими и одними из наиболее почетных занятий для всякого настоящего римлянина и, в первую очередь, для представителей правящей элиты. Все это дает веские аргументы дабы вновь обратиться к вопросу о эволюции римских вооруженных сил их взаимодействии с властными структурами государства.

Основная часть. Изучение военного искусства никогда не было приоритетным сюжетом у отечественных антиковедов [1, с. 231-282]. Как справедливо отмечает А. В. Махлаюк: «В отечественной науке по сравнению с зарубежной изучение армии и военной истории императорского Рима уделялось явно незначительное внимание» [2, с. 102]. В связи с этим следует рассмотреть отечественную историографию по данной проблеме, дабы выявить приоритетные направления для дальнейшей разработки темы.

Начало научного изучения римской императорской армии в России связано с именем Ю. А. Кулаковского. Он первым в мировой науке поставил проблему социальной и государственно-политической роли армии в Римской империи [3, 4]. В советской марксистской историографии военные явления, представлялись в связи с социально-политическими и экономическими условиями общественного развития. Но специальных исследований по императорской армии не появлялось до второй половины 1940-х гг. Здесь следует отметить работу Н. А. Машкина [5], который детально проанализировал причины перехода Рима от республики к империи, обозначил роль армии в этом процессе. Автор отметил, что, Август не смог переломить корпоративность солдат. Что позволяло войскам диктовать свою волю командирам. В литературе 1940–1950-х гг. Можно назвать только общие труды по военной истории А. А. Строкова [6] и Е. А. Разина [7]. А также работу О. В. Кудрявцева [8], Штаер-

ман Е. М. [9] посвященную значению дунайских легионов в истории империи II в. и Е. А. Скрипелева – единственное исследование по римскому военному праву [10]. В 60-е гг. XX в. в изучении римской военной организации внимание уделялось преимущественно республиканской эпохе [11, 12], ее трансформации в связи с кризисом политической системы II–I вв. до н.э. В это время начинают разрабатываться проблемы романизации провинций, включая вопросы ветеранского землевладения [13].

В 70–80-е гг. XX в. появляются работы историко-правовой направленности [14]. Принципы комплектования армии и условия службы были рассмотрены в серии статей Л. В. Болтинской [15]. Т. П. Евсеенко рассматривает военную организацию как фактор государственного строительства в эпоху раннего Принципата [16]. Весомый вклад в изучение роли военных в бюрократическом аппарате Империи во II–III вв. внесли работы А. Л. Смышляева [17].

С начала 1990-х гг. различные аспекты истории императорской армии разрабатываются А. В. Колобовым в рамках проблемы Социального положения солдат и ветеранов римских легионов в западных провинциях Римской империи при Юлиях-Клавдиях. Серия работ посвящена семейному положению римского легионера, экономической деятельности армии в пограничных провинциях, римских боевых наград и военных штандартов, религиозных культов и идеологии солдат. Обобщены в работе «Римские легионы вне полей сражений» [18]. Из исследований армии позднеримского и ранневизантийского времени следует выделить работы Е. П. Глушанина в которых рассматриваются различные аспекты военного мятежа IV в., процесс формирования военной знати [19]. Среди историков в 2000-е гг. получила новый импульс тема исследования военного дела Рима: А. В. Махлаюк изучает идеологию римской императорской армии [2], С. М. Рубцов – римскую армию на Дунае [20], М. Г. Абрамзон – нумизматические данные об армии [21], а В. Н. Парфёнов – военно-политическую историю эпохи ранней империи [22], С. А. Лазарев – структуру позднеримской армии [23]. С. В. Белоусов обратился к теме военного дела германцев IV–VI вв. [24].

Вместе с тем следует отметить, что проблемы римской армии эпохи домината в меньшей мере являлись предметом изучения. Можно отметить работу И. О. Князьского. Одна из глав монографии посвящена военной реформе Диоклетиана, мероприятия которой автор оценивает, как успешные [25, с. 125-131]. Плюрализм подходов в исторических исследованиях конца XX – начала XXI вв., а также военно-политические процессы в мире стали фактором усиления интереса к военной сфере, расширения тематики исследования в том числе и римской армии. Внимание привлекают не только ход событий, военная организация, комплектование и роль армии в обществе, но и такие вопросы, как тактика, стратегия, военная психология и т.д.

Заключение. Таким образом, приведенный обзор показывает, что процесс изучения армии в императорском Риме далек от завершения. Соответственно данная тема заслуживает внимания историков.

Список литературы

1. Нефёдкин А. К. Изучение древнего военного искусства в России и странах СНГ (XVIII – начало XXI в.). Библиография. – СПб: «Петербургское Востоковедение», 2020. – 468 с.
2. Махлаюк А. В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство «Акра», 2006. – 440 с.
3. Кулаковский Ю. Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи. – Киев, 1881.
4. Кулаковский Ю. А. Римское государство и его армия в их взаимоотношении и историческом развитии // Военный сборник № 8. – СПб., 1909. – 25 с.
5. Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. – М.; Л. ОГИЗ, 1949. – 674 с.
6. Строков А. А. История военного искусства. Рабовладельческое и феодальное общество – М.: Воениздат, 1955. – 455 с.
7. Разин Е. А. История военного искусства. – Т. 1. – М., 1955. – 458 с.
8. Кудрявцев О. В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 411 с.
9. Штаерман Е. М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае. – ВДИ. – 1946. – № 3. – С. 256-269.
10. Скрипилев Е. А. К постановке проблем военного права древнего Рима. // Военно-юридическая академия Красной Армии. Труды, вып. X. – М., 1949. – С. 104-185.
11. Утченко С. Л. Римская армия в I в. до н. э. // ВДИ. – 1962. – № 4. – С. 30-47.
12. Токмаков В. Н. Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн. Уч. пособ. – М.: ИВИ РАН, 2007. – 264 с.
13. Колосовская Ю. К. Ветеранское землевладение в Паннонии // ВДИ. – 1963. – N4. – С. 96-116.
14. Игнатенко А. В. Армия в Риме в период кризиса III в. (Политическая роль армии и изменение ее организационно-правовых основ // Правовые идеи и государственные учреждения. – Свердловск, 1980. – С. 20-32.
15. Болтинская Л. В. К вопросу о путях укрепления римской армии при Юлиях-Клавдиях // Вопросы всеобщей истории. – Вып. 3. – Красноярск, 1973. – С. 3-17.
16. Евсеенко Т. П. Армия в древнеримской политической системе эпохи становления принципата: Автореф. дис. канд. юрид. наук / Сердл. юрид. ин-т им. Р.А. Руденко / Т. П. Евсеенко. – Свердловск, 1988. – 20 с.
17. Смышляев А. Л. Септимий Север и principes // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. – 1976. – № 6. – С. 80-91.
18. Колобов А. В. Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи): Учеб. пособие по спецкурсу / Перм. ун-т; науч. редактор И. Л. Маяк. – Пермь, 1999. – 132 с.
19. Глушанин Е. П. Позднеримский военный мятеж и узурпация в эпоху первой тетрархии // Античная древность и Средние века. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1998. – С. 9-20.
20. Рубцов С. М. Ветераны римской армии и античный город в Мезии в I-III вв. // Идеология и политика в античной и средневековой истории. – Барнаул, 1995. – С. 46-56.

21. Абрамзон М. Г. Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. – Челябинск: ЧГУ, 1994. – 269 с.
22. Парфенов В. Н. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. – СПб.: Алетейя, 2001 – 278 с.
23. Лазарев С. А. Военное сословие в позднеримской империи // Античность и средневековые Европы: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1994. – С. 121-126.
24. Белоусов С. В. Военное искусство германских народов IV–VI вв. н. э.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 1995. – 16 с.
25. Князький И. О. Император Диоклетиан и конец античного мира: (Гос. и правовые реформы начала Домината) / Моск. обществ. науч. фонд, Колом. гос. пед. ин-т. – М., 1999. – 221 с.

УДК 94(44).027+929Людовик (44)*11

КОРОЛЕВСКИЙ ИТИНЕРАРИЙ ЛЮДОВИКА XI: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПУТЕШЕСТВУЮЩЕГО КОРОЛЯ

Петрова И.Н., Бредихин А.В., д-р ист. наук, проф.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
pin_396@mail.ru

Введение. Итинерарии правителей позднего средневековья как исторические источники, дающие возможность более глубокого изучения политических реалий эпохи, рассматриваются медиевистами под разными углами зрения. Современные технические возможности открывают новые возможности и перспективы для исследований [1; 2].

Французский король Людовик XI известен как один из самых «путешествующих» монархов позднего средневековья. Этот факт делает исследование его итинерария особенно продуктивным в изучении исторических событий того времени.

Историки уделяют внимание активным перемещениям Людовика XI и его двора для описания повседневной жизни монарха [3]. Составляют на материалах королевских ордонансов, указов, грамот, писем таблицы, позволяющие проследить особенности передвижений Людовика и его окружения по стране и выявить, каким городам, замкам и монастырям он отдавал предпочтение в качестве места размещения своего «кочевого» двора, какие города являются местами «проживания» (более длительного сезонного пребывания), а какие только «остановками» на маршруте следования [4]. Статистическая обработка данных королевских итинерариев позволяет изучать управленческие стратегии и механизмы их осуществления, отслеживать реакцию монарха на изменения ситуации в королевстве. Для изучения административной, финансовой, налоговой,

дипломатической и военно-политической активности монархов современные исследователи используют такой инструментарий как ГИС-картография [5; 6]. Это позволяет подойти к решению проблемы и визуализации «пространства власти» для отдельного правления.

Основная часть. Цель данной работы: наметить связь психологического портрета монарха с интенсивностью его передвижений на примере итинерария Людовика XI. О его незаурядных дипломатических способностях переговорщика сообщают многие современники: Филипп де Коммин, Оливье де Ла Марш, Жан Молине [7]. «Речи короля были настолько убедительными, что усыпляли каждого, кто их слушал» [8]. И Людовик часто использовал это свое качество в дипломатических переговорах. Многие продолжительные вояжи, предпринятые монархом, объясняются желанием повлиять на принятие решений различными политическими акторами. Так в 1462 и 1463 г. он совершил многодневные путешествия из долины Луары к пиренейской границе, в Байонну [9], чтобы лично влиять на Хуана II Арагонского на переговорах. Результатом этих встреч стало завоевание Людовиком Руссильона.

При этом, замыслы короля не всегда заканчивались так, как было запланировано. События во время встречи в Перонне в 1468 г. с герцогом Бургундии разворачивались совсем не по сценарию французского монарха, но это не отменяет того факта, что принятие решения ехать на встречу с Карлом Смелым в сопровождении немногочисленной свиты связано с желанием Людовика выиграть политические переговоры в личном общении с бургундским кузеном [10].

Итогом постоянных многомесячных передвижений Людовика по северному побережью Франции явился договор в Пикиньи. Его положительный итог (а французский монарх считал его именно таковым) во многом зависел от его личного общения с английским королем Эдуардом IV и его ближайшим окружением [11].

В 1476 г., подытожившем противостояние французского короля и бургундского герцога, Людовик предпринимает поход в Лион, где проводит несколько месяцев. Перемещение из привычного Плесси-ле-Тур в Лионне необходимо для осуществления дипломатического давления на герцога Милана Галеаццо-Марию Сфорца и герцогиню Иоланду Савойскую, которые до последнего момента колебались в выборе стороны, к которой стоит примкнуть [12]. Кроме того, в апреле 1476 г. в Лионе состоялась личная встреча короля с герцогом Рене Анжуйским, которого французский монарх склоняет к решению передать Прованс и Анжу в наследство Людовику XI, в обмен на пенсию в 10 000 ливров [13].

В 1477 г. Людовик XI активно включается в борьбу за «бургундское наследство», в сферу его интересов входят ранее «спорная» Пикардия, Артуа, герцогство Бургундия, одноименное графство, да, пожалуй, и Фландрия [14]. Как показывает королевский итинерарий, Людовик все время находится неподалеку от эпицентра событий: с начала февраля по

конец сентября 1477 г. он находится в Артуа, милует или карает мятежные города, в мае торжественно въезжает в захваченный Аррас; в 1478 г. с середины марта до начала августа король вновь в Артуа – он озабочен приданием законности своим захватам; в 1479 г., когда стало ясно, что он останется хозяином провинции, его занимают уже другие дела [15].

Заключение. Таким образом, мы можем отчетливо проследить, что во всех случаях, когда Людовик XI считал необходимым осуществить личное психологическое давление на союзников, оппонентов или иных политических игроков, которых необходимо переманить на свою сторону, он предпринимал необходимые перемещения, невзирая на длительность предстоящего вояжа и финансовые затраты.

Список литературы

1. Филиппова Е. Б. Итинерарий первого представителя династии Валуа (создание и возможности использования базы данных) / Е. Б. Филиппова, Е. Н. Баканова // Мир Евразии: от древности к современности. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021.
2. Санжаров В. А. Возможности статистической обработки формализованных данных на материале итинерария Людовика XI (1461–1483) / В. А. Санжаров, М. Р. Смагин, Е. Б. Филиппова // Мир Евразии: от древности к современности. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Т. 1. – С. 141-146.
3. Эрс Ж. Людовик XI. Ремесло короля / Жак Эрс. – М.: Молодая гвардия, 2007. – С. 145-151.
4. Вербовский А. В. Места пребывания монаршего двора при Людовике XI – предварительные итоги анализа по королевским ордонансам / А. В. Вербовский // Гуманитарный вестник. – Горловка: Изд-во ВПО «ГИИЯ», 2017. – № 4. – С. 12-18.
5. Санжаров В. А. Комплексная цифровая модель параллельных франко-бургундских итинерариев (Людовика XI, Филиппа Доброго и Карла Смелого) как инструмент изучения управленческих институтов, военно-политической и дипломатической активности / В. А. Санжаров // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии. – М.: МАКС Пресс, 2020. – С. 311-315.
6. Санжаров В. А. Королевские итинерарии как исторический источник: на примере постоянных резиденций и маршрутов передвижений Людовика XI (1461–1483) / В. А. Санжаров, Е. С. Гришин // Источниковедение в современной медиевистике: Сб. материалов Всероссийской научной конференции. – М.: ИВИ РАН, 2020. – С. 322-325.
7. Петрова И. Н. Историческая личность в восприятии современников: на примере анализа образов Людовика XI и Карла Смелого у Филиппа де Коммина / И. Н. Петрова, В. А. Санжаров // Журнал исторических, политологических и международных исследований, Донецк, 2017. – № 1 (60). – С. 56-62.
8. Асейнов Р. М. «Одряхлевшее дворянство» и «Община»: бургундские земли перед лицом французской агрессии в 1477 г / Р. М. Асейнов // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология, 2014. – № 13 (135). – С. 88.
9. Ordonnances... Vol.16. [Электронный ресурс] URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Livre:Pastoret_-_Ordonnances_des_rois_de_France_de_la_troisieme_race,tome_16.djvu (дата обращения 25.08.2021)
10. Коммин Филипп де. Мемуары / Филипп де Коммин – М.: Наука, 1986. – 496 с.
11. Вербовский А. В. Людовик XI: год 1475 – дипломатический шедевр / А. В. Вербовский // Донецкие чтения 2020. – Донецк: ДонНУ, 2020. – С. 18-21.

12. Вербовский А. В. Второе королевство Валуа: в одном шаге от создания Великой Бургундии / А. В. Вербовский // Мир Евразии: от древности к современности. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. – Т. 1. – С. 48.
13. Ле Руа Ладюри Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460–1610 / Эмманюэль Ле Руа Ладюри. – М.: Международные отношения, 2004. – 416 с.
14. Бессилин Н. А. Р. А. Маслов о франко-бургундских отношениях второй половины XV века / Н. А. Бессилин, Г. Ф. Санжарова // Научный диалог. – 2021. – No 3. – С. 328-346.
15. Санжаров В. А. Союз или противостояние? Французская монархия и бургундский город при Людовике XI / В. А. Санжаров, Н. А. Бессилин // Мир Евразии: от древности к современности. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – Т. 1.

УДК 94:327(560)''1811''

ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ 1811 ГОДА В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

***Разумный В.В.**, канд. ист. наук, доц.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
razumnyi.vitalii@yandex.ru

Введение. В начале XIX века Османская империя вновь оказалась втянутой в глубокий кризис. Этому способствовала целая серия дипломатических провалов, которые заставили Турцию следовать в фарватере внешней политики наполеоновской Франции. Для того, чтобы отвлечь внимание основных противников Наполеона, которыми в начале XIX века являлись Великобритания и Россия, французские дипломаты активно втягивали в свои авантюрные планы султанов Османской империи. В феврале 1806 г. турецкий султан Селим III признал Наполеона императором Франции [4, с. 566]. В том же году Наполеон направил генерала Ораса де Себастиани послом в Османскую империю. В результате его активной дипломатической деятельности в 1806 г. началась очередная русско-турецкая война, которая продлилась до мая 1812 г. В 1807 г. Себастиани путем интриг втягивает Османскую империю в англо-турецкую войну, которая идет параллельно с русско-турецкой войной. Для России затягивание военного конфликта с Османской империей было крайне невыгодно, поскольку с 1810 г. началось ухудшение отношений с наполеоновской Францией. Поэтому военная кампания 1811 г. была решающей и судьбоносной для многих империй. В этом, на наш взгляд, заключается актуальность выбранной темы.

Цель данных тезисов заключается в изучении последствий военной кампании 1811 г. русско-турецкой войны.

Данная проблема была частично рассмотрена в работах различных историков. Здесь следует выделить труды советских и российских исто-

риков Е. В. Тарле [1], А. Б. Широкограда [2], Е. И. Петросян и Ю. А. Петросян [3]. Среди работ западных историков внимание заслуживает монография Керолайн Финкель, в которой изучалось влияние европейских держав на Османскую империю [4], а также исследование Роберта Гардинера [5].

Основная часть. В 1811 г. в Европе сложилась опасная внешнеполитическая ситуация. «Континентальная блокада» Великобритании, которую организовал император Наполеон и заставил присоединиться почти все европейские страны, не принесла ожидаемого результата. Кроме того, в Европе в 1811 г. разразился торгово-промышленный кризис, который показал заметную экономическую слабость империи Наполеона Бонапарта. Советский историк Е. В. Тарле указывал, что разразившийся в 1811 г. кризис был прежде всего кризисом сбыта тех товаров, которые главным образом составляли предметы торговли и промышленности, обогащающие Францию [1, с. 239]. В условиях блокады и владычества Великобритании на морях все французские товары и предметы роскоши создавались только для внутреннего рынка, поскольку весь мир для товаров, произведенных во Франции, оказался закрытым. Россия испытывала значительные экономические трудности, вызванные «Континентальной блокадой», потому что значительная часть российского экспорта была ориентирована на британский рынок. Однако он был закрыт после заключения Тильзитского договора 1807 г. Русские купцы несли убытки, поскольку их товары не продавались в Великобритании, а покупать французские предметы роскоши было невозможно из-за отсутствия твердой валюты, вырученной за проданные на английский рынок предметы российского экспорта [5]. В 1811 г. франко-русские противоречия достигли своего критического уровня. Франция продолжала оказывать давление на Россию, укрепляя боеспособность Османской империи.

В этих условиях продолжение военных действий на русско-турецком фронте было крайне опасным для Российской империи. Военные действия проходили главным образом на Балканах, где действовала русская Дунайская армия [2]. В марте 1811 г. по приказу императора Александра I командующем Дунайской армией был назначен генерал от инфантерии М. И. Кутузов. Его назначение неоднозначно оценивается историками. Одни считали, что это была вынужденная мера, принятая российским императором, поскольку длительное затишье на Балканах и затягивание войны было крайне опасным для России в свете осложнения франко-русских противоречий в 1811 г. [1]. Другие полагали, что это был продуманный план Александра I чтобы заменить генерала Н. М. Каменского и назначить М. И. Кутузова, который ранее был в опале после поражения под Аустерлицем в декабре 1805 г. [2] Тем не менее, Н. М. Каменский имел значительный военный опыт. Он был в Швейцарском походе фельдмаршала А. В. Суворова, едва не погиб в уже упомянутом Аустерлицком сражении. Успешно воевал с наполеоновской армией в военных кампаниях 1807 г. и отличился в русско-шведской войне в 1809 г.

Но, при всем при этом, у него не было достаточного опыта военных действий против османской армии.

Возглавив Дунайскую армию весной 1811 г. генерал М. И. Кутузов был вынужден отправить пять пехотных дивизий на западную границу Российской империи, где уже происходила концентрация наполеоновских войск. Это в некоторой степени ухудшило положение Дунайской армии, численность которой составляла почти 45 тыс. солдат и офицеров [2]. Османская армия в это же время наоборот увеличилась до 70 тыс. чел. под руководством Великого визиря Ахмет-паши.

Понимая всю сложность ситуации, генерал М. И. Кутузов проводит осторожную тактику, избегая распыления сил и лишней траты ресурсов. В отличие от генерала Н. М. Каменского, он уже неоднократно воевал против османской армии еще в XVIII в. и хорошо знал своего противника. По его мнению, турецкие войска должны были ограничиться небольшими вылазками на Нижнем Дунае, а главные силы направить к Среднему Дунаю. Их основная цель будет состоять в овладении городом Бухарестом. Генерал М. И. Кутузов стянул свои немногочисленные силы к крепости Руцук. Одновременно с этими мерами он был вынужден вступить в мирные переговоры с визирем Ахмет-пашой. Но, из-за сложности внешнеполитической ситуации и крайней неуступчивости сторон переговоры были приостановлены [3].

Длительное бездействие убедило Великого визиря в слабости русской Дунайской армии. Приняв к сведению обещанную помощь французских дипломатов, он решился начать наступление на крепость Руцук. По мнению Ахмет-паши, после овладения этой крепостью можно было затем форсировать Дунай и разбить русскую армию. После этого, еще одна османская армия под командованием Измаил-бея, сконцентрированная у Софии, должна была переправиться через Дунай около города Видина и вторгнуться в Малую Валахию. После соединения этих турецких войск Ахмет-паша планировал победно въехать в Бухарест.

Однако генерал М. И. Кутузов сумел разгадать планы противника. В июне 1811 г. он нанес поражение османской армии у Руцука. Затем, осуществив тактическое отступление, русские войска подготовили ловушку для армии Ахмет-паши возле крепости Слободзеи. В октябре, окруженная османская армия оказалась в безвыходной ситуации. Великий визирь Ахмет-паша, окруженный со всех сторон русской армией, лишился по османским традициям права на заключение перемирия. Поэтому началось планомерное уничтожение турецкой армии, что привело, в последствии, к подписанию полной капитуляции в декабре 1811 г.

Заключение. В заключение, следует подчеркнуть стратегическое значение военной кампании 1811 г. При наличии немногочисленных сил русской армии удалось полностью разгромить противника и заставить его подписать мир на выходных для Российской империи условиях. Ослабленная Османская империя, несмотря на противодействие французских

дипломатов, была вынуждена подписать Бухарестский мирный договор в мае 1812 г., всего за несколько недель до нашествия Наполеона на Россию. Значительная часть Дунайской армии была переброшена на западную границу. Османская империя выходила из военного союза с Францией. Дунайские княжества и Сербия получили внутреннее самоуправление.

Список литературы

1. Тарле Е. В. Наполеон. – Минск: Беларусь, 1992. – 429 с.
2. Широкопад А. Б. Русско-турецкие войны 1676–1918 годы. – Минск, Харвест, 2000. – 752 с.
3. Петросян Е. И., Петросян Ю. А. Османская империи: реформы и реформаторы (конец XVIII–начало XX в.). – М.: Наука, 1993. – 203 с.
4. Керолайн Финкель. История Османской империи. Видение Османа. – М.: АСТ, 2014. – 1190 с.
5. Robert Gardiner. The Victory of Seapower. Winning the Napoleonic War 1806–1814., ed. – L.: Chatham Publishing, 1998. – P. 144-147.

УДК 94:323.22(410)"1780"

АНТИКАТОЛИЧЕСКОЕ ВОССТАНИЕ ЛОРДА ГОРДОНА В ЛОНДОНЕ

Рязанов К.М.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kir2thegreat@gmail.com

Введение. Современный мир переживает ряд политических и экономических кризисов, находится в поисках методов преобразования социальной действительности, позволяющих избежать деструктивного пути развития общества. В условиях урбанизированного мира города порождают многие из наиболее острых социальных проблем и становятся полем социальной борьбы. Британская история XVIII в. отмечена примерами народного недовольства и массовых беспорядков. Высокие налоги, репрессивные законы, правительственная спекуляция и давление на армию и флот были среди проблем, которые разжигали недовольство масс. Знаковыми проявлениями общественного недовольства были Лондонский (1780) и Бристольский (1793) бунты. Возникли они в огромных городах Англии с разделенной социальной структурой.

Цель данной работы – показать, что город в новое время становится центром политической жизни британского общества. Не менее интересным представляется изучение комплекса традиционных методов и форм социального протеста, а также реакция официальной власти.

Основная часть. Взаимодействия англиканской церкви и британского общества не отличались гармоничностью. Экономические трудности

и острое политическое противостояние сопровождались ослаблением влияния англиканской церкви в обществе и появлением новых протестантских конфессий. Напряжением в обществе воспользовался лорд Гордон, переведя экономические вопросы в религиозные. В 1780 г. был принят Георгом III «Закон о папистах 1778 года» (The catholic relief act 1778), который расширял права католического населения на территории Великобритании. Права католиков до этого ограничивались законом о папстве 1698(99) г. [2]. События в Лондоне происходили на фоне войны за независимость США (1775–1783), которая для империи не была «победоносной», особенно после вступления в нее Франции и Испании. «Закон о папистах» был принят правительством Ф. Норта, 12-го премьер-министра Великобритании.

Исходя из содержания «Закона о папистах», а именно, после приведения к особой присяге, католик получал следующие права: возможность служить в армии; приобретать землю; прекращение преследования священников.

Восстание в городе получило название в честь лорда Джорджа Гордона, являвшегося главой «Ассоциации протестантов», которые вели борьбу за отмену «Закона...». В очередной раз поданная в британский парламент петиция против «Закона о папистах» была отклонена, что стало поводом к началу беспорядков. Количество протестующих в первое время насчитывало около 40 тыс. человек. Общественное мнение, особенно в кругах среднего класса и элиты, отвергло антикатолицизм и насилие в низших классах и сплотилось вокруг правительства лорда Норта [3].

Усугубляло ситуацию то, что протестантская ассоциация Лондона пользовалась поддержкой ведущих кальвинистских религиозных деятелей, в том числе Роуленда Хилла, Эразма Миддлтона и Джона Риппона. Лорд Джордж Гордон стал ее президентом в 1779 г., пытаясь добиться отмены Закона о папистах. Он нагнетал в толпе страхи перед папизмом и возвращением к абсолютному монархическому правлению, распространял слухи о том, что католики, служащие в армии, при первой возможности объединят силы со своими единоверцами на континенте и нападут на Британию [4, 5]. Интересно и то, что те, кто находится во главе полиции, и могли бы дать отпор бунтовщикам или продемонстрировать рвение в прекращении беспорядков, не во всех случаях принимали решение о их подавлении [6]. Антикатолическое восстание затронуло и иностранные посольства в городе. Кроме того, в одну из ночей, была произведена попытка захватить банк, но потерпели поражение и были разогнаны армией [7]. Поджигались церкви и дома католических проповедников. В своей прокламации от 5 июня король Георг III обещал вознаграждение 500 фунтов за выдачу поджигателей. Столкновения продолжались целую неделю. В это время также была разрушена тюрьма, и освобождены все заключенные [8, 9]. В городе было введено военное положение. Полностью подавить восстание удалось 7 июля. Для достижения этой цели

была задействована армия, начались судебные процессы [10]. Узнав о беспорядках, испанское правительство отказалось от мирных переговоров с Великобританией, надеясь, что беспорядки приведут к повсеместному краху нынешней британской администрации.

Гордон был арестован и обвинён в государственной измене, но казнен не был, как и многие из бунтовщиков могли быть помилованы или отправлены в состав колониальных армий. Впоследствии он принял иудаизм и умер в лондонской тюрьме, куда попал за оскорбление французской королевы Марии Антуанетты [3, 10, 11, 12].

Заключение. Подводя итоги, можно сказать, что восстание затронуло весь город и все слои населения, имело стихийный характер. Условия города позволили собрать значительное число участников. Основную массу восставших составляли городские низы. Лондон XVIII в. имел массу нерешенных социально-экономических проблем, которые затрагивали, в первую очередь, упомянутую категорию населения. В результате чего, призыв лорда Гордона был услышан, так как был определен главный виновник всех проблем, создан повод и прозвучал призыв к действию. Участниками предприняты меры, направленные на усиление беспорядков (поджоги, погромы, захват тюрьмы). Показательным фактом является неспособность городской администрации обеспечить безопасность. Однако бунтовщики потерпели поражение. Население, принимавшее участие в событиях, общих политических интересов с лордом Гордоном не имело. Решительные действия властей, использовавших регулярную армию, позволили прекратить беспорядки.

Список литературы

1. The catholic relief act, 1778. (дата обращения: 08.09.2021) URL: https://members.pcug.org.au/~ppmay/acts/relief_act_1778.htm
2. Popery Act: (дата обращения: 08.09.2021): URL <https://www.parliament.uk/about/living-heritage/transformingsociety/private-lives/religion/key-dates/1689-to-1829/>
3. The Gordon Riots, 1780. (дата обращения: 08.09.2021): URL https://www.nationalarchives.gov.uk/pathways/citizenship/rise_parliament/transcripts/thunderer_gordon_riots.htm
4. Vague T. King Mob Echo: From Gordon Riots to Situationists & Sex Pistols. AK Press. 2000. P.10-11.
5. Howell T. B. (ed.) A complete collection of state trials and proceedings for high treason and other crimes and misdemeanors from the earliest period to the year 1783, with notes and other illustrations. Vol. 21. London: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown (1816), P. 563.
6. Innes J. Inferior Politics: Social Problems and Social Policies in Eighteenth-Century Britain (The New Past and Present Book Series) Oxford University Press, USA. 2009. P. 339, P. 244.
7. Disorderly Assembly in London. WO 34/103, f. 100.
8. Hibbert C. The London Encyclopaedia. Pan Macmillan. 2020. P.73,388.
9. Royal Proclamation against the rioters. (дата обращения: 08.09.2021) URL: https://web.archive.org/web/20110928173036/http://www.cityoflondon.gov.uk/NR/rdonlyres/B227233D-5B7A-40CB-96E0-5FF5D62C5DD5/0/gordon_riots62_1.jpg

10. Гордон Дж. Биографическая справка. Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона (1908–1913).
11. A Stay of Execution for the Rioters SP 44/95, P. 1.
12. Death Sentences in Disguise SP 44/95. – P. 115.
13. Макаров Е. П. Социология толпы Гордоновского бунта // Аспирантский вестник Поволжья. – 2011. – № 7–8. – С. 33–37.

УДК 94(410)«1413/1422»+929 Генрих (410)*5

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО КОРОЛЯ ГЕНРИХА V

Санжаров В.А.¹, канд. ист. наук, **Шенко Л.Г.²**, д-р ист. наук, доц.

¹исследователь г. Горловка, ДНР

²ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

valsandzh@yandex.ru, ppakra@mail.ru

Введение. Конец XIV – начала XV вв. – время коренных изменений в Англии, затронувших все сферы жизни общества. Основная тенденция развития государственности – укрепление королевской власти – неоднозначно реализуется через деятельность высших слоев и имеет многоаспектное воплощение.

Основная часть. Один из прославленных королей средневековой Англии, увековеченный в пьесах Шекспира, – Генрих V. Его традиционный образ – король-воин. Действительно, за 10 лет до восшествия на престол Генрих, тогда принц Уэльский, в битве при Шрусбери был серьезно ранен в лицо, на всю жизнь сохранился заметный шрам. Он правил всего 9 лет и 5 месяцев, умер в 35 лет, но оставил необыкновенно яркий след в английской национальной памяти. Джульетта Баркер, Ян Мортимер, Анна Карри по часам разобрали прославившую его битву при Азенкуре [1; 2]. Личности короля посвятили свои работы Дж. Х. Вайли и В.Т. Во, Кристофер Оллманд, Дж. Додд [3]. Генрих V (1386/1387–1422) был необычайно способным и успешным королем, «величайшим человеком, когда-либо правившим Англией», по определению К. Б. Макфарлейна [4, с. 117]. Вместе с тем историография колеблется между двумя крайностями – восхвалением военного гения монарха (тон апологетике воинственности образа короля был задан «Генрихом V» Шекспира) и осуждением за втягивание королевства в затяжную континентальную войну, которая в итоге оказалась безуспешной (Кит Докрей) [5, с. 237-242]. Неудачная попытка объединения Англии и Франции, предпринятого Генрихом, демонстрирует в свете последних событий не неспособность монарха, а сложность задачи.

Мы попытаемся отказаться от оценок правления монарха по событийному признаку (осады, битвы, победы) и последствиям, результат

которых вряд ли был известен или планировался Генрихом. Задача работы показать перспективность разработки модели поведенческой активности английского короля. Источниковая база позволяет вне аксиологических оценок рассмотреть деятельность короля. В отличие от хроник документальные, административные и финансовые источники позволяют рассмотреть личность монарха с другой точки зрения. Генрих V принимал непосредственное участие в практике повседневного руководства королевством. Ежедневно король рассматривал прошения и петиции своих подданных, процедура была формализована и институционализирована. Специальные руководства и формуляры содержали образцы петиций, их составлением занимались профессиональные писцы (единообразие стиля и языка). Диалог между правителем и подданными, каким бы прямым он ни был, требовал посредников.

Несмотря на растущую бюрократизацию институтов власти, королевский двор оставался центром принятия решений. Но королевская власть даже такого «успешного деспота» не была безграничной ни в теории, ни на практике. В Англии власть короны, по существу, зависела от ограничений, наложенных Великой хартией вольностей (1215), ее последующими подтверждениями и редакциями. Законодательно закрепленная необходимость консультаций и общественного согласия определяли границы королевской управленческой активности. Петиции были как частными, так и «общими» (от торговцев, духовенства, горожан, членов гильдий, братств, университета или гарнизона, отдельного графства), парламентскими. Претворение в жизнь решений короля по петициям подданных требовали соблюдения определенных условий и процедур: королевские распоряжения канцлеру, казначею или другим чиновникам заверялись малой тайной печатью. Нарастание объема документов породило особый орган — канцелярию тайной печати, постоянно располагавшуюся в Лондоне. Во время правления Генриха V канцелярия насчитывала 14 клерков. Роль канцелярии в рутинных управленческих делах возрастала во время пребывания монарха за пределами королевства.

Секретарь короля являлся хранителем «разъездных» печатей («*signeto aquile a tergo*»), наличие которых зафиксировано во время континентальных военных кампаний на документах из королевских резиденций в Кане, Руане, Верноне, Манте, Мо, Париже. Через Ла-Манш туда и обратно шел непрерывный поток писем и распоряжений: контроль над процессами управления требовал постоянной бдительности и регулярного вмешательства со стороны короля. Требование действовать «как можно скорее» — повторяющаяся тема многих из этих посланий. Свидетельством личного участия короля в решении повседневных дел являются указания в документе на принятое им решение (для них характерны краткость, лаконичность: «*Le Roy le voet*», «Король желает этого»; «*Le Roy ne le voet*», «Король этого не желает»; «*Le Roy la grante*», «Король удовлетворил») и королевские пометы на документах [6, т. 4,

с. 62-66, 72-78]. Наряду с печатями использование королем автографов «RH» («R [ex] H [enricus]») или «HR» («H [enricus] R [ex]») указывают на личное присутствие короля, его участие в рассмотрении дел, являются индикатором его воли и желаний.

Исследователи выделили вид писем, свод меморандумов и дипломатических инструкций с королевской печатью вне какой-либо связи с петициями. Многие из них выражают взгляды и пожелания монарха. Обычно их составлял один из служащих, но многие имеют признаки диктовки, а в некоторых случаях – признаки внесения исправлений рукой короля [4, с. 117-119]. Иногда действия или бездействие наместников в Англии во время его отсутствия не совсем устраивали короля. Недовольный король не терпел никаких признаков расслабленности или промедления, не говоря уже о халатности, даже со стороны своих самых верных соратников. Иногда у короля была причина для прямого вмешательства, чтобы исправить допущенные ранее ошибки.

Протоколы заседаний королевского совета представляют свидетельства постоянного взаимодействия между королем и советом, когда обе стороны обращаются друг к другу по различным вопросам [7, с. 79-82]. Желания и приказы короля записываются, а протоколы содержат доказательства его личного и непосредственного надзора за делами. Фразы «le Roy voet» («король желает») и «soit parle au Roy» («следует говорить с королем») постоянно повторяются в протоколах [8, с. 191-194].

Заключение. Таким образом, источники позволяют говорить о непосредственном участии короля в повседневных делах управления королевством. Способный военачальник и прагматичный военный организатор при ближайшем рассмотрении оказывается гораздо более сложной и интересной фигурой, чем можно было бы предположить из трафаретного описания существующей литературы. Король-легенда обретает живые человеческие черты при более тщательном рассмотрении административных практик. Оставляя доверенным лицам и властным институтам (совету, парламенту, казначейству) известную степень свободы, Генрих сохранял очень жесткий личный контроль над вопросами управления королевством.

Список литературы

1. Sumption J. Cursed Kings: the Hundred Years War / Jonathan Sumption. – London: Faber & Faber, 2015. – Vol. 4. – XIII, 909 p.
2. Санжаров В.А. Судьба герцогства Нормандия (1419–1450) в историческом контексте эпохи: попытка осмысления. Рец. на книгу: Бароне В.А. «Английская Нормандия» первой половины XV в.: путь во Францию. М.-СПб, 2018 // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. – 2019. – Вып. 5(2). – С. 157-192.
3. Wylie J., Waughn W. The reign of Henry the Fifth / James H. Wylie, William T. Waughn. – Cambridge: University Press, 1914. – Vol. I. – 589 p.
4. McFarlane K.B. Lancastrian Kings and Lollard Knights. – Oxford: Clarendon Press, 1972.
5. Dockray K. Henry V / Keith Dockray. – London: Tempus, 2004. – 255 p.

6. Rotuli Parliamentorum / ed. J. Strachey. – London, 1783.
7. Henry V: The Practice of Kingship /ed.G. L. Harriss. – Oxford, 1986. – XII, 222 p.
8. Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England / ed. Harris Nicolas. – London: G. Eyre, A. Spottiswoode, 1834. – Vol. II – XXXIX, 392 p.

УДК 323.1(410)(=152)

РОЛЬ М. ТЭТЧЕР В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТА В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ

Скопылатова В.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
v.skopylatova@donnu.ru

Введение. Сложность решения этно-конфессионального конфликта на территории шести графств Ольстера, которые остались в составе Великобритании, после англо-ирландской войны за независимость (1919–1921 гг.), заключается, прежде всего, в непримиримых позициях противоборствующих общин и носит не только этнический, но так же и конфессиональный характер. Такой неоднозначный, многогранный, длительный и спорадически тлеющий конфликт требовал колоссальных усилий хотя бы для того чтобы понизить его градус и начать движение в сторону мира. Лидером, который смог начать движение в сторону мирных переговоров, стала глава консервативной партии, первый премьер-министр-женщина Маргарет Тэтчер.

Основная часть. Анализируя работу М. Тэтчер на посту премьер-министра можем прийти к выводу, что политика ее в Северной Ирландии не была очень активной в этот период [1] и не имела стратегии [2] Хотя Англо-ирландское соглашение рассматривается как «единственное наиболее влиятельное событие в период 1982–1988 годов» [3] его не считают заслугой М. Тэтчер. Исследователи ведут дискуссию о том, чьей заслугой можно считать подписание Англо-ирландского соглашения, выдвигаются кандидатуры Гаррета Фицджеральда и его команды [4], Соединенных Штатов Америки [5], Дугласа Херда [6] и секретаря кабинета министров Роберта Армстронга [7]. Высказывается предположение, что М.Тэтчер была не очень вовлечена в политику Северной Ирландии и считала решение проблемы Ольстера не первоочередной задачей: « ... к тому времени, когда госпожа Тэтчер стала премьер-министром, у нее не было политики в отношении Северной Ирландии... Она почти не понимала, в чем проблема. Кроме того, она находила ирландцев, с обеих сторон, раздражающими ...» [8].

Изначально М. Тэтчер проявляла мало интереса или участия в политике Северной Ирландии, когда она стала премьер-министром в мае 1979 г. [9], М. Тэтчер не только была занята другими областями политики,

но ее интерес еще больше ослаб из-за ее общего отвращения к людям, которые убили ее друга и наставника Эйри Нива [10]. Ответственность за убийство взяли на себя представители Ирландской национально-освободительной армии. Политика правительства М. Тэтчер в отношении Северной Ирландии замерла вместе со смертью Эйри Нива, поскольку. Тэтчер не рассматривала никого другого на роль уполномоченного по делам Северной Ирландии, поскольку никто другой в правительстве не знал Северную Ирландию так, как Э. Нив [11]. Это означало, что, когда Хамфри Аткинс был назначен на эту должность – это не принесло бы желаемых результатов, потому, что Х. Аткинс ничего не знал о Северной Ирландии и именно М. Тэтчер должна была взять на себя инициативу по вопросам урегулирования проблем Северной Ирландии. Это было проблематично по двум причинам: во-первых, М. Тэтчер сама мало что знала о Северной Ирландии и ее особенностях; во-вторых, М. Тэтчер не проявляла к Северной Ирландии никакого интереса. Она находила раздражающим предпочтение ирландских политиков культурной политике перед экономическими дебатами и однажды заметила в частном порядке: «Вы не ожидаете ничего приличного (в дебатах в Вестминстере) от ирландца ... » [12].

Позиция М. Тэтчер еще более укрепилась из-за продолжительной террористической кампании Ирландской Республиканской Армии, которая все еще была в самом разгаре в 1983 г. и привела к усилению напряженности между британским правительством и республиканцами. Тем не менее, М. Тэтчер была обеспокоена гибелью людей во время конфликта и считала, что это были жизни, за которые несло ответственность, в том числе и британское правительство, но выход из сложившейся ситуации не был очевидным. Несмотря на это, М. Тэтчер относилась к Северной Ирландии с заботой и вниманием, как и к любой другой важной области политики [13].

Убийство лорда Маунтбеттена и убийство восемнадцати британских солдат в Уорренпойнте, совершенное Ирландской Республиканской Армией 27 августа 1979 г., оказали значительное влияние на то, что М. Тэтчер думала о Северной Ирландии и о путях урегулирования конфликта. Убежденность М. Тэтчер в необходимости усиления мер безопасности возросла, и она решила оказать давление на Ирландскую Республику в целях предотвращения терроризма [14] описывая Республику как «укрывающую известных убийц». М. Тэтчер посетила Северную Ирландию, чтобы поднять боевой дух, и была первым премьер-министром, написавшим персонализированные письма семьям погибших восемнадцати солдат. После августа 1979 г. она стремилась наладить трансграничное сотрудничество в области безопасности между армией и королевской полицией Ольстера [15]. Многие представители британской стороны, включая Джеффри Хоу, признавали, что мир будет возможен только при некотором компромиссе с требованиями ирландцев и националистов [16]. М. Тэтчер было трудно принять факт того, что единственным выходом в

сложившейся ситуации была необходимость сесть за стол переговоров с республиканцами, и это объясняет, почему ее отношение к переговорам, приведшим к Англо-ирландскому соглашению и его окончательному подписанию, было противоречивым.

М. Тэтчер с подозрением относилась к политическим партиям в Ирландской Республике. Она считала, что они разделяют ту же цель, что и Ирландская Республиканская Армия, отраженную в статьях 2 и 3 Конституции Ирландии, – включить Север в «национальную территорию» объединенной Ирландии. Кроме того, М. Тэтчер считала, что оппозиция Чарльза Хоуи в отношении Фолклендской войны была «ударом в спину», в то время, когда Британия нуждалась в поддержке своих так называемых союзников.

Переговоры с ирландским правительством и подписание Англо-ирландского соглашения были единственными вариантами для британского правительства в ноябре 1985 г. Юнионисты на Севере Ирландии отказались принять любое урегулирование, которое включало бы переговоры с представителями Ирландии, опасаясь, что они в конечном итоге приведут к объединению Ирландии. Поэтому, если М. Тэтчер хотела что-то изменить в Северной Ирландии, она знала, что ей придется принять более активное участие в процессе урегулирования и лично вести переговоры с ирландским правительством – именно это она и сделала, и именно поэтому было подписано Англо-ирландское соглашение. Предубеждение М. Тэтчер по отношению к Северной Ирландии, раннее ее отсутствие симпатии к националистическому движению и ее нежелание вести переговоры с ирландским правительством объясняли, почему М. Тэтчер, как только соглашение было подписано, почувствовала, что зашла слишком далеко и последствия принятого решения могут быть непредсказуемыми.

Заключение. Исходя из выше сказанного, можем прийти к следующим выводам – отношение М. Тэтчер к урегулированию проблемы Северной Ирландии прошло трансформацию от формально-отстраненного до полной вовлеченности и стремления пойти на переговоры с представителями Республики Ирландия, не смотря на предвзятое к ним отношение. М. Тэтчер заложила основу для долгого мирного процесса и урегулирования конфликта в Северной Ирландии и, не смотря, на изначально избранную силовую политику решения проблемы, дальнейшая трансформация проводимой политики стала уникальной, поскольку предшественники М. Тэтчер избирали исключительно бескомпромиссный силовой вариант.

Список литературы

1. O'Leary B., The Conservative Stewardship of Northern Ireland, 1979–97: Political Studies. – 1997. – P. 663-676.
2. O'Malley P. The Uncivil Wars. – Belfast: Blackstaff, 1983, – P. 48.
3. Neumann P. Britain's Long War: British Strategy in the Northern Ireland Conflict 1969–98. – Basingstoke: Macmillan, 2003. – P. 124.

4. Mulholland, M. «Just another country? The Irish question in the Thatcher years» in Jackson B and Saunders R. (eds), *Making Thatcher's Britain*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 86.
5. Mcgrattan, C. *Northern Ireland 1968–2008: The Politics of Entrenchment*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. – P. 143.
6. Dixon, P. «British policy towards Northern Ireland 1969–2000: continuity, tactical adjustment and consistent inconsistencies» // *British Journal of Politics and International Relations*. – 2001, – P. 340-368.
7. Dixon P., O'Kane E., *Northern Ireland Since 1969*. Oxford: Routledge, 2014, pp. 180-195.
8. Moore C., *Margaret Thatcher: The Authorised Biography*. – London: Allen Lane Penguin, 2013. – P. 650
9. Moore C., *Margaret Thatcher: The Authorised Biography*. – London: Allen Lane Penguin. Moore, 2013. – P. 591
10. Goodall, D. *Unpublished Memoir*, 2005, – P. 32.
11. Moore C., *Margaret Thatcher: The Authorised Biography*. – London: Allen Lane Penguin Gowrie in Moore, 2013, P. 587
12. Moore C., *Margaret Thatcher: The Authorised Biography*. – London: Allen Lane Penguin Moore, 2013, P. 587-588
13. Moore C., *Margaret Thatcher: The Authorised Biography*. – London: Allen Lane Penguin Moore, 2013, P. 588
14. Mcgrattan, C. *Northern Ireland 1968–2008: The Politics of Entrenchment*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. – P. 117-118
15. Moore C., *Margaret Thatcher: The Authorised Biography*. – London: Allen Lane Penguin. Moore, 2013. – P. 591.
16. Dixon P, O'Kane E., *Northern Ireland Since 1969*. – Oxford: Routledge, 2014. – P. 280.

УДК 930 (571,6) “21”

ГРАФ ВИТТЕ И РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В КИТАЕ

Слабунов К.Л., Шенко Л.Г., д-р ист. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

slavetniu@mail.ru

Введение. Время конца XIX – начала XX в. оказалось для России временем перемен, успехов и поражений. Огромные успехи России на дальневосточных рубежах вскружили головы многим недалёковидным политикам, которые, к сожалению, в дальнейшем оказались приближенными к Николаю II.

В результате политика царского окружения привела в дальнейшем к русско-японской войне, первой революции. Ее последствия также стали катализаторами процессов, приведших страну к Первой мировой войне, Февральской революции, дальнейшему хаосу и кровопролитной гражданской войне.

Основная часть. В настоящее время дальневосточный регион вновь привлекает пристальное внимание. Последние события в мировой полити-

ке требуют от многих государств, входящих в когорту геополитических лидеров, быстро реагировать на ситуацию, заставляют принимать кардинальные решения, меняющие направление международной политики. Не является исключением и Россия, которая не имеет права не отвечать на внешнеполитические угрозы. Первая четверть XXI в. ознаменовалась сменой гегемонов мировой политики. Резкое падение влияния США и ее союзников в роли мирового полицейского в результате вывода войск из Афганистана еще больше усилило активность государств, ставших лидерами в мировой геополитике.

На сегодняшний день Китай – это один из могущественных игроков на международной арене, который претендует на влияние в Афганистане, а также непосредственный сосед и союзник России.

Постройка Китаем Железной дороги в высокогорном Тибете на высоте 3 тыс. м – Цинхай-Тибетской трассы и строительство дороги из Чэнду (Сычуань) в Лхасу (Тибет) делает Поднебесную одним из самых влиятельных государств, имеющих шансы проложить трассы и дороги к ранее нетронутым недрам ископаемых Афганистана. Конечно, для этого нужно обеспечить полную безопасность инфраструктуры, но учитывая огромный рост экономического и военного влияния Китая в мире, стоит заметить, что это не такие уж и утопические прогнозы.

Успешность китайских проектов во многом объясняется их концептуальным содержанием и методами, применяемыми государством и бизнесом в их реализации, что может определить актуальность данной проблемы для российской политики на Дальнем Востоке.

Современная Россия может находить ответы на многие сложные и проблемные вопросы, опираясь на собственный опыт, в т.ч. и успешной дипломатии царского периода, который содержит достаточно примеров.

Актуальный на сегодняшний день комплекс вопросов, связанный с железнодорожным строительством, дальневосточным регионом и государственной политикой, достаточно рельефно представляет фигура выдающегося российского государственного деятеля рубежа веков С. Ю. Витте (1849–1915).

Интерес к личности Витте, его деятельности в последние десятилетия возрос, что вполне объяснимо [4, 6, 7].

Документы различного происхождения и характера, такие как: воспоминания политических деятелей на тот момент, соглашения например: русско-китайский договор 1896 г. составляют источниковую базу данной работы и позволяют проанализировать личностный фактор в историческом развитии проблемы [1–3, 8].

Сергей Юльевич Витте один из влиятельных политических деятелей России, который на рубеже XIX–XX вв. находился на таких постах в правительстве как министр железной дороги, а затем министр финансов. Благодаря усилиям Витте, русская дипломатия в Китае достигла ошеломляющих успехов. Была построена КВЖД, созданы условия для притока

инвестиций в Россию из-за рубежа. С. Ю. Витте провел денежную реформу в 1897 г. по введению золотого стандарта рубля.

Будучи по своему характеру прекрасным дипломатом, он провел успешные переговоры с китайским представителем Ли Хунчжаном и результатом этого стало, согласие Китая на постройку в Маньчжурии КВЖД, что позволило провести дорогу до Владивостока в 1896 г., и в более короткие сроки. Будучи яростным сторонником мира на Дальнем Востоке, именно он был горячим противником войны с Японией, в результате чего он был уволен с поста министра финансов.

Вместе с тем С. Ю. Витте, как ни один государственный деятель царской России, был предметом столь разнообразных и противоречивых нападок и суждений. Он не принадлежал ни к одной из партий [9]. Судя по мемуарам и его деятельности, он был сторонником самодержавия (в лице Александра III), твердой государственной власти.

Вынужденная опала С. Ю. Витте имела был более чем печальные итоги. За ее два года, Россия потеряла флот при Цусиме, сдала Японии Порт-Артур и фактически оказалась на грани унижительного поражения. Таким образом: чиновники при власти, оказавшись в безвыходном положении, несмотря на всю свою нелюбовь к Витте, были вынуждены вернуть его из дипломатического небытия.

Далее в результате тонкой игры, терпения, мудрости и четкой позиции Сергея Юльевича и его команды, Россия при Портсмутском мире, сохранила пол острова Сахалин, несмотря на то что Япония требовала весь остров. Далее, Япония была вынуждена отказаться от контрибуции и т.д.

Финальный конец этого был таков: Витте вынужденно вернули на дипломатическое поприще, он был удостоен титулом Графа, награжден орденом Александра Невского, на средства казны ему была куплена вилла в Биаррице. Исходя из приведенных выше фактов, можно сделать следующий вывод.

Заключение. Деятельность Сергея Юльевича – это драматическая история человека, сделавшего стремительную карьеру благодаря своим дарованиям и желанию прославить свое отечество. Но стечением обстоятельств он был отвергнут царем и его окружением, за свою четкую позицию по отношению к русско-японской, а затем и Первой мировой войне. Витте умер, за два года до февральской революции 1917 г. После его смерти и далее революции, в России фактически уничтожен целый пласт интеллигенции. Заслуживают внимания его позиция и комплексные методы решения государственных проблем как внутри страны, так и внешнеполитические.

Список литературы

1. Витте С. Ю. Воспоминания. – М.: Альфа-книга, 2010. – С. 330-1100.
2. Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911: Тайны истории в романах, повестях и документах. – М.: Терра. 1997. – С. 420-644.

3. Витте С. Ю. Моя жизнь. – М.: АСТ, 2019. – С. 211-320.
4. Ильин С. В. Витте. – Изд. 2-е, испр. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 511 с.
5. Извольский А. П. Воспоминания. – М.: Харвест: 2003. – С. 100-220.
6. Курас, Л. В., & Кальмина, Л. В. (). Система Витте: Русско-Китайский банк и кяхтинское купечество (конец XIX – начало XX в.) // Власть. – 2017. – Т. 25(8). – С. 160-165.
7. Лукьянов И. В. Государственные деятели России глазами современников. – Изд-во Пушкинского фонда, 2018. – С. 340-610.
8. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. – С. 292-294.
9. Тарле Е. В. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // Тарле Е. В. Сочинения в 12 томах. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – С. 509-566.

УДК 327

К ВОПРОСУ ФРАНКО-АМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (1969–1974 гг.)

Тягливая О.А.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
08olga08donnu@gmail.com

Введение. Политические отношения между Парижем и Вашингтоном, наметилось в конце 1960-х гг. под влиянием общемирового курса на разрядку международной напряжённости.

Автор данного исследования считает, что уже на рубеже 60-х – 70-х гг. прошлого века лидеры ведущих стран, в круг которых входили Франция и США, пришли к пониманию возможности глобальной катастрофы в результате термоядерной войны. Основой понимания международной безопасности стала реализация курса на формирование и поддержание военного паритета и политического равновесия между основными силами, действовавшими на международной арене [1].

Основная часть. В данный период во Франции была утверждена новая военная доктрина, предполагавшая вместо противостояния «по всем азимутам» «противодействие угрозам с северного и восточного направления». Автор считает возможным проследить концептуальные аналогии между данной французской доктриной и американской политикой «гибкого реагирования» на потенциальные угрозы. Тем не менее, вероятный мировой термоядерный конфликт Франция считала чуждым своим интересам и стремилась избежать втягивания в него. Это, в целом, можно в определённой мере считать продолжением курса, проводимого Ш. де Голлем в конце его правления [2]. Президент Ж. Помпиду ставил целью укрепление роли Франции, прежде всего, в Европе, Средиземноморье и на Ближнем Востоке, а также налаживание отношений с США и СССР.

События 1968 г. пошатнули позицию Ш. де Голля в государстве. Массовые демонстрации профсоюзов и студентов проходили под лозун-

гами его отставки. Автор, проводя параллель с современными событиями, в том числе и на Украине в 2014 г., склонен полагать, что уже тогда, Соединённые Штаты активно вмешивались во внутреннюю политику зарубежных государств. Мировоззрение и цели Ш. де Голля не вписывались в американскую картину мира, что требовало любым путем сместить его и, впоследствии, сменить на более лояльного к США президента [3].

На смену де Голля, в 1969 г. приходит его соратник и единопартиец Ж. Помпиду. Автор полагает, что в период президентства Ж. Помпиду французская национальная внешнеполитическая доктрина сместилась в сторону большего реализма. Это весьма хорошо коррелирует с утратой Соединёнными Штатами главенствующей роли в мире в период администрации Р. Никсона [4]. Практическим воплощением изменившегося соотношения сил на мировой арене было принятие в США так называемой гуамской доктрины, предусматривавшей возложение главного бремени возможной войны на союзников по Западному блоку. Автор склонен рассматривать данную доктрину как тактический шаг, своеобразную уловку, позволявшую Соединённым Штатам преодолеть негативные последствия войны во Вьетнаме, нарастить военную мощь для победы в Холодной войне и сохранения роли мирового гегемона [5].

В отношениях между Францией и США сохранялся ряд противоречий, касавшихся принципов международного валютного регулирования, степени экономической самостоятельности европейских государств, перспектив возобновления участия Парижа в военной организации НАТО.

Исходная внешнеполитическая концепция Ж. Помпиду предполагала качественное улучшение отношений с США, что отличало её от классического голлистского подхода. В сфере безопасности первоочередной задачей Ж. Помпиду считал защиту национальной территории Франции. Вместе с тем, французский лидер не отказывался от перспектив превращения своего государства в одного из европейских лидеров, играющих доминирующую роль в Средиземноморском регионе. Специфическими были также взгляды Ж. Помпиду на европейскую интеграцию, формирование таможенного союза и решение проблем в области поддержки сельскохозяйственных производителей.

В вопросе ближневосточного урегулирования в период администрации Ж. Помпиду Франция окончательно переориентировалась в сторону арабских стран, что не всегда находило понимание у Соединённых Штатов.

В ходе продолжавшегося противостояния с США по поводу влияния на бывшие французские колонии Ж. Помпиду удалось отстоять позиции Парижа, ограничившись рядом незначительных уступок развивающимся государствам. Вместе с тем, значительные трудности существовали в отношениях Франции и Алжира, которые усугубил нефтяной кризис начала 1970-х гг. В ходе попыток преодоления кризисных явлений Париж продолжал политику уступок [6].

Тактический арсенал Ж. Помпиду содержал широкий круг международно-политических идей, однако без учёта мнения США их реализация была труднодостижимой. В этой связи, установление привилегированных контактов с Соединёнными Штатами стало для Франции приоритетом. В период администрации Ж. Помпиду отношения с США и НАТО перешли от напряжения и разногласий к налаживанию сотрудничества. Необходимо подчеркнуть, что США и Франция никогда не находились в состоянии войны или серьёзного конфликта, оставаясь естественными союзниками. Значительная часть французов, в основном, придерживавшихся правых взглядов, выступала за «размораживание» франко-американских отношений. Вместе с тем Ж. Помпиду стремился сохранить свободу действий на международной арене и в сфере военного сотрудничества с Соединёнными Штатами придерживался определённой дистанции.

Заключение. Таким образом, необходимо заключить, что в ходе реализации своей валютной политики Франция добилась пересмотра односторонних мер по защите доллара со стороны Соединённых Штатов. Международная валютная система была пересмотрена, а также установлен новый фиксированный паритет валют. На протяжении 1971–1972 гг. двустороннее сотрудничество продолжалось, и Франция вновь вошла в круг основных партнёров США. Однако такой исход сближения двух стран можно считать следствием двуполярной политики самой Франции, которая активно следовала курсу на сближение с Советским Союзом.

Список литературы

1. Славенов В. П. Очерки внешней политики Франции (1961–1986 гг.) / В. П. Славенов – М.: Международные отношения, 1986. – С. 202.
2. Арзаканян М. Ц. Де Голль и голлистское движение во Франции в борьбе за признание и власть: 1940–1962 гг.: специальность 07.00.03 «Всеобщая история»: автореферат диссертации доктора исторических наук / Арзаканян Марина Цолаковна. – Москва, 2000. – С. 18.
3. Васютинский В. Н. Основные направления деятельности французской дипломатии в Европе в годы президентства Ж. Помпиду (1969–1974 гг.): специальность 07.00.05 «История международных отношений и внешней политики»: автореферат диссертации кандидата исторических наук / Васютинский Владимир Николаевич; Дипломат. акад. МИД СССР. – Москва, 1986. – С. 6.
4. Арбатов Г. А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. Доктрина, методы и организация внешнеполитической пропаганды империализма / Г. А. Арбатов. – Москва: Госполитиздат, 1970. – С. 187.
5. Колосков И. А. Внешняя политика Пятой республики. Эволюция основных направлений и тенденций 1958–1972 гг. / И. А. Колосков. – Москва: Наука, 1976. – С. 150.
6. Молчанов Н. Н. Внешняя политика Франции (Пятая республика). – М.: ИМО, 1961. – С. 89.

ЕГИПЕТСКАЯ КАМПАНИЯ ФРАНЦИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX вв.

Харьковский Р.Г., канд. ист. наук, доц.

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
г. Луганск, ЛНР
www.ryslan@mail.ru

Введение. Египет издревле привлекал завоевателей своим выгодным географическим положением и богатыми ресурсами. Однако, если в древности далеко не все правители осознавали значимость данного региона как важного стратегического пункта, то с приходом XIX в. положение дел изменилось. В процессе постоянной борьбы за усиление влияния в мире, одним из первых государств, ощутивших необходимость взятия под свой контроль Египта, стала Франция. А одним из наиболее активных проводников данной идеи был Наполеон Бонапарт (1769–1821), считавший захват Египта отличной возможностью ослабить Англию.

Основная часть. Идею завоевания Францией новых рынков на Востоке и в Северной Африке, а конкретно Египта, поддержал Ш. М. Талейран, назначенный в 1797 г. министром иностранных дел. Оба актора стали выразителями интересов торговой буржуазии [1]. В последние годы XVIII столетия в политических и деловых кругах Парижа было распространено мнение о том, что захват Египта может принести Франции значительные преимущества: поднять авторитет страны как колониальной державы, укрепить французскую средиземноморскую торговлю, лишить англичан монополии на ввоз индийских товаров в Европу и т.д. Идея похода давала аристократической элите прекрасный повод для высылки молодого амбициозного генерала из страны. Таким образом, почва для египетской экспансии оказалась достаточно подготовленной как в политических, так и в торговых кругах. Кроме того, в случае успешного завершения похода перед Наполеоном открывались блестящие перспективы.

12 апреля 1798 г. декретом Директории была создана «восточная армия» под командованием генерала Бонапарта, которому поручалось, во-первых, завоевать Египет; во-вторых, изгнать англичан из всех восточных владений и, прежде всего, разрушить их склады и фактории на Красном море; в-третьих, завладеть Суэцким перешейком, через который предполагалось прорыть судоходный канал [2, с. 145].

Главной задачей планировавшегося предприятия был не столько захват самого Египта, сколько вытеснение англичан из стратегически важного для Франции восточно-средиземноморского региона. Установление английского контроля над Суэцким перешейком означало бы для Франции полное поражение в борьбе за Индию и влияние на Востоке. Для

самого же Бонапарта стратегической целью являлся Суэц. По словам Ф. Шарля-Ру: «Суэц... был для него (Наполеона. – Р. Х.) суммой гигантского уравнения, решив которое, он планировал вырыть на египетской земле могилу английской торговле [3, с. 45].

Бонапарт рассчитывал, что Египетский поход будет не сильно отличаться от похода в Италию, однако, неготовность местного населения Африки принять освободительные идеи и подняться против своих угнетателей, заставила генерала изменить свои планы. К этому вынуждали и успешные действия английского флота (Нельсон), перекрывшие сообщение с Францией. Сражаться пришлось лишь теми вооруженными силами, которые изначально были отправлены в поход, поэтому кампания должна была пройти как можно быстрее и первые сражения начались уже спустя месяц по прибытию французских войск.

Мамлюкская кавалерия, являвшаяся главной силой турецкой армии в Египте, не представляла серьёзной опасности для хорошо вооруженной и вышколенной армии французов. 25 июля 1798 г. экспедиционный корпус Бонапарта захватил Каир [4, с. 114-115], тем самым побудив англичан к активным действиям. Пока Наполеон пытался покорить Египет, события в Европе складывались весьма плачевно для Франции: во-первых, адмирал Нельсон в битве при Абукире практически уничтожил французский флот, лишив «восточную армию» продовольственного снабжения и возможности прибытия нового вооруженного контингента, во-вторых, Талейран вопреки существовавшей договорённости, отказался отправиться в Стамбул для обеспечения «дипломатической поддержки» экспедиции, и в-третьих, турецкий султан, заручившийся поддержкой английской дипломатии, 4 сентября 1798 г. официально объявил французам войну [5, с. 174].

Подобный поворот событий оказал очень сильное негативное влияние на положение французской армии. Директория не собиралась приходить на выручку своим людям. Более того, собрать новую экспедицию для помощи Бонапарту заняло бы довольно длительный промежуток времени, а учитывая то, что на море всё ещё господствовал английский флот, новый поход был бы заранее обречен на провал.

Осознавая всю безнадёжность положения французской армии в Египте, и понимая, что основным соперником французов являются не мамлюки и турки, а англичане, Наполеон решил попытаться повлиять на развитие ситуации со стороны Европы. 22 августа 1799 г. он тайно отплыл во Францию, оставив своим заместителем в Египте генерала Клебера, которому было предписано удерживать контроль над Египтом до последней возможности [6, с. 63].

Однако, после того, как англичане потребовали полной капитуляции французского экспедиционного корпуса и приступили к активным действиям, стало очевидным, что Франция не сможет долго удерживать Египет под своим контролем. Несмотря на мужество французских солдат, 2 сентября 1801 г. был подписан акт о капитуляции, вследствие которого

сдавшиеся войска вернулись во Францию, а Египет полностью оказался под контролем англичан.

Заключение. Однако, несмотря на поражение французской кампании, поход Наполеона в Египет явился важной вехой в отношениях между Европой и арабо-османским миром. Он положил начало открытому колониальному противостоянию европейских стран на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В результате Египет превратился с одной стороны – в главного партнера в восточной политике Кэ д'Орсэ, а с другой – это открыло страну для европейского (прежде всего – франко-британского) соперничества.

Список литературы

1. Талейран и Бонапарт [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/159402> (дата обращения: 15.07.2021).
2. Frewen W. England and France in the Mediterranean 1660–1830. – L., 1901. – 345 p.
3. Charles-Roux F. Bonaparte, Gouverneur d’Egypte. – Paris.1935. – 395 p.
4. Олдридж Дж. Каир. – М., 1970. – 304 с.
5. Charles-Roux F. Les Origines de l’expédition D’Egypte. – Paris, 1910. – 352 p.
6. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. – М., 1986. – 735 с.

УДК 323.1:930.2

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Чугрина О.Р., канд. ист. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики», г. Донецк, ДНР

Oksana_Chygrina7@mail.ru

Введение. Современный период развития гуманитарного знания характеризуется активным процессом развития наук, которые исследуют этнополитическую сферу. Рождаются и возрождаются научные направления: этноистория, этнофилософия, этнопсихология, этноконфликтология, этносоциология и другие отрасли знания, которые успешно изучают этническую составляющую современного социума. Одним из важных направлений изучения данной сферы является совершенствование методологической базы исследования.

Теоретические вопросы развития этноса, наций и этнонациональных отношений в обществе, методологические подходы к пониманию этнонациональных проблем нашли своё отражение в работах Э. Балибара, И. Валлерстайна [1], П. Белкова [2], Н. Бердяева [3], Ю. Бромлея [4], Э. Геллнера [10], Г. Касьянова [5], Э. Смита [7], В. Тишкова [8] и других исследователей. Учёные отмечают, что в условиях, когда общество

находится в переходном состоянии, особое значение приобретает научно обоснованное управление этнонациональными процессами.

Основная часть. Преодолевая теоретико-методологические подходы прошлого и, одновременно, используя эти наработки, отечественная политологическая и историческая наука обогатилась рядом современных теоретических идей и концепций, которые способствуют более глубокому осознанию феномена этничности, социокультурной и исторической природы национального, его связи с политико-правовыми основами, государственными аспектами социального бытия.

Соглашаясь с позицией И. В. Сабирзяновой, стоит отметить, что глобальная перспектива формирования полицентрического миропорядка актуализирует проблему поиска стратегий межкультурного диалога отдельных народов и этнических общностей, проблему поиска способов сохранения собственной идентичности и сосуществования в едином мировом пространстве в условиях процесса взаимопроникновения и взаимного обогащения культур, а также постоянного состязания культур [6, с. 325].

При изучении данных проблем следует учитывать, что в современном мире множество взаимосвязанных процессов существенно влияют на этническую сферу человеческого бытия. Это процессы глобализации и модернизации, интеграции и дезинтеграции, которые способствуют усилению «этнического ренессанса» и самоидентификации народов, что было рассмотрено в ранее опубликованной работе. Осмысление проблем этнополитической сферы должно базироваться на том, что национальный интерес каждого государства заключается как в создании необходимых условий для самосохранения, так и усилении сотрудничества с другими государствами на основе наднациональных ценностей и интересов [9, с. 639-644].

Методологическими принципами исследования этнонациональных проблем в современных условиях выступают общенаучные принципы объективизма, гуманизма, историзма, системного, диалектического и междисциплинарного подхода.

Принцип объективизма требует исходить только из фактов в их совокупности, настаивает на беспристрастном, правдивом освещении того или иного вопроса развития этнонациональных отношений независимо от стереотипов, существующих в обществе, личных или государственных интересов и тому подобное.

Исследование изучаемых вопросов также должно базироваться на основе принципа гуманизма, который позволяет анализировать те или иные явления в неразрывности и единстве интересов человека, этнического сообщества и человечества в целом на основе приоритета общечеловеческих ценностей.

С помощью принципа историзма, который требует рассматривать все явления исторической действительности в связи с конкретными условиями

их возникновения и существования, в процессе их постоянного изменения во времени и пространстве, процесс построения межнациональных и межэтнических отношений раскрывается в последовательно-временном развитии, что позволяет сделать обобщения, выявить основные тенденции развития этнонациональных отношений в определённый период.

Следующей основой исследования этнонациональной сферы является системный подход, то есть понимание того, что общество – это целостная система, неотъемлемой составляющей которой наряду с другими является сфера этнонациональных и межнациональных отношений. Это позволяет рассмотреть исторический опыт развития этнонациональных отношений в неразрывном единстве с социально-экономической, культурной и политической подсистемами общества. То есть, благодаря системному подходу сложный объект рассматривается как целостность с множеством взаимосвязанных элементов и одновременно как составляющая общества во всей совокупности его социокультурных, экономических, политических связей. Необходимо подчеркнуть, что системный подход тесно связан с принципом историзма, поскольку имеет дело с системами, которые развиваются, то есть включают в качестве важной характеристики время.

Реализация принципа системности обуславливает междисциплинарный подход к исследованию указанной проблематики и максимально приближается к другим научным дисциплинам, в частности этнологии, социологии, культурологии, правоведения (правовые основы существования и жизнедеятельности национальных меньшинств, коренных народов, этнонациональные права человека), а также политологии (вопросы государственной политики в национальной сфере).

Согласно диалектическому подходу анализ этнического, национального и государственного процессов должен рассматриваться в их взаимообусловленности и взаимозависимости, учитывая противоречивый характер развития этнонациональных процессов.

Для достижения конкретных задач могут использоваться и специально-исторические методы исследования. Среди новых методов исследования общественных отношений применяется этнополитический метод, который заключается в определении и учёте того факта, что сегодня главными субъектами политики, международных отношений является человек, этнические сообщества и государство.

Заключение. В заключение отметим, что с целью избежать предвзятых оценок процессов и явлений, которые происходили и происходят в этнонациональной сфере, исследования должны осуществляться на принципах политического и идеологического плюрализма и этнонациональной толерантности.

Список литературы

1. Балибар Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности: Пер. с фр. / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – М.: Логос–Альтера, Ессе Номо, 2003. – 272 с.

2. Белков П. Л. О методе построения теории этноса / П. Л. Белков // Этносы и этнические процессы. – М.: Вост. лит., 1993. – С. 48-61.
3. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 208 с.
4. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
5. Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму / Г. Касьянов. – К.: Либідь, 1999. – 352 с.
6. Сабирзянова И.В. Архитипические основания этнонациональной идентичности / И.В. Сабирзянова // Гуманитарный вестник. – 2017. – № 3(2). – С. 325-330.
7. Сміт Е. Націоналізм та історики: Пер. з англ. / Е. Сміт // Націоналізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2000. – С. 282-291.
8. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследование по социальнокультурной антропологии / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
9. Чугрина О. Р. Этнические сообщества в условиях геополитических процессов на рубеже XX–XXI вв. / О. Р. Чугрина // Мультипликация кризисных сценариев в современном социуме и пути их преодоления: материалы Международной конференции / С. Е. Шиянов, А. П. Федоровский (отв.ред.). – Ставрополь: АНО ВО СКСИ, 2020. – С. 639-644.
10. Gellner E. Nations and Nationalism / E. Gellner. – Blackwell, Oxford UK & Cambridge USA, 1993. – 150 p.

УДК 930.2 (53 + 569.4)

ИЗУЧЕНИЕ СОБЫТИЙ ОКТЯБРЬСКОЙ ВОЙНЫ 1973 ГОДА В ИССЛЕДОВАНИЯХ Е. М. ПРИМАКОВА

Янченко Д.С., Разумный В.В., канд. ист. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
dmitry_yanchenko@inbox.ru

Введение. Евгений Максимович Примаков – один из известнейших советских и российских востоковедов-арабистов, который совмещал в себе глубокие знания различных наук. Его рабочие поездки на Ближний Восток, личные встречи с политическими деятелями арабского мира, о которых он неоднократно упоминал в своих книгах, сделали его работы не только уникальными, в контексте понимания и анализа политических процессов прошлого, но и важным источником по изучению событий и явлений, происходящих в настоящее время.

Цель данных тезисов заключается в рассмотрении и анализе работ Е. М. Примакова, в которых изучались события Октябрьской войны 1973 года.

Основная часть. Следует подчеркнуть тот факт, что в западной историографии арабо-израильскую войну в октябре 1973 г. называют «войной Судного дня». В работах арабских историков эти события именуются «войной Рамадана».

В 1978 г. в свет вышла одна из ранних работ Е. М. Примакова – «Анатомия ближневосточного конфликта», содержащая обширный факти-

ческий материал об истории противостояния Израиля с арабскими государствами [1]. Интерес, в рамках указанной тематики, вызывает раздел: «Кризис октября 1973 г.», раскрывающий причины новой войны. В частности, автор определяет свою цель, а именно: «рассмотреть обстановку перед началом военных действий, обращая внимание на те качественные в ней сдвиги, которые уже произошли или назревали перед октябрём 1973 г.» [1, с. 338]. Достижением данной цели, невзирая на мнение западных специалистов об инициативе развязывания боевых действий арабской стороной, стали следующие положения:

1. «Израиль проводил экспансионистский курс в условиях поддержки со стороны США, которая выражалась в поставке вооружений»;
2. «Политика Израиля была направлена на то, чтобы не допустить справедливого решения конфликта»;
3. «Израиль не отступал от политики навязывания капитулянтских условий урегулирования своим арабским соседям».
4. «Политика «замораживания» конфликта на Ближнем Востоке не могла иметь и не имела будущего. Более того, эта израильская политика и приобрела характер детонатора, вызвавшего ожесточенные военные действия на Ближнем Востоке в октябре 1973 г.» [1, с. 341-343].

Из вышеуказанных положений следует закономерный результат – начало новых боевых действий. Следует заметить, что в самом разделе позиция Советского Союза практически не была раскрыта, однако это компенсировалось заключением книги: «Путь к миру: советская точка зрения» [1, с. 345].

Позиция США по отношению к Октябрьской войне 1973 г., как и ее международный аспект, были исследованы Е.М. Примаковым в книге: «История одного сговора: Ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х годов» (1985 г.) [2]. Был сделан акцент на Женевской конференции 1973 г., рассматриваемой с позиции двух внешнеполитических курсов – США и СССР. Сопоставление этих курсов можно охарактеризовать следующей формулировкой: «миролюбивая политика Советского Союза, направленная на всестороннее урегулирование конфликта, выступала противовесом агрессивной политике Израиля при поддержке США». «Соединенные Штаты использовали факт созыва Женевской конференции практически только для того, чтобы осуществлять свою политику «шаг за шагом», – пишет Е. М. Примаков [2, с. 65].

Наиболее детальный разбор событий Октябрьской войны 1973 г. был проведен в книге: «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века)» [3]. Практически сразу, в начале X главы «Война 1973 года: тайные пружины», автор говорит об интересующих его аспектах данного военного противостояния – подоплека войны, ее теневые, слабо освещенные до сих пор стороны. При этом сама Октябрьская война делится Е. М. Примаковым на две части: «демонстрация возросшей боеспособности египетской и сирийской армий,

а затем перехват инициативы израильянами, что поставило на грань разгрома египетскую и сирийскую армии, начавшие войну» [3, с 152].

В этой работе для читателя предоставляется возможность не только ознакомиться с общей картиной политических, экономических и исторических событий на Ближнем Востоке, но и проследить за анализом закономерности их развития в арабском мире. Эта книга была написана на основе изучения ранее малоизвестных документов и фактов, которые впервые вводятся в научный оборот. Информация, изложенная в книге важна еще тем, что ее автор неоднократно лично встречался с лидерами арабских стран, которые становились главными объектами внимания мировых СМИ во второй половине XX века.

Изучая события, связанные с Октябрьской войной 1973 года на Ближнем Востоке, можно условно выделить следующие направления:

1. Политика и мотивы президента Египта Анвара Садата;
2. Взаимоотношения между Египтом и Сирией накануне Октябрьской войны 1973 года;
3. Позиции и выбор политических стратегий СССР и США;
4. Урегулирование конфликта и долгосрочные перспективы.

Фактически, учитывая ряд двухсторонних соглашений периода 1974–1975 гг. (Египет – Израиль, Израиль – Сирия), региональную напряженность удалось снизить лишь частично. Правительству США удалось усилить свою роль в качестве посредника в переговорном процессе, что, в конечном итоге, привело к подписанию соглашений в Кэмп-Дэвиде [3, с. 168].

Заключение. Как мы можем увидеть, описанные события войны 1973 г. являлись частью общих исследований и не были узконаправленными, но это, в свою очередь, не отменяет их значимость и информационную наполненность. Так же, в вышеупомянутых трудах, автором не ставилась задача раскрыть ход военных действий или боевую оснащенность армий, что придавало им свою специфику.

Вместе с тем, хотелось бы подчеркнуть тот факт, что события октября 1973 г. академик Е. М. Примаков анализирует не как региональное явление, а как международное. Здесь значительное внимание уделяется экономическим, военно-политическим и дипломатическим последствиям, которые были вызваны арабо-израильской войной 1973 г.

Исследования Е. М. Примакова, в сочетании с трудами военных специалистов, имеют широкие возможности применения историками, в области интересов которых лежат проблемы современного Ближнего Востока.

Список литературы

1. Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. / Е. М. Примаков. – М.: Мысль, 1978. – 378 с.
2. Примаков Е. М. История одного сговора: Ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х годов./ Е. М. Примаков. – М.: Политиздат, 1985. – 318 с.
3. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века)/ Е. М. Примаков. – М.: Российская газета, 2006. – 384 с.

Отечественная и региональная история

УДК 77.01«1930/1950»

СТАНОВЛЕНИЕ ФОТОЖУРНАЛИСТИКИ В СССР И НА ТЕРРИТОРИИ ДОНБАССА В 1930–1950-е ГОДЫ

Аджимирова А.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
a_vitkova@mail.ru

Введение. Однажды в беседе с выдающимся фотохудожником П. Оцупом В. И. Ленин сказал: «Очень хорошо история пишется объективом. Она ясней и понятней, эта история, в снимках. Ни один художник не в силах запечатлеть на полотне того, что видит фотоаппарат...» [1]. И как бы ни менялись времена и идеалы, это утверждение остается актуальным. Свой творческий путь многие военные фотожурналисты начали в «Золотую эпоху» фотожурналистики, которая как раз выпала на 1930–1950 годы [2, с. 83]. Для того чтобы глубже понять творческий потенциал советской фронтовой фотографии, да и в целом фотоискусства следует хотя бы вкратце обрисовать состояние светописы в предвоенный период. В отличие от полных эстетических поисков и новаторских экспериментов бурных 1920-х гг., 1930-е стали временем покоя и статики. В фотографии развивались, в основном, традиционные жанры изобразительного искусства: портрет, пейзаж, натюрморт. Под их воздействием репортажная фотография также обретала не свойственные ей по природе черты. Становилась картинной, уравновешенной, благостной.

Основная часть. Появившись в апреле 1926 г., журнал «Советское фото» стал заметным явлением в фотографической и общекультурной жизни страны. Он сразу привлек к себе внимание со стороны как профессиональных фоторепортеров, так и фотолюбителей, число которых с каждым годом росло. Первоначально журнал выполнял просветительскую функцию, так как в нем описывали тонкости фотографического процесса, знакомили с опытом ведущих фотомастеров, давали советы и консультировали. На материалах «Советского фото» воспитывалось несколько поколений мастеров отечественной фотографии и фотолюбителей; благодаря в том числе и его публикациям рождалось новое направление критики – фотоведение. До войны авторами журнала были Л. П. Межеричер, В. Д. Гришанин, Г. М. Болтянский, С. А. Морозов, Л. Ф. Волков-Ланнит, В. П. Микулин и др., заложившие основы отечественных исследований по истории, теории и практике фотографии, многие из которых остаются актуальными и поныне. Жанр военного фоторепортажа начал активно развиваться еще в 30-е годы XX в., когда в

газетах, журналах стали появляться уникальные фотографии, сделанные военными фотожурналистами на полях сражений в Испании и Китае.

Нужно отметить, что военные фотокорры прорывались на передовую и выполняли свою работу, и для большинства это было скорее долгом, чем работой – донести и сохранить для истории все тяготы того страшного времени. В СССР фотожурналистика всецело служила делу борьбы с врагом, от самого первого до самого последнего дня войны. Советские фотокорреспонденты вплоть до изгнания фашистских войск с родной земли вели летопись событий. Фотографы ловили объективами своих камер истинные страдания народа, всю его боль. Освещали разрушения, последствия зверского поведения противника. Журналисты стремились, чтобы об этом узнал весь мир. Так были запечатлены события первых, тяжелейших месяцев войны. Фотографы самоотверженно снимали эпизоды обороны городов, передавали героизм, проявленный советскими воинами при обороне стратегически важных районов. Фотокорры Донбасса во время войны снимали советскими фотокамерами «ФЕД», а те, кто представлял центральные органы печати, фотографировали импортными «Лейками», с малофокусными объективами. Чтобы снять боевые действия, нужно было находиться в самом пекле боя. Для сравнения – у американцев и немцев к тому времени были длиннофокусные объективы [3, с. 14].

Огромный талант и самоотверженность фронтовых репортеров позволили создать бесценное творческое наследие военных лет. Одним из истинных летописцев стал и Е. А. Халдей, который со своей камерой прошел всю войну, все 1418 дней, от Москвы до Берлина [2, с. 103]. Его фотографии стали историей одной страны, одного человека и всего народа.

Заключение. Таким образом, исследовать советскую документальную фотографию военного времени и легко, и трудно в одно и то же время. Легко – потому что и по периодизации, и по включаемому в поле зрения исследователя материалу тут нет никаких сложностей. Материал – снимки военных фотокорров, сделанные в течение 1418 дней Великой Отечественной. Если использовать метафорическое в обычных условиях выражение «в одно мгновение все переменялось до неузнаваемости» буквально, то оно как нельзя более точно обозначит случившееся в полдень 22 июня 1941 г., когда в радиовыступлении В. М. Молотова было сказано о начале войны.

Список литературы

1. Морозов С. А. Творческая фотография. – Изд. 3-е. – М.: Планета, 1989. – 348 с.
2. Евгений Халдей. «От Мурманска до Берлина». – Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1984 г. – 98 с.
3. Федоренко А. С. Великая Победа в объективе Евгения Халдея. – Донецк: издательство А. С. Федоренко, 2014. – 368 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАЛИНСКОГО ГОРОДСКОГО ТЕАТРА КУКОЛ В 1933–1964 гг.

Горбатенко Е.А.

ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей», г. Донецк, ДНР
katiasolnce_1995@mail.ru

Введение. В отличие от драматического и оперного театров, деятельность театра кукол следует рассматривать с иной зрения, поскольку он живёт по своим собственным законам, ему присущи фантастичность и сказочность, где происходит смешение всех жанров. Элементы театра кукол используются и в драматических театрах, и в опере, и в балете, оперные актёры принимают участие в кукольных спектаклях, балетные артисты и хореографы ставят кукольные спектакли.

Цель работы – проанализировать деятельность Сталинского городского театра кукол, выявить основные направления работы и проследить этапы развития с 1933 по 1964 гг.

Основная часть. Областной театр кукол в г. Сталино был основан в 1933 г. при Сталинском государственном украинском музыкально-драматическом театре им. Артёма. Подчинялся театр кукол Областному управлению культуры и в свою очередь Министерству культуры УССР [1].

В течение 1958–1961 гг. носил название Сталинского городского театра кукол, Областного управления культуры, Министерства культуры УССР, г. Сталино, Сталинской области. В период с 1961 по 1963 гг. назывался Донецким городским театром кукол, Областного управления культуры, Министерства культуры УССР. Следующий период с 1963 по 1977 гг. именовался Донецким государственным театром кукол, Областного управления культуры, Министерства культуры УССР. С 1978 по 1981 гг. Донецкий областной театр кукол, Областного управления культуры, Министерства культуры УССР, г. Донецк, Донецкой области [2].

Основная деятельность театра была направлена на эстетическое, художественное и нравственное воспитание подрастающего поколения, на воспитание у школьников преданности делу великого Ленина, любви к своей многонациональной социалистической Родине.

В 1982 г. работниками Государственного архива Донецкой области была проведена экспертиза практической и научно-исторической ценности архивных документов театра, в ходе которой выяснилось, что в процессе делопроизводства документы не всегда формировались правильно, а именно: к приказам по основной деятельности подшивались приказы временного срока хранения, годовые отчеты о деятельности театра формировались вместе с месячными отчетами.

Согласно штатному расписанию, Сталинский городской театр кукол строгого структурного подразделения не имел. Документы в описи

расположены согласно условно-структурному делению, опись составлена по структурно хронологическому признаку [3].

В 1933 г. Добровольский Виктор Николаевич и Гаккебуш Любовь Михайловна, именитые художники, создали при Сталинском государственном украинском музыкально-драматическом театре им. Артема театр кукол. Первоначально на коллектив из 8 человек легли тяготы по сооружению декораций, изготовлению кукол. Первая постановка – «Юные патриоты», потом последовали «Ивасик-Телесик», «Коза-дереза», «Три поросёнка», «Сказка о царе Салтане». Представления ставились на шахтах и заводах, а в выходные дни ставили ширму прямо на большой сцене.

В 1958 г. прошли первые гастроли, в это время директор – И. С. Журавлёв, с 1968 г. – И. П. Клименко; главный режиссёр В. Н. Трипольская, а с 1961 г. – А. Д. Юдович; главный художник Л. В. Ванифатьева, а с 1963 г. – Н. Ф. Ясницкий. Такие спектакли, как «Волшебная калоша», «Телевизор доктора Айболита», «Битва в лесу», «Чертова мельница» (для взрослых) и спектакли для детей Сергея Ефремова – «Голубой щенок», «О чём рассказали волшебники», «Сказка о жадном Серёжке» (диплом республиканского смотра) и другие родились в 1960-е гг., их ставил Юдович Александр Давыдович [4].

В 1941 г. Сталинский городской театр кукол реструктурирован в театр политических миниатюр.

Именно 60-е гг. для театра становятся знаковыми: народный артист Украины Сергей Ефремов и заслуженные артисты Украины Элеонора Смирнова и Шарль Фоерберг с течением времени стали «кукольными звёздами», известными за пределами страны. Спектакли того времени – «Сердце храбреца», «Клянёмся тебе, Кибальчиш!», «Вредный витамин», «Сказка о жадном Серёжке» и другие, поставленные режиссёрами А. Юдович и С. Ефремовым, по праву вошли в число лучших работ коллектива. Театр кукол входил в группу лидеров театров кукол страны [5].

Согласно Решению об организации театра кукол в г. Сталино от 8 августа 1958 г., в соответствии с Постановлением Совета Министров УССР от 25 июня 1958 г. № 800, исполком Облсовета депутатов трудящихся решил: организовать в 1958 г. в г. Сталино на территории Кировского района городской театр кукол областного подчинения. На его содержание была определена дотация из областного бюджета 84 тыс. руб. Облуправление культуры выполняло задачи по укомплектованию театра кукол необходимыми кадрами, подготовке репертуара и началу его работы с 15 сентября 1958 г. Обеспечение работников новоиспечённого театра жильём легло на исполком Облсовета депутатов трудящихся. Совнархоз Сталинского экономического административного района передал безвозмездно театру здание бывшего дворца пионеров шахты 17/17-бис со всем оборудованием, а также был проведён ремонт передаваемого здания. Обком союза просвещения, в лице т. Перешивайло, временно до окончания ремонта театра разрешил в дневное время работу театра кукол в поме-

щении дома учителей. Для приведения помещения театра в эксплуатационную готовность было выделено из областного бюджета на капитальный ремонт 200 тыс. руб., на приобретение оборудования 85 тыс. руб. [4].

За 1961 г. выполнение финансового плана и количество спектаклей достигли показателей: по плану спектаклей 860, по отчету – 950, зрителей 30 990 чел., сумма сборов по плану 55 000 руб., по отчету 61 100 руб. Кроме этого, театр всё время оказывал помощь школьной самодеятельности – театрам кукол, а именно – в 1960 г. в мае месяце в г. Жданове. На семинаре начальников пионерлагерей и старших пионер-вожатых проведён смотр спектакля «Весёлый утёнок Тим». В феврале 1961 г. в г. Горловка в доме пионеров была оказана помощь в организации школьного театра кукол. Даны образцы гапитов, выкройки одежды, чертежи конструкции ширмы, сделаны куклы для спектакля «Весёлые медвежата». В феврале и мае 1961 г. в г. Жданове в клубе Черноморцев была проведена беседа и консультация, по вопросу организации кружка театра кукол; на семинаре начальников пионерлагерей и старших пионер-вожатых был просмотрен спектакль «Иван – крестьянский сын» [5].

Заключение. Можем сделать вывод, что Сталинский городской театр кукол постепенно и органично влился в общественную жизнь Донбасса, сохранив свои традиции и характер в самые тяжёлые времена для нашей Родины.

Список литературы

1. Донецкий республиканский академический театр кукол. Режим доступа: URL: <http://www.teatrkuoldnr.ru>
2. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР). Ф.Р. – 6397. Оп. 1. Л. 1
3. Госархив ДНР. Ф.Р.- 6397. Оп 1. Л. 2
4. Госархив ДНР. Ф.Р.- 6397. Оп 1. Д. 1. Л. 1.
5. Госархив ДНР. Ф.Р.- 6397. Оп 1. Д. 1. Л. 3.
6. ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей». Режим доступа: URL: <http://www.drkm-dnr.ru>

УДК 908

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ ПРИАЗОВЬЯ В XIX – нач. XX вв.: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Дмитриченкова Е.А.

ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей», г. Донецк, ДНР
eliseeva_rina@inbox.ru

Введение. Среди многих народов, населяющих Приазовье, особое место принадлежит немцам. Религиозные воззрения немецкоязычных

колонистов Приазовья влияли на культурную жизнь местных этнических групп. Данная тема имеет научное и общественно-политическое значение, чем и обусловлена ее актуальность, поскольку первостепенное значение в жизни немецких колонистов Приазовья в период XIX – нач. XX вв. имели религиозные предпочтения. Целью исследования является изучение и анализ историографической базы по вопросу религиозной жизни немецких колонистов Приазовья в XIX – нач. XX вв.

Основная часть. Отечественную и зарубежную литературу по обозначенной проблематике можно разделить на четыре отдельные группы: это работы дореволюционного периода, научное наследие советской историографии, современные исследования ученых и научные разработки зарубежных исследователей.

1 группа – Работы дореволюционного времени в основном характеризовались описательностью и отсутствием четкой методики научного исследования. Их авторами зачастую были не профессиональные историки, а отдельные лица, которые по роду своей деятельности так или иначе имели дело с колони́стской средой. К ним относились отдельные отечественные и иностранные публицисты, чиновники, представители колони́стской интеллигенции (прежде всего, духовенство), военные, исследования которых опирались на соответствующие документы государственных ревизий и земской статистики, материалы колони́стских и ведомственных архивов, законодательные акты и т. п. Большое значение имели и собственные наблюдения авторов. Основные представители: А. А. Клаус [1], А. А. Велицин [2], Д. А. Багaley [3].

2 группа – Научное наследие советской историографии. Интерес к немецкой проблематике значительно вырос в России в начале XX в. и накануне Первой мировой войны, что нашло свое отражение в новых публикациях по этой тематике. Их авторы рассматривали преимущественно общие вопросы истории немецкой и менонитской колонизации в стране. Среди них: Г. Писаревский [4] и Ю. М. Бондарь [5]. Они осветили важные стороны внутренней жизни немецкого и менонитского сообщества. В это же время публиковались отдельные работы немецкоязычных авторов, происходивших преимущественно из среды местного колони́стского духовенства. Историю своих соотечественников в России они рассматривали, прежде всего, через призму их духовной жизни, но вместе с тем их исследования содержали разнообразные материалы по внутренней жизни колони́стских общин Приазовья. Стоит отметить таких исследователей: Е. Буш [6], Я. Штах [7], К. Келлер [8], Д. Эпп [9] и Ф. Исаак [10]. Анализируя общую картину развития дореволюционной историографии проблемы, следует отметить, что в этот период было начато ее изучение и созданы условия для дальнейшего научного исследования, которое продолжилось уже в советские времена. *3 группа* – Современный период развития историографии характеризуется разнообразием тематики, глубоким анализом известных и изучением новых архивных материалов,

пересмотром многих старых теорий и догм, разработкой новых методов исследования научных проблем, тесными связями с зарубежными учеными и научными учреждениями. Привлекают внимание работы авторов: И. М. Кулинич и Н. В. Кривец [11], В. Б. Евтуха и Б. В. Чирко [12], В. М. Васильчука [13]. 4 группа – научные разработки зарубежных исследователей. Отдельные исследования по немецкой тематике в этот период выходили и за рубежом. Зарубежные специалисты традиционно рассматривали преимущественно социальные аспекты этой проблемы. В России в последние годы по немецкой проблематике были опубликованы исследования таких специалистов, как Е. И. Дружинина [14] и М. Л. Малиновский [15]. Отдельные вопросы религиозной жизни немецких колонистов осветили в своих диссертациях: А. В. Безсонова [16], Е. С. Лях [17], Т. К. Захарченко [18], А. С. Берестень [19], И. В. Задерейчук [20], О. В. Замуруйцев [21]. История меннонитов Приазовья нашла свое отражение в диссертациях Н. В. Осташевой [22] и М. В. Беликовой [23].

Заключение. Таким образом, исследовав состояние разработки выбранной темы, приходим к выводу, что ее нельзя считать окончательно изученной, несмотря на то, что первые работы этого направления появились еще в дореволюционный период. До сих пор не было работ обобщающего характера, в которых бы комплексно рассматривались проблемы социально-экономического и культурного развития немецких и меннонитских колоний Приазовья во второй половине XIX – в начале XX вв. Много важных аспектов жизни немцев и меннонитов Приазовья до сих пор освещены недостаточно. Сегодня идет процесс поиска и сбора научного материала, который, безусловно, найдет свое отражение на страницах различных научных изданий и диссертационных исследований.

Список литературы

1. Клаус А. А. Наши колонии / А. Клаус. – СПб.: Тип. В. В. Нусвольта, 1869. – 455 с.
2. Велицин Г. А. Немцы в России / Г. А. Велицин. – СПб.: Изд. Русского вестника, 1893. – 282 с.
3. Багалеи Д. И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его на пути культуры. Исторический этюд / Д. И. Багалеи. – К.: Типография Корсакова-Новицкого, 1889. – 115 с.
4. Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII ст. (по неизданным архивным документам) / Г. Г. Писаревский. – М., 1909. – 340 с.
5. Бондарь Ю. М. Менониты / Ю. М. Бондарь. – Пг., 1915. – 252 с.
6. Bosch A., Lingor J. Entstehung, Entwicklung und Auflösung der deutschen Kolonien am Schwarzen Meer am Beispiel von Kandel 1808 bis 1944 / A. Bosch, J. Lingor. – Stuttgart, 1990. – 573 s.
7. Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южно-русских колонистов / Я. Штах. – М., 1916. – 266 с.
8. Keller C. Die deutschen Kolonien in Südrußland. Bd. 1-2 / C. Keller. – Odessa, 1890. – 460 s.
9. Epp D. H. Chortiser Mennoniten / D. H. Epp. – Odessa, 1889. – 196 s.
10. Isaac F. Die Molotschaner Mennoniten / F. Isaac. – Halbstadt, 1908. – 383 s.
11. Кулінич І. М., Кривець Н. В. Нариси з історії німецьких колоній в Україні / І. М. Кулінич, Н. В. Кривець. – К.: Наукова думка, 1995. – 272 с.

12. Євтух В. Б., Чірко Б. В. Німці України / В. Б. Євтух, Б.В. Чірко. – К., 1994. – 210 с.
13. Васильчук В. М. Німці в Україні. Історія і сучасність (друга половина XVIII – початок ХХІ ст.) / В. М. Васильчук. – К., 2004. – 245 с.
14. Дружинина Е. И. Южная Украина в период кризиса феодализма, 1825–1860 гг. / Е. И. Дружинина. – М.: Наука, 1981. – 215 с.
15. Малиновский Л. В. История немцев в России / Л. В. Малиновский. – Барнаул, 1996. – 186 с.
16. Безсонова О. В. Позднее протестантское сектантство юга Украины (1850–1905 гг.): дис...канд. ист. наук: 07.00.01 / Оксана Володимирівна Безсонова. – Днепропетровск. ДГУ, 1997. – 257 с.
17. Лях К. С. Німецькомовні колоністи півдня України в мультинаціональному оточенні: проблеми взаємодії культур (XIX – поч. ХХ-го ст.): автореф. дис... канд... іст. наук: 07.00.01 “Історія Україна” / Катерина Сергіївна Лях. – Донецьк, 2005. – 19 с.
18. Захарченко Т. К. Соціокультурний розвиток німецьких і менонітських колоній Північного Приазов'я (XIX – початок ХХ ст.): дис...канд. іст. наук. 07.00.02 / Таїся Константинівна Захарченко. – Дніпропетровськ, 2005. – 225 с.
19. Берестень О. Е. Суспільно-політична та культурно-просвітницька діяльність німецьких і менонітських колоністів Півдня України (1905–1917 рр.): дис...канд. іст. наук. 07.00.01 / Олена Євгенівна Берестень. – Дніпропетровськ. ДДНУ, 2006. – 199 с.
20. Задерейчук І. П. Розвиток системи освіти в німців на Півдні України 1789–1938 рр.: автореф. дис...канд. іст. наук: спец. 07.00.01 “Історія України” / Іван Панасович Задерейчук. – Харків, 2005. – 20 с.
21. Замуруйцев О. В. Німецькі колонії півдня України у другій половині XIX – на початку ХХ ст.: дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / О.В. Замуруйцев; Київський національний лінгвістичний університет. – Київ, 2008. – 220 с.
22. Осташева Н. В. Криза менонітської спільноти на Україні та закордонна менонітська допомога (1914 – поч 30-х років ХХ ст.): дис...канд. ист. наук: 07.00.01 / Н. В. Осташева. – Дніпропетровськ, 1996. – 192 с.
23. Белікова М. В. Менонітські колонії півдня України (1789–1917 рр.) – дис...канд. ист. наук: 07.00.01 / М. В. Белікова. – Запоріжжя, 2004. – 257 с.

УДК 94(477.6)“1943/1953”:338.2-043.96

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ТЯЖЁЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Дукін А.А., Удалова Т.М., канд. ист. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
aleksei.dukin@mail.ru

Введение. Успехи послевоенного восстановительного процесса в советской экономике опирались прежде всего на максимальное использование внутренних ресурсов общества и высокие мобилизационные способности государства. В решении грандиозных задач по восстановлению разрушенного хозяйства советский народ, проявил самоотверженность, высокую организованность и выдержку, сознательную дисциплину и

целеустремленность. Особенно ярко это наблюдается на примере восстановления Донбасса.

Актуальность данной темы заключается в том, что раскрытие новых фактов с использованием архивных документов, позволяет предотвратить размытие правды и препятствует выдвигению недостоверных теорий относительно данного вопроса.

Целью работы является поиск новой информации касавшего послевоенного периода в истории нашего края.

Хронологические рамки исследуемой проблематики охватывают период с 1946 по 1953 гг.

Источниковой базой послужили документы Государственного архива Донецкой Народной Республики.

Основная часть. Послевоенное восстановление тяжёлой промышленности Донбасса началось с принятия Закона «О пятилетнем плане восстановления народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» принятого на первой сессии Верховного Совета Союза СССР II созыва от 18 марта 1946 г. Основные задачи пятилетнего плана заключались в следующем:

- обеспечение первоочередного восстановления и развития тяжёлой промышленности и железнодорожного транспорта, без которых невозможно быстрое и успешное восстановление и развитие всего народного хозяйства СССР;

- подъем промышленности, производящей средства потребления для обеспечения материального благополучия народов Советского Союза и создания в стране обилия основных предметов потребления;

- обеспечение дальнейшего технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства СССР, с мощным подъемом производства и повышения производительности труда, для чего необходимо не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами СССР [1; с. 25].

С целью организации и координации восстановления металлургических предприятий Донбасса в 1946 г. было сформировано специальное Главное управление по строительству предприятий черной металлургии Донбасса (Главчерметстрой), в состав которого вошли пять строительно-монтажных трестов: Азовстальстрой, Макстрой, Сталинметаллургстрой, Ворошиловградстрой и Енакиевтяжстрой, которые ранее подчинялись Главюзжстрою. Именно эти организации выполняли основные работы, связанные с восстановлением черной металлургии УССР. Создание мощной централизованной организации, которая восстанавливала отрасль, позволило значительно расширить масштабы работ. Прежде всего возродилось энергетическое хозяйство предприятий, водоснабжение, внутризаводской транспорт, но главное внимание было сосредоточено на цехах основного металлургического производства. Строителям нужно было заново восстанавливать полностью разрушенные мощные металлурги-

ческие агрегаты со сложным технологическим оборудованием и большим вспомогательным хозяйством [2; Л. 18].

В этих условиях при проведении восстановительных работ широко использовали уцелевшие фундаменты, стены заводских зданий, арматуру, другие строительные конструкции, максимально применяли местные, но часто некачественные строительные материалы.

Одновременно с восстановлением разрушенных предприятий осуществлялась техническая модернизация отдельных производств. В течение 1946–1952 гг. в металлургии было проведено пять процессов механизации (в 1946, 1947, 1948, 1950 и 1952 гг.). Каждый из них включал перечень мероприятий (с их техническим решением) по механизации трудоемких работ и обязательные сроки внедрения на всех металлургических предприятиях. При этом в каждый последующий минимум включалось больше мероприятий, чем в предыдущий и охватывалось больше структурных подразделений (сначала основные цеха, а затем и вспомогательные) [2; Л. 19].

До 1951 г. уровень механизации в мартеновских цехах металлургических предприятий составил на разных участках примерно 60–99 %. Коренной модернизации подвергся блюминг Макеевского завода, новыми механизмами и приборами были оснащены блюминг «Азовстали», многочисленные механические устройства смонтированы на рельсобалочных станках Енакиевского, Краматорского и других заводах региона [2; Л. 19].

Дальнейшее развитие народного хозяйства СССР и всей страны целиком и полностью зависело от восстановления топливно-энергетической базы, в особенности это касалось «чёрного топлива» Донбасса. В связи с этим, угольная отрасль Донбасса получила большие средства и трудовые ресурсы. Со всех республик Советского Союза в регион поступали строительные материалы, новейшая техника и оборудование. В связи с большим объемом восстановительных работ количество строителей во Всесоюзной кочегарке в несколько раз превысило довоенный уровень. Важную роль в ходе возрождения угольной промышленности сыграло постановление ЦК ВКП(б) от 28 февраля 1948 г. «О состоянии партийно-политической работы на угольных шахтах Донбасса». Центральный Комитет потребовал усилить партийно-политическую работу и широко развернуть социалистическое соревнование шахтеров. Это постановление было утверждено на пленумах Ворошиловградского и Сталинского обкомов компартии СССР, наметивших конкретные меры по его выполнению. После принятия этого постановления на работу в угольные предприятия Сталинской области было направлено свыше 2 тыс. коммунистов и комсомольцев, в коллективах шахтеров создано 200 новых партийных групп и около 300 комсомольских организаций, что позволило улучшить организационно-партийную и массово-политическую работу, проведение социалистического соревнования. Все это положительно отразилось на трудовых показателях горняков. Уже к концу III квартала 1948 г. 350 шахтеров области выполнили свои пятилетние задания, около

тысячи завершили планы четырех лет, более 3 тыс. – трех лет. В связи с этим, несмотря на множество проблем, за годы четвертой пятилетки было восстановлено и построено 380 новых шахтных сооружений, введено в эксплуатацию 700 подъемных машин, 300 компрессорных установок, 1600 км. подземных путей, возведено множество производственных зданий и сооружений, подготовлено 139 участка для сооружения новых угольных комбинатов [3; Л. 6].

Заключение. Несмотря на большие трудности, Донбасс возрождался и обновлялся. Героическим трудом советского народа под руководством Коммунистической партии за годы четвертой пятилетки была воплощена в жизнь грандиозная программа восстановления и дальнейшего развития страны. Успешное выполнение заданий четвертой пятилетки в тяжёлой промышленности проходило под знаком широкого внедрения новой техники и прогрессивной технологии. За эти годы была в основном осуществлена механизация трудоемких процессов в черной металлургии, угольной промышленности, за счет создания и внедрения новых машин и механизмов достигнуто повышение производительности труда.

Список литературы

1. Промышленность и рабочий класс Украинской ССР, 1946–1953 гг.: Сб. документов и материалов: В 2 ч. – К.: Наук. Думка, 1977. – Ч.2. – 172 с.
2. Госархив ДНР. Ф. Р4804. Оп.1д. Д. 1. 22 Л.
3. Госархив ДНР. Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 76. 10 Л.

УДК 94(477.62)"1918–1920"

МАРИУПОЛЬ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1920 гг.)

Дягло А.Р., Разумная Н.Н., канд. ист. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
anastasiia.diaghlo.00@mail.ru

Введение. Актуальность выбранной темы связана с малой степенью изученности данной проблемы. Исследование событий Гражданской войны в период 1918–1920 гг. позволяет оценить роль г. Мариуполя в развитии дальнейших боевых действий на территории Донбасса.

Цель исследования заключается в изучении событий Гражданской войны 1918–1920 гг. на территории города Мариуполя.

Основная часть. На протяжении всего периода Гражданской войны в г. Мариуполе шли ожесточенные бои. Город постоянно переходил из рук в руки. После ухода в ноябре 1918 года оккупационных войск, вследствие внутрисполитических проблем в Германии, Мариуполь был занят белокачьею армией. Негативное отношение местного населения к белогвар-

дейцам было вызвано в первую очередь мероприятиями по мобилизации населения. Во многих поселках Мариупольского уезда, преимущественно греческих, создавались повстанческие отряды для оказания сопротивления «белым». Впоследствии, многие из этих отрядов перейдут под руководство 3-й бригады Нестора Махно. Весной свое вторжение в г. Мариуполь начали красные части. 27 марта 1919 года в город вошла 1-я Заднепровская советская дивизия, командовал которой П.Е. Дыбенко. Красная армия получила здесь поддержку мирного населения, работники металлургических заводов оказывали вооруженную помощь [1].

Освобождение Мариуполя и распространяющаяся в ближайших населенных пунктах слава о подвигах 3-й бригады 1-й Заднепровской дивизии способствовали пополнению «махновских» отрядов. Как и повсеместно на фронте, на Мариупольском участке сохранялся недостаток вооружения, что приводило к дезертирству среди красноармейцев и «махновцев». Созданная в 1920 году Азовская флотилия, хоть и не воспринималась морским командованием «белых» всерьез, все же за короткие сроки сумела обеспечить первенство Красного флота на Азовском море. Тем временем, в тылу подпольную и партизанскую борьбу против Добровольческой армии вели рабочие промышленных предприятий. Об этом сам Деникин упоминал в своей речи в г. Екатеринославе в июле 1919 года, что белогвардейцам особенно страшна армия, стоящая в тылу, на борьбу с которой приходится отвлекать с фронта значительные силы. Военные действия в г. Мариуполе закончились уже 4 октября 1920 г., общими усилиями бойцам РККА удалось освободить город от белогвардейской армии и окончательно установить здесь власть Советов. Началось постепенное восстановление промышленного потенциала города в рамках советского государства.

Социально-экономическое положение в г. Мариуполе оставалось тяжелым весь период военных действий. В г. Мариуполе цены на сельскохозяйственные продукты оставались гораздо ниже, чем в северных районах Екатеринославской губернии. Однако серьезно сказывался дефицит промышленных товаров, в том числе сельскохозяйственных орудий. С приходом «белых» добровольцев, отменялись все монополии, разверстки и другие экономические введения Советской России, устанавливались рыночные отношения. Недостаток выпуска сельскохозяйственных орудий и продуктов мануфактурного производства деникинцы пытались ликвидировать при помощи заграничных товаров, преимущественно английских и итальянских. Однако в связи с тем, что курс рубля был невысоким, стоили импортные товары чрезвычайно дорого [2, с. 55-56].

Наблюдалось существенное сокращение населения, которое в 1918 г. составляло 110 тыс. человек, а уже в 1921 г. уменьшилось до 30 тыс. человек. Этому способствовали, в том числе и переживаемые жителями города эпидемии холеры, тифа, частые мобилизации, проводившиеся не только руководством РККА, но и белогвардейскими офицерами. Заводы

остро нуждались в инженерно-технических кадрах и квалифицированных рабочих. На предприятиях не было топлива. Усугубляли экономические трудности неурожай и недостаток продовольствия. Вследствие нарушения работы электростанции, практически весь город остался без электроэнергии [3, с. 410].

В своих мемуарах Розалия Абрамовна Трегубова – выходец из богатой еврейской семьи – передает особенности быта и атмосферу той эпохи: «В город вошли части Красной Армии. Потребовали контрибуцию: белье для красноармейцев, продукты, назначив срок сдачи и расправу за неисполнение. Собрали все, что было. Сдали. Стало голодно, холодно, тревожно, темно (электрического света не было, сидели при коптилке). Но мы, подростки, не воспринимали все происходящее как катастрофу. Мы не мыслили, что это надолго, и что события, очевидцами которых мы стали – события исторического значения» [4, с. 184]. В декабре 1920 г. в городе, порту и на заводах было построено 7 детских домов. Здесь содержались круглые сироты или покинутые своими родителями, а также дети рабочих и бедняков. Условия содержания были невыносимыми. В приютах было холодно, кормили однообразно, и совсем не было зимней одежды.

Культурная жизнь в г. Мариуполе не замирала ни на миг. Проводились концерты, спектакли, работали театры. В это время театральные постановки проходили на нескольких сценах: в театрах «Гротеск» (он же Зимний), братьев Яковенко (в прошлом цирк братьев Яковенко). В 1918 г. открылся театр в Александровском парке. Работали здесь в основном приезжие коллективы. Некоторые из них давали спектакли в городе не один год, как например труппа В. Барского. Ее материал был довольно обширен, о чем свидетельствуют десятки названий выступлений, которые прошли в 1918 г., 1919 г., 1920 г.: «Новая жизнь», «Потапенко», «Моряки», «Цепи» и многие другие [5, с. 30-31]. Однако, несмотря на значительную роль театра, в г. Мариуполе проводился и комплекс других мероприятий культурного значения. С 7 января 1921 г. на территории города и Мариупольского уезда началась «Неделя ребенка» (Постановление Совета защиты детей от 4.12.1920) [6, Л. 15]. В это время в помещениях театров «Солей» и «Яковенко» устраивались бесплатные утренники для детей, в конце которых детям раздавалось угощение. Также, в помещении бывшей кондитерской «Марс» при содействии группы мариупольских художников была открыта выставка картин. Кроме картин, на выставке были размещены детские игрушки в художественном исполнении.

Заключение. Таким образом, события 1918–1920 гг. для мариупольцев стали одной из печальных страниц истории Донбасса. Постоянные военные действия, ухудшение общегосударственного кризиса, вспышки различных заболеваний, переходивших в эпидемии, оказали значительное влияние на социально-экономическое развитие края. Тем не менее, как свидетельствуют источники, культурная жизнь г. Мариуполя продолжалась даже в условиях военного времени.

Список литературы

1. Гражданская война на Украине (1918–1920). Сборник документов и материалов в трех томах, четырех книгах. – К.: Наукова думка, 1967. – 490 с.
2. Цветков В. Ж., Цветкова Е. А. Особенности региональных продовольственных рынков в период Гражданской войны на юге России в 1919 – начале 1920 гг. // Экономический журнал. 2017. №47. – С. 48-73.
3. История городов и сел Украинской ССР: В 26 т. Донецкая область / АН УССР. Ин-т истории; Гл. редкол.: П. Т. Тронько (пред.) и др. – К.: Гл. ред. Укр. сов. энцикл. АН УССР, 1976. – 811 с.
4. Яруцкий Л. Д. Евреи Приазовья. – Мариуполь, 1996. – 322 с.
5. Демидко О. А. Социокультурные условия творческого становления Донецкого академического ордена Почета областного русского драматического театра (г. Мариуполь) в начальный период его деятельности в контексте культуры региона // Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Філософія, культурологія, соціологія. – 2013. – №6. – С. 29-33.
6. Госархив ДНР. Ф. Р-1204. Оп. 3. Д. 48. Л. 18.

УДК 94(477.6)“1943/1945”:343.97

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА В 1943–1945 гг.

Зинченко С.Ю.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
lanazay@mail.ru

Введение. Социальные потрясения в любом государстве, даже очень развитом и цивилизованном, несомненно, ведут к проявлению девиантного поведения в обществе. Исключением не была и Великая Отечественная война, события которой повлекли за собой проявление различных форм девиации граждан Советского Союза. Этот фактор послужил причиной обращения автора к исследованию таких форм социальных отклонений как преступность и правонарушения населения Донбасса в наиболее сложный и решающий этап советского общества – период возрождения региона (1943–1945 гг.).

Основная часть. Изучая нормативные отклонения в поведении граждан Донбасса следует отметить, что данная проблематика являлась наиболее исследуемой в советский период учеными юридической науки [1]. В последнее десятилетие формы девиантного поведения стали предметом научного изучения представителями исторической науки, среди которых необходимо выделить Касьянову Н. Н. [2]. После освобождения Донбасса общество столкнулось не только с небывалой экономической разрухой региона, но и с нравственной деградацией общества. В результате продолжительного периода правления нацистов на территории

Сталинской и Ворошиловградской областей и внедрения нацистской идеологии привело к нивелированию советской системы человеческих ценностей и повлекло за собой проявления различных форм девиации. Архивные документы свидетельствуют о том, что в 1943 г. преступность в СССР выросла на 20,9 % по сравнению с 1942 г., в 1944 г. на 8,6 % по сравнению с 1943 г., и только в 1945 г. наметилось снижение ее уровня, на 9,9 %. По статистическим данным менялась структура неправомерных деяний. Так, например, в СССР в 1944 г. было зарегистрировано 8 тыс. 369 убийств, разбоев и грабежей 20 тыс. 124, краж 444 906, краж скота 36 285, что превышало в два раза показатели довоенного уровня [3, С. 229]. В 1944 г. на территории Донбасса было выявлено 48 бандитских группировок по Сталинской области и 31 по Ворошиловградской, с численностью 289 участников. Следует констатировать, что подобные преступления совершали, как взрослые, так и несовершеннолетние, о чем свидетельствуют статистические данные. В 1944 г. в рядах 79 бандгруппировок Донбасса было выявлено также 10 инвалидов по Сталинской области и 8 по Ворошиловградской. А в 1945 г. только в Сталинской области детьми было совершено около 900 преступлений, среди которых 11 убийств [4, Л. 40]. Также к основным видам детских преступлений относились кражи, грабежи, телесные увечья. В СССР органами внутренних дел проводилась активная и плодотворная работа по борьбе с преступлениями граждан. Однако уровень криминогенности в 1943 г. не улучшался, что объяснялось качеством укомплектования правоохранительных кадров, состав которых обновился по СССР на 90-97 %, так и ростом преступности. Для пресечения преступлений в среде подростков в СССР в 1943 г. было создано 745 детских коммун, а к маю 1945 г. их насчитывалось уже более тысячи [5, Л. 231]. Преступники получали справедливое наказание. За спекуляцию, хулиганство, кражу и иные преступления, нарушители отвечали, как за тяжчайшие преступления с рассмотрением дел военными трибуналами по законам военного времени. Постановлениями предусматривались сокращенные сроки предварительного следствия по указанным деяниям – до двух суток [6, С. 230]. Исключением не были и представители подрастающего поколения. Так, в 1944 г. в Донбассе было зарегистрировано 1540 случаев осуждения подростков, из которых 917 случаев по Сталинской области и 623 – по Ворошиловградской [7, Л. 19].

Заключение. В ходе изучения данной проблематики автор пришел к выводу о том, что самый большой показатель осужденных приходился на крупные промышленные города, что объяснялось большим притоком приезжего населения, необходимого для возрождения Донбасса. На повышение уровня преступности в исследуемый период влияло множество факторов, как сложное социально-экономическое положение, вызванное масштабной разрухой, так и тяжелое морально-психологическое состояние советского общества. Случаи девиации были эпизодическими и не

определяли общее положение дел в Донбассе в период восстановления, в то время как преобладающим в социуме был доблестный труд во имя Великой Победы.

Список литературы

1. Советское право в период Великой Отечественной войны: Уголовное право. – Уголовный процесс. Ч. 2 / Исаев М. М., Карев Д. С., Утевский Б. С.; под ред.: Голяков И. Т. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 215 с.
2. Касьянова Н. Н. Влияние Великой Отечественной войны на уровень детской и подростковой преступности (на примере Донбасса) / Історичні та політологічні дослідження. № 2 (52), 2013. С. 203-208.
3. Советское право в период Великой Отечественной войны. – С. 229.
4. Госархив ДНР. Ф. Р. 326. Оп. 2. Д. 115.
5. Госархив ДНР. Ф. Р-920. Оп. 2. Д. 127.
6. Советское право в период Великой Отечественной войны. – С. 230.
7. ЦГАООУ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1226.

УДК 94(477.6):304.4"1921/1929"

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ИНВАЛИДОВ В ДОНБАССЕ В 1920-е гг.

Коралтан Е.Н.

ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей», г. Донецк, ДНР
elenakoraltan838@gmail.com

Введение. Одной из важнейших обязанностей государства является забота о своих гражданах, которые по разным причинам частично или полностью утратили возможность финансово обеспечивать себя. Кроме постоянных факторов, вызывающих длительную или временную нетрудоспособность (беременность и роды, травматизм, несчастные случаи, профессиональные или другие заболевания, безработица и т.д.), есть события, резко увеличивающие ряды обездоленных или искалеченных. Такими глобальными факторами и рисками для здоровья выступали войны и революции. В 1920-е гг. в СССР возникли разные «социальные болезни», в разрешении которых появилась необходимость внедрения исключительных мер в сфере социальной заботы нетрудоспособного населения.

Цель исследования – проанализировать социальную политику советского государства в отношении поддержки инвалидов и ее реализацию на территории Донбасса в 1920-е гг.

Основная часть. В начале 20-х гг. XX в. в Донбассе, как и по стране в целом, возник широкий круг социальных проблем, решение которых требовало не только кропотливой организационной работы и напряжения усилий населения, но и применения значительных средств, которых

катастрофически не хватало. Поэтому во многих сферах прибегали к поиску и реализации (в качестве составляющей части государственной политики) альтернативных решений, ориентированных на максимальное использование собственных ресурсов и самообеспечения. Такие инициативы были внесены и в систему социального обеспечения в виде социального страхования рабочих и крестьянских обществ взаимопомощи и инвалидной кооперации.

Социальные программы в сфере защиты населения в 1920-е гг. на территории Донбасса можно рассматривать по следующим основным направлениям: 1) социальное страхование рабочих и служащих, временно утративших трудоспособность; 2) социальное обеспечение нетрудоспособного населения.

Формирование системы социального страхования началось 10 декабря 1921 г., когда Совнарком УССР принял «Положение о социальном обеспечении трудящихся и их семей в случае временной или постоянной потери трудоспособности», которое касалось наемных работников государственных, общественных, кооперативных и частных предприятий и учреждений. Их обязывали оказывать помощь рабочим и служащим по линии социального обеспечения в следующих случаях: временная потеря трудоспособности, материнство, похороны, инвалидность, потеря кормильца в семье, лечение. Материальное содержание трудящихся базировалось на обязательных взносах предприятий, учреждений и хозяйств, в которых использовали наемный труд [1].

Все страховые поступления (страховые взносы, пени, штрафы и др.) распределялись между пятью страховыми фондами, каждый из которых имел специальное назначение:

1. Фонд «А» – материальная помощь по временной нетрудоспособности, материнству и дополнительным видам;
2. Фонд «Б» – пенсии и пособия инвалидам и семьям, потерявшим кормильца;
3. Фонд «В» – пособия по безработице;
4. Фонд «Г» – бесплатная медицинская помощь;
5. Запасной фонд [2].

Начало формирования страховой системы в регионе сопровождалось двумя основными факторами: во-первых, стихийным появлением различных механизмов, которые нужно было приводить к одному знаменателю. Так, в 1922 г. норма выплаты по фонду «А» в большинстве касс соответствовала размеру фактического заработка, а в некоторых высчитывалась как среднемесячная за последние три месяца. Планировалось, во время проведения Губернского совещания 15.07.1922 г. унифицировать принципы этих выплат [3]. Во-вторых, Донбасс отличался наиболее неблагоприятными условиями для развития социального страхования в республике из-за состава региональной промышленности, т.к. здесь доминировали предприятия по добыче каменного угля и металлургии, которые были и оставались

наиболее опасными для жизни и здоровья работников, что приводило к повышенному уровню заболеваемости и несчастных случаев.

Что касается дел по фонду «Б», то Донецкое губернское управление социального страхования не обладало информацией о количестве инвалидов труда к 1922 г. Более того, никакая помощь «старым» инвалидам в Собе́се в то время не оказывалась, за исключением тех лиц, которые попали в дома инвалидов.

Установлено, что в 1923 г. еще не было финансовой возможности обеспечивать инвалидов труда и семьи, которые потеряли кормильца, поэтому государство старалось найти другие формы поддержки. «Выплаты, выдаваемые этим категориям лиц, не могут быть необходимым прожиточным минимумом ... Это обстоятельство ставит перед нами вопрос о поиске средств для максимального удовлетворения инвалидов и семей без кормильцев. Одним из таких средств является организация инвалидных и детских домов, в которых инвалиды труда и дети, с одной стороны, могли бы применить свои небольшие силы, с другой стороны, – получить условия к существованию», – говорится в докладе о деятельности Донецкого губернского революционного трибунала [3].

Для инвалидов и пожилых людей, не имевших родственников и нуждавшихся в посторонней помощи, были открыты инвалидные дома и учреждения постоянного пребывания. В 1923–1924 гг. в Донецкой губернии насчитывалось 11 таких учреждений смешанного типа. Все они находились в кризисном состоянии, т.к. ассигнаций хватало только на питание [4]. Финансовые трудности обусловили размещение в одном инвалидном доме мужчин, женщин, стариков и инвалидов гражданской войны. По состоянию на 1 октября 1928 г. в Донбассе было 6 учреждений социального обеспечения, которые суммарно могли предоставить убежище 327 инвалидам. Самые небольшие расходы на одного иждивенца были в Старобельском округе (10 руб. 74 коп.), наиболее высокие – в Сталинском (21 руб.). В общем, право на пребывание в инвалидном доме имели только те, кто на 100 % потерял работоспособность, но по данным Бахмутского Собе́са, часто туда приходилось направлять инвалидов 2-3 групп, которые были в затруднительном финансовом положении [5].

Заключение. Таким образом, в течение 1920-х гг. в Донбассе действовала система социальной защиты инвалидов, которая была ориентирована на максимальное привлечение средств по инициативе самого населения. Это было обусловлено значительной диспропорцией между численностью обездоленных категорий граждан и объемами финансов, которыми государство могло их обеспечить. Поэтому значительная доля ответственности за спасение этих людей легла на плечи органов страхования, инвалидной кооперации и комитетов взаимопомощи, а также на искусственное ограничение круга претендентов на помощь за счет установления правил регистрации.

Список литературы

1. Шарпаций В. Г. Соціальне забезпечення в УРСР (20–30-ті роки ХХ ст.) / В. Г. Шарпаций. – К.: Ніка-Центр, 2006. – С. 106.
2. Гаврилов И. Социальное страхование в Донбассе в 1923–1924 г. / И. Гаврилов // Статистика труда в Донбассе. – 1924. – № 1. – С. 68.
3. Госархив ДНР. Ф. Р. 1146. Оп. 1. Д. 53. Лл. 268.
4. Госархив ДНР. Ф. Р. 1146. Оп. 1. Д. 53. Лл. 268 об.
5. Госархив ДНР. Ф. Р. 1146. Оп. 2. Д. 303. Лл. 131.

УДК 94(477.6)

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СРЕДЕ РАБОЧИХ ДОНБАССА В 1928–1941 гг.

Костюкова Е.С., Людоровская Т.Ю., канд. ист. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
voin.mattias@yandex.ua

Введение. Для решения задач индустриализации государство требовало не только количественных, но качественных изменений рабочего класса. Необходимой предпосылкой для этого являлось достижение полной грамотности населения. В 1928 г. по инициативе комсомола в стране начался культпоход, организовавший широкие массы на борьбу за достижение всеобщей грамотности.

Цель данной работы проследить развитие образования и ликвидации неграмотности в среде рабочих тяжелой промышленности Донбасса в период индустриализации.

Основная часть. В течение первой пятилетки образовательный уровень рабочих Донбасса заметно повысился. В 1929 г. среди металлургов неграмотных было 9,5 %, а в 1933 г. – 6,1 %, а среди угольщиков – соответственно 15 % и 6,3 %. На машиностроительных заводах к концу 1932 г. неграмотными оставались 1,9 % рабочих, причем две трети из них обучались в кружках ликбеза. В составе всех промышленных рабочих страны к 1 октября 1937 г. неграмотных было 4 %.

В результате осуществления всеобщего начального образования и переходу к семилетнему обязательному обучению повысился общеобразовательный уровень рабочих. Проведенное в 1936 г. выборочное обследование молодых рабочих ведущих отраслей тяжелой промышленности показало, что 37 % из них имели образование не ниже семилетнего, а 78 % – не ниже начального [1].

В 1929 г. в г. Сталино, в Донецком горном институте, были организованы курсы для рудуправляющих. Основными предметами были счетоводство, калькуляция, материаловедение и др. Срок прохождения курсов составлял не меньше 3-5 месяцев.

С 1931 г. в Донбассе начался быстрый рост школ ФЗУ и школ горнопромышленного обучения. Они включались в социалистическое соревнование за улучшение качества обучения и воспитания шахтерских кадров. В практической их работе центр внимания был перенесен на подготовку рабочих для механизированного труда: машинистов врубмашин, лебедок, отбойных молотков, электрослесарей и др. Вводилось изучение новых методов технологии и организации труда на шахтах.

В начале 1935 г. в Донбассе уже была 91 школа ФЗУ и горпромуча, в которых обучалось 18 тыс. человек. Роль школ системы профтехобразования в обеспечении промышленности квалифицированными кадрами неуклонно повышалась. Если в составе горняков, начавших работать в 1922–1927 гг., лиц, обучавшихся в школах горпромуча, было лишь 0,8 %, а в 1928–1932 гг. – 3 %, то в 1933–1936 гг. – уже 12 %. На металлургических заводах Донбасса к концу второй пятилетки пятую часть новых рабочих составляли выпускники школ ФЗУ.

На завершающем этапе второй пятилетки производственное обучение рабочих в Донбассе стало по-настоящему массовым. Гостехэкзамен по новым программам в 1936–1937 гг. сдали 210 тыс. шахтеров. При этом 82 % экзаменовавшихся получили отличные и хорошие оценки. На стахановских курсах прошли обучение 43 тыс., а на курсах мастеров труда – 24 тыс. горняков. Рабочие ведущих профессий были охвачены производственным обучением полностью. На металлургических заводах Донбасса удельный вес рабочих средней и высшей квалификации увеличился вдвое и составил 57 % от их общего количества [2].

В Донбассе проходили государственный технический экзамен 154 тыс. рабочих – горняков, металлургов, химиков и т.д. 63 тыс. человек сдали этот гостехэкзамен на «отлично», 70 тыс. человек – «хорошо». Из 78,5 тыс. горняков, сдавших гостехэкзамен – 30 тыс. – на «отлично», 38 тыс. – на «хорошо». Из 23,8 тыс. металлургов, сдавших гостехэкзамен, – 12 тыс. – на «отлично» и 10 тыс. – на «хорошо».

Около 10,5 тыс. горняков шахт «Кадиевуголь» прошли через различные техкружки и курсы: производственно-технические без отрыва от производства, годовые курсы мастеров и бригадиров, шестимесячные курсы бригадиров угольных бригад и т.д.

На предприятиях были свои библиотеки, в частности, при техстанциях. В них находились книги художественной литературы. На шахтах развивалась и общеобразовательная учеба. По 23 шахтам на-дому учились 165 человек, порой целыми семьями. Изучали математику, географию, русский и иностранный языки. По программе средней школы учились 162 стахановца.

Школы ФЗУ занимались не только техническим обучением своих учеников, но и развивали культуру. Так, к юбилею (100 лет со дня смерти Пушкина) в ФЗУ химзавода Кадиевки готовили сцены из «Бориса Годунова» и «Руслана и Людмилы» [3].

Как уже отмечалось выше, помимо государственной сети учебных заведений функционировала курсовая система учебы рабочих и специалистов. Отличительной чертой курсового обучения было то, что в нем активное участие принимали женщины. Причем, многие из них стремились овладеть сложными и трудными мужскими профессиями. К примеру, по призыву комсомолок горловской шахты им. М. И. Калинина Коляды А. и Сидоровой Р., призвавших девушек идти работать машинистами электровозов на внутришахтный транспорт, не мало девушек овладели этой шахтерской профессией. Для них были созданы специальные женские курсы. К сентябрю 1940 года более 760 их выпускниц самостоятельно управляли электровозами, многие из них выполняли по полторы – две нормы.

Аналогичные курсы были созданы на металлургических и машиностроительных заводах, которые готовили специалистов высокого класса. Так на специальных курсах мастерству управления сложными агрегатами обучались девушки. Так, комсомолка Нина Пилипенко стала машинистом поста управления, молодая работница Нина Быкова научилась управлять краном, а Валентина Юркова освоила профессию манипуляторщика.

Такие же курсы были организованы на железнодорожном транспорте. Зачинателем движения по овладению женщинами мужскими профессиями выступила первая в стране женщина – машинист паровоза Троицкая З. Однако, как ни широки были масштабы производственно-технического обучения рабочих, подготовки квалифицированных специалистов, кадровая проблема не сходила с повестки дня. Быстро растущая промышленность остро нуждалась в рабочей силе.

Заключение. Таким образом, в период первых пятилеток широко развивалась сеть образовательных учреждений технического характера, среди которых и школы ФЗУ, ликвидировалась неграмотность и малограмотность рабочего населения края, трудящиеся также имели возможность изучать базовый образовательный курс без отрыва от производства. Постоянно проводились технические экзамены среди рабочих тяжелой промышленности. Также мы можем наблюдать рост квалифицированных кадров в течение трех первых пятилеток и появлении курсов для женщин в период третьей пятилетки.

Список литературы

1. Булкин С. П. Книга о Донбассе / С. П. Булкин, А. И. Лазоренко, М. Е. Миронов. – Донецк: «Донбасс», 1977. – 319 с.
2. Годлевская В. А. История рабочих Донбасса. В 2 томах. Том 1 / В. А. Годлевская – К.: «Наукова думка», 1980. – 321 с.
3. Дюканов М. Д. Мы крепко взяли за учебу / М. Д. Дюканов // Социалистический Донбасс. – 1937. – 6 фев. – С. 4.

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ В ДОНБАССЕ В 1943–1953 гг.

Людоровская Т.Ю., канд. ист. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

t.ludorov@mail.ru

Введение. Великая Отечественная война на несколько лет приостановила естественное развитие советской семьи как в СССР, так и в Донбассе. В те годы многие, имеющие семьи, пали на поле боя, погибли в концлагерях, умерли от различных заболеваний и тяжелой работы на фабриках и заводах. Все основные средства государства были направлены на укрепление армии, а после войны – на восстановление крупной промышленности Донбасса. После освобождения Донбасса в 1943 г. многие женщины потеряли своих мужей – кормильцев семьи, что в конечном итоге привело к ухудшению экономического состояния советских семей.

Цель работы – изучение особенностей развития советской семьи в Донбассе в 1943–1953 гг., и основные способы разрешения государством проблем семейной политики.

Основная часть. Одной из составляющих семейной политики советского государства была проблема детской беспризорности, которая особенно ярко проявлялась в условиях кризисов. В Донбассе к середине 1944 г. насчитывалось около 11 100 детей-сирот, а это около 15 % беспризорных детей УССР. В первые годы после освобождения Донбасса количество «детей улиц» достигло значительных размеров. В последующие годы, благодаря деятельности государства их количество постепенно уменьшалось. Так, за 1952 г. количество беспризорников уменьшилось на 283 ребенка, в то время как в 1944 г. около 10 110 [1]. В Сталинской области на начало 1941 г. работало 42 детских дома на 5 тыс. мест, из них полностью разрушенными оказались 31 детский дом на 3 280 мест. Но уже в мае 1945 г. в Сталинской области работало 39 детских домов. А в первый послевоенный год в Донбассе действовало уже 79 таких детских учреждений [2].

С целью увеличения рождаемости и улучшения демографической ситуации государством было предпринято ряд мер: в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., присваивалось почетное звание «Матери-героини» матери, которая родила и воспитала 10 и более детей. Тем, кто родил и воспитал 7 или 8 детей, присваивался орден «Материнской славы». Тем, кто родил и воспитал 5 и 6 детей, вручалась «Медаль материнства». Согласно данным источника, в 1945 г. в Сталинской области было вручено: орденов «Материнской славы» 1 степени – 8, 2 степени – 46; «Медалей материнства» 1 степени – 28, 2

ступени – 65. Также этот указ предусматривал обязательную запись в паспортах зарегистрированного брака с указанием фамилии, имени, отчества и года рождения супруга, места и времени регистрации брака [3].

Дополнительно усложнилась и процедура развода: было введено обязательное судебное разбирательство, делам о разводе стала придаваться широкая огласка, за выдачу свидетельства о разводе взималась большая государственная пошлина [4].

В послевоенный период начался новый этап проведения семейной политики: еще больше усилился контроль над частной жизнью. В целях содействия воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам Советского государства согласно Указу Президиума Верховного Совета с 15 февраля 1947 г., партийное и советское руководство запрещало браки с иностранцами [5].

Власти проводили целенаправленную политику лишения партийцев права на частную жизнь: на партийных собраниях рассматривали случаи супружеских измен, пьянства, бытового хулиганства. Организация решала семейные конфликты, контролировала их семейный быт: заботу о женах, уделяя особое внимание тому, чтобы они не забывали водить их в кино, театр, воспитание детей, досуговые занятия, дружеские связи.

Война перевернула не только уклад семейной жизни, но и мировоззрение большей части людей. Все последствия отразились и на условиях быта и досуга советских семей. Несмотря на то, что Донбасс обладал высоким экономическим потенциалом, однако по уровню обеспечения населения социально-бытовыми услугами он занимал одно из последних мест в УССР. Плохие материально-бытовые условия большинства населения региона были вызваны в первую очередь низкой заработной платой, которая выступала главным источником пополнения бюджета семей. Минимальные доходы были обусловлены низкой покупательной способностью населения. Семьи, получая маленькую заработную плату, к тому же и нерегулярную, должны были ограничивать себя даже в самом необходимом [6].

Еще одной проблемой семей в послевоенное время в Донбассе были жилищные условия. Многие семьи продолжали жить в полуразрушенных зданиях, бараках и переполненных общежитиях. Еще в 1945 г. были созданы специальные строительные организации. С другой стороны, огромный вклад в восстановлении и строительстве домов сыграли шахты и предприятия. Множество городов возродили сами жители региона, изъявляя желание самостоятельно отстраивать дома для своих семей [7].

Культурная жизнь была неотъемлемой частью всестороннего развития всех членов семьи. Часто у взрослых практически не было времени на планирование и проведение своего досуга. В 1950 гг. у среднестатистического работника было только 20–23 % свободного времени в неделю. Домашней работой в основном занимались женщины. В шахтерских семьях у женщин свободного времени было в 2–3 раза меньше,

чем у мужчин, и все это за счет работы по дому. Неразвитая сфера услуг в шахтерских городах Донбасса не давала возможности для проведения семейного досуга. Время для отдыха советских семей зависело от функционирования культурно-просветительских учреждений городов. Своеобразными очагами культуры и досуга, в особенности в шахтерских городах, в 1950 гг. были клубы, где проводились лекции, торжественные вечера, танцы и другие мероприятия. В послевоенное время клубы довольно часто были в непригодных помещениях, а в некоторых селениях региона они и вовсе отсутствовали. Чаще всего клубы имели слабую материальную базу [8].

Заключение. Таким образом, политика советского государства в 1943–1953 гг. в отношении развития семейно-брачных отношений была направлена на борьбу с детской беспризорностью, улучшение демографической ситуации, а также на контроль над семейной жизнью. Недостаточно внимания уделялось материально-бытовым условиям жизни советских семей в Донбассе.

Список литературы

1. Добров П. В. Дети и подростки Донбасса в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / П. В. Добров, Я. С. Овчинникова. – Донецк: Донбасс, 2012. – 298 с.
2. Саржан А. А. Изменения в социально-экономической сфере Донбасса. Вторая половина 40-х – конец 80-х гг. XX века / А. А. Саржан. – Донецк, 2004. – 412 с.
3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1944 г. «Об утверждении положения о звании "Мать-героиня", статута, положения и описания ордена "Материнская слава" I, II и III степени и медали "Медаль материнства" I и II степени» (с изменениями и дополнениями). – URL: <http://base.garant.ru/70822524> (дата обращения: 19.09.2021).
4. Васильева Э. К. Семья в социалистическом обществе / Э. К. Васильева. – М.: Мысль, 1985. – 156 с.
5. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами». – URL: <https://www.pnp.ru/social/73-goda-nazad-v-sovetskom-soyuze-byli-zapreshheny-internacionalnye-braki.html> (дата обращения: 19.09.2021).
6. Касьянова Н. Н. Уровень жизни населения Донбасса в 1945–1955 гг. / Н. Н. Касьянова, Ю. С. Дубкова // Исторические и политологические исследования. – 2011. – № 1/2. – С. 152–153.
7. Кузина К. В. Социально-экономические проблемы в монопрофильных шахтерских городах Донбасса (1950–1980-е гг.) / К. В. Кузина, З. Г. Лихолобова – Донецк, 2010. – 335 с.
8. Титаренко Г. Бездомные дети Донбасса в 1943–1953 годах // Туризм и краеведение – Донецк, 2012. – С. 98.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Мармазова О.И., канд. ист. наук, доц.

ГОО ВПО «Донецкая государственная музыкальная академия
имени С. С. Прокофьева», г. Донецк, ДНР
marmazovaolga@gmail.com

Введение. В системе образования на современном этапе пристальное внимание уделяется развитию профессионально-технического направления. В связи с этим представляет интерес изучение деятельности по его развитию органами местного самоуправления – земствами, чей опыт может быть полезен на региональном уровне.

Целью работы является анализ деятельности Екатеринославского земства по организации и развитию ремесленного образования в губернии.

Основная часть. Количество профессиональных учебных заведений к началу 60-х гг. XIX в. было незначительным, хотя отдельные специальные школы существовали еще с XVIII в. Целостной системы профессионально-технического образования в России пока не существовало. Однако, к 1881 г. уже насчитывалось 190 средних и низших промышленных, художественно-промысловых, транспортных и сельскохозяйственных начальных заведений, которые принадлежали различным министерствам и ведомствам, а также общественным организациям и частным лицам. Кроме того, Министерство народного образования развивало ремесленные классы и курсы, которые были открыты при 137 низших общеобразовательных начальных учебных заведениях [1, с. 33-34].

Земства открывали, или предоставляли материальную помощь при организации ремесленных школ и училищ, которые готовили квалифицированных рабочих, кустарей и ремесленников. Кроме того, земства открывали ремесленные классы и отделения при начальных училищах. 31 мая 1872 г. было утверждено «Положение о городских училищах». В соответствии с ним, около городских, а также двухклассных и одноклассных сельских училищах создавались ремесленные классы для того, чтобы ученики имели возможность заниматься «самым простым ремеслом». [1, с. 249].

Особо активно распространяло ремесленное образование Екатеринославское земство. С 1870 г. управа помогала содержать ремесленные классы и училища. Губернское земское собрание, стремясь способствовать развитию и усовершенствованию ремесленного производства в губернии, в 1869 г. постановило: «В каждом уезде в уездных городах иметь по одной ремесленной школе» [2, с. 26]. В 1875 году управа решила, что обучать в этих заведениях должны были только одному ремеслу. Кроме того, было принято постановление, что помощь губернского земства на открытие

ремесленных заведений будет ежегодной и составлять 3 000 руб. В 1881 г., например, ассигнования были предоставлены Верхнеднепровскому и Бахмутскому уездам по 3000 руб., а также Екакеринославскому – 1 200 руб. [3, с. 376-377].

В 1887 г. в Екатеринославской губернии было открыто ремесленное училище в селе Саксагань Верхнеднепровского уезда. В 1908 г. в нем находилось 208 учеников и 23 учителя [4, с. 123]. В 1896 г. было открыто Гнединское училище [2, с. 27]. В этом же году создается училище в городе Бахмуте. Обучение там было платным. В нем готовили литейщиков и электротехников.

В 1910 г. в Екатеринославской губернии было 2 ремесленные школы при Александровском 7-классном техническом училище и при Мариупольском низшем механико-техническом училище. Располагалась и одна школа ремесленных учеников – Луганская.

Все деньги, заработанные учениками ремесленных учебных заведений в Екатеринославской губернии, в отличие от многих, поступали в созданный фонд и выдавались по окончанию обучения учащимся для приобретения инструментов, открытия собственной мастерской [5, с. 119].

По данным Екатеринославской губернской земской управы в 1911 г. было 3 ремесленных училища с 224 учениками (мальчиками) и 37 учителями, 2 ремесленных школы и 1 школа ремесленных учеников, а также 1 женская профессиональная школа с 139 ученицами и 13 учителями. Таким образом, в губернии насчитывалось 7 низших начальных ремесленных заведений, содержавшихся на средства земств [6, с. 103-104].

Кроме организации низших ремесленных учебных заведений, земство также открывало ремесленные отделения при начальных училищах и организовывало уроки ручного труда и рукоделия. Так, например, в Мариупольском уезде с 1884 по 1907 гг. действовали в разное время такие отделения: Владимирское (столярное), Игнатьевское (кузнечно-слесарное), Караевское (столярно-деревообрабатывающие), Марьинское (кузнечно-слесарное) [7, с. 119-120].

Организовывали земства также уроки ручного труда для мальчиков и рукоделия для девочек при начальных школах. Так, например, в 1903 г. в Бахмутском уезде было 5 ремесленных классов, при 2 училищах проводились уроки труда, на которых ученики выполняли работы: в Лисичанском двухклассном по дереву, в Петровском двухклассном по дереву и металлу [8, с. 180, 188].

Количество ремесленных отделений, классов ручного труда и рукоделия при начальных училищах в Екатеринославской губернии в различные годы было следующим: в 1904 г. – 34 ремесленных и рукодельных классов, ручного труда – 21, в 1905 г. – соответственно – 49 и 25 [2, с. 176-177]. В 1907 г. ручной труд преподавался в 19 училищах, ремесленные отделения были при 3, рукоделие – при 132 [4, с. 124], а в 1909 г. – соответственно – 16, 6, 147 [9, с. 285], в 1911 г. – ручной труд и рукоделие

при 146 училищах, ремеслами занимались при 8 училищах [6, с. 29]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что число ремесленных отделений при начальных училищах постепенно увеличивалось. Количество школ, где проводились занятия ручным трудом для мальчиков в 1905 г. было наибольшим, после чего постепенно уменьшается. Кроме того, необходимо отметить, что существующего количества ремесленных отделений, занятий ручным трудом и рукоделием в губернии было явно недостаточным.

Заключение. Забота земств о развитии профессионально-технического образования проявилась в открытии низших ремесленных учебных заведений, низших технических училищ, ремесленных отделений и классов при начальных школах. Можно отметить, что Екатеринославское земство выделяло значительное количество средств. Значительная часть выпускников работала в промышленности. И хотя открываемые земствами ремесленные учебные заведения, ремесленные отделения и классы при начальных училищах не могли решить проблему подготовки профессиональных кадров для промышленности, необходимо отметить понимание земствами важности этого вопроса и стремления его решения всеми возможными способами.

Список литературы

1. Кузьмин Н. Н. Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. – Челябинск, 1971. – 216 с.
2. Отчет Екатеринославской губернской земской управы за 1904 год. Народное образование. – Екатеринослав: тип. губ. земства, 1905. – 200 с.
3. Постановление XV очередной сессии Екатеринославского губернского земского собрания с 10 по 21 декабря 1880 года с приложениями. – Екатеринослав: губ. тип. правл., 1881. – 638 с.
4. Отчет Екатеринославской губернской земской управы за 1907 год. Народное образование. – Екатеринослав: тип. губ. земства, 1908. – 201 с.
5. Постановления XXV очередной сессии Екатеринославского губернского земского собрания с 5 по 14 декабря 1890 года с приложениями. – Екатеринослав: губ. тип. правл., 1891. – 645 с.
6. Отчет Екатеринославской губернской земской управы за 1911 год. Народное образование. – Екатеринослав: тип. губ. земства, 1912. – 1430 с.
7. Отчет Мариупольской уездной земской управы за 1889 год очередной сессии народного собрания. – Мариуполь, 1890. – 497 с.
8. Отчет Бахмутской уездной земской управы за 1903 год. – Ч.1. – Бахмут: типо-лит. М. М. Крамарева, 1904. – 398 с.
9. Отчет Екатеринославской губернской земской управы за 1909 год. Народное образование. – Екатеринослав: тип. губ. земства, 1910. – 111 с.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ДЕТЕЙ В ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943–1953 гг.

Метейко М.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
mariya.meteyko@mail.ru

Введение. Важную часть повседневного пространства советского ребенка занимали детские дошкольные и школьные учреждения. В организации жизнедеятельности детей большую роль играли взрослые и именно влияние «взрослой» среды и культуры определяло формирование и становление мировосприятия ребенка. Детские дошкольные учреждения служили первым звеном общественного воспитания. Рост рождаемости, занятость в производстве женщин и усиленное внимание «коллективному воспитанию» диктовали необходимость расширения сети детских дошкольных учреждений.

Основная часть. Большое значение для развития дошкольного воспитания имело принятое в 1944 г. Постановление СНК СССР «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучшению медицинского и бытового обслуживания женщин и детей». Постановление предусматривало целый комплекс мер по улучшению работы различных типов дошкольных учреждений, таких как ясли, детские сады и детские дома. Важную роль в разработке теоретических и методических вопросов воспитания сыграли научно-практические конференции, начало которым было положено еще в предвоенные годы.

Огромное внимание уделялось задачам правильного физического воспитания детей в детских садах, в связи с чем создавалась соответствующая культурная обстановка для их всестороннего развития. Личный пример коллектива работников детских садов, правильная организация жизни детей на протяжении дня, создание благоприятных условий, способствовали правильному физическому развитию детей. Чистота, порядок, регулярное проветривание помещения, являлось законом для всех работников детских садов [1; Л. 177].

Заведующая детским садом «Химзавода» №2 Сталинского района Жиляева, так характеризовала свой небольшой детский сад: «Коллектив работников стремится поддержать в детском саду надлежащий порядок, чистоту. Форточки у нас всегда открыты, доступ свежего воздуха свободен, каждая вещь имеет свое определенное место, у нас уютно и дети любят свой детский сад».

Формированию культурно-гигиенических навыков у детей, воспитатели детских садов уделяли огромное внимание. Воспитатель Колина старшей группы детского сада Стекольного завода Константиновского

района писала о том, что с первых дней поступления детей в группу проводились беседы на тему чистоты и порядка в помещениях, бережного отношения к вещам, опрятности и аккуратности своей одежды. Дети научились самостоятельно мыть лицо, тело, уши, правильно пользоваться полотенцем, полоскать рот после еды, мыть руки без напоминания. Кроме того, они научились хорошо вести себя за столом, садятся за стол в опрятном виде, с причесанными волосами, всегда имея при себе носовой платок, всегда пользовались салфеткой, употребляли пищу аккуратно, задвигали стул под стол. Перед сном самостоятельно мыли ноги, стелили постели, аккуратно складывали свою одежду, после сна сами заправляли свои кровати. Если была необходимость пришить пуговицу или петлю – дети самостоятельно это делали [2; Л. 126.].

Во всех детских садах как система проводилась утренняя гимнастика, летом на участке, в осенне-зимнее время и в плохую погоду в помещении, при открытых окнах или форточках. Физкультурные занятия планировались два раза в неделю. Утренняя гимнастика проводилась с введением сложных игр с имитационными движениями, которые приучали детей правильно ходить, бегать, играть.

Инспектор Чистяковского района в своём отчёте писал: «На участках проводится ежедневная утренняя гимнастика, которая направлена на укрепление мышц плечевого пояса и спины, мышцы нижних и верхних конечностей, брюшных мышц и мышц для расширения грудной клетки». Инспектор Сталинского района в своём отчёте писала: «Пополнение физического оборудования дало возможность правильно организовать занятия по физкультуре, проведения подвижных игр» [3; Л. 325].

Большое значение в физическом развитии детей дошкольного возраста имело правильно организованное питание, которое особенно после отмены карточной системы и увеличения средств на питание детей значительно улучшилось, ассортимент продуктов стал разнообразнее и качественнее. В садики поставляли следующие продукты: гречневую и манную крупы, вермишель, пшено, макароны, сахар. Из мяса получали: говядину, свинину, баранину, иногда птицу. Хлеб и мучные изделия в дошкольные учреждения поставляли ежедневно. Стоит отметить, что дети на протяжении зимнего периода получали рыбий жир [2; Л. 97].

Контроль за питанием детей осуществлялся, в основном, через родителей, рабочий контроль – проверкой на калорийность. Детские сады с 9-часовым рабочим днем кормили детей 3 раза в день; детские сады 12-часовым рабочим днем питали детей 4 раза в день, а в санаторных детских садах и садах с круглосуточным пребыванием дети обеспечивались пятиразовым питанием.

Инспектор Мариупольского района отмечал, что своевременная заготовка овощей и фруктов на зимний период значительно улучшило питание зимой. До поздней осени дети получали свежие фрукты и овощи [2; Л. 103].

В течение года пополнялись участки детских садов соответствующим игровым материалом, например, большие пароходы, самолёт, сказочные домики, шалаши, беседки, крупный строительный материал, мечи, носилки, песочные ящики с песком, водоемы и другое. Группы пополнялись конструктивными и дидактическими играми по всем возрастным группам, военными игрушками (ружья, пушки, пулеметы), сюжетными (куклы и животные), бытовыми предметами домашнего обихода, кукольной одеждой, мебелью, а также всевозможным бросовым материалом, который в играх детей находил разнообразное применение.

Для уточнения представлений у детей, обогащения впечатлений воспитателей систематически проводили прогулки, экскурсии, знакомили детей с окружающей жизнью, бытом, с героями труда, фронта. Вооруженные богатыми впечатлениями из наблюдений, экскурсий, знакомством с окружающим миром у детей возникали разнообразные творческие игры. Например, воспитатель шахты №10 Сталинского района писала: «Я систематически знакомила детей с шахтой, где в основном работают родители детей моей группы, путём экскурсии, бесед, играя, дети чаще всего представляли себя шахтерами» [2; Л. 103].

Заключение. Несмотря на позитивные тенденции, еще оставалось большое количество нерешенных проблем. Существовали детские сады (особенно, в сельских районах), в которых воспитатели не занимались мероприятиями, направленными на воспитание дошкольников. Снабжение детсадов не всегда было на достаточном уровне. Очень часто «Смешторги» снабжали детские сады односортной крупой, в зимнее время в большинстве детских садов отсутствовало молоко, весной детей не обеспечивали ранними овощами, а заведующие детскими садами не приобретали их путём децзаготовок. Таким образом, можно подвести итог, что работа в детском саду была разнонаправленной, затрагивала многие аспекты воспитания, однако отсутствие должного финансирования и нехватка квалифицированных педагогических кадров негативно влияли на функционирование детских дошкольных учреждений, а также на повседневность детей.

Список литературы

1. Госархив ДНР. Ф. Р. 2852. Оп. 1. Д. 150.
2. Там же. Д. 147.
3. Там же. Д. 367.

ПЕТР ПЕРВЫЙ И ДОНЕЦКИЙ РЕГИОН

Мишечкин Г.В., канд. ист. наук, доц.

ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, ДНР

mishechkin2213@mail.ru

Введение. В год 300-летия провозглашения российского царя Петра Первого «Императором Всероссийским, Отцом отечества, с титулом Великого» дополнительную остроту приобретают вопросы, связанные с деятельностью вездесущего царя-преобразователя [1].

В небольшом по объему труде невозможно даже схематически осуществить историографический обзор по тематике петровских преобразований. Назовем только те исследования, которые непосредственно способствовали написанию работы [2-5]. Несмотря на большую численность публикаций и анализ различных аспектов деятельности Петра Первого, один из региональных аспектов комплексного освещения не получил.

Принимая во внимание вышесказанное, в работе поставлена цель: попытаться схематично представить деятельность Петра Первого в Донецком регионе в общем виде, способствуя дальнейшим основательным и глубоким комплексным исследованиям.

Основная часть. Обозначим аспекты деятельности российского царя Петра I в Донецком регионе, которые в большей или меньшей мере проанализированы в научной исторической литературе:

- Азовские походы 1695–1696 гг.;
- строительство Азовского флота (1694–1711 гг.);
- основание городов и постройка укреплений в Северном Приазовье;
- организация экспедиций-разведок полезных ископаемых (прежде всего каменного угля) в Донецком регионе;
- «угольное» законодательство Петра I;
- правительственная колонизация Северного Приазовья;
- восстание К.А. Булавина 1707–1708 гг. и его подавление;
- выделение Азовской губернии (губернская реформа 1708 г.);
- социально-экономическая деятельность в Донецком регионе (торговля, солеварни и другие промыслы);
- культура и быт населения Донецкого региона конца XVII – первой четверти XVIII вв.;
- последствия Русско-турецкой войны 1711–1713 гг. для Донецкого региона;
- указы Петра I в отношении Святогорского монастыря и святогорских сосен;
- региональные особенности культурных преобразований Петра I в Северном Приазовье;

- обнаружение водного источника «Золотой Колодец».

Безусловно, начальная точка отсчета рассматриваемой нами проблематики – Азовские походы 1695–1696 гг. Взятие крепости Азов было не сиюминутной забавой молодого царя, а «всерьез и надолго», о чем свидетельствует освящение города, а также двух православных церквей, переделанных из мечетей. В одном из первых писем после взятия крепости Петр I указывал: «Писано в завоеванном нашем граде Азове» [4, с. 60-61]. Первый фейерверк, по случаю взятия Азова, был устроен в августе 1696 г. в главном городе Войска Донского – Черкасске.

Считается, что именно в ходе Азовских походов царь ознакомился с полезным минералом – «каменным углем». Для того чтобы упорядочить геологоразведочные работы, Петр I в августе 1700 г. издал указ о создании особого Приказа рудокопных дел, который должен был ведать российскими недрами [3, с. 49].

Напомним, что в результате административной реформы в 1711 г. Приказ рудокопных дел был расформирован. И только 17 мая 1715 г. по распоряжению российского царя обозначенный приказ был восстановлен под названием Рудная канцелярия, а уже 15 июля 1715 г. был переведен из Москвы в Петербург [3, с. 49]. О том какую роль отводил Петр I «рудному делу» свидетельствует следующий факт: в 1715 г., когда началась непосредственная подготовка по учреждению коллегий, царь в своих заметках от 14 января упомянул три учреждения – Рудный приказ (Берг-мануфактур-коллегия; Берг-коллегия), «Суд под Сенатом» (Юстиц-коллегия) и Коммерц-коллегия.

10 декабря 1719 г. Петр I подписал «Указ об учреждении Берг-Коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах». Результатом петровского указа от 10 декабря 1719 г. стало открытие в 1721–1722 гг. месторождений угля в различных регионах Российской империи, в том числе, в Бахмутской провинции Азовской губернии [3, с. 50]. Еще один важный штрих: первым Президентом Берг-коллегии стал один из ближайших сподвижников Петра I – Я. В. Брюс, выдающийся государственный деятель, дипломат, ученый и инженер, пользовавшийся большим авторитетом у царя.

Немаловажным фактом, свидетельствующим о значении приазовских земель в планах Петра I, является документ, который царь подписал 3 (14) марта 1721 года. В этом документе говорится: «Великий Государь указал Донским и Яицким и Гребенским казакам во всех управлениях быть в ведении Военной Коллегии». Это означало, что казачьи земли по берегам Дона, на Северном Кавказе и в степях Азии к востоку от реки Волги включались в состав России. До этого времени отношения российского государства с казачеством велись через Посольский приказ (т. е. как с иностранцами). Теперь же при Военной Коллегии было создано специальное казачье отделение («повытье»).

Следующий важный шаг – организация экспедиции Г.Г. Капустина в Донецкий регион в 1721 г. (остаются вопросы по дате проведения экспедиции). Как известно, экспедицией были открыты залежи каменного угля в бассейне р. Северский Донец. Тем не менее, на сегодняшний день ряд вопросов по первооткрывателям и месту нахождения остаются дискуссионными [3, с. 51-55].

В декабре 1722 г. царь издал Указ «О приискании на Дону и в Воронежской губернии каменного угля и руд». Была создана юридическая основа для освоения и промышленного развития региона, который с XIX ст. будет именоваться Донецким бассейном.

Заключение. Таким образом, пришло время для более глубокого и комплексного подхода к теме «Петр Первый и Донецкий регион». Данное исследование является попыткой поставить изучаемую проблему на повестку дня. Только кропотливая источниковедческая работа в указанном направлении сможет дать плодотворный результат. Нам представляется целесообразным привлекать к исследуемой проблеме и фольклорные элементы (легенды, предания, песни и т. д.), с помощью которых можно представить «осознание и оценку» народными массами деятельности русского царя.

Список литературы

1. Воскресенский Н. А. Реляция о заключении мира со Швецией и провозглашении царя Петра I Императором Всероссийским, Отцом отечества с титулом Великого, от 30 октября 1721 года. // Законодательные акты Петра I / Н. А. Воскресенский. – М.: Издательство Академии наук Союза ССР, 1945. – 662 с.
2. Аваков П. А. Региональные особенности и социально-политические риски культурных преобразований Петра I (на материале Северо-Восточного Приазовья) / П. А. Аваков // Петербургский исторический журнал. – 2017. – № 1. – С. 33-49.
3. Агапов В. Л. Угольный Донбасс в контексте политики модернизации России (XVIII век) / В. Л. Агапов // Журнал исторических, политологических и международных исследований. Издание Донецкого национального университета, исторический факультет. – Сетевое издание. – 2019. – № 1 (68). – С. 48-62. – URL: <https://donnuhist.ru> (дата обращения: 18.09.2021).
4. Анисимов Е. В. Петр Великий: личность и реформы. – СПб.: Питер, 2009. – 448 с.
5. Канин В. А. Краткий исторический очерк становления угольной промышленности Новороссии / В. А. Канин // ТРУДЫ РАНИМИ: сб. научн. трудов. – Донецк, 2019. – № 8 (23) (часть 1). – С. 27-64.

ФАШИСТСКИЙ «НОВЫЙ ПОРЯДОК» В ПРОМЫШЛЕННОЙ СФЕРЕ ДОНБАССА (1941–1943 гг.)

Муравьёва В.О., Удалова Т.М., канд. ист. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
murawiewa.valerya@gmail.ru

Введение. Одной из самых трагических страниц в отечественной истории XX века являются события Великой Отечественной войны, которые продолжают занимать особое место в памяти и сознании человечества. Это время массового истребления населения и попыток реализации стратегических планов нацистов. Захватчики планировали в полном объёме беспощадно использовать все виды ресурсов края.

Основная часть. Прежде чем возобновить работу металлургических заводов Донбасса, оккупантам нужно было наладить угле- и электроснабжение. Решение этих задач было связано: во-первых, с восстановлением донецких шахт, которые поставляли заводам уголь, во-вторых, с восстановлением Штеровской и Зуевской электростанций. Однако для восстановления шахт и добычи угля нужна была электроэнергия, а для её производства – уголь, которого в достаточном количестве не было [1, Л. 6].

Пока крупные электростанции Донбасса оставались разрушенными, на местах началось восстановление небольших станций и заводских турбогенераторных приборов. Пуск турбины вернул к жизни только механические цехи завода [2, с. 242]. Во время оккупации из крупных шахт Горловки работали только: шахта № 5, шахта № 19-0, Рудуч, шахта им. Калинина и до десяти мелких шахт. Максимальная добыча по Горловским и Калининским шахтам составляла около 1740 т.

Оккупационная власть столкнулась с негативным отношением населения к себе, что стало основной причиной неудовлетворительного укомплектования кадрового состава рабочих. С этой целью экономическое командования создавало биржи труда. По вышеуказанным причинам регистрация трудоспособного населения проходила медленно [3, Л. 9].

Оккупанты начали вырабатывать принудительную структуру трудовых отношений с трудящимися. На предприятиях они ввели систему наказаний за нарушение рабочего режима. Провинившегося могли прилюдно избить. Рабочего также наказывали штрафом в размере от 200 до 500 руб. Что фактически лишало человека прожиточных средств. На рабочих местах создавались карцеры, а бараки для шахтёров ограждались колючей проволокой и охранялись вооружённым конвоем [4, с. 210].

От 5 сентября 1942 г. на основании приказа начальника отдела кадров А. С. Артемова по Юзовскому металлургическому заводу трудящиеся завода, совершившие самовольный прогул, подвергались штрафу в

размере половины дневного заработка и уменьшению очередного отпуска на количество прогульных дней. А с 17 июля 1942 г. началось оформление отпусков трудящихся в связи с приказом № 78, из указанного становится очевидным тот факт, что оккупационные главари остро нуждались в кадрах, рабочих руках, а местные работники игнорировали и сознательно саботировали мероприятия фашистов [5, Л. 6]. Например, 23 марта 1943 г. по приказу заместителя главного энергетика завода, для создания нормальной работы и наиболее эффективного использования рабочей силы, было запрещено выполнять работы без заказов и предписаний. Все работы смежных цехов могли выполняться только с разрешения. Мастера обязаны были следить за использованием рабочей силы и выполнением работы в срок и качественно. На каждый заказ составляли график исполнения. Категорически запрещали выдавать материалы и орудия без разрешения. [6, Л. 40].

За время оккупации и при своём отступлении захватчики почти полностью разрушили угольную промышленность Сталинской области, а наиболее ценное оборудование вывезли в Германию. Из строя было выведено 140 шахт (уцелело лишь 12 с общей суточной добычей в 500 т угля). Немцы взорвали 154 шахтных ствола протяженностью 15 тыс. 517 м, 192 копра, 292 подъёмные машины, 189 вентиляторов. Не щадили и жилых домов рабочих. Только по комбинату "Сталинуголь" было уничтожено 1 126 900 кв м жилой площади [7, Л. 10].

Заключение. Таким образом, исходя из архивных документов автор считает, что планы оккупантов по установлению фашистского «нового порядка» в промышленной сфере Донбасса не были реализованы благодаря саботированию приказов рабочих предприятий. Оккупационные власти таким образом, не смогли реализовать программу по обеспечению Германии сырьем и продукцией, произведенного на территории Сталинской и Ворошиловградской областей.

Список литературы

1. Госархив ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 48.
2. Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельствуют очевидцы / Авт.-сост. Титаренко, Д.Н., Пентер, Т. – Донецк: Мир книги, 2013. – 465 с.
3. Госархив ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 38.
4. Донбасс в Великой Отечественной войне (1941 – 1943 гг.): известные и неизвестные факты и события / Под ред. Доброва П.В. и авторского коллектива. – Донецк: ООО "Издательско-полиграфическое предприятие "ПРОМІНЬ", 2014. – 210 с.
5. Госархив ДНР. Ф. Р1592. Оп. 1. Д. 1.
6. Госархив ДНР. Ф. Р1611. Оп. 1. Д. 13.
7. Госархив ДНР. Ф. Р1838. Оп. 1. Д. 41.

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРНОСПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В ДОНБАССЕ В 1931–1941 гг.

Павлова А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

angelina.pavlov@yandex.ua

Введение. Обеспечение государством безопасности жизнедеятельности граждан, в том числе и на промышленном производстве, является одним из главных элементов стабильности развития экономики. Горная промышленность, как неотъемлемая часть промышленного комплекса Донбасса, развивается в экстремальных условиях ведения постоянных военных действий на территории нашей Республики, поэтому горноспасательной службе отводится значительное место в общегосударственной системе обеспечения безопасности ведения горных работ. Исследование в исторической ретроспективе опыта становления советской горноспасательной службы Донбасса дает возможность раскрыть общие проблемы государственной политики в вопросах организации горноспасательного дела.

Проблемы развития советской системы горноспасательной службы накануне Великой Отечественной войны, в том числе и на Донбассе, историками-краеоведами не рассматривались. Только в опубликованных воспоминаниях бывших горноспасателей, которые были непосредственными участниками становления донбасской горноспасательной школы, имеются упоминания о причинах введения военного статуса у горноспасателей [1, 6].

Научная новизна исследования, в связи с малой изученностью данной проблематики отечественными учеными, определяется необходимостью продолжения поиска новых исторических источников и введения их в научный оборот, выработкой теоретических принципов исследования на основе методов междисциплинарных связей.

Основная часть. Характер работы горноспасателей при проведении оперативных мероприятий, где необходимы исключительная четкость, организованность и слаженность в работе всех членов команды, безоговорочное подчинение и выполнение распоряжений командира всеми членами команды, требовали внедрения в горноспасательном деле высокой, сознательной дисциплины, а ее лучшим и высшим образцом являлась армейская дисциплина.

К 1931 году, после ряда неудачных попыток, предпринятых Народным комиссариатом труда СССР (НКТ СССР) по реформированию системы горноспасательных станций, правительством СССР было принято решение о передаче из ведома НКТ СССР и централизации управления горноспасательными станциями при Управлении Противовоздушной

обороны и военизированных специальных частей Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР (УПВО и ВСЧ НКТП СССР). С этого времени УПВО и ВСЧ НКТП СССР сосредоточило на себе руководство и контроль за осуществлением намеченной программы строительства всех горноспасательных станций, предусмотренных Постановлением СНК СССР и НКТ СССР от 31.07.1931 [4].

Советское руководство уделяло должное внимание созданию безопасных условий труда и производства, значительное место в котором принадлежало горноспасательному делу. Так, рост капиталовложений в горноспасательное дело Донбасса за период с 1920 г. по 1932 г. составил по разным статьям расходов от 360 % до 1450 % [3]. В 1932 году были выделены специальные кредиты: в сумме 5 млн. руб. на строительство зданий спасстанций и 10 млн. руб. на строительство жилищных объектов при них. На долю Донбасса из этих сумм приходилось: около 2 млн. руб. на строительство промышленных объектов и около 4 млн. руб. на жилищное строительство [3]. Фактическая централизация была начата в 1932 г., после передачи УПВО и ВСЧ НКТП СССР от НКТ СССР кредитов на строительство спасстанций. Строительство зданий спасательных станций и жилых домов при них было окончено в Донбассе к концу 1933 года. В результате проведенных масштабных строительных работ здесь были открыты 12 новых спасстанций и 18 спасстанций, организованных ранее во временных помещениях [3]. В августе 1934 года было закончено строительство Чистяковской районной горноспасательной станции, которая до 1941 года являлась одной из крупнейших в мире и была оборудована по последнему слову техники, а здание спасстанции являлось одним из лучших среди районных станций Донбасса и всего СССР, если не считать Уральской Центральной спасстанции и Сибирской центральной горноспасательной станции [3]. Большая роль в создании новой структуры управления горноспасательными станциями принадлежала горному инженеру Евсею Ефимовичу Шубу, который в течение многих лет, начиная с 1934 года, плодотворно трудился в должности начальника горноспасательного отдела УПВО и ВСЧ НКТП СССР [6].

В течение 1933–1934 гг. во всех крупных горнодобывающих районах СССР были организованы региональные инспекции по управлению горноспасательными частями, которые руководили горноспасательными подразделениями и сыграли решающую роль в становлении профессиональной горноспасательной службы. В Донбассе – Инспекция ВГСЧ Донбасса и Криворожья, которая позднее была реорганизована в штаб ВГСЧ Западных районов СССР. Каждая инспекция ВГСЧ возглавлялась начальником ВГСЧ, который непосредственно подчинялся начальнику УПВО и ВСЧ НКТП СССР [3]. В подчинении Инспекции ВГСЧ Донбасса и Криворожья входили 9 ВГСО, которые располагались в самых крупных горнодобывающих центрах [3]. При каждом штабе ВГСО имелись наиболее мощные по количеству личного оперативного состава и технической оснащенности

оперативные взводы, предназначенные для обслуживания прилегающих к ним шахт и оказания помощи входящим в структуру отряда взводам при авариях. В 1933 году Инспекция ВГСЧ Донбасса и Криворожья располагалась в г. Горловка, и кроме ВГСО в подчинении инспекции находились механические мастерские и школа младшего и среднего командного состава ВГСЧ, которые располагались в г. Макеевке [2].

Постановлением СНК СССР от 07.01.1934 года за № 25 личный состав горноспасательных станций был военизирован, а станции переименованы в военизированные горноспасательные части (ВГСЧ), отряды (ВГСО) и взводы (ВГСВ) [5]. Центральные станции стали называться инспекциями. Районные горноспасательные станции были реорганизованы в отряды, а групповые и рудничные – в номерные горноспасательные взводы, респираторные команды – в отделения. Личному составу спасательных станций была определена военная форменная одежда, которой он обеспечивался бесплатно. Старшему командному составу было выдано личное оружие. Кроме этого, личному составу вменялось в обязанность изучать и уметь пользоваться стрелковым оружием. С военизацией в ВГСЧ вводится «Дисциплинарный устав», «Устав внутренней службы ВГСЧ», «Положение о вещевом довольствии личного состава ВГСЧ», «Инструкция по организации и ведению горноспасательных работ» и другие документы, регламентирующие деятельность ВГСЧ. Также, был решен вопрос о порядке государственного обеспечения горноспасателей и членов их семей, как для военизированной охраны [5].

Заключение. Боевая подготовка горноспасательных частей оценивается в основном быстротой и качеством выполняемых горноспасательных работ по оказанию помощи людям при авариях и ликвидации самих аварий. Своевременные сбор по сигналу «тревога» и выезд команды на шахту, быстрота подготовки к спуску в шахту и прибытие к месту аварии имеют огромное значение для успешной ликвидации аварии. За годы после военизации боеспособность и эффективность горноспасательных частей сильно возросла. Периодические проверки боеготовности ВГСЧ Донбасса за период 1934–1939 гг. показывали результаты, при которых выезд на автомашинах по сигналу «тревога» производился в три раза быстрее (40-50 сек.), а к 1941 году некоторые взводы выезжали по тревоге за 25-30 секунд; на подготовку к спуску в шахту до военизации затрачивалось от 4 до 11 минут, после военизации в 1939 году – от 0,9 до 2 минут, а в 1941 году это время колебалось в пределах 50-80 секунд [3].

Военизация горноспасательных станций являлась мощным фактором в установлении твердого регламента и внутреннего распорядка, в укреплении дисциплины, что привело к поднятию боеспособности, а значит и к улучшению качества оперативной работы горноспасательных частей накануне Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Вяльцев В. М., Вяльцев А. В., Кондаков К. В., Фролов А. В. Становление горноспасательного дела в Донбассе. Исторический очерк. // Безопасность жизнедеятельности: Приложение. – 2014, № 3. – С. 5-6.
2. Горноспасательное дело в СССР: исторический обзор: сб. рукописей и материалов школы командного состава ВГСЧ Донбасса / Фонд научно-технической библиотеки НИИГД «Респиратор» МЧС ДНР. – С. 65-66, 68, 254-260.
3. Госархив ДНР. Ф. Р-5802. Оп.1 Д. 6. Л. 24-27.
4. Постановление НКТ СССР от 28.12.1931 г. об утверждении нового списка горноспасательных станций и списка лабораторий при них и о связанных с этим изменениях и дополнениях положения о горноспасательном деле // Безопасность труда в горной промышленности. – 1932, № 1. – С. 45-51.
5. Постановлением СНК СССР о военизации личного состава горноспасательных станций НКТП от 07.01.1934 года за № 25. – Текст: электронный // Электронная библиотека нормативно-правовых актов СССР. – 2021 – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3952.htm: дата обращения 12.09.2021
6. Соболев Г. Г. Горноспасатели / Г. Г. Соболев. – М.: Недра, 1991. – С. 33-35, 38, 39-77, 78-90.

УДК 94: (477)"1953/1964"

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ДОНБАССЕ В 1953–1964 гг.

Петух А.В.

ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей», г. Донецк, ДНР
petukhanna@gmail.com

Введение. Сформированное в 1950–1960-е гг. культурное пространство в Донбассе обладало определенным организационным потенциалом. Образовательная система как часть культуры в период «оттепели» в Донбассе имела в своём развитии некоторые противоречия. Как и в каждом явлении, были свои успехи и просчеты.

Цель работы – рассмотреть и проанализировать развитие системы образования в 1953–1964 гг. как части культурной составляющей, выявив специфические особенности в Донбассе.

Основная часть. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. укрепилась материально-техническая база учебных заведений Сталинской области. Была расширена сеть общеобразовательных школ: в период с 1956 по 1965 гг. в области было введено в действие 463 школы. Эксперименты высшего партийного руководства коснулись и этой сферы жизни общества. Один из них основывался на идее отдаления школы от реалий жизни. Теперь её задача заключалась не только в воспитании и обучении молодого поколения, но и в призыве к трудовой жизни. Так страна пыталась воспитать у детей уважение к труду. В 1959 г. «Закон о народном образовании» был принят на республиканском уровне, согласно которому,

в основу школьного образования был положен принцип объединения политехнической и общеобразовательной программ. Обучение решили ориентировать не на воспитание будущих студентов вузов, а на выпуск будущих специалистов рабочих специальностей [1].

Среднее образование разделили на два этапа. Вместо всеобщего обязательного – «семилетки», теперь была обязательной восьмилетняя программа. Затем школьники могли выбрать, где продолжать среднее образование: в вечерней школе, общеобразовательной трудовой, с производственным обучением или в профтехучилище. Срок обучения в таком училище составлял от 1 до 3 лет на базе «восьмилетки». Создавались также школы продленного дня, специальные школы для одаренных детей в области искусств и точных наук, школы рабочей молодежи. В Донецкой области с 1958 по 1965 гг. количество школ рабочей молодежи увеличилось с 233 до 289, а число учеников – с 105,9 тыс. до 146,5 тыс. человек. В школах рабочей молодежи также создавались классы для обучения неграмотных. Довольно распространенным явлением были вечерние школы. Многие после их окончания шли учиться в фабрично-заводские училища или устраивались на работу.

По статистическим данным в 1951–1955 гг. в Донбассе было введено в действие 187 школ, а в годы следующей «пятилетки» – 321. Особенно масштабное строительство школ велось в Донецкой области в 1951–1965 гг.: около 45 новых учебных заведений в год.

В 1960–1965 гг. сокращается количество дневных общеобразовательных школ. Однако, количественный состав учащихся вырос в 1,5 раза [2]. Что касается изменений в школьной организации, то увеличилось количество часов по трудовому обучению. К нему приобщались промышленные предприятия и колхозы, которые бесплатно передавали школам грузовые автомобили, станки и др.

В 1957 г. в школах Сталинской области работало 212 классов с производственным обучением. Подобная ситуация была и в Ворошиловградской области. В январе 1957 г. в Ворошиловграде обучалось 1186 человек в 36 классах с производственным обучением. По окончании школы ученики получали не только аттестат о среднем образовании, но и удостоверение о получении специальности токаря, маляра и других рабочих профессий. Ученики целыми классами работали на производстве. В прессе сообщалось о выпускниках Артемовской школы № 3, которые всем классом отправились строить канал «Северский Донец-Донбасс».

В развитии среднего образования были и некоторые недостатки. Выбор профессий для производственного обучения был не большой, поэтому выбранная специальность нравилась не каждому. Ученики не проявляли особого желания идти работать на производстве. По профессии, полученной во время обучения в школе, работало от 5 до 15 % выпускников.

Привлекательными для учеников были вечерние школы. В 1950–1951 гг. в таких школах обучалось 38,5 тыс. человек, а в 1965–1966 гг. – более 191 тыс. Такая категория учеников получала ряд льгот, что делало такое обучение особенно целесообразным для работающей молодежи.

Росло и количество студентов. Так, с 1958 по 1965 гг. общая численность студентов в Донецкой области выросла с 19,7 тыс. до 52,6 тыс. человек. К середине 1960-х гг. Донбасс превратился в мощный центр высшего образования, в 1965 г. здесь обучалось 11,5 % всех студентов УССР. В вузах Сталинской области обучалось 19716 студентов, затем их численность возросла до 52635 человек [3].

Основной тенденцией высшего образования 1950–1960-х гг. было расширение вечерней и очной формы обучения. К середине 60-х гг. XX в. в институтах региона на заочных и вечерних факультетах студентов было больше, чем на дневном обучении [4]. Почти 67 % студентов области обучались на вечерней и заочной форме обучения. Такая диспропорция в соотношении дневного, заочного и вечернего форм обучения, в пользу последних, была неизбежна и привела к снижению качества подготовки молодых специалистов [5].

К концу 1950 г. в г. Донецке работали 3 вуза, 10 техникумов и 139 школ, в которых получали образование более 11 тыс. студентов и свыше 75 тыс. учеников [6].

Образовательные учреждения среднего и высшего уровня играли важную роль в подготовке кадров, удовлетворяя потребность региона в квалифицированных специалистах, большинство из которых прибывали из разных регионов УССР. К середине 1950-х гг. в Донбассе сложилась четкая система подготовки профессиональных кадров: подготовка педа-ботников осуществлялась в 5 вузах: Донецком государственном университете, Луганском, Славянском, Горловском педагогическом институте и Донецком музыкально-педагогическом институте. В двух вузах готовили медицинских работников; специалистов для сельского хозяйства готовил Луганский институт, а для сферы торговли – Донецкий институт советской торговли [7].

Заключение. Таким образом, в развитии образования в Донбассе в исследуемый период можно выделить следующие тенденции: улучшение материальной базы учебных заведений, расширение вечерних, заочных отделений вузов и политехнизация образования. Развитие сферы образования изучаемого периода имело положительные стороны, такие как доступность, всеобщность, бесплатность, которые позволили в 1953–1964 гг. успешно развивать как промышленный, так научный и культурный потенциал Донбасса. Определение роли образовательных сценариев на формирование региональной идентичности, на основе эмпирических данных и обобщений исследования относительно соразмерности аналогий с современными реалиями, могут быть учтены при формировании социальной политики Донецкой и Луганской Народных Республик.

Список литературы

1. Бабенков А. С. Как это было (воспоминания и размышления) / А. С. Бабенков. – Донецк: Донеччина, 2003. – С. 128.
2. Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. – М.: Госстатиздат, 1977. – 558 с.
3. Народное образование, наука и культура в Украинской РСР. Статистический сборник. – М.: Статистика, 1973. – 224 с.
4. Попович М. В. Очерк истории культуры Украины / М. В. Попович. – К., 1999. – 728 с.
5. Беленко А. И. Всё о Донецке: Справочник / А. И. Беленко. – 2-е изд., доп. – Донецк: Донбасс, 1976. – 199 с.
6. История городов и сел Украинской ССР. – В 26 т. – Донецкая область / Ред. кол. Г. П. Ерхов. – Киев: Институт Истории Академии Наук, 1976. – 811 с.
7. Миронов В. П. Город, в котором мы живём / В. П. Миронов. – Донецк: Донбасс, 1977. – С. 128.

УДК 904:355.01“1941–1945”(477.62)“2014/...”

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Пилипенко Д.В.

ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей», г. Донецк, ДНР
drkm-pamyat@yandex.ru

Введение. Одним из важнейших событий в истории нашего края является день освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков. Для Донбасса память об этой войне была и остаётся неотъемлемой частью самосознания его жителей, и главной задачей современников является сохранение этой памяти для потомков. Своё материальное воплощение она находит в памятниках и памятных знаках. Сохранение и приумножение числа таких памятников и усвоение информации, заложенной в них, – одна из важнейших задач не только жителей Донбасса, но и всего человечества, которое не должно забывать уроки Великой Отечественной войны.

Актуальность темы обусловлена необходимостью научного изучения объектов культурного наследия Донбасса, увековечивающих память о Великой Отечественной войне, что позволит не только обеспечить приращение научного знания, но и противостоять попыткам фальсификации истории Второй мировой войны, которые всё чаще предпринимаются в странах Запада. Цель данной публикации – охарактеризовать объекты культурного наследия, посвящённые Великой Отечественной войне, на территории Донецкой Народной Республики. Данная группа памятников довольно значительна и включает объекты культурного

наследия, взятые под охрану до 11 мая 2014 г., и ряд памятников, выявленных и взятых на учёт в 2018-2021 гг.

Основная часть. Великая Отечественная война занимает особое место в нашей истории, поскольку стала небывалым по своей суровости испытанием всех материальных и духовных сил государства. Наши земляки, трудящиеся Донбасса в жестоких сражениях с врагом покрыли себя неувядаемой славой. Многие из них удостоены высокого звания Героя Советского Союза. На территории нашей Республики память о героях увековечена в граните и мраморе, в памятниках и памятных знаках. Традиция устанавливать памятные символы продолжается, а значит память об их подвигах жива. Их доблесть служит хорошим примером для подрастающих поколений.

За годы Великой Отечественной войны по нашей территории дважды проходила линия фронта и велись ожесточённые бои. Множество солдат и офицеров отдали свои жизни за родную землю. Они, зачастую безымянные, похоронены в одиночных и братских могилах. В основном, все они уже взяты на государственный учёт. Однако в некоторых случаях в силу различных обстоятельств этого не произошло. Например, останки бойцов были обнаружены в результате поисковой работы и перезахоронены в братские могилы. И сейчас они берутся под охрану. Всего на территории Донецкой Народной Республики находится 826 недвижимых памятников истории и культуры, взятых на государственный учёт до 11 мая 2014 г., 462 из которых посвящены Великой Отечественной войне [1], что составляет 56 %. Это, в основном, братские и одиночные могилы советских воинов, памятные знаки воинам-землякам (431), а также памятники Героям Советского Союза (31).

В результате событий 2014 г. в Республике появились Герои, многие из которых отдали жизнь за её свободу. Им также устанавливаются памятники и памятные знаки. И не удивительно, что в сознании жителей Донбасса их подвиги оживили воспоминания о героической борьбе отцов и дедов с врагом, вознамерившимся в 1941–1943 гг. покорить наше Отечество. Память об этом в молодой Республике увековечена во вновь установленных объектах, которые в действующем законодательстве определены как «объекты, обладающие признаками объекта культурного наследия». С целью выявления новых объектов культурного наследия на территории нашей Республики проводятся поисково-изыскательские работы, натурные обследования (визуальный осмотр), историко-архивные, краеведческие и библиографические исследования. Правила их учёта регламентируются «Временным порядком учёта вновь выявленных объектов культурного наследия Донецкой Народной Республики» [2]. Сбор и систематизация информации о таких объектах, а также их документальная фиксация являются одним из направлений работы по охране культурного наследия.

В случае обнаружения объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, при подготовке предложений о взятии его на учёт составляется первичная учётно-охранная документация, в числе которой краткая историческая справка, содержащая сведения о времени и обстоятельствах возникновения объекта, его авторах, инициаторах, исторических фактах и событиях, которые увековечивает объект [3; 4], и акт осмотра технического состояния объекта с фотофиксацией; определяется предмет охраны [5]. Эти материалы рассматриваются специально созданной комиссией, которая принимает решение о включении или не включении объекта в Список вновь выявленных объектов культурного наследия (далее Список) и подаёт его на утверждение главе администрации города или района. С каждым годом этот Список пополняется. На данный момент в нём 178 объектов [6].

В 2018 г. таким образом в Список были включены 86 объектов, из них 24 посвящены событиям Великой Отечественной войны, что составляет 28 %. В 2019 г. Список дополнили 68 объектов. Событиям Великой Отечественной войны посвящены 19 (также 28 %). Из 24 объектов, внесённых в Список в 2020 г., 12 (50 %) посвящены событиям 1941–1945 гг. Всего за эти годы было установлено 55 объектов, посвящённых событиям Великой Отечественной войны, что составляет 31 % от общего количества. Особенно следует обратить внимание на то, что треть новых объектов культурного наследия посвящены Отечественной войне, с начала которой прошло уже 80 лет.

Заключение. Анализ данных об имеющихся памятниках истории и культуры и о вновь выявленных объектах культурного наследия на территории Донецкой Народной Республики в последние годы позволяет сделать вывод о том, что памятники, увековечивающие память о Великой Отечественной войне, занимают значительное место в культурном наследии населения региона, играют важную роль в деле сохранения объективной исторической памяти. Несмотря на смену нескольких поколений, героические события 1941–1945 гг. продолжают жить в сердцах нашего народа.

Список литературы

1. Список памятников истории и культуры Донецкой Народной Республики, взятых на государственный учёт до 2014 года. – Текст: электронный // Министерство культуры Донецкой Народной Республики: официальный сайт. – 2021. – URL: <http://www.mincult.govdnr.ru/spisok-pamyatnikov-istorii-i-kultury-doneckoy-narodnoy-respubliki-vzyatyh-na-gosudarstvennyy-uchet> (дата обращения: 15.09.2021).
2. Временный порядок учёта вновь выявленных объектов культурного наследия Донецкой Народной Республики. Утверждён Приказом Министерства культуры Донецкой Народной Республики от 12 сентября 2017 г. № 386-ОД. – Текст: электронный // Министерство культуры Донецкой Народной Республики: официальный сайт. – 2021. – URL: http://mincult.govdnr.ru/sites/default/files/386_obshchiy.pdf (дата обращения: 15.09.2021).

3. Методические рекомендации «О порядке разработки исторической справки на объект культурного наследия (объект истории)». Утверждены Приказом Министерства культуры Донецкой Народной Республики от 24 декабря 2018 г. № 469-ОД.
4. Методические рекомендации «О порядке разработки исторической справки на объект культурного наследия (объект монументального искусства)». Утверждены Приказом Министерства культуры Донецкой Народной Республики от 30 сентября 2019 г. № 553-ОД.
5. Методические рекомендации «Об определении предмета охраны объектов истории и монументального искусства как объектов культурного наследия». Утверждены Приказом Министерства культуры Донецкой Народной Республики от 03 июня 2020 г. № 244-ОД.
6. Научная картотека научно-методического отдела охраны памятников истории и культуры ГБУ–ДРКМ. 15.09.2021 г.

УДК 94:796 (477.62)

РАЗВИТИЕ СПОРТА В ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Полевой А.В.

ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей» г. Донецк, ДНР
polevoy97@internet.ru

Введение. Анализируя историю Донецкого региона, можно смело утверждать, что пик не только экономического, культурного, но и спортивного развития пришелся именно на советский послевоенный период.

Основная часть. Важно отметить тот факт, что развитие спортивного потенциала государства, непосредственно зависит от политической воли и реальных действий руководства государства. Значимые достижения на международной арене были тесно связаны с развитием социалистических государств в послевоенное время. В советском союзе спорт и физкультура являлись не просто приоритетной отраслью развития среди граждан, но и были закреплены законодательно. Еще в 1920-е годы в РСФСР был учрежден Высший совет физической культуры – межведомственная комиссия в составе представителей Народных комиссариатов просвещения, и здравоохранения. В 1968 году орган был преобразован в Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР. Согласно Конституции СССР и Закону Союза Советских Социалистических Республик от 5 июля 1978 года «О Совете министров СССР», комитет являлся постоянным союзно-республиканским органом.

Великая Отечественная война принесла огромные разрушения и убытки не только производству, экономике и сельскому хозяйству СССР, но и сильно ударила по развитию культурной, и в частности, физической жизни страны. В годы, когда громыхали пушки, ни о каких

официальных турнирах не могло быть и речи. Однако уже в первой послевоенной олимпиаде 1952 года, в которой принимал участие СССР, советская сборная занимает второе место и привозит домой 71 медаль, 6 из которых – заслуга нашего выдающегося земляка, гимнаста, заслуженного мастера спорта СССР – Виктора Чукарина [1].

24 мая 1936 года вновь созданная команда провела в Казани свою первую игру и этот день принято считать днем рождения футбольного клуба «Шахтер». Настоящим триумфом для команды стали сезоны 1961 и 1962 года, когда Донецкий клуб дважды победил в Кубке СССР [2].

В 1975 году ФК «Шахтер» достались серебряные медали чемпионата СССР, а в следующем сезоне он вышел на международную арену, где прошел в Кубке УЕФА «Динамо» из Берлина и «Гонвед» из Венгрии. Триумфальный путь остановил только Туринский «Ювентус». В 1976 году среди игроков ФК «Шахтер» выделился Валерий Старухин, забивший 26 голов и ставший лучшим футболистом сезона. Потом были 1980 и 1983 годы, когда «Шахтер» вновь завоевывал Кубок СССР, а в 1984 году победил главного соперника – «Днепр» (Днепропетровск). В 1980 году команда «Шахтер» (Донецк) в третий раз завоевала Кубок СССР по футболу [3].

В 1970 годы стремительно увеличивалось в нашем крае число любителей путешествовать. Очень популярным в Донбассе, особенно среди молодежи, стал альпинизм. Методическим и организационным центром альпинизма в нашем крае был клуб «Донбасс». Чемпион СССР М. Туркевич был включен кандидатом в состав команды страны для подготовки к покорению высочайшей в мире горной вершины Эверест [4].

В 1975 году в Донецке состоялось открытие зимнего дворца спорта «Дружба» по типовому проекту 1956 года. В рамках этого события был организован хоккейный матч между командами из Москвы – «Крылья Советов» и «Динамо» [4]. А в следующем году Дворец был сдан в эксплуатацию. В нём были установлены новые холодильные установки. В эти годы стены дворца не раз принимали соревнования высокого уровня.

Многие рабочие проводили свободное время в спортивных клубах крупнейших промышленных предприятий. Один из первых в Советском Союзе спортклуб был создан на шахте «Кочегарка» г. Горловка. Активно работали спортклубы Ворошиловградского тепловозостроительного завода им. Октябрьской революции, Коммунарского металлургического завода, заводов «Азовсталь», тяжелого машиностроения и металлургического завода им. Ильича в г. Жданов [5]. В целом в Донбассе была создана прочная материально-техническая база массового спорта. Мощная материально-техническая база и массовость физической культуры были залогом высоких показателей целой плеяды спортсменов Донбасса.

Развитие командного спорта говорит о большой традиции передачи опыта тренерами коллективам. Качество игры и победы прославили донецких футболистов, хоккеистов, легкоатлетов, волейболистов на всем

пространстве СССР, а также в рамках мировых событий спорта. Тренеры Виталий Петров и Александр Билязе подарили донецкой атлетике мирового рекордсмена по прыжкам с шестом Сергея Назаровича Бубку, который смог прыгнуть первым в мире выше 6 метров.

Появлялись также серии результатов в индивидуальных видах спорта. Имена таких замечательных легкоатлетов, как Валерий Подлужный, Надежда Ткаченко, Нина Зюськова, навсегда вписаны золотыми буквами в историю отечественной и международной легкой атлетики. Спортивной гордостью Донбасса являются чемпионы мира, Европы и Олимпийских Игр – гимнастка Полина Астахова, легкоатлеты Валерий Брумель, Нина Откаленко (Плетнева), шахматист Геннадий Кузьмин, гимнаст Виктор Чукарин, теннисистка Марина Крошина и многие другие [4].

Донецк прославился талантливыми тяжелоатлетами: А. И. Первый и В. П. Соц [6]. Период 1971–1991 годов знаменателен выступлениями и заслугами других спортивных «силачей» из Донецка – боксеров. Самыми яркими из которых, по праву можно считать Александра Ягубкина и Виктора Мирошниченко [7], [8].

Заключение. Одним из самых распространенных и популярных видов спорта в Донбассе стал футбол. Именно в этот период Донецкий «Шахтер» закрепил за собой статус «кубкового» клуба. В Советском Союзе шла активная пропаганда здорового образа жизни, что заставляло заниматься спортом, не только молодежь, но и людей постарше. Массово проводились спартакиады, в которых принимали активное участие рабочие различных предприятий. В период 1951–1999 годов помимо традиционных видов спорта популярных в Донбассе, футбол, бокс, легкая атлетика и прочие, развивались и весьма «экзотические» виды спорта, такие как альпинизм. Спортивная инфраструктура региона оставалась на наивысшем уровне, активно застраивались новые спортивные площадки. В 1975 году в Донецке был открыт один из самых крупных дворцов спорта в УССР – арена «Дружба».

Спортивные школы богаты активностью тренеров из Донбасса в различных видах спорта. Рекордсмены края, известные ранее в Европе, сейчас готовят новые поколения на свою смену, параллельно расширяется популяризаторская деятельность и повышается вовлеченность молодежи в спорт. С середины XX века, к концу 1980-х годов – наблюдается семикратный рост спортивного движения.

Список литературы

1. Пашинин В. А. Победный путь / Предисл. Ю. Титова. – М.: Физкультура и спорт, 1978. – 200 с. – С. 15.
2. ФК «Шахтер». История клуба | Футбольный клуб «Шахтер» (Донецк) Официальный сайт. – URL: shakhtar.com.
3. Донбасс во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://poznayka.org/s12953t2.html>

4. История спорта Донбасса в Советский период / URL: <https://infourok.ru/statya-na-temu-sport-donbassa-v-sovetskiy-period-1363308.html>
5. Развитие культуры в Донбассе. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://megaobuchalka.ru/15/4518.html>
6. Коноплев И. Донецкая тяжелая атлетика. Часть 2 / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://donjetsk.com/main/12243-nachalo-doneckoj-tyazhyolj-atletiki-chast-2.html>
7. Мирошниченко Виктор Владимирович. Бокс / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.infosport.ru/person/7286>
8. Виктор Мирошниченко. Легенды бокса / 09.06.2012 / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://justboxing.net/legendy-boksa/viktor-miroshnichenko.html>

УДК 378.37(477.6)“1954/1964”

СТУДЕНЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ДОНБАССА В 1954–1964 гг.

Полякова М.А.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР
polyakova.mariya.93@mail.ru

Введение. Студенческие организации – важная составляющая учебного и воспитательного процесса каждого учебного заведения. Советские студенческие организации являлись самостоятельными общественными организациями, которые формировали у будущих специалистов качества организаторов, коммуникабельность и сознательность, что, в свою очередь способствовало воспитанию граждан, заинтересованных в развитии государства.

Цель исследования заключается в рассмотрении основных направлений деятельности студенческих организаций высших педагогических учебных заведений Донбасса в 1954–1964 гг., а также в извлечении позитивного опыта организации жизни студенчества.

Основная часть. Формирование и субсидирование деятельности студенческих организаций позволяло привлекать молодежь к разрешению социально-политических, экономических, культурных и научных задач. Учебные заведения предоставляли студенческим организациям необходимую базу: помещения и материалы для осуществления научной, культурно-массовой и общественно-полезной деятельности.

Направления деятельности студенческих организаций были разнообразны: наука и техника, проектные разработки, научные и культурно-массовые кружки. Действуя автономно друг от друга, студенческие объединения формировали общую повестку и векторы развития советской молодежи. Данный факт объясняется общими аспектами направлений работы.

Крупнейшим объединением студентов был ВЛКСМ и его базовые ячейки, закрепленные за педагогическими учебными заведениями Донбас-

са, которые курировали работу студенческих организаций и студенческих Советов. Студенческие советы и ячейки ВЛКСМ оказывали помощь администрации учебных заведений, а также организовывали разностороннюю деятельность студенческого контингента.

Также, на базе педагогических учебных заведений действовали профессиональные союзы, членами которых являлись все студенты и обучающиеся. Профсоюз выполнял функции правовой защиты, а также оказания материальной помощи. Например, оказание помощи в обустройстве жилых площадей, предоставление возможности отдыха (путевки) и т.д.

Однако, общестуденческой организацией, безусловно являлся студенческий совет. Состав студенческого совета определялся в ходе выборов. Так, на факультетских собраниях избирался факультетский студенческий совет. В свою очередь по результатам общеинститутского голосования, из числа членов факультетских студенческих советов, формировался институтский студенческий совет.

Деятельность студенческих организаций имела несколько направлений и модерировалась студенческим Советом, а также базовой ячейкой ВЛКСМ в соответствии с партийно-государственным курсом. Среди основных векторов студенческой работы и соответственно объединений были: общественно-полезный труд, просвещение, культурно-массовая деятельность и спорт.

Вопрос об общественно-полезной работе начиная с 1958 г. находился на повестке заседаний комитета ВЛКСМ [5]. Студенческий совет и комсомольская организация Сталинского педагогического института, в целях организации и расширения общественно-полезной деятельности студенчества приняли решение об организации Штаба общественно-полезного труда [7].

Спорт и культмассовая работа были следующей по значимости, после общественно-полезной, деятельностью. Во всех учебных заведениях Донбасса, в том числе педагогических, формировались спортивные кружки. Так, в Сталинском педагогическом институте действовало 13 спортивных секций: легкой атлетики, спортивной гимнастики, баскетбола, гандбола, плавания, волейбола, бадминтона, настольного тенниса, стрельбы, шахмат, туризма, общей физической подготовки и подводного спорта [1]. В Славянском педагогическом институте действовала секция спортивной гимнастики, легкой атлетики, баскетбола, волейбола, настольного тенниса и стрельбы [6]. На базе Горловского института иностранных языков свою деятельность осуществляла секция гимнастики, легкой атлетики, волейбола, баскетбола, настольного тенниса, шахмат и шашек [3].

Культурно-массовый сектор – многочисленное направление студенческой деятельности, его участники, под руководством ВЛКСМ и студсовета принимали участие в организации концертов и театрализованных мероприятий для жителей города, и работников предприятий, в агитационных кампаниях, а также в проведении культмассовых меропри-

ятнях в детских домах и школах-интернатах. В Сталинском педагогическом институте культурно-массовая работа концентрировалась вокруг кружков хорового пения, художественного чтения, сольного пения, танцевального и драматического [2]. В Славянском педагогическом институте действовали два драмкружка (русскоязычный и украиноязычный), хоровой кружок, оркестр народных инструментов, а также кружки вокалистов и художественного чтения [4]. Культурно-массовый сектор Горловского института иностранных языков был более разнообразен и активен, в сравнении с другими вузами области. Данное превосходство позволило студентам иняза занять первое место на областном смотре художественной самодеятельности в мае 1958 г. [3].

Заключение. Реформирование системы народного образования обусловило переустройство студенческой жизни. Расширение сети педагогических училищ и вузов привело к увеличению студенческого контингента и активизировало деятельность студенческих организаций, которые реализовывали множество направлений деятельности студенчества, в том числе регулируя правила поведения и дисциплины в молодежной среде. Полит-массовый сектор осуществлял атеистическую и коммунистическую пропаганду. Члены производственно-экономического сектора занимались организацией работы научных и предметных кружков. На попечении культмассового и физкультурного секторов находилась организация работы творческих и спортивных кружков. Следовательно, деятельность студенческих объединений была целесообразна и результативна, поскольку не только способствовала организации молодежной жизни, но и знакомила своих участников с общественно-полезной деятельностью, воспитывая достойного гражданина советского государства.

Список литературы

1. Госархив ДНР. Ф. Р-3765. Оп. 1. Д. 482. Л. 48.
2. Госархив ДНР. Ф. Р-3765. Оп. 1. Д. 330. Л. 342.
3. Госархив ДНР. Ф. Р-3313. Оп. 1. Д. 44. Л. 43.
4. Госархив ДНР. Ф. Р-3313. Оп. 1. Д. 45. Л. 17.
5. Там же. Л. 19.
6. Госархив ДНР. Ф. Р-3313. Оп. 1. Д. 97. Л. 24.
7. Госархив ДНР. Ф. Р-3765. Оп. 1. Д. 404. Л. 108

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В СЛАВЯНСКЕ (1915–1916 гг.)

Разумная Н.Н., канд. ист. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

n.razumnaya@donnu.ru

Введение. В условиях военного времени проблемы урбанизации и функционирования городских органов самоуправления обостряются в связи с дефицитом городского бюджета и всевозрастающим социально-экономическим кризисом. В некоторых городах на территории Донбасса в годы войны действовали лечебные заведения, необходимость существования которых была доказана временем. При этом, успешное их развитие благоприятно сказывалось на создании городской инфраструктуры.

Основная часть. Так, 25 августа 1915 г. владельцам заведений общепита на территории г. Славянска Городская управа отправила запрос о том, предполагалось ли содержание в 1916 г. заводских трактирных промыслов. Эти сведения были необходимы управе для доклада в Городской Думе при определении общей суммы городского трактирного сбора на 1916 г. [1, Л.3, 6].

На основании полученных ответов, 5 ноября 1915 г. в Славянскую Городскую Думу был отправлен доклад об определении общей суммы городского трактирного сбора на следующий 1916 г. На основании ст. ст. 25 и 26 Положения о трактирном промысле заведения трактирного промысла облагались особым ежегодным сбором в пользу города, который был определен Городской Думой. По состоянию на 1915 г. общая сумма трактирного сбора в г. Славянске была определена Городской Думой в размере 2 850 р. соответственно и далее в документе было перечислено семь позиций в которых были названы все трактирные заведения с которых взимался данный налог. На основании некоторых данных, предусматривалось, что в 1916 г. в г. Славянске должны были функционировать следующие заведения трактирного промысла, для которых была установлена общая сумма налога в размере 3 000 руб. В расчет были включены: столовые; меблированные комнаты и заезжие дворы; харчевни; буфеты при общественных собраниях; буфет в парке Минеральных вод. Отдельно было оговорено, что если в данных трактирных заведениях г. Славянска в 1916 г. будет разрешена продажа крепких напитков, то соответственно порядок налогообложения таких заведений будет увеличен.

На территории г. Славянска предполагалось в 1916 г. открытие нескольких заведений трактирного промысла. В том числе чайно-столовые при гостиницах – 3; при меблированных комнатах и заезжих дворах – 9;

при харчевнях – 3; 3 новых буфета, 2 при меблированных комнатах на Минеральных водах, при столовой и кухни на Минеральных водах. Данные заведения планировалось открыть во время лечебного сезона [1, Л. 5].

Кроме того, уже 23 января 1916 г. было отмечено, что в г. Славянске существовали кофейные, столовые и другие заведения трактирного промысла в следующих домах: Чалого А. С. на Соборной площади, Христова И. А. по Харьковской улице, там же работало и заведение Горемыкина А. С. у него же было еще одно заведение на ул. Железнодорожной. При этом их владельцам разрешения на открытие заведений управа не выдавала и соответствующих ходатайств об открытии от них не поступало. Приставу было направлено письмо с предложением о получении данных ходатайств от их собственников, в противном случае данные заведения должны были быть закрыты [1, Л. 14, 43].

В Славянскую городскую управу поступило заявление от мещанки Песи Рихли Резниковой проживающей в г. Славянске. с просьбой разрешить открыть столовую в доме Александры Игоревны Марченко по адресу Соборная площадь д. 3. Представители Городской управы должны были осмотреть указанное помещение и выдать соответствующее распоряжение от 28 февраля 1916 г. Важно отметить, что открытие и функционирование учреждений общепита контролировалось и санитарной инспекцией. На заседании Славянской Городской управы, которое состоялось 16 марта 1916 г. под председательством гор. головы П. М. Ламзина, слушали заключение санитарной комиссии по округу Славянских минеральных вод. 4 марта 1916 г. были осмотрены помещения под вновь открытыми чайно-столовыми в г. Славянске, при чем в осмотре участвовали и член Городской управы Г. К. Сидоренко [1, Л.33]. Согласно данным осмотра, комиссия посчитала возможным допустить открытие чайно-столовых в следующем апреле месяце: в доме Сережникова, по Харьковской улице – В. Н. Левинским, при условии содержания в чистоте кухни и установке шкафа для посуды; в доме Горелышева, по Железнодорожной улице С. М. Волович, при условии соблюдения чистоты; в том же доме – И. Б. Верба; в доме Рогового, по ул. Харьковской – И. С. Иващенко; в доме Чалого А. С. на Соборной площади – М. А. Селецкой при условии перемены клеенок на столах и устройство блока на двери на кухне; в доме у Николаенков-Марченко на Соборной площади – И. А. Резниковой; в доме Галкина, по Железнодорожной ул. Ильвицкой, при условии исправления нарушений санитарных правил.

Таким образом, в г. Славянске разрешено было открыть 7 новых чайно-столовых, которые облагались трактирным сбором по среднему размеру, принятому для данной группы заведений. Рассмотрев изложенное и принимая во внимание, что средний размер трактирного городского сбора с чайно-столовых по г. Славянску равнялся 25 руб. Городская управа на основании ст. 50 Положения о трактирном промысле постановила: открытие названным лицам в указанных помещениях чайно-столовых

разрешить на приведенных в акте осмотра условиях; все семь чайно-столовых обложить на текущий год городским трактирным сбором в размере 25 руб. каждую, т. е. по среднему размеру обложения: взнос сбора владельцам чайно-столовых был установить по полугодие вперед, на право открытия и содержания перечисленных чайно-столовых выдавалось их владельцам соответствующее свидетельство. О чем сразу же было сообщено владельцам открывающихся заведений [1, Л. 35].

Были случаи, когда инициировалось и закрытие подобных заведений, так в Славянскую Городскую Управу от Совета старшин второго общественного славянского собрания под председательством Ф. В. Стреженкова поступило заявление о сложении с Общ-го Собрания назначенного в 1916 г. трактирного сбора. Поскольку сначала его открытия в буфете собрания никаких напитков за исключением нарзана и ситро не было и в 1916 году не предполагалось и кроме того вследствие военного времени и наступающего летнего сезона в непродолжительном времени Славянское 2-е общественное собрание должно было прекратить свою деятельность до 1 октября 1916 г. Вследствие этого 2-е общественное собрание совсем должно было оставить квартиру в доме Ф. В. Сереженкова с 25 марта [1, Л.46-47, Л. 51].

Заключение. В связи с открытием предстоящего лечебного сезона уже 27 апреля 1916 г. Славянская городская управа направила приставу г. Славянска 20 экземпляров объявлений для расклейки в районе курортных видных местах. С предупреждением о строгом соблюдении всех оговоренных выше правил, чтобы кухни, мастерские, столовые и т. н. заведения, открываемые на время сезона в районе курорта, обязательно имели соответствующее разрешение. Те же из заведений, которые окажутся открытыми без разрешения, немедленно надлежало закрывать.

Список литературы

1. Госархив ДНР. – Ф. 91 Оп.1. Д.6

УДК 378.4 (477)(09)

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ДОНЕЦКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА 1960-е – 1980-е ГОДЫ

Рощина Л.А., канд. ист. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», Донецк, ДНР
ist@donntu.org

Введение. Необходимость ускоренного развития всех отраслей народного хозяйства СССР в период «оттепели» обусловила новые требования к системе подготовки специалистов. Для обеспечения

потребностей хозяйственного комплекса страны высшие учебные заведения должны были расширить перечень специальностей, обеспечить улучшение качества их подготовки, осуществить тесную интеграцию образования, производства и науки. В статье автор показывает, как данные процессы осуществлялись на базе Донецкого индустриального института.

Основная часть. Донецкий индустриальный институт в начале 1960х годов превратился в мощный интеллектуальный центр и учебное заведение по подготовке инженерных кадров многих специальностей. Учитывая это, Совет Министров СССР 19 мая 1960 г. принял постановление о переименовании Донецкого индустриального института в политехнический (ДПИ).

В этот период в институте обучалось более 8,5 тыс. студентов, которые проходили подготовку по 16 специальностям. Кроме дневного, подготовка студентов происходила также на вечернем и заочном отделениях. На 40 кафедрах института работало около 400 преподавателей, в том числе 153 докторов и кандидатов наук [1]. Среди них такие известные ученые и опытные педагоги, как академик АН УССР, доктор технических наук, проф. В. С. Пак, заслуженный деятель науки и техники, доктор технических наук, проф. В. И. Белов, профессора и доктора наук М. А. Богомоллов, В. Г. Гейер, Н. Д. Кузнецов, В. М. Кравченко, Г. М. Лейбов, Д. М. Оглоблин, В. А. Сорокин, В. К. Пресняков, П. Я. Таранов, И. Ю. Брайнин и другие [2].

Переименование института отражало те существенные изменения, которые происходили в его деятельности. Если раньше главное внимание уделялось подготовке специалистов для угольной, металлургической, коксохимической промышленности и строительства, то теперь институт начал подготовку инженеров по новым перспективным специальностям, которые отвечали современным направлениям развития науки и техники. Это стало возможным благодаря интенсивному развитию новых кафедр и факультетов.

В 1960 г. был основан электротехнический факультет, в 1966 г. – механический, а через год – геолого-маркшейдерский (впоследствии горно-геологический) факультеты. В 1969 г. начал подготовку специалистов инженерно-экономический факультет. Образование новых факультетов продолжалось и в 1970-е годы. К началу 1980-х годов в базовом институте уже работало 10 дневных факультетов: горный, горно-геологический, горно-электромеханический, металлургический, механический, химико-технологический, инженерно-экономический, энергетический, вычислительной техники, автоматизированных систем управления, а также два вечерних факультета: горно-механический и электромеханический, а также заочный [3].

В институте была начата подготовка инженеров по технологии машиностроения, станков и инструментов, механиков химического производства, специалистов по использованию природного и жидкого газа, по

эксплуатации автомобильного транспорта. С 1960 г. работали филиалы института в Макеевке, Горловке, Красноармейске, Краматорске.

В начале 1970-х годов Донецкий политехнический институт превратился в один из крупнейших центров подготовки квалифицированных инженеров. Численность студентов ДПИ в 1970 г. выросла в 2,5 раза по сравнению с 1960 г. и составила более 22 тыс. лиц. Из них 8307 учились на дневном отделении. На 74 кафедрах института осуществлялась подготовка специалистов по 30 специальностям [4].

В течение 1970–1980-х годов продолжалось совершенствование структуры института, укреплялась материальная база, преподавательские кадры формировались в филиалах и на общетехнических факультетах института. В 1972 г. на базе электротехнического факультета был создан факультет вычислительной техники и автоматизированных систем управления. Через пять лет он разделился на два самостоятельных факультета: вычислительной техники («Прикладная математика») и факультет автоматизированных систем управления, где начали подготовку инженеров по автоматике, телемеханике и специалистов автоматизированных систем управления. К началу 1980-х годов работало уже десять дневных факультетов.

В 1960-х – начале 1990 гг. значительные изменения произошли в организации научно-исследовательской работы в институте. Середина 1960-х годов стала переломной в укреплении научно – технической базы института, что позволило в дальнейшем неуклонно увеличивать объемы научно-исследовательской работы: если в 1960 г. в ДПИ была одна научно-исследовательская лаборатория, то уже через пять лет – 11. Научные исследования проводили и в учебных кафедральных лабораториях, что способствовало выполнению значительного количества важнейших и актуальных научных тем для развития хозяйственного комплекса страны [5].

По постановлению Совета Министров УССР в 1974 г. в ДПИ была создана проблемная научно-исследовательская лаборатория электрометаллургии с научным направлением «Разработка теоретических основ технологии производства высококачественных сталей средствами специальной электрометаллургии» (руководитель – доц. Г. А. Дорофеев). Для этой работы построили специальное помещение площадью 500 кв. м. Его оборудовали двумя промышленными установками электрошлакового переплава, мощным электронным микроскопом и комплексным оборудованием. Лаборатория успешно выполняла задачи, которые ставил перед ней Госкомитет науки и техники при Совете Министров УССР. В частности, была разработана новая технологическая схема получения высококачественного толстолистового проката для изделий специального назначения путем электрошлакового переплава металла кислородно-конверторной выплавки. Это позволяло существенно увеличить объем производства, а также значительно повысить качество и надежность металлоконструкций [6].

Заключение. Таким образом, структура ДПИ в 1960–1980-е годы значительно расширилась как за счет создания новых факультетов, так и за счет открытия дополнительных специализаций на уже существующих. Новые факультеты и специальности были призваны обеспечить растущие запросы промышленности в новых квалифицированных кадрах, отвечающих новым требованиям науки и техники. Создание дополнительных лабораторий позволило улучшить качество научно-исследовательской работы с учетом возрастающих запросов промышленного комплекса Донбасса и СССР в целом.

Список литературы

1. Госархив ДНР. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 791. Л. 2.
2. Кравченко С. П. Знаменательные события в истории ДПИ / С. П. Кравченко // Советский студент. – 1961. – №5. – С. 2.
3. Донецкий государственный технический университет. Краткий исторический очерк / Сост.: А. А. Саржан, В. В. Липинский, Л. В. Борбачева и др. Донецк: ДонГТУ, 1995. – С. 29.
4. Госархив ДНР. Ф. 1087. Оп. 4. Д. 2160. Л. 5.
5. Зборщик М. П. Трудовые и творческие годы в славном вузе / М. П. Зборщик. – Донецк: Норд-Пресс, 2013. – С. 146.
6. Госархив ДНР. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 899. Л. 6.

УДК 291.6:37.017(477.62)

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРОТЕСТАНТСКИХ ЦЕРКВЕЙ В ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ в к. XX – нач. XXI вв.

*Рощина Т.М., Людоровская Т.Ю., канд. ист. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» г. Донецк, ДНР
tanya_roshina@mail.ru*

Введение. Миссионерская деятельность была и остается едва ли не главной оставляющей социальной работы церкви. В начале 1990-х Донецкую область буквально заполнили миссионеры из стран Европы и США, которые являлись сторонниками новых для нашего региона церковных направлений.

Цель работы – выявить характерные черты миссионерской деятельности протестантских организаций в Донецкой области в конце 1980-х – начале 2000-х гг., роль и место в этом процессе зарубежных религиозных миссий.

Основная часть. Миссионерская деятельность Церкви, как известно, предполагает диалог с обществом. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. Донбасс захлестнула поликонфессиональность. Среди крупных промыш-

ленных городов бывших республик СССР в крае были самые высокие показатели зарегистрированных религиозных общин – 46 % от всех зарегистрированных на территории всего СССР. И это закономерно. Регион находится на перекрестке исторических путей между Востоком и Западом, на границе пересечения разных религий – христианства, мусульманства, иудаизма, разных конфессий православия, католицизма и протестантизма. Эта смешение и создало характерную черту в духовной жизни коренных жителей – толерантность и уважение к чужим взглядам на жизнь, что привело регион к тому, что Донбасс стал, с одной стороны, постоянной землей обетованной для различных религиозных диссидентов, с другой – местом активной экспансии из-за рубежа новых религиозных течений.

На протяжении 1990-х гг. в Донецкой области активнее всего разворачивали миссионерскую деятельность представители зарубежных протестантских организаций. Согласно статистике областных органов исполнительной власти, количество зарубежных миссионеров колебалась в пределах от 610 до 680 человек в год. Эти данные учитывают только тех лиц, которые прибывали в регион по официальному разрешению Областного управления по делам религий. Но были и те, которые прибывали без регистрации, что не противоречило действующему законодательству.

Подавляющее большинство приглашенных религиозных деятелей на протяжении исследуемого периода прибывало именно к протестантским конфессиям области: в 1994 г. численность протестантских миссионеров составила 97,8 % от общего количества официально приглашенных из-за границы религиозных деятелей, в 2010 г. – 81,8 % [1, с. 113].

Первоначально среди миссионеров, приезжавших в Донецкую область, количественно преобладали члены Церкви Христа из США. Однако с 2010-х гг. тенденция изменилась. Во-первых, сократилось общее количество миссионеров, во-вторых, количественно стали преобладать представители американских мормонов (Церкви Иисуса Христа Святых последних дней): в 2010 г. – 67 человек, 2011 г. – 77 человек, 2012 г. – 72 человека [2, с. 11].

После короткого периода роста и стабилизации, активность американских миссионеров и вновь возникших украинских общин пошла на спад. В 2011 г. впервые не было зарегистрировано ни одной новой общины Церкви Христа в регионе, а в следующем году прекратил деятельность центр «Благовест» – учреждение, спонсируемое американской Церковью Христа.

В целом же, миссионерская деятельность из-за рубежа в Донецкой области проводилась двояко. С одной стороны, она разворачивалась по линии отдельных церквей и религиозных организаций (преимущественно из Европы) и имела более или менее упорядоченный характер. С другой стороны, одновременно с миссиями на Донбасс приезжали представители отдельных независимых от центрального руководства сообществ (преиму-

щественно из США). Последние игнорировали местный контекст, вдохновлялись собственным пониманием «призвания к обращению и спасению жертв атеистического режима». Были случаи, когда зарубежные миссионеры действовали автономно, игнорируя местные протестантские структуры, что приводило к напряжению и отчуждению внутри протестантских сред, деления на «местных» / «своих» и «заезжих» / «чужих» [3 с. 78].

Активно действовали в Донецкой области миссионеры Церкви Иисуса Христа и святых последних дней (ЦИХСПД) или мормоны. Обычно их можно было встретить на улице или возле крупных узлов городского транспорта. Молодые люди, несколько отличающиеся от других, прежде всего своей строгостью в одежде: белая рубашка, галстук; ходили они по двое. Отличительной особенностью являлась и приколотая чёрная табличка с белой надписью на русском (украинском) и английском языке «Церковь Иисуса Христа Святых последних дней», должностью и фамилией владельца. Как правило, это были лица с американским гражданством [4, с. 82].

Количественные показатели приезжих религиозных деятелей начали снижаться с 2000 г., когда их численность в Донецкой области составляла 591 человек из 23 стран мира. За 2010 г. показатели, соответственно, имели такой вид: 173 человека из 24 стран (из них 104 человека из США), в 2011 г. – 129 человек из 23 стран (из них 54 человека из США) [5, с. 14].

Начиная с 2011 г. местные власти констатировали значительное уменьшение влияния зарубежных религиозных центров на ситуацию в Донецкой области. Хотя динамика развития в регионе основанных зарубежными миссионерами новых протестантских организаций к тому времени практически исчерпала свой ресурс, следствием интенсивной миссионерской деятельности в предыдущих годах стало превращение Донбасса в регион крупнейшей концентрации новых для стран СНГ религиозных организаций, как протестантских, так и других [6, с. 88].

Многие харизматические церкви, которые быстро вырастали в 1990-е и в начале 2000-х, также быстро и сократились, в 2010-е, оказавшись заложниками культа «пастора» и погрязнув в различных финансовых и сексуальных скандалах своих лидеров. В то время, как так называемые традиционные евангелики, которыми считаются баптисты и пятидесятники, опять оказались в поле зрения общества, оказавшегося перед необходимостью ревизии своего религиозного прошлого.

Заключение. В исследуемый период миссионерская деятельность была характерна для всех конфессий Донецкой области, на что указывает резкий рост количества религиозных общин. Миссионеров, приезжавших в Донецкую область, можно условно разделить на две группы: те, которые распространяли абсолютно новые учения (члены Церкви Христа из США, ЦИХСПД) и те, которые приезжали в помощь уже существующим конфессиям (Евангельские христиане-баптисты, пятидесятники, церковь адвентистов седьмого дня). В начале 2000-х гг. в Донецкой области

наблюдается спад активности новых религиозных культов и рост активности традиционных для региона протестантских течений.

Список литературы

1. Дорошенко Ю. Без догмата. Религиозные магистрали [Текст] / Ю. Дорошенко. – К.: Ярославів Вал, 2012. – 447 с.
2. Информационный отчет отдела по делам национальностей и религий Донецкой облгосадминистрации о состоянии и тенденциях развития религиозной ситуации и государственно-церковных отношений в Донецкой области за 2012 год. 41 с.
3. Митрофанов А. Протестантизм / А. Митрофанов // 50 религиозных идей, которые никогда не понравятся Богу / Г. Г. Ястребов и др. – М.: Эксмо, 2009. – 378 с.
4. Деффенбау Д. Социально значимая деятельность американских миссионеров в Украине / Д. Деффенбау // Актуальні питання соціально значущої діяльності церков і релігійних організацій в Україні. – С. 81-84.
5. Информационный отчет отдела по делам национальностей и религий Донецкой облгосадминистрации о состоянии и тенденциях развития религиозной ситуации и государственно-церковных отношений в Донецкой области за 2010 год. – 25 с.
6. Соловий Р. Появляющаяся церковь Евангелическое христианство перед вызовом постмодернизма / Р. Соловий. – Черкассы: Коллоквиум, 2014. – 295 с.

УДК 94 (477.6): 669

УЧАСТИЕ РАБОЧИХ МАКЕЕВСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА В СОБЫТИЯХ 1917–1918 гг.

*Рощупкина А.С., Разумная Н.Н., канд. ист. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
anastasia.roshchypkina@mail.ru*

Введение. Политические события, происходившие в Донбассе в 1917 г. изучены слабо. Уже в начале 1917 г. рабочие Макеевского металлургического завода активно включаются в политическую борьбу наряду с другими рабочими края. О чем свидетельствуют события, произошедшие в Макеевке уже в январе 1917 г.

Основная часть. В ночь на 9 января 1917 г. на заводе была обнаружена прокламация социал-демократической партии с призывом ознаменовать день 9 января однодневной забастовкой. Утром рабочие предъявили заводоуправлению ряд требований и прекратили работу [1, Л. 17]. Забастовало около 2 200 человек. При этом, следует уточнить, что на заводе на тот момент работало 5 648 человек: из них 1 963 военнопленных и часть рабочих, занятых в непрерывном производстве, не участвовали в забастовке. Заводоуправление жестко отреагировало на требования забастовщиков: лицам, не явившимся на работу до утра 12 января, грозил расчет. Угроза голодного существования сработала, и 11 января вечерняя смена приступила к работе в полном составе. Политические события в стране не обошли стороной Макеевку [2, Л. 18-21].

9 февраля началась забастовка служащих, с целью принудить дирекцию принять сокращенный (до 6 часов) рабочий день. Дирекция в этом отказала. Петроградский комитет общества «Унион» телеграфом передал главному директору господину Тостивену указания: «увольнять всех служащих, не приступивших к работе». Предписывалось: произвести с ними расчет, выдав жалованье по день увольнения; уволенным, занимающим квартиры от Общества, предложить освободить таковые к первому сентября; списки уволенных военнообязанных следовало направить воинскому начальнику [3, Л. 2-15].

Особо решительных мер требовал возросший бандитизм. Для этих целей на заводе и рудниках стали создаваться отряды самообороны. В команде по охране завода, которую возглавлял житель поселка Дмитровск – Минай Афиногенович Марасин было 95 человек. Они круглосуточно охраняли завод, рабочий поселок и город.

5(18) марта создается Макеевский совет рабочих и солдатских депутатов, как один из порайонных советов Таганрогского района. Он был тесно связан с областным комитетом советов Донецкого и Криворожского бассейнов и с самого начала находился под влиянием большевиков, которые на перевыборах в июле 1917 г. получили большинство голосов.

Период между Февральской буржуазной демократической революцией и Октябрьской социалистической революцией характерен для макеевской организации большевиков повышением ее революционной активности, усилением ее политического влияния среди рабочих. Достаточно сказать, что только в 1917 г. в ряды РСДРП(б) вступило более трехсот металлургов Макеевки. В канун Октябрьской революции политическая активность среди металлургов Макеевского завода, как и среди всех трудящихся Донбасса, достигла наивысшего напряжения. Повсеместно создавались стачечные комитеты, вооружённые рабочие дружины и красногвардейские отряды [4, Л. 2-15].

10 октября 1917 г., в ответ на увольнение рабочих, медицинской мастерской и пятидесяти женщин из мартеновского цеха, был избран стачечный комитет. Воинские начальники отреагировали требованиями – объявить Донецкий бассейн на военном положении, объявить всех агитаторов военными преступниками и изменниками с применением к ним самых строгих наказаний; установить твердую власть на местах [5, Л. 1-2].

21 ноября 1917 г. Председатель Совета горнопромышленников в своем письме на имя: военного министра торговли и промышленности, министра внутренних дел, министра финансов, министра труда, министра путей сообщения сообщал о тревожном и угрожающем состоянии, сложившихся на рудниках и заводах Донецкого и Криворожского районов. Говорил о падении производства, все возрастающих требованиях рабочих о повышении заработной платы. Кроме того, в районах ощущалась острая нехватка продовольствия. Увеличилось количество месячных невыходов рабочих на предприятия. Требование промышленников сводилось, к

немедленному подавлению рабочего движения, наведению элементарного порядка на рудниках, заводах и рабочих поселках.

6 декабря 1917 г. главный директор доложил окружному инженеру Макеевского горного округа: «Ввиду финансовых затруднений, вызванных условиями настоящего момента, общество «Унион» вынуждено временно, с 10 декабря, прекратить работу в принадлежащих ему Макеевском сталелитейном, Макеевском старом и новом труболитейных заводах и Харцызских трубном и чугунолитейном заводах» [6, Л. 4-8].

Декретом Совнаркома в декабре 1917 г. все крупные предприятия были национализированы [7, с. 30]. Рабочие национализированных предприятий, проявляя инициативу и творчество, преодолевая саботаж капиталистов, приступили к организации производства.

Рабочее правление Макеевского завода организовало пуск двух доменных печей и одной мартеновской печи, а завком постановил: «Вести решительную борьбу с саботажниками и своим трудом полностью добиться восстановления завода». Совет рабочих и солдатских депутатов, рабочее правление образованного промышленного угольно-металлургического комбината приняли все меры по обеспечению работы завода. Это было чрезвычайно трудно. Но это было только началом трудностей.

Начавшаяся гражданская война привела и без того отсталое народное хозяйство в состояние крайнего упадка. Многократная смена властей не прошла для завода бесследно. Практически все пригодное для работы оборудование французы вывезли с собой. Проявляли признаки жизни лишь вспомогательные цеха предприятия.

Из-за резкого снижения добычи железной руды и угля, а также крайне расстроенного состояния железнодорожного транспорта, подвоз сырья был нарушен, а затем и вовсе прекратился. На заводе едва «билась пульс» у доменных и мартеновских печей, в одну смену работали прокатные станы.

В 1918 г. в город вступили немцы. Они сами назначили управляющим завода юриста Лосева. Нанимать рабочих на завод стали только по указу нового директора. Неблагонадежным, замеченным в участии в забастовках, места не находилось [8, Л. 21-22]. Во время гражданской войны в Донбассе было затоплено около 100 крупных угольных шахт. Коксующиеся угли добывались преимущественно в крупных шахтах. Часть металлургов ушла на фронты гражданской войны, часть разошлась по селам, а оставшиеся на заводе делали зажигалки [9, Л. 5-8].

Таким образом, в ходе революционных событий 1917 г. и последующих событий Гражданской войны рабочие Макеевского металлургического завода проявили повышенную политическую активность. В условиях углубляющегося социально-экономического кризиса рабочими предпринимаются попытки поддерживать функционирование предприятия.

Список литературы

1. Госархив ДНР. Ф.28. Оп.1 Д. 81, Л. 17.
2. Госархив ДНР. Ф.28. Оп.1 Д. 81, Л. 18–21.
3. Госархив ДНР. Ф.29. Оп.1 Д. 82, Л. 2–15.
4. Госархив ДНР. Ф.26. Оп.1 Д. 81, Л. 2–15.
5. Госархив ДНР. Ф.28. Л. 1–2.
6. Госархив ДНР. Ф.28. Л. 4–8.
7. В. Хапланов Макеевка история города (1690–1917). – Донецк, ТОВ "АЛАН", 2006. С.30.
8. Госархив ДНР. Ф.24. Оп.1 Д. 83, Л. 21–22.
9. Госархив ДНР. Ф.24. Оп.1 Д. 83, Л. 5–8.

УДК 94:622.33:658.152[(493)+(477.6)]"1870/1914"

УЧАСТИЕ БЕЛЬГИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ОСВОЕНИИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ УГОЛЬНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ДОНБАССА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Тупчий Л.В., Агапов В.Л., д-р ист. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
lili27012000@mail.ru

Введение. В рассматриваемый период Донбасс стал основным объектом вложения иностранного капитала в тяжелые отрасли экономики, что способствовало в целом экономическому прогрессу, ускорило темпы индустриализации региона. Важную роль в конце XIX – начала XX вв. играли бельгийские капиталовложения. Именно бельгийские предприниматели были одними из первых инвесторов в тяжелую промышленность Донецкого региона.

Цель доклада заключается в изучении роли бельгийских инвестиций и организационных ресурсов в развитии угольной промышленности Донбасса в 1879–1914 гг., выявление их роли и значения в развитии этой отрасли, а также в том, чтобы показать возможные направления использования результатов исследования.

Основная часть. В последней четверти XIX в. в Российской империи быстрыми темпами развивалась промышленность. Одним из регионов, где процесс индустриализации проходил достаточно активно, был Южный горнопромышленный район (Донбасс) [1]. Слабость внутреннего рынка, нехватка собственных капиталов и низкая предпринимательская активность населения предопределили приход в промышленность России иностранного капитала.

Общее состояние международного финансового рынка создало возможность западноевропейским промышленным группам инвестировать материальные ресурсы в предприятия других государств, в частности, и в

Россию. Свободный капитал искал своего приложения. Наш регион стал центром вложения капитала иностранных предпринимателей по ряду причин: здесь находились огромные залежи полезных ископаемых, и прежде всего, угля, дешевая рабочая сила, здесь была создана сравнительно развитая транспортная инфраструктура, имелся выход к морю, реальной была возможность получать огромную прибыль [2].

Горнодобывающая отрасль промышленности юга России была привлекательной сферой вложения иностранных капиталов по ряду причин: во-первых, таможенные пошлины 1880-х гг. предотвращали приход на внутренний рынок России готовой продукции и стимулировали собственное российское производство; во-вторых, стабилизация курса рубля, закончившаяся введением золотой валюты, вызывала доверие иностранных инвесторов к финансовому положению России; в-третьих, в соответствие со сложившейся практикой дискриминационная политика России в отношении иностранного капитала была менее жесткой в отношении капиталов, идущих в добывающую промышленность.

На развитие угледобывающей отрасли существенное влияние оказали как собственно угольные акционерные общества, так и металлургические, которые добывали уголь на своих шахтах, а позже и синдикат «Продуголь». Начиная с 70-х гг. XIX в., в период формирования топливного комплекса, бельгийский капитал наряду с капиталом российских предпринимателей (С. Полякова, Д. Иловайского и др.) служил основой для создания первичной и промышленной инфраструктуры региона. Всего с 1879 г. по 1914 г. с участием бельгийского капитала была создано 15 акционерных обществ, которым принадлежали многочисленные копи Донбасса («Алмазное каменноугольное акционерное общество», «Бельгийское Рутченковское горнопромышленное общество», «Рыковское горное и промышленное общество», «Бельгийское анонимное общество Государево-Байрацких каменноугольных копей» и др.) [3, Л. 5]. Бельгийские предприниматели вплоть до начала Первой мировой войны для своей деятельности в России предпочитали использовать компании, учреждённые в Бельгии. Развитие отрасли способствовало концентрации производства и возникновению в 1904 г. синдиката «Продуголь». Он объединил в 1906 г. – 11 предприятий, в 1909 г. – 24 предприятия, 5 из которых принадлежали крупнейшим угольным бельгийским акционерным обществам. Синдикат играл большую роль в развитии каменноугольной промышленности в Донбассе [4].

Заключение. Благодаря бельгийскому капиталу в конце XIX – начала XX вв. угольная промышленность Донбасса получила новые перспективы своего развития.

Список литературы

1. Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР / А. Г. Донгаров. – М.: Международные отношения, 1990. – 168 с.

2. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: очерки / Н. Н. Грушина, И. А. Дьяконова, С. В. Калмыков, В. Петерс, И. В. Поткина, М. К. Шацылло; руководитель проекта В. И. Бовыкин. М.: РОССПЭН, 1997. – 322 с.
3. Коробков В. М. Горнопромышленный указатель Донецкого бассейна / В. М. Коробков. – Харьков: Паровая Типо-Литография М. Зильберберг, 1901. – 523 с.
4. Лапаева М. Г., Лапаева О. Ф. Основные этапы формирования и развития топливно-энергетического комплекса в России / М. Г. Лапаева // Вестник ОГУ. – 2004. – Вып. 8. – С. 4-12.
5. Попов И. Список главнейших русских горнопромышленных компаний и фирм. – СПб., 1899. – С. 192.

УДК 378.4 (477) (09)

ВКЛАД ГОРНОГО ИНСТИТУТА В ТЕХНИЧЕСКУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ ДОНБАССА В 1930-е ГОДЫ

Тюльченко И.К.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет» ДНР, Донецк
ist@donntu.org

Введение. В середине 30-х годов XX в. горный институт стал центром научной и технической мысли Донбасса. Коллектив института значительно расширил научно-исследовательскую работу, сформировались научные направления ученых вуза, связанные с потребностями промышленности. В статье автор анализирует конкретный вклад научных разработок ученых в модернизацию промышленности региона.

Основная часть. В соответствии с требованиями индустриализации страны росли масштабы научных исследований ученых горного института. На повестку дня выдвигалась техническая модернизация процессов в промышленности. Ученые-горняки решили вопрос крепления основных подземных выработок бетонитами, изготовленными из местных материалов. Большое внимание уделялось изучению проблем борьбы с внезапными выбросами газа, герметичности загрузочных и приемных бункеров при подъемах на вентиляционных стволах и др.

Важное практическое значение имели работы проф. С. С. Герчикова по классификации и рационализации систем разработок. Результаты исследований проф. В. С. Пака стали основой для проектирования и эксплуатации сложных систем проветривания шахт параллельно работающим вентиляторам.

В 1930-е годы в институте число кафедр увеличилось, и каждая кафедра выполняла конкретные научные задачи. Так, кафедра горных машин выполнила важную работу по теории резания угля, по разработке методов исследования расчетов врубовых машин и отбойных молотков. Под руководством доцента Я. И. Альшица разрабатывалась теория

пульсирующей подачи врубовой машины, а в мае 1941 г. закончены испытания новой врубовой машины в шахтных условиях. По результатам данной работы впоследствии были созданы проекты врубовых машин для серийного производства в СССР [1].

Научные работники кафедры горной механики занимались разработкой и внедрением первых средств автоматизации для угольных шахт, автоматизации рудничных водоотливных установок. Для автоматизации электровозной откатки было сконструировано фотореле и разработана схема телефонной связи в шахте между членами спасательных работ. Кафедра оказала значительную помощь предприятиям угольной промышленности Центрального района Донбасса в организации рациональной эксплуатации основного стационарного оборудования шахт, провела исследования в шахтных условиях 90 компрессорных установок, большого количества вентиляторных установок центрального проветривания и шахтных подъемных машин [2].

Преподаватели кафедры обогащения первыми разработали уникальную методику исследования шахтопластов на обогатимость, создала и экспериментально проверила рациональные схемы обогатительных фабрик Донбасса и других угольных бассейнов страны. В результате было положено начало теоретическим и экспериментальным исследованиям, а также внедрению в производство флотационного обогащения угольной мелочи. Это имело первостепенное значение, так как в связи с широким внедрением механизации выемки объем угольной мелочи резко возрос.

Кафедра металлургии стали исследовала центробежную разливку стали на моделях, занималась вопросами интенсификации процесса горения в мартеновских печах с головками европейского типа, влияния глубины ванны на качество металла, разрабатывала методы экспресс-анализа жидкой стали на содержание в ней газа и его практическое применение, установила метод передела высокофосфористых чугунов, а также изыскивала пути улучшения качества низколегированных марок инструментальной стали, выплавляемой в электропечах.

В области коксохимической промышленности кафедрами химико-технологического факультета выполнена комплексная тема, решавшая вопрос увеличения выходов и улучшения качества химических продуктов коксования путем охлаждения подсводового пространства коксовых камер различными способами на опытных заводских установках Рутченковского и Макеевского заводов [3].

Ученые горного института оказывали помощь предприятиям не только разработкой научных проблем. Его сотрудники проводили на предприятиях экспертизы и консультации по техническим вопросам. В 1939–1940 гг., например, было проведено 159 консультаций в горной промышленности, 72 – на металлургических предприятиях, 27 – на коксохимических; 46 экспертиз подготовили горняки института, 14 –

металлурги, 8 – химики. К участию в этой работе были привлечены 175 студентов старших курсов [4].

С результатами научных трудов ученые вуза выступали на научно-технических конференциях и съездах. Преподаватели института участвовали в работе I Всесоюзного горного научно-технического съезда, состоявшегося в Москве (1926 г.), на котором с научными сообщениями выступили профессора О. И. Тулпаров и С. С. Герчиков. В 1927 г. на базе ДГИ проходил I Всесоюзный съезд по безопасности горных работ. В нем участвовали ученые академических институтов, представители горнопромышленных предприятий, профессора высших учебных заведений. По докладу профессора С. С. Герчикова «Проблемы закладки выработанного пространства» было принято постановление о дальнейшей разработке этой проблемы ученым советом горной промышленности. В 1932 г. институт провел первую Донецкую угольно-техническую конференцию, в 1935 г. – Первую вседонецкую конференцию по управлению кровлей. С докладами выступили профессора В. И. Белов, С. С. Герчиков, преподаватели вуза, аспиранты. Высокую оценку участников конференции получил разработанный учеными института способ применения шарнирных сводов в качестве податливого крепления для капитальных горных выработок [5]. Активное участие в конференциях, посвященных сталеплавному производству, принимал профессор кафедры металлургии стали П. Н. Иванов. Доклады ученого получили высокую оценку и его ввели в состав технического Совета Наркомчермета. На научной конференции по гидромеханизации в г. Харькове (1939 г.) представлены результаты теоретического и экспериментального исследования гидроподъема угля с больших глубин (более 600 метров) с помощью загрузочных аппаратов обменного типа [6]. В 1940 г. ученые вуза выступили с научными докладами на двух технических конференциях, посвященных организации циклической работы на шахтах, а также вопросам прохождения и ремонта подготовительных выработок и управления кровлей [7].

Заключение. Таким образом, профессорско-преподавательский коллектив горного института проводил большую научно-исследовательскую работу, тесно связанную с потребностями производства, помогал решению ряда конкретных задач горной, металлургической, углехимической промышленности.

Список литературы

1. Донецкий политехнический. Краткий исторический очерк. – Донецк: Донбасс, 1969. – С. 50.
2. Донецкий индустриальный институт за 20 лет. 1921–1941 гг. // Издание Донецкого индустриального института. – Сталино: Донбасс, 1941. – С. 66.
3. Донецкий политехнический институт 1921–1961 гг. / Под ред. М. А. Богомоллова. – Сталино: Донбасс, 1961. – С. 35.
4. Історія Донецького державного технічного університету / За ред. О. А. Мінаєва. – Донецьк: Юго-Восток, 2001. – С. 49.

5. Государственный архив ДНР. – Ф.1087. – Оп. 4. – Д.1. – Л. 1-24.
6. Донецкий политехнический институт 1921–1961 гг. / Под ред. М. А. Богомолова. – Сталино: Донбасс, 1961. – С. 33.
7. Донецкий политехнический. Краткий исторический очерк. – Донецк: Донбасс, 1969. – С. 51.

УДК 94(477.2)“1943/1945”:355.1-051:614.2

ВОЗРОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ КРАСНОАРМЕЙЦАМ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНБАССА В 1943–1945 гг.

Удалова Т.М., канд. ист. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

udalova-tm@yandex.ru

Введение. Пребывание оккупантов на территории Донбасса было ощутимой трагедией для местного населения, которое повлекло за собой разрушения и человеческие страдания. После оккупации, население Сталинской и Ворошиловградской областей столкнулось с необходимостью преодоления социальных последствий абсолютно во всех сферах жизни.

Основная часть. В условиях продолжающейся войны первоочередным заданием было восстановление системы здравоохранения для оказания медицинской помощи как местному населению, так и раненым бойцам, которые ежедневно прибывали с фронта. На территории Донбасса оккупанты разрушили 185 больниц, 200 родильных домов, 28 физиотерапевтических больниц, 1 тыс. поликлиник и амбулаторий, 150 противотуберкулезных диспансеров, около 600 консультаций и иных медицинских учреждений [1; Л. 13]. Несмотря на ежегодное увеличение ассигнований для отрасли здравоохранения, сумма которых составила в 1943–1945 гг. 3 млрд. руб. по УССР [2; Л. 11], этих денежных средств не хватало для восстановления и проведения лечебно-профилактических мероприятий среди населения. По этой причине государственные органы поддерживали инициативу местного населения Донбасса использовать их личные денежные средства и принимать общественные формы их помощи, которые особенно практиковались в сельской местности. Благодаря совместным усилиям власти и общественности быстрыми темпами удалось возобновить систему медико-санитарных учреждений в Донбассе. Так, например, уже через несколько недель после освобождения территории края таких учреждений насчитывалось: более 100 амбулаторий и поликлиник, 160 здравпунктов на промышленных предприятиях и более 11 тыс. мест в яслях. По состоянию на 1 октября 1944 г. уже были восстановлены и работали 1 615 лечебно-профилактических учреждений, в том числе больниц – 158 на 8 644 койки, амбулаторно-поликлинических учреждений –

415 на 1 165 больничных приемов, лекарственных и фельдшерских здравпунктов при предприятиях – 261, фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов – 333 [3; Л. 17]. Были восстановлены и работали 18 рентгеновских аппаратов. Возрожденный Сталинский медицинский институт, который начал новый учебный год с 1400 студентами на 5 курсах, уже в 1945 г. предоставил 200 квалифицированных специалистов. Для укомплектования штата медицинского персонала было восстановлено 5 фельдшерско-акушерских школ на 1500 студентов [4; Л. 4].

Следует отметить тот факт, что продолжающиеся военные действия и желание скорейшей победы над врагом являлись следствием роста численности раненых солдат и офицеров в рядах Красной армии. В этой связи на государственном уровне было принято ряд постановлений, регламентирующих систему организации и возобновления работы госпиталей на территории не только Донбасса, но и всего Советского Союза. Уже в феврале 1943 г. были предприняты срочные меры по возобновлению работы комитетов помощи раненым красноармейцам. В марте 1943 г., в соответствии с постановлением Совнаркома УССР и ЦК КП(б)У, возобновила работу Республиканская комиссия помощи раненым, которую возглавил Председатель Президиума Верховного Совета УССР М. С. Гречуха. На основании этой нормативной базы, на протяжении 1943–1945 гг. были созданы специальные управления и отделы по управлению эвакуогоспиталями, а для помощи в обслуживании раненых и больных – комитеты и комиссии. Благодаря оперативно принятым решениям на территории Сталинской области по состоянию на 1 января 1944 г. было создано сеть госпиталей: 24 госпиталя 3-го Украинского фронта, дислоцированные: в Славянске-4, Краматорске-4, Дружковке-5, Константиновке—5, Красноармейске-3, Красном Лимане-3 и 21 госпиталь 4-го Украинского фронта, из которых в г. Сталино было размещено – 10, Макеевке-10, Чистяково-1. Общее количество раненых и больных, находящихся на лечении, составляло 75 тыс. красноармейцев. Кроме этого, по решению ГКО в регионе было сформировано еще 5 госпиталей и передислоцировано 13 эвакуогоспиталей из восточных районов страны на 10 тыс. койко-мест [5; Л. 1]. Быстрое восстановление учреждений здравоохранения, а также подготовка медицинских кадров позволили в кратчайшие сроки предоставлять экстренную медицинскую помощь, в первую очередь раненым солдатам и офицерам, находящимся на территории Донбасса, что в свою очередь объективно влияло на государственную программу всесторонней социальной защиты гражданского населения Донбасса. Осознавая сложность ситуации, граждане региона проявляли инициативу по оказанию помощи незащищенным слоям населения, прежде всего, они помогали строить и обустривать госпитали, принимать раненых и присматривать за ними в госпиталях, а также способствовали психологической адаптации инвалидов к новым повседневным реалиям. Красноармейцы, находясь на лечении имели возможность регулярно смотреть кинофильмы, такие как

«Вратарь», «Волга-Волга», «Девушка с характером», «Веселые ребята», «Трактористы», «Светлый путь» и др. [6; с. 112].

Тысячи трудящихся и рабочих коллективов бесплатно передавали госпиталям различные предметы обихода, предметы первой необходимости, художественной литературы и многое другое. Эта добровольная инициатива, так называемая «шефская помощь» охватила все население Донбасса. Кроме этого, в декабре 1943 г. шефскими организациями сельхозартели «Новое село» Новопокровского района Ворошиловградской области для госпиталя части № 86724 в качестве подарков было передано бычка, овцу, 10 курей и 200 кг картофеля. Шефами всех предприятий Сталинской области в 1944 г. было подготовлено к праздникам и вручено больным и раненым 15 тыс. 630 подарков, которые состояли из продуктов питания, мелких бытовых предметов, а также табака. По архивным данным, по состоянию на 1 января 1944 г. тысячи жителей городов и рабочих поселков, колхозников и работников совхозов приобщились к данному патриотическому движению [7; Л. 5].

Значительную поддержку больным и раненым воинам оказывали также активисты обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Например, на 1 января 1945 г. в Сталинской области приняли участие около 2 тыс. первичных организаций с 32,5 тыс. чел. Собственными усилиями для госпиталей было собрано значительное количество оборудования, постельного белья, подарков, продуктов и 1 млн. 773 тыс. 537 руб. [8; Л. 157].

Заключение. Таким образом, несмотря на все трудности военного времени совместными усилиями государственных органов и неравнодушных жителей Донбасса в течение 1943–1945 гг. удалось восстановить систему здравоохранения, а также вернуть в ряды армии значительную часть воинов, общая численность которых по СССР составила 7 млн. чел. Шефское движение жителей Сталинской и Ворошиловградской областей помогло более успешно решать одну из сложнейших проблем военного периода – бесперебойного и качественного обеспечения раненых фронтовых лечебных учреждений продуктами питания и вещами широкого потребления.

Список литературы

1. Госархив ДНР. Ф.Р. 1838. Оп. 1. Д.13.
2. Госархив ДНР. Ф. Р. 4249. Оп.2. Д.1278.
3. ЦГА ООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1000.
4. Госархив ДНР. Ф.Р. 326. Оп. 2. Д. 143.
5. Госархив ДНР. Ф. Р. 2359. Оп. 1. Д. 2.
6. Добров П. В., Удалова Т. М. Допомога трудівників Донбасу фронту в роки Великої Вітчизняної війни / П. В. Добров, Т. М. Удалова. – Донецьк: Норд-Прес, 2006. – 237 с.
7. Госархив ДНР. Ф.Р. 326. Оп. 2. Д.226.
8. Госархив ДНР. Ф.Р. 326. Оп. 2. Д. 143.

История России и славянских народов

УДК 94(862.33)«637»:811.1/2

К ВОПРОСУ О МАЛОАЗИЙСКОЙ ТЕОРИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАРОДИНЫ

Агаркова М.И.¹, Снопкова А.С.²

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

²МБОУ «Школа № 136 г. Донецка», г. Донецк, ДНР
m.agarkova@donnu.ru

Введение. С каждым годом в отечественной и зарубежной науке неуклонно возрастает интерес к индоевропейской проблематике. Особенное внимание ученых к проблемам, связанным с вопросами локализации индоевропейской прародины и последующих миграций отделившихся народов неслучайно и объясняется тем огромным значением, которое сыграли индоевропейцы в истории мировой цивилизации.

К сожалению, разработка вопросов, связанных со становлением, развитием и начальными этапами членения (распада) индоевропейской общности, отечественными исследователями наталкивается на слабое ознакомление с историографией этих вопросов, что значительной мерой обуславливается недостаточным вниманием системы отечественной науки к индоевропейской проблематике. Отсюда, своей целью мы видим осветление истории поисков начального центра распространения ранних диалектов праиндоевропейского языка на территории Армянского нагорья, а также, некоторых проблем, связанных с миграциями носителей индоевропейских языков.

Основная часть. Вопрос о времени, месте возникновения и этапах расселения индоевропейцев уже почти два столетия является предметом самых противоречивых, и, в то же время, одних из наиболее интересных дискуссий. Сама же индоевропейская проблематика, как составной компонент разных, очень часто противоречивых по содержанию и характеру гипотез, нередко приобретала острый политический оттенок с явной тенденциозной трактовкой и служила предметом пылких идеологических споров. Так, например, в досоветский период в Армении была наиболее популярной идея «армянского арийства». Армянское нагорье объявлялось колыбелью индоевропейских (индоарийских племен), а Урарту – армянским государством [1].

Малоазиатская теория происхождения индоевропейцев зарождается на заре компаративистики (сравнительно-исторического языкознания). Так, в 1872 г. Г. Линк и Ф. Миллер помещали родину в Закавказье [2]. Под влиянием панавилонизма Т. Момзен считал, что индоевропейцы происходят из Месопотамии [3]. Наиболее развернутая аргументация

локализации прародины индоевропейцев на территории Армянского нагорья последовательно развивается в трудах Г. Т. Гамкрелидзе и В. В. Иванова [4]. Археологическая основа Анатолийской концепции прародины была заложена английским археологом К. Ренфрю [5]. Локализацию индоевропейской прародины на территории Армянского нагорья на археологическом материале аргументирует С. Григорьев [6].

В качестве аргументов в пользу своей концепции Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов приводят выразительные параллели праиндоевропейской языковой системы с системами языков Ближнего Востока, изоглоссы с семитскими, северокавказскими, картвельским и шумерским языками.

По убеждению большинства археологов, теория Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова не соответствует реконструированным на основе археологических источников историческим процессам. Выразителем мнения этого большинства («main stream of conventional wisdom») стал Дж. П. Мэллори, выступивший на страницах «In search for Indo-Europeans» с аргументами против размещения первоначального очага индоевропейцев на Армянском нагорье: наличие во всех группах индоевропейских языков родственных слов, обозначающих лошадь, свидетельствует о необходимости присутствия этого одомашненного животного, однако, по мнению А. Долгопольского, оно было неизвестно в Анатолии до IV тыс. до н.э. [7]. Не подтверждаются столь ранним археологическим материалом и термины, характерные для колесного транспорта. Однако, опираясь на открытия предшественников, С. А. Григорьев находит кости лошади на памятниках Восточной Анатолии и Закавказья VI–IV тыс. до н.э., что, по его мнению, может служить свидетельством domestikации этого животного [8].

Языковеды И. М. Дьяконов [9] и О. Н. Трубачев [10] обратили внимание на отсутствие следов архаичной индоевропейской гидронимии на территории самого Армянского нагорья, а также на отсутствие в материалах археологических культур Халаф и Шому-Тепе (отождествляемых с праиндоевропейцами) признаков развитой металлообработки, одомашненного коня, колесного транспорта. Культурно-исторические построения Т. Гамкрелидзе и В. Иванова получили немало довольно резких замечаний, однако, новые данные генетиков и лингвистов свидетельствуют скорее в пользу армянского фактора в происхождении индоевропейцев. Ученые Р. Грэй и К. Аткинсон при помощи компьютерного моделирования «генеалогического древа языков» пришли к выводу, что 8 700 лет назад произошла начальная миграция с территории Армянского нагорья. Греко-армянский язык отделился от общеиндоевропейского массива около 7000 лет назад, вслед за тохарским, а все остальные основные языки были образованы около 5000 лет [11]. Этот сценарий согласуется с последними генетическими исследованиями, поддерживающими неолитический, ближневосточный вклад в европейский генофонд.

Заключение. Таким образом, армянский вопрос в индоевропеистике остается открытым. Сторонники малоазиатской гипотезы прародины индо-

европейцев считают, что праиндоевропейский язык возник на Армянском нагорье, а армяне были либо единственными немигрирующими индоевропейцами и должны были лучше всех сохранить праиндоевропейский язык (автохтонная теория этногенеза армян), либо мигрировали на территорию Причерноморских степей, а в последствии, вернулись на историческую родину. Сторонники «степной» и Центральноевропейской гипотез индоевропейской прародины критикуют построения оппонентов, указывая на отсутствие фонологической точности, на наличие внутренних противоречий и слабую аргументацию (отсутствие археологических оснований локализации очага праиндоевропейцев на территории Армянского нагорья).

Список литературы

1. Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: Академкнига, 2003. – С. 52.
2. Конча С. В. Проблема походження індоєвропейців (аналіз концепцій): автореф.на здоб.наук.ступ.канд.іст.наук. – К., 1999. – С. 5.
3. Зализняк Л. Л. Происхождение индоевропейцев и их расселение в свете археологических данных [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://xn--c1accbaafalc.xn--p1ai/?page_id=7366
4. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. – 1328 с.
5. Renfrew A. C. Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins. – London: Pimlico, 1987. – 346 pp.
6. Григорьев С. Археологические основания ближневосточной локализации индоевропейской прародины на территории Евразии // Вестник Челябинского университета. 2003. Серия 10: Востоковедение. Евразийство. Геополитика. – № 2. – С. 142-157.
7. Dolgopolsky A. More about the Indo-European Homeland problem // Mediterranean Language Review. 1990-1993. Vol. 6-7. PP. 230-248.
8. Григорьев С. А. Древние индоевропейцы. – Челябинск: Цицеро, 2015. – С. 151.
9. Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н.э. Хетты, лувийцы, протоармяне. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1968 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://Annales.info/other/djakonov/index.htm#pian>
10. Трубаев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. – М.: Наука, 1999. – С. 66-76.
11. Russell D. Gray & Quentin D. Atkinson. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // Nature. – 2003. – Vol. 426. – P. 435-439.

ВЕДУЩАЯ РОЛЬ А. К. АЛЧЕВСКОГО В СОЗДАНИИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ЛУГАНЩИНЕ

Борисов В.И., д-р ист. наук, проф.

ФБГОУ ВО «Смоленский государственный университет»,

г. Смоленск, РФ

ValerijBorisov@yandex.ru

Введение. Луганск славен своими именами: представителями литературы и искусства, предпринимателями, которые создавали оборонную промышленность России. Среди этой славной когорты особо стоит имя Алексея Кирилловича Алчевского, который закладывал основы тяжелой промышленности Донбасса. На Луганщине есть город, который носит имя – Алчевск. И носит это имя не зря. Большой след в жизни Донбасса оставила семья Алчевских. Наиболее известен из этой семьи, основатель Донецко-Юрьевского завода, промышленник, банкир, купец первой гильдии Алексей Кириллович Алчевский.

Основная часть. А. К. Алчевский родился в 1835 г. в г. Сумы, Харьковской губернии, Российской империи, в семье мелкого купца – торговца бакалейными и колониальными товарами. После окончания Сумского уездного училища, в 1862 г. переехал жить и работать в Харьков. Здесь он стал хозяином чайного магазина. Понимая, что он не имеет хорошего образования, Алчевский все свободное время посвящал самообразованию. Это было время мощного промышленного развития России, наступившее после отмены крепостного права. Предпринимателями становились выходцы из различных социальных слоев страны. И, конечно же, молодому купцу хотелось заняться серьезным делом, потому что открывались большие возможности [1, с. 220-229]. В 1866 г. Алчевский становится инициатором создания Харьковского общества взаимного кредита. Но это был только первый шаг к большому бизнесу. Вскоре, в 1868 г. Алчевский, с компаньонами основал Харьковский торговый банк. Это был первый банк коммерческого кредита не только в Харькове, но и во всей России. В 1871 г. А. К. Алчевский учредил в Харькове первый в России Земельный акционерный банк. Он стал одним из крупнейших банков в России. Понимая его важность для хозяйственной деятельности, Алчевский оставался главой правления до самой своей смерти. Он видел, что за 10 лет после отмены крепостного права местные землевладельцы попали в сложное положение. Они не имели возможности закладывать в банки, принадлежащие им имения. Банки, возникшие после реформы и которых в то время в стране стало много, давали кредиты под 15–20 % годовых. Это – грабительские проценты. Земельный банк Алчевского положил конец ограблению землевладельцев. Банк стал первым и

единственным в тогдашней России банком ипотечного кредита – он ссужал деньги под залог земли, а также сельской или городской недвижимости. Основной его особенностью была долгосрочность кредита. Имущество заемщика оставалось в его руках, он уплачивал проценты и погашал долг, продолжая эксплуатировать это имущество. Земельный банк нанес сокрушительный удар по ростовщикам, выдавая кредиты всего лишь под 7,5 % годовых. Потянулись за помощью в Харьков многие тысячи земледельцев не только Слобожанщины и Войска Донского, но и других губерний Российской империи [2, с. 176-177].

Но основные планы Алчевского были связаны с Донбассом, где набирала рекордные темпы, в своем развитии, тяжелая промышленность и его производственная деятельность переходит в Донецко-Криворожский бассейн. Для развития доменного производства необходим был кокс. А для его производства нужен был антрацит. В 1879 г. А. К. Алчевский учредил Алексеевское горнопромышленное общество (капитал 2 млн. руб.), владевшее богатейшими залежами антрацита в Славяносербском уезде Екатеринославской губернии. В 1900 г. компания добыла 45 млн. пудов угля, заняв по объему добычи третье место среди предприятий Донбасса.

Далее надо было выходить на металлургическое производство. Задумав открыть металлургический завод в Донбассе, он организовал Алчевское горнопромышленное общество, призванное обеспечить завод углем и коксом. В 1895 г. он учредил Донецко-Юрьевское металлургическое общество (ДЮМО) и начали строить Донецко-Юрьевский завод. Завод быстро развивался. Через 10 лет здесь было четыре домны и четыре мартеновских печи, три конвертора и девять прокатных станов. Они выпускали чугунные и стальные товары всех сортов: круглые, квадратные, полосовые, шинное и обручное железо, а также листовое и кровельное железо, железо для жнеек и плугов, двутавровые балки, швеллеры, оси экипажные и т. д. Работало на заводе почти 3,5 тыс. человек. При заводе действовала больница на 60 мест и школа на 700 учащихся. Заводу ДЮМО обязан своим рождением город Алчевск [4, с. 107-108]. Одновременно с ДЮМО было основано Общество «Русский Провиданс» в Мариуполе (ОАО «Мариупольский металлургический комбинат имени Ильича»). Устройству этого завода Алчевский уделял особое внимание, справедливо полагая, что в будущем он должен приобрести значение мирового уровня. Алчевский был категорически против засилия иностранного капитала в российской промышленности. Все свои предпринимательские проекты он создавал на базе отечественного капитала. И когда в начале века российская промышленность попала в экономический кризис, он поехал искать помощь в Петербурге. Но везде получил отказ в финансовой помощи. Узнав о том, в какую ситуацию попал известный предприниматель, к нему обратились бельгийские капиталисты. Они предложили продать 10 тыс. акций Алексеевского горнопромышленного общества по 2 тыс. рублей за каждую (при номинальной стоимости 500

рублей). Если бы Алчевский принял это предложение, то мог бы получить 20 млн. рублей, покрыть все задолженности и еще остаться в прибыли. Однако 66-летний промышленник отказался от этой выгодной сделки. Такое решение он мотивировал нежеланием передавать свое дело в руки иностранцев, а также сказал: «Что же будут делать и чем будут заниматься мои сыновья, неужели станут тунеядцами-купонщиками? Нет, на это я не могу согласиться». Алексей Кириллович неразрывно связал свою личную участь и все свое состояние с интересами России. Последний и окончательный отказ чиновников он получил 4 мая 1901 г., а через 3 дня его уже не было в живых. И все же даже сегодня нет ответа на вопрос, что толкнуло этого сильного человека под колеса поезда. А.К. Алчевский оставил своим наследникам 15 млн. долга, но парадоксальность ситуации заключается в том, что совокупная курсовая стоимость акций его предприятий на тот момент составляла почти 18 млн. рублей. Следовательно, называть предпринимателя несостоятельным не было никаких оснований [4. с. 109]. В полицейском участке проверяли версию убийства, так и возможного самоубийства Алчевского, но версия убийства была отвергнута. Обесценившиеся акции Донецко-Юрьевского машиностроительного общества сосредоточились в руках франко-бельгийских капиталистов. Харьковский торговый банк был объявлен банкротом и закрыт. Первый в России частный ипотечный Земельный банк был передан Рябушинским.

Заключение. В память об основателе металлургического завода ДЮМО железнодорожная станция Юрьевка по ходатайству российских промышленников была переименована в 1903 г. в станцию Алчевское. От станции получил название и заводской поселок, превратившийся впоследствии в город, название которого несколько раз менялось. С 1931 г. он был Ворошиловском, в 1950-е гг. именовался то Алчевском, то Ворошиловском, а в 1961–1991 гг. – Коммунарском. В декабре 1991 г. на городском референдуме население высказалось за возвращение городу старого названия – Алчевск. Памятники А.К. Алчевскому установлены в городах Алчевске и Харькове (это дар города Алчевска, 2004 г.).

Список литературы

1. Борисов В. И., Денисенкова Н. Н., Теплицкий Ю. М. Идеи глобализации в мировой истории и славяно-евразийская цивилизация. – Смоленск: Свиток, 2014. – 392 с.
2. Довнар Г. С. Луганці (Історико-документальні оповіді). – Донецьк: Вид-во «Донбас», 1994. – 208 с.
3. История городов и сел Украинской ССР. Ворошиловградская область: Киев: Институт истории Академии наук УССР. – 768 с.
4. Теплицкий Ю. М. и др. Луганщина: славный путь через века и тысячелетия. – Луганск: ЛНАУ, 2017. – 160 с.

ОБОРОНА МАРИУПОЛЯ ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИОГРАФИИ XIX в.

Буждежан А.В., канд. ист. наук

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет
имени М. Горького», г. Донецк, ДНР
artbzh@mail.ru

Введение. События Крымской войны, в том числе и в Приазовье, сегодня привлекают внимание ученых, о чем, в частности, свидетельствует появление в последнее время новых работ, посвященных данной тематике [1]. Серьезное и обстоятельное изучение войны началось еще в 1854–1856 гг. Вскоре появились труды, рассматривавшие причины войны, ход военных действий, ее итоги. Некоторое место в них было посвящено и событиям в Приазовье, в том числе и обороне Мариуполя.

Основная часть. В 1862 г. появилась опубликованная позднее отдельным изданием статья непосредственного участника событий Н.И. Краснова, руководившего обороной Таганрога, «Оборона Таганрога и берегов Азовского моря 1855 г.» [2]. Работа Краснова носит скорее характер воспоминаний, ей присуща некоторая эмоциональность. Естественно, что главное внимание в статье уделено событиям в Таганроге, вместе с тем в ней содержится информация о бомбардировке союзниками Мариуполя в мае 1855 г., приведены краткие сведения о количестве поврежденных в городе строений, рассказывается о событиях в районе Кривой Косы, включая захват казаками севшего на мель в июле 1855 г. английского парохода «Джаспер», который Краснов называет «молодецким подвигом», указаны фамилии отличившихся при этом казаков, в том числе и сына самого Краснова. Внимание уделено и обстрелу Мариуполя в октябре 1855 г., описана высадка в городе для переговоров офицеров английского флота, выдвинувших представителям русского командования требование уничтожить весь казенный провиант, находящийся в городе. Краснов дал негативную моральную оценку действиям союзников по отношению к русским населенным пунктам в Приазовье.

Оборона Мариуполя в 1855 г. неравномерно отражена в общих трудах о Крымской войне, появившихся в России во второй половине XIX в. Участник войны Э.И. Тотлебен кратко описал нападение союзников на Мариуполь в мае 1855 г., указал количество разрушенных в городе строений, отметил, что азовская экспедиция союзников не привела к недостатку продовольствия в русской армии в Крыму [3]. А.И. Гейрот, кратко описав действия союзной эскадры в районе Таганрога, ограничился лишь небольшим упоминанием о событиях в Мариуполе [4]. В более обстоятельной работе М.И. Богдановича «Восточная война 1853–1856 гг.»

действиям в Азовском море уделено значительно большее место, излагаются события, связанные со всеми тремя нападениями союзной эскадры на Мариуполь [5], однако, рассматривая оборону Таганрога и Мариуполя, Богданович в основном опирался на упомянутую работу Краснова, поэтому практически ничего нового в изложение фактической стороны событий в Приазовье не внес. По мнению Богдановича, несмотря на значительные финансовые убытки из-за действий англо-французской эскадры в Азовском море, их цель, заключавшаяся в том, чтобы лишить продовольствия русскую армию, действовавшую в Крыму, осталась недостигнутой. Н. Ф. Дубровин, чей фундаментальный труд «История Крымской войны и обороны Севастополя», увидел в свет в 1900 году, уделил внимание лишь первому нападению союзников на Мариуполь в мае 1855 г., основываясь исключительно на отечественных источниках, прежде всего рапортах Краснова, ограничившись в отношении последующих действий союзной эскадры в Азовском море летом 1855 г. лишь краткой общей фразой [6].

В целом, во второй половине XIX в. в русской историографии сложилась трактовка военных событий в Приазовье летом 1855 г., согласно которой русское военное командование заранее приняло необходимые меры для обороны побережья, союзникам было оказано серьезное сопротивление, а действия англо-французской эскадры, несмотря на нанесенный финансовый ущерб, не привели к реализации поставленной цели.

Иная картина событий складывалась в английской историографии. Так, Э. Нолан высказал мнение о важности действий союзников в Азовском море. По мнению Нолана, был нанесен значительный ущерб снабжению русской армии в Крыму, прерваны коммуникации. Отдельно Нолан остановился на первом нападении союзников на Мариуполь, подчеркнув значение этого города и отметив, что союзники уничтожили продовольственные запасы в Мариуполе, не встретив никакого сопротивления [7]. Немного более сдержан в оценке результатов действий союзников Дж. Додд [8]. Он отмечает, что союзниками не были взяты города Приазовья, не было никаких битв, а стратегия заключалась лишь в уничтожении продовольствия, предназначенного для русской армии. В целом, по мнению исследователя, экспедиция в Азовское море была благоприятной для союзников. Додд кратко описал нападение на Мариуполь, подчеркнув важность этого города.

В своем фундаментальном девятитомном исследовании «Вторжение в Крым» А. Кинглейк, рассматривая нападение на Мариуполь в мае 1855 г., отметил, что город находился в руках союзников в течение пяти часов. Союзники, по мнению исследователя, лишь уничтожили большие запасы зерна, не нанеся при этом никакого ущерба городу. Сравнивая действия в Азовском море с обороной Севастополя, Кинглейк отмечал, что в Азовском море союзникам удалось без битв и людских потерь достичь значительных успехов, скептически оценивал русских адмиралов и генералов, руководивших обороной Керченского пролива и Азовского

побережья. Главная причина успеха союзников, по мнению Кинглейка, заключалась в использовании мощного парового флота [9].

Значительно большее внимание событиям в Приазовье уделил С. Ирдли-Уилмот в своей биографии одного из руководителей флота союзников адмирала Э. Лайонса [10]. Описав действия англо-французской эскадры в Азовском море, нападения на Мариуполь, Ирдли-Уилмот назвал единственной серьезной потерей союзников захват русскими парохода «Джаспер» возле Кривой Косы, который, по мнению исследователя, стал возможным из-за неудачных действий командера Крофорда и лейтенанта Хадсона. Ирдли-Уилмот также позитивно оценивал азовскую экспедицию.

Аналогичная ситуация сложилась и во французской историографии. Л. Герен, описывая первое нападение союзной эскадры на Мариуполь, отметил, что попытки русского командования затянуть время переговорами и переместить часть продовольствия из города в Сартану не имели большого успеха, при высадке союзников казаки не оказали практически никакого сопротивления, а ущерб, нанесенный России в Мариуполе, был намного значительнее, чем в Таганроге. По мнению Герена, действия союзников в Азовском море были успешными и оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие событий в войне [11]. Подобные взгляды высказывались и другими представителями французской историографии.

Заключение. Таким образом, в XIX в. сложились две точки зрения на военные действия в Азовском море в 1855 г., включая и оборону Мариуполя. Русская историография утверждала, что союзникам было оказано серьезное сопротивление, а поставленные ими цели остались недостигнутыми. В то же время в английской и французской историографии господствовало мнение, что действия русской армии были неэффективными, а азовская экспедиция явилась большим успехом союзников.

Список литературы

1. Миргородский А. В. Крымская война на Азовском море. – М.: Международные отношения, 2020. – 599 с.
2. Краснов Н. И. Оборона Таганрога и берегов Азовского моря в 1855 году // Военный сборник. – СПб., 1862. – Т. XXVI – С. 249-308.
3. Тотлебен Э. И. Описание обороны г. Севастополя. – СПб., 1868. – Ч. 2. – С. 268-272.
4. Гейрот А. И. Описание Восточной войны 1853–1856. – СПб., 1872. – 544 с.
5. Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. – СПб., 1876. – Т. 3. – С. 330-338.
6. Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. – СПб., 1900. – Т. 3. – С. 186-197.
7. Nolan E. The Illustrated History of the War against Russia. – London, 1857. – P. 344, 347.
8. Dodd J. Pictorial History of the Russian War. – London, 1856. – P. 455, 457.
9. Kinglake A. The Invasion of the Crimea. – Vol. 9. – P. 75-86.
10. Eardley-Wilmot S. Life of Vice-Admiral Edmund, lord Lyons. – London, 1898. – 437 p.
11. Guérin L. Histoire de la dernière guerre de Russie (1853–1856). – Paris, 1858. – Т. 2. – P. 241-242.

ГЕНЕРАЛ М. К. ДИТЕРИХС – ИДЕОЛОГ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Даренский В.Ю., д-р филос. наук, доц.

ГОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, ЛНР

darenskiy1972@rambler.ru

Введение. Генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс (5.04.1874 – 8.10.1937) является одним из наиболее талантливых русских полководцев Первой мировой и Гражданской войн – как один из авторов стратегии Брусиловского прорыва, как командующий наступлением русско-сербских войск на Салоникском фронте (награжден союзниками золотым оружием и французским орденом Почетного легиона), а затем последней удачной Тобольской операции Белой армии. Однако в русскую историю он вошел в первую очередь не своими военными заслугами, а возвращением идеи Белого движения к монархическим основам русской государственности. А его книга «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале» (в 2-х томах), изданная в 1922 г. во Владивостоке на о. Русский – ценный историософский труд, во многом опередивший мысль профессиональных философов и богословов русского Зарубежья.

Основная часть. М. К. Дитерихс еще в 1919 г., находясь в армии А. В. Колчака, говорил о необходимости созыва Земского Собора на основе сословного, а не партийного представительства, с участием рабочих и крестьян, но только как беспартийных представителей народа. Он надеялся, что Земский Собор санкционирует возврат России к династическому правлению, как в 1613 году. Когда он вступил в должность командующего белыми силами в Приморье, то быстро организовал Приамурский Земский Собор, который состоялся с 10 (23) июля по 28 июля (10 авг.) 1922 г. во Владивостоке. Собор постановил, что Верховная власть в России принадлежат Дому Романовых и избрал М. К. Дитерихса правителем Приамурского края.

Фактически была провозглашена программа восстановления монархии по каноническому образцу 1613 года, и Приморский Земский Собор во Владивостоке уже фактически стал началом этого процесса, который должен продолжиться уже после освобождения России от большевиков и любых других самозванцев. В Указе № 1 от 8.8.1922 М.К. Дитерихс писал: «По грехам нашим против Помазанника Божия, мученически убиенного советской властью Императора Николая II со всей Семьею, ужасная смута постигла народ Русский и Святая Русь подверглась величайшему разорению, расхищению, истязанию и рабству безбожных русских и иноплеменных воров и грабителей, руководимых изуверами из еврейского племени, отрекшихся и от своей иудейской веры... Здесь, на краю земли Русской, в Приамурье, вложил Господь в сердца и мысль всех людей, собравшихся на

Земский Собор, едину мысль и едину веру: России Великой не быть без Государя, не быть без преемственно наследственного Помазанника Божия» [4, с. 66-67]. В последнем указе Правительства 17 окт. 1922 г. говорилось: «Силы Земли Приамурской Рати сломлены... В духовном отношении, в значении ярко вспыхнувшей в пределах его русской, исторической, нравственно-религиозной идеологии, – он никогда не умрет в будущей истории возрождения Великой Святой Руси. Семя брошено. Оно сейчас упало на еще не подготовленную почву. Но грядущая буря ужасов советской власти разнесет это семя по широкой ниве Великой Матушки Отчизны... Я верю в эту благодать Господню; верю, что духовное значение кратковременного существования Приамурского края оставит даже в народе края глубокие, неизгладимые следы. Я верю, что Россия вернется к России Христа, России – Помазанника Божия, но что мы были недостойны еще этой милости Всевышнего Творца» [1, с. 486].

М. К. Дитерихс видел возможность возрождения России в построении русской государственной власти на принципах «идеологии исторического национально-религиозного самодержавного монархизма». В своем письме неизвестному адресату 1924 г., которое фактически стало политическим и идейным завещанием генерала, он писал: «Так как в основе русской идеологии о своей государственности стоит Христос, то и начинать всякое возрождающее движение, в том числе и монархическое, необходимо с поднятия в русском народе основ чистоты и святости законов Христа и его наставлений. Мне отвечают на это: все это так, но это слишком долгий и сложный путь, и другие успеют использовать современное шаткое положение советской власти. Не разбирая, насколько шатко ее положение, на первое отвечаю с глубокой и горячей верой: пусть. Ничто не удержится в русском народе, что не со Христом и не от Христа. Рано или поздно, если только Господу угодно простить временное отклонение русского народа от Христа, он вернется прочно только к началам своей исторической, национально-религиозной идеологии, идущей от Христа и со Христом. А что я не увижу это спасение, а только мои потомки» [1, с. 559-550]. Это *теократическое начало русской государственности*, положенное в основу Земским Собором 1613 г., полагается и как основа будущей России.

Насколько это соответствовало массовому сознанию той эпохи? Достоевский писал: «Царь для народа не внешняя сила, не сила какого-нибудь победителя... а всенародная, всеединящая сила, которую сам народ восхотел, которую вырастил в сердцах своих, которую возлюбил, за которую претерпел, потому что от нее только одной ждал исхода своего из Египта. Для народа царь есть воплощение его самого, всей его идеи, надежд и верований его... это отношение народа к царю, как к отцу, и есть у нас то настоящее, адамантовое основание, на котором всякая реформа у нас может зиждаться и созиждется. Если хотите, у нас в России нет никакой другой силы, зиждущей, сохраняющей и ведущей нас, как эта

органическая, живая связь народа с царем своим, и из нее у нас всё и исходит» [3, т. 27. с. 21-22]. Конечно, русский народ имел очень высокую культуру самоорганизации на уровне крестьянской общины, артели и особенно казачьего войска, но именно государственная жизнь у русских всегда носила характер нравственной службы царю и без этого легко разрушалась. К сожалению, история подтвердила и тезис Достоевского о том, что народ удерживается от беспорядков только верой в царя – зная это, заговорщики февраля 1917 года в первую очередь, объявили об «отречении» царя, что очень скоро привело к полной анархии в стране. После 1917 года государство восстановилось только в форме фактической монархии Сталина (тиранической карикатуры на подлинную монархию).

Заключение. Такое понимание природы русской государственности соответствует церковному учению о природе власти в России (ранее сформулированной свт. Филаретом Дроздовым на языке современной политической мысли). Гражданскую войну М. К. Дитерихс определял как войну *религиозную – войну против христианства и православной России, которую ведет антихристов «религия лжи», лежащая в основе всех революционных идеологий – поклонение человеческому «Я» как идолу*. По его определению, «постепенное, историческое искажение чистых заповедей учения Христа привело к тому, что новая, материалистическая религия личного “Я” могла заглушить в душе людей и деятелей России все прежние святыни и символы религии единого Бога, подготавливая почву для насаждения в мире безумного царства *религии Лжи*» [2, с. 415]. Стоит отметить удивительную для военного человека, не имеющего богословского и гуманитарного образования, глубину религиозной и исторической мысли – эти же идеи, высказанные генералом, затем уже будут разрабатываться в русской философской мысли. М. К. Дитерихс ярко выразил изначальную идейную основу Белого движения – восстановление Православной России. В первый период Гражданской войны массовое православно-монархическое сознание не имело еще своего политического выражения в силу того, политическая сфера «белых» была занята февралистами. Генерал выразил это массовое сознание в своих текстах и в своих делах. Его историософские идеи опередили труды монархических мыслителей русского Зарубежья – свт. Серафима Соболева, архим. Константина Зайцева, А. В. Карташова, И. А. Ильина, Н. Д. Тальберга и др., и их последователей в наше время.

Список литературы

1. Генерал Дитерихс / Сост. В. Ж. Цветков. – Москва: Посев, 2004. – 438 с.
2. Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. Т. I. – Москва: Скифы, 1991. – 416 с.
3. Достоевский Ф. М. Полн. Собр. соч. в 30-ти. Томах. – Л.: Наука, 1972–1990.
4. Филимонов Б. Б. Конец Белого Приморья. – Вашингтон: Издание Русского книжного дела в США Victor Kamkin, Inc., 1971. – 376 с.

**ВЫПУСКНИК КЕРЧЕНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО
КОЛЛЕДЖА, ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ КОКОРИН**

Дозморов В.А.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, РФ
Dozmorov-Valeriy@yandex.ru

Введение. Отечественная система профессионально-технического образования – это, прежде всего, люди (воспитанники и выпускники), которые являются главной ее ценностью. Особенно в сложные периоды развития общества. Таковым можно считать и Великую Отечественную Войну (1941–1945 гг.). Цель Советского Союза, возглавившего антигитлеровскую коалицию в этой войне – защита свободы и независимости, как своих, так и других народов, разгром и уничтожение фашизма. Заявленная цель советского правительства полностью совпала с интересами и действиями народа. В этой связи можно отметить, что характер Великая Отечественная война приобрела народный и освободительный. Советский народ, конечно, был главным творцом Победы. Воины Красной армии, партизаны и труженики тыла проявили величайшее мужество на фронтах Великой Отечественной войны: около 12 тысяч человек были удостоены высшего воинского звания Героя Советского Союза.

Основная часть. Живое чувство Родины – для миллионов людей в военные годы оно в нравственно-психологическом значении и смысле заменяло религию и веру. В суровой борьбе с врагом в Советском государстве произошел крутой поворот к возрождению и упрочению исторического патриотизма как духовной опоры защитников Отечества. Именно это выразилось в народном определении войны, как священной. Подлинно народная, Отечественная война иной и быть не могла.

Огромный вклад в победу в войне внесли выпускники Керченского металлургического техникума (теперь – ГБПОУ РК «Керченский политехнический колледж»). Об одном из них и пойдет речь далее.

Анатолий Михайлович Кокорин – Герой Советского Союза. Он родился 23 апреля 1921 года в крестьянской семье в деревне Чаши Чашинского сельсовета Салтосарской волости Курганского уезда Челябинской губернии, ныне сельсовет входит в Каргапольский район Курганской области. А. М. Кокорин окончил 7 классов Керченской школы (ныне – средняя школа № 4). Затем учился он в металлургическом техникуме в Керчи. С июня 1941 года А. М. Кокорин находился на фронтах Великой Отечественной войны. Воевал на Западном и Северо-Кавказском фронтах. А. М. Кокорин был командиром стрелкового взвода 1339-го стрелкового полка 318-й Новороссийской стрелковой дивизии [1, с. 159].

Во время боевых действий А. М. Кокорин в связи с пулевым ранением был отправлен в госпиталь. 12 ноября 1943 года он пропал без вести после бомбардировки противника. Затем 17 ноября 1943 года за проявленные отвагу и героизм при захвате плацдарма на Керченском полуострове в ходе Керченско-Эльтигенской десантной операции Указом Президиума Верховного Совета СССР А. М. Кокорин был награжден орденом Ленина и медалью «Золотая звезда» и удостоен высшего воинского звания Героя Советского Союза (посмертно) [2].

В наградном листе указывалось: «взвод под командованием младшего лейтенанта Кокорина в ночь на 1 ноября 1943 года произвел высадку десантом на берег Керченского полуострова в районе Эльтиген. Тов. Кокорин проявляя личные образцы мужества, отваги и героизма при штурме береговых укреплений противника и в дальнейшем при отражении всех контратак противника, постоянно руководя своим взводом и все время находясь впереди наступающих подразделений наносил большие потери для противника. Сам тов. Кокорин решительный и инициативный офицер в горячих схватках с врагом штыком и прикладом немало уничтожил фашистских захватчиков» [3].

В городе-герое Керчь есть улица, названная в честь участника Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза А. М. Кокорина. На здании Керченского политехнического колледжа, где обучался А. М. Кокорин, расположена мемориальная доска. Студенты и преподаватели колледжа чтут память своего выпускника, Героя Советского Союза Анатолия Михайловича Кокорина [1, с. 159].

Заключение. Высокое и чистое пламя любви к Отечеству и свободе пылало в сердцах и душах молодых воинов-патриотов, вчерашних школьников и студентов. Это было пламя искренней веры в торжество идеалов всеобщей социальной справедливости, братства всех народностей и наций, равенства и счастья всех трудящихся. И мысли, и дела защитников Отечества были, прежде всего, направлены на то, чтобы видеть свою Родину свободной, процветающей. Отсюда выросла готовность к подвигу, к самопожертвованию ради Отчизны, выплавившаяся в массовый героизм, какого не знала история всех войн на земле. Победа в Великой Отечественной войне – это огромная, духовная и нравственная ценность, поднимающая достоинство нашего государства и объединяющая все здоровые патриотические силы общества. Потому необходимо беречь память о Великой Победе. Нужно всестороннее, объективно и критически оценивать опыт этой войны и при этом решительно отвергать клевету и совершенно не состоятельные утверждения о виновности нашей страны в развязывании войны, о бессмысленности участия нашего народа в Великой Отечественной войне и прочие попытки фальсификации истории в ущерб интересам России.

Список литературы

1. Подвиг и слава. Керчь и Керченский полуостров: научное издание: в 2-х тома. Т. 1. – Симферополь: Таврида, 2020. – 424 с.
2. ЦАМО, Ф. 33, О. 682525, Д. 67, Л. 2.
3. ЦАМО, Ф. 33, О. 793756, Д. 22, ЛЛ. 168-169.

УДК 930

ОПЫТ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ ХХІ ВЕКА

Зубкова Т.Д., Якубенко О.В., канд. м. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет»
г. Омск, РФ
tatiana_zubkova09@mail.ru

Введение. В современной научной литературе под термином «кризис» понимают «крайнее обострение противоречий в социально-экономической системе, угрожающей ее жизнестойкости» [3, с. 90]. Механизмы развития кризисов с одной стороны связаны с влияниями глобальных мировых экономических и политических процессов, а с другой – с локальными недостатками, например несовершенством организации производства или управленческими проблемами. Поэтому задачей данного исследования является выявление ресурсов преодоления общественно-политических кризисов современности на основе анализа исторических событий прошлого века.

Основная часть. Политические кризисы, как правило, затрагивают все стороны развития общества и могут приводить к разрушению всей социально-экономической системы. Они протекают сложно, болезненно как для власти, так и для населения. Включают множество противоречий [2, с. 40].

О протекании общественно-политического кризиса в обществе можно судить по следующим признакам:

1) Всеобщность, цикличность, неизбежность потрясений для всех слоёв общества.

2) Многофакторность – обусловленность не какой-то одной, а множеством причин.

3) Полезность для общества. Кризисы вызывают неизбежную замену устаревших систем управления более новыми и успешными экономическими, технологическими и политическими подходами.

Таким образом, каждый общественно-политический кризис выявляет ресурсы способствующие преодолению тяжёлых кризисных ситуаций.

В настоящее время общественно-политические кризисы происходят в Европе, на территории республик бывшего СССР, в других странах. Для преодоления кризисных ситуаций правительства этих стран используют следующие антикризисные мероприятия:

- отрицание или замалчивание проблем, вызвавших обострение общественно-политической ситуации;
- применение репрессивных мер по отношению к одной или всем конфликтующим сторонам;
- осуществление реформ, которые способны погасить общественное недовольство;
- глубинный анализ причин, вызвавших общественно-политический кризис и их возможное смягчение, либо устранение;
- организация примирения сторон, предполагающая их взаимные уступки.

Механизмы отрицания или репрессии, как правило, переводят кризис в затяжную фазу. При этом сохраняется реальная угроза возобновления конфликта с еще большей силой и непредсказуемыми последствиями. Поэтому, на наш взгляд, более эффективными являются три последних способа, которые предполагают выработку каждой из сторон собственной позиции, предусматривающей пределы возможных уступок и характер компенсаций за них.

Историческим примером такой попытки разрешения конфликта является яркий пример событий 1905–1907 годов и «манифест 17 октября» [2, с. 38]. Правительство пошло на уступки общественному мнению на самом пике революции. Результатом запоздалых мероприятий стало нарастание противоречий вплоть до кризиса монархии 1917 года [1, с. 217].

Исторический анализ событий первой трети двадцатого века показывает, что революция позволяет быстро и радикально разрешить накопившиеся социальные проблемы. Однако ей обычно сопутствуют тяжёлые экономические и социальные потрясения, которые ломают жизнь нескольких поколений. Их последствия являются губительными как для народа, так и для государства в целом.

В отличие от революции, метод реформирования является более длительным. Достоинство этого способа состоит в том, что удастся сохранить определенный баланс сил и их равновесие. Борьба интересов, мнений и идей осуществляется в рамках гражданского согласия, через взаимные уступки, предполагающие диалог и компромиссы. Для национального развития это дает наиболее благоприятный результат.

Инструментами, позволяющими преодолеть современные социально-психологические кризисы, является повышение уровня образования и культуры, производительности труда и качества жизни населения.

Заключение. Таким образом, ресурсами преодоления общественно-политических кризисов XXI века являются организация сотрудничества в области культурных связей, высокотехнологичных научных разработках,

которые обуславливают развитие промышленности, международное развитие спорта, системы образования. Средствами достижения поставленной цели могут быть организация различных совместных форумов, проектов, дискуссионных площадок. Большую помощь на пути объединения двух стран могут оказать представители СМИ, спортсмены, деятели культуры, науки и искусства.

Список литературы

1. Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные первой мировой войны в России 1914–1925 годы / И. Б. Белова. – М., «АИРО-XXI», 2014. – 432 с.
2. Белоус В. П. Нравственный кризис в России перед Февральской революцией 1917 года / В. П. Белоус // Вестник Сургутского государственного университета. 2013. – № 1 (1). – С. 37-41.
3. Зубкова Т. Д. Осмысление революционных событий 1917 года как средство преодоления общественно-политических кризисов XXI века / Т. Д. Зубкова, Е. М. Седельников, О. В. Якубенко // XIX Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартовского государственного университета: сборник статей /отв. ред. А. В. Коричко. Ч. 5. История. Документоведение. Филология. Лингвистика. Журналистика. Реклама. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. – С. 88-91.

УДК 7.067

УРБАНИЗМ И ИНДУСТРИЯ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ХУДОЖНИКОВ ДОНБАССА. 1970 ГОДЫ

Калиниченко Е.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
Kalinichenko.k.@gmail.com

Введение. Для Донбасса вторая половина шестидесятых и семидесятые годы XX века стали золотым временем. Его экономика была на подъеме, запускались новейшие предприятия, модернизировались старые. Параллельно в шахтерском крае развивались сферы науки, культуры и спорта – открывались новые спортивные комплексы, шло строительство и реставрация учреждений культуры. Все области испытывали подъем и видели результат работы. В Донбасс ехали специалисты всех направлений. Не в стороне оставались и люди творческих специальностей.

Цель данной работы: проанализировать деятельность молодых художников в Донбассе, составить перечень предприятий, на которые выезжали творческие группы, изучить географию городов, откуда приехали художники.

Основная часть. Большую роль в укреплении Донецкой организации Союза Художников Украины сыграло создание в 1968 году молодеж-

ного отделения, которое курировали опытные художники, возглавившие комиссию по работе с молодыми художниками. Главной задачей творческой молодежи стала – выставочная деятельность. Традиционными стали ежегодные областные выставки молодых художников «Поиск», девизом которых было: «Новаторство, поиск, эксперимент». Только за четыре года работы в молодежное объединение были приняты 25 человек. Это были амбициозные и активные художники и скульпторы, недавно окончившие высшие учебные заведения, такие как Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, Харьковский художественно-промышленный институт, Киевский государственный художественный институт, Украинский полиграфический институт им. И. Федорова. Московское высшее художественно-промышленное училище. Их приезд значительно обогатил художественную палитру донецкого края. Среди них, мы можем назвать имена художников, для которых Донбасс стал вторым домом, это: Григорий Тышкевич, Полина Шакало, Николай Ясиненко, Алексей Поляков, Геннадий Олимпиук, Иван Базилевский, Елена Павлова, Юрий Петрушкин, Юрий Коровушкин, Борис Еремин, Виктор Хоренко.

Вступивших в члены Донецкой организации Союза Художников обеспечивали художественными мастерскими из нежилого фонда, не только в Донецке, но и в Краматорске, Енакиево и Маеевке, реже выделяли квартиры, распределяли государственные заказы, которые приходили в Художественный комбинат, помогали с материалами.

Деятельность молодежного отделения художников курировал Донецкий обком комсомола, который уже в 1971 году предложил создать творческие группы, которые бы могли работать на шахтах, промышленных предприятиях, комсомольских стройках, колхозах и совхозах. Результат был на лицо: на первой отчетной выставке в Донецке, а затем в Киеве экспонировалось 99 работ (живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство). Четыре художника А. Назаренко, Ю. Петрушкин, Г. Тышкевич, П. Шакало были отмечены грамотами ЦК ВЛКСМ за вклад в развитие советского искусства [1].

Председатель донецкой организации, народный художник СССР Владимир Толочко видел активность молодых художников и поддерживал их творческое рвение, направляя письма о содействии на заводы «Точмаш», «Азовсталь», порт Мариуполя (тогда город Жданов), строящиеся шахты «Красноармейская-Западная» и «Южно-Донбасская №1», рыбколхозы и жемчужину края – Хомутовскую степь. Позднее молодых художников поддерживал и следующий председатель – известный скульптор Василий Полоник.

В 1973 году на протяжении двух месяцев в цехах и на строительных площадках одного из самых больших станков Украины «3600» завода «Азовсталь» работали в составе Республиканской группы и молодые художники. Серии работ, с одноименным названием «Стан 3600»,

созданные Григорием Тышкевичем «За пультом» 1973 г., «Азовсталь. Стан 3600» 1975 г., Владимиром Шенделем «Стан 3600» 1973 г., Юрием Зорко «Стан 3600» 1973 г., Полиной Шакало «Отдых Сталевары» 1975 г., сейчас хранятся в различных музеях Республики и фондах Центрального Дома художников. Позднее, эти художники станут всесоюзноизвестными, получают звания заслуженных и народных художников Украины.

Разнообразием тем, творческим почерком, оригинальностью и мастерством молодые художники обратили внимание через свои работы на красивые индустриальные пейзажи, бытовые сцены, образы простых строителей и шахтеров Донецкого края. Грамотно подобранные работы на выставках разных уровней, которые проходили в Донецке, Киеве, Николаеве, Одессе, говорили о большом потенциале творцов. Авторы хорошо помнят, какой ответственной была подготовка и организация таких выставок как: «Художники Украины – создателям стана» в 1973 году, «Донбасс в изобразительном искусстве» в 1975 году, «Монументальное искусство Донбасса» в 1979 году [2]. Творческие группы малых составов (2-3 человека) и большие сборные группы, куда входили живописцы, графики, скульпторы активно участвовали в строительстве советского государства. Художников можно было видеть с этюдниками на проходных заводах: Донецкого металлургического, Макеевского коксохимзавода, Харцызского трубного, Словянской и Старобешевской ТЭС. Художники оформляли комнаты отдыха живописными полотнами, выкладывали мозаику, устанавливали скульптурные композиции. К сожалению, многое утрачено, по причине закрытия предприятий и ненадлежащего хранения.

Так же нужно вспомнить о международных группах в Донбассе и творческих поездках в социалистические страны молодых художников, которые в своих работах живописно воспевали индустриализацию нашего края. Вместе с нашими художниками, в группе были граждане Германской Демократической Республики (Берлин и Бохум), Польской Народной Республики (Катовице), советских республик – Латвии, Молдавии, России, Туркмении. На протяжении двух сезонов 1972–1973 гг., они готовились к международной выставке «Друзья в братской стране». Сначала ее представили в Берлине, в апреле 1974 года, затем в выставочных залах Москвы и Донецка.

Особым местом встреч творческой интеллигенции станет Дом работников культуры, который с начала 1970-х распахнет свои залы для тематических и персональных выставок молодых художников Бориса Еремина и Полины Шакало, Алексея Полякова [3], Владимира и Валентины Теличко, Геннадия Жукова и Виктора Хоренко, Геннадия Олимпьюка и Анатолия Дерезы. Эти вернисажи были прорывом в творчестве многих мастеров кисти и пера.

Прошли годы и десятилетия, и, готовясь к юбилейным выставкам, художники с интересом и благодарностью вспоминают свои молодые годы, которые пришлось на расцвет изобразительного искусства в Донбассе.

Заключение. Таким образом, спустя 50 лет можно с уверенностью сказать, что художники, воспевшие в своих работах самые яркие моменты XX столетия в Донбассе, настоящие Мастера. О Юрии Зорко, ушедшем в 2019, скажут как о «поэте природы и заводских труб», Владимира Шенделя назовут «летописцем донецкого края», за Алексеем Поляковым закрепится звание «лирического певца народного быта», Григорию Тышкевичу вручат сертификат «Основателя стиля Лирический урбанизм» Калифорнийской академии искусств. Спустя сотни лет по их работам будут рассматривать лица наших земляков, наш быт и наши пейзажи с терриконами и заводскими трубами.

Список литературы

1. Клименко Р. Г. Художники Донетчины / Р. Г.Клименко. – Донецк: Проминь, 2008. – 412 с., ил.
2. Клименко Р. Г. Художники Донетчины / Р. Г.Клименко. – Донецк: Проминь, 2004. – 328 с., ил.
3. Маричевский Н. Алексей Поляков. Живопись / А. Маричевская.– Киев: София-А, 2007. – 168 с., ил.

УДК 623

ШТРАФБАТЫ И ЗАГРАДОТЯДЫ. МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Колбин В.Г., канд. ист. наук, доц.

ГОО ВПО «Донецкая государственная музыкальная академия
имени С. С. Прокофьева», г. Донецк, ДНР
donmuzacademy.prokofiev@mail.ru

Введение. Память об отечественных героях – священна. Но даже спустя десятилетия по окончании Великой Отечественной Войны подвиги и имена героев-штрафников неизвестны.

Эта тема долгое время в СССР была под негласным табу. В перестроечный и постперестроечный период сложилось особое отношение отдельных историков и политиков к данному вопросу.

С конца 1980-х – начало 1990-х гг. реализовывался пафосно-разоблачительный подход в телевизионных и радиопередачах с добавлением псевдодокументов, баек, слухов и т.д. Споры и суждения не утихают и поныне.

Основная часть. Во все времена и везде государство наказывало своих офицеров и солдат за проступки. В тяжелейший начальный период войны стала очевидной необходимость введения чрезвычайных мер. Так появился приказ № 227 от 28 июля 1942 года «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» [1]. На его основании провинившихся направ-

ляли в штрафные батальоны. В штрафники попадали по-разному. Так, один офицер после боя раздал оставшимся в живых пайки погибших. За «разбазаривание» дали один месяц штрафбата. В штрафные подразделения отправляли за небрежное, халатное отношение к военному имуществу. Срабатывал и «человеческий фактор». Конфликтная ситуация, зависть, боязнь, что умный «подсидит» могли привести к печальным последствиям.

В штрафбат могли отправить и на один месяц, другой ограниченный срок, но не более трех месяцев. Ранение, подвиг – давали право на реабилитацию и восстановление прежних воинских званий и наград. Нередко реабилитированные офицеры оставались сами по просьбе командиров и солдат.

Высокодисциплинированные, хорошо управляемые штрафные батальоны действительно были боевой элитой. Немцы боялись их как огня! Когда в немецкие траншеи врываются штрафники, немцы, не принимая штыкового боя, уходили раньше.

Командирами и комиссарами (постоянный состав) в штрафные подразделения назначались офицеры не из штрафников. Бойцы-штрафники могли быть назначены только на должность младших командиров с присвоением званий не выше сержанта [2].

Обмундирование у штрафников было обычным. У постоянного состава – форма стрелковых подразделений. У переменного состава (рядовых штрафников) были спороты знаки различия и сняты награды. Медицинскую помощь оказывали санинструкторы, назначенные из штрафников.

Основная масса проштрафившихся направлялась в пехоту, но воевали в авиации. Создавались штрафные эскадрильи: истребительные, штурмовые, бомбардировочные [4, с. 112].

В критические моменты выполнение приказа № 227 было невозможным без применения чрезвычайных мер, в числе которых было использование заградительных отрядов. Множество выдуманных историй, слухов и легенд связано с существованием этих подразделений. Заградотряды никогда не являлись одной из разновидностей спецслужб. Это постоянное или временное воинское формирование, для выполнения боевой или специальной задачи. Их ведомственная принадлежность в ходе войны неоднократно изменялись.

По своим заградотряды огня никогда не открывали. Зачастую они вносили перелом в боевые действия дрогнувших войск. Состав подбирался из проверенных и стойких бойцов, хорошо вооруженных и игравших роль надежного подкрепления. Что до чрезмерной жестокости, то достаточно привести данные справки ОО НКВД в УОО НКВД СССР, согласно которой с 01 августа по 15 октября 1942 г. заградотрядами было задержано 140 755 военнопленных, сбежавших с передовой. Из них: арестовано – 3 980; расстреляно – 1 189, направлено в штрафные роты – 2 776, возвращено в свои части и пересыльные пункты – 131 094, в штрафбаты – 185 человек [4, с. 57].

После перелома в войне первоначальная роль заградотрядов стала быстро изменяться, обрстая чисто комендантскими функциями: охрана штабов армий, охрана дорог, линий связи, прочесывание лесов и т.д. А в октябре 1944 г. приказом НКО № 0349 заградотряды были вовсе упразднены [3].

Были штрафные подразделения и у немцев. При этом – бессрочно! Впервые они появились в 1941 году под Москвой, значительно раньше, чем в нашей армии. Были и заградотряды, составленные из офицеров и унтер-офицеров, вооруженных пулеметами и автоматами. Они имели приказ расстреливать всех, кто покидали свои позиции.

После войны тема о штрафниках стала обрастать мифами, небылицами и откровенным враньем. Один из мифов является выдумка о том, что штрафбаты и заградотряды – детище И.В. Сталина для расправы с неугодными, путём превращение их в пушечное мясо. Хотя общеизвестно, что заградотряды были организованы по инициативе Л.Д. Троцкого еще в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции.

Самый распространенный миф о том, что именно штрафники выиграли войну, поскольку они участвовали в самых опасных операциях. Достаточно вспомнить, что численность штрафников с 1942 по 1945 годы была всего 427910 человек, в то время, как в Красной армии в 1945 году насчитывалось 11 миллионов 365 тысяч солдат и офицеров [4, с. 236].

Небылицы о том, что штрафбаты героически сражались только потому, что некуда деться: впереди немцы, а сзади заградители с пулеметами. Сложно себе представить врывающихся в немецкие траншеи штрафников, а за ними трусцой поспевающих заградотрядовцев. К штрафникам причисляли отряд Героя Советского Союза Цезаря Куникова с десантным отрядом, захватившим плацдарм на мысе Мысхако («Малой землей») и удерживающим его до подхода главных сил. А «главным штрафником страны» объявили маршала К.К. Рокоссовского!

Заключение. Все, вышесказанное, свидетельствует о том, что и сегодня необходим тщательный, выверенный и документально-подтвержденный подход в освещении данной проблемы.

Список литературы

1. Приказ НКО СССР от 28.07.1942 г. №227: О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций//История военного искусства: Курс лекций: в 8 томах. – М.: Военная академия имени М. В. Фрунзе, 1958. – Т. 5: Военное искусство первого периода Великой Отечественной Войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 г.) – С. 780-783.
2. Приказы Народного Комиссара Обороны СССР с объявлением положений о штрафных батальонах, ротах и штатов штрафного батальона, роты и заградительного отряда действующей армии № 298 от 28 сентября 1942 г.: Официальный сайт. – Текст: электронный. – URL:<http://www.faito.ru/oboznik/Mater/prik298.html>

3. Приказ Народного Комиссара Обороны № 0349 (29 октября 1944)//Великая Отечественная война 1941-1945. События. Люди. Документы. – М., 1990, – С. 452-453.
4. Громов Алекс. Правда о штрафбатах и заградотрядах во Второй мировой. – Харьков: Книжный клуб «Клуб Семейного досуга»; Белгород: ООО «Книжный клуб» Клуб семейного досуга», 2010.

УДК 94:316.342.6(470+571)

ТРАСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Крутова Л.А., канд. ист. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

krutova_lv@mail.ru

Введение. Прошло более 30 лет после провозглашения государственного суверенитета России и распада Советского Союза. Наступило время для анализа накопленного опыта социально-экономических преобразований. Отечественные историки в отличие от экономистов, социологов, правоведов только подступают к разработке данной проблемы.

Цель предлагаемой публикации – обосновать периодизацию процесса трансформации социально-экономической политики РФ.

Основная часть. С разрушением Советского государства и крахом существовавшей социально-экономической системы стала очевидной необходимость проведения реформ, и это хорошо осознавало руководство новой России. *Первый период* преобразований (1992–1999 гг.) неразрывно связан с именами «младореформаторов» во главе с Егором Гайдаром. Они определили цели и задачи экономической реформы, получив при этом мощную организационную и политическую поддержку Б. Н. Ельцина, первого Президента Российской Федерации.

Суть реформ заключалась в решительном отказе от советской плановой экономики, стремительном переходе к рыночным отношениям и утверждении доминирования частной собственности на средства производства. Основным условием достижения проведения реформ был отказ от государственного влияния на экономические процессы.

Социальная сфера исключалась из программы преобразований в России 1990-х годов; «младореформаторы» утверждали, что рынок сам ееотрегулирует. Реформы сопровождались невиданным ростом цен, гиперинфляцией и резким падением уровня жизни населения. Кроме того, реформируемая экономика Российской Федерации оказалась под воздействием мирового экономического кризиса 1998 г., следствием которого стали, в частности, дефолт и девальвация российского рубля. Фактически Россия оказалась во власти МВФ. Внешний долг РФ на конец 1999 г. в рублевом исчислении превышал ВВП страны почти в 1,5 раза [1].

За чертой бедности оказалась фактически треть населения страны [2]. Кардинально изменилась социальная структура общества: сформировался круг олигархов, «средний класс» был размыт, значительно увеличился слой опустившихся на социальное дно. Прежняя социальная сфера была окончательно разрушена. Такова цена России за переход к рынку.

Второй период (2000–2020 гг.) – это время в целом успешного развития рыночной экономики новой России. Существенное влияние на этот процесс оказывали внешние факторы, что обуславливает выделение в рамках данного периода двух этапов: 2000–2013 гг. и 2014–2020 гг.

Вступая в третье тысячелетие, государство постепенно восстановило свою роль в сфере экономики. Удалось провести ее существенную модернизацию. С 2000 г. начался переход от сырьевой ориентации отечественной экономики к инновационной. Завершена экономическая реструктуризация внутреннего рынка. Активизация внутренней торговли стимулировала развитие отечественного производства.

Сложилась и благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура. В 2000–2013 гг. совокупный объем российского экспорта увеличился пятикратно. От экспорта сырой нефти перешли к экспорту продуктов нефтепереработки; их доля составила 38,6 % в общей структуре экспорта нефти [3]. Российская Федерация нарастила свои золотовалютные резервы [4].

Устойчивый рост российской экономики (по разным данным, от 8-10 до 5 % ВВП ежегодно [5]) в 2000–2008 гг. позволил правительству добиться снижения уровня безработицы. С начала 2000-х годов в Российской Федерации стали разрабатывать программы стратегического развития страны. Примером такого планирования стали приоритетные национальные проекты: «Здоровье», «Жилье», «Образование» и «Агропромышленный комплекс». По существу, это была первая после распада СССР серьёзная социальная инициатива нового государства, направленная на улучшение условий жизни населения Российской Федерации.

Президент В. В. Путин подчеркивал: «В последние годы расходы бюджетной системы на социальную сферу составляют более половины в общих бюджетных расходах» [6]. Такая социальная политика нашла широкую поддержку избирателей, однако ее реализация была прервана мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг.

Бурные политические события 2014 г. в Крыму и на Донбассе определили особенность социально-экономической политики в РФ в 2014–2020 гг. С этого времени страна оказалась в условиях жестких санкций, введенных США и Евросоюзом против России. Цель санкций – не допустить возрождения могущества России, заставить ее руководство проводить в стране и на мировой арене политику, отвечающую интересам стран Запада.

Поэтому с 2014 г. руководство Российской Федерации осознанно взяло курс на импортозамещение. Суть его в переходе от использования

многих импортных компонентов и технологий к внедрению отечественных, не уступающих по качеству зарубежным образцам, в модернизации и технологическом обновлении всей производственной сферы страны в сжатые сроки. Этот курс подтолкнул властные структуры федерального и регионального уровня к поиску новых внутренних ресурсов экономики, развитию малоосвоенных регионов, решению давно назревших проблем.

В условиях санкций в России произошло падение уровня жизни. Очевидно отставание российской экономики. Однако и в этих условиях руководство РФ не выпускает из вида социальные проблемы, усиливает контроль за их решением. Анализируя существующие тенденции развития социально-экономической сферы Российской Федерации, ряд ведущих отечественных экономистов указывают на необходимость смены экономической модели развития страны (С. Глазьев, А. Белоусов, М. Хазин). Выступая на экономическом форуме в Давосе 27 января 2021 г., Президент РФ сделал важное заявление: «Мы видим кризис прежних моделей и инструментов экономического развития», механизмы макроэкономической политики себя исчерпали и не работают [7].

Новое правительство РФ, сформированное осенью 2020 г., ориентируется на модель экономики государственного капитализма. Тем самым положено начало *третьему периоду* трансформации социально-экономической политики России. Подводить его итоги рано, однако понятно главное: правительство отказалось от проводимой ранее жесткой макроэкономической политики, которая в угоду либералам сдерживала рост отечественной экономики и не создавала предпосылок для дальнейшего развития социальной сферы.

Заключение. Предлагается выделить три периода трансформации социально-экономической политики современной России: переход к рынку (1992–1999 гг.), использование либеральной (макроэкономической) модели (2000–2020 гг.) и отказ от нее, создание условий для рывка в социально-экономической сфере (с 2021 г.).

Список литературы

1. История внешнего долга России. Материал из Documentation. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsruss.ru/doc/index.php> (дата обращения 27.01.2021).
2. Путин В. В. Выступление перед доверенными лицами 12 февраля 2004 г. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22393/videos>
3. Йон Хеллеви. Путин 2000–2014 гг. Промежуточные итоги: диверсификация, модернизация и роль государства в российской экономике: Краткое изложение основных результатов исследования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-news.su/in-russia/97451-ekonomika-rossii-2000-2014-modernizaciya-i-diversifikaciya.html> (дата обращения 28.01.2021).
4. Золотовалютные резервы России: 1993–2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://global-finance.ru/zolotovalyunnyie-rezervyi-rossii/> (дата обращения 27.01.2021).
5. ВВП России по годам 1991–2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://global-finance.ru/vvp-rossii-po-godam/> (дата обращения 26.02.2021).

6. Путин В. В. Строительство справедливости. Социальная политика для России. // Российская газета. 13.02.2012.
7. Путин В. В. выступает на Давосском форуме: Полная стенограмма. [Экономический ресурс]: URL: <https://e-news.su/mnenie-i-analitika/366986-putin-vystupaet-na-vsemirnom-ekonomicheskom-forume-live.html> (дата обращения 29.01.2021).

УДК 930.1

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ УРБАНИСТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Крутых Я.Р.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
otroklis@gmail.com

Введение. В современном мире город играет доминирующую роль в организации общества внутри страны. Основными ресурсами современного города являются люди, гражданские организации, направляющие коллективную энергию общества в русло прогрессивных преобразований. Тем интереснее взглянуть, как менялось отношение к городу в отечественной урбанистике. Анализ городской действительности велся, но город не рассматривался как полноценный субъект социально-исторического процесса. С развитием урбанистических исследований менялось и само отношение к городскому пространству в исторических исследованиях. Город рассматривался как территория, население которой играет определенную общественно-экономическую функцию в регионе или государстве. В отечественной историографии вопросы урбанистики начали находить свою исследовательскую нишу в 1970-х годах [1].

Цель данной работы – показать освещенность разных вопросов исторической урбанистики в современной отечественной историографии, обозначить основные направления исследований и выделить ключевых отечественных исследователей этой проблематики.

Основная часть. С 2002 года в Ставропольском государственном университете начинается формирование новых подходов в изучение локальной истории [2]. Это позволяет по-новому взглянуть на изучение истории города. Авторы таких подходов предлагают привлекать методы из других наук к изучению городского пространства, таким образом выдвинув в основу исследования *принцип междисциплинарности*, а также сосредоточиться на изучении микрообществ города, их взаимодействии с внешней средой.

Одним из магистральных подходов к изучению городского пространства и общества является история повседневности. Изучение повседневной жизни горожан позволяет лучше понять ментальность и обыденное сознание разных слоев города [3]. В этом исследователи могут опираться

на использования метода *устной истории*. Смежным является и использование этнографического подхода, позволяющего через быт горожан выделить основные занятия, этнические процессы, обрядность. В центре исследования при этом оказывается материальная и духовная культура [4]. С этой точки зрения представляют интерес работы Н. Н. Старченко, в которой рассматривается повседневная жизнь населения города Сталино (Донецка) 1945–1964 гг. в контексте советской повседневности [5].

В 1990-е годы продолжается и заложенная в советской историографии традиция изучения средневековых городов. Видный российский медиевист А. А. Сванидзе изучала средневековые города Швеции в аспекте их развития. На конкретно-исторических примерах ею была предложена схема генезиса средневекового города и типология городов. Было выделено место города в феодальных отношениях [6]. Одним из новых подходов стало *урбанистическое краеведение*, в рамках которого город рассматривается через призму этно-конфессиональных процессов [7]. Предпринимаются попытки выявить особенности развития городской культуры [8]. Рассматривая в культурном аспекте жизнь населения Донбасса, О. Б. Пенькова поднимает вопросы этнической картины региона и празднично-обрядовой сферы в XX–XXI веке [9].

Одним из подходов к изучению города является рассмотрение его исторической и социальной трансформации и выделение на основе этого факторов, стоящих за архитектурными, пространственными, идеологическими изменениями городской среды. При этом ценность данных исследований усиливает при сравнительном анализе разных городов [10]. Особенно продуктивным этот подход является при изучении городов с богатым историческим наследием, таких как Москва или Санкт-Петербург [11].

Продолжаются в российской урбанистике исследования, опирающиеся на марксистский подход и выдвигающие в основу изучения, города происходящие в нем экономические процессы [12].

В российской научной среде урбанистика выступает как дискуссионное направление исследований, некоторые вопросы все еще нуждаются в дополнительной разработке и осмыслении. Важной остается дискуссия о месте города в российской средневековой истории [13]. Выдвигается подход к изучению не только российского «центра», но и периферийных городских пространств. При этом большое место уделяется развитию экономики, социума и политических институтов в регионах [14].

Заключение. Таким образом, приоритетными направлениями российской урбанистики являются изучение социально-экономической и социально-политической истории города, вопросы генезиса города, его социальной структуры, ремесла и торговли, а также проблемы социальных конфликтов и местного самоуправления. С 1990-х годов в российской исторической урбанистике появляются новые методы и подходы. При сохранении традиционного интереса к социальной истории города начинают разрабатываться вопросы локальной истории, микроистории, истории

повседневности, ментальности, исторической психологии, социальной антропологии города. В работах российских урбанистов новейшего периода сложился новый подход к изучению города, который учитывает его полифункциональность. Важной чертой современной исторической урбанистики является междисциплинарность.

Список литературы

1. Репина Л. П. История и социология: основные тенденции в современной англо-американской урбанистике / Л. П. Репина // История и историки. – М.: Наука, 1984. – С. 88-111.
2. Булыгина Т. А. Современная историческая наука и изучение локальной истории / Т. А. Булыгина, С. И. Маловичко // Новая локальная история. – Вып. 1. Новая календарная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография: Материалы первой Всероссийской Интернет-конференции. – Ставрополь, 2003. – С. 6-22.
3. Бармина Т. Б. Повседневность городской женщины Ставропольской губернии в к. XIX – н. XX вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук / Т. Б. Бармина. – Ставрополь, 2010. – 29 с.
4. Рабинович М. Г. Город и традиционная народная культура / М. Г. Рабинович // Советская этнография. – 1980. – №4. – С. 12-23.
5. Старченко Н. Н. Повседневная жизнь населения города Сталино (Донецка) 1945–1964 гг. в контексте советской повседневности: историография проблемы / Н. Н. Старченко // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – Донецк: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», исторический факультет. – №1 (68). – 2019. – С. 27-32.
6. Сванидзе А. А. Город в цивилизации: к вопросу определения / А. А. Сванидзе // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М., 1995. – С. 29-31.
7. Кудрявцев Е. А. Город Северо-Восточного Кавказа в XV–XVIII вв.: Дисс... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2000. – 257.
8. Жданов Ю. А. Проблемы духовной сферы города в систематике и основных направлениях урбанистики // Город и искусство – субъекты социокультурного диалога. – М., 1996.
9. Пенькова О. Б. Особенности этно-социального развития населения Донбасса в советский период // Актуальные проблемы истории Донбасса, научная конференция историков ДНР: сборник материалов Второй научной конференции историков ДНР: 26 мая 2019 г. / Т. Ю. Ампилогова, Е. В. Бабаева, С. Ю. Бунтовский и др. – Донецк, 2019. – С. 64-70.
10. Vorobyev Dmitry, Campbell Thomas. Urban Planning in Contemporary Petersburg: Renovation, Population, Resistance // The Neoliberal Frontline: Urban Struggles in Post-Socialist Societies (Conference proceedings). Zagreb, December 4-7, 2008.
11. Дамберг С. В., Соколов Н. В. Петербург – предмет и поле: новая публичность и новые места // Санкт-Петербург в зеркале социологии / Под ред. В. В. Козловского. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2003. – С. 24-58.
12. Vorobyev Dmitry, Campbell Thomas. The Gazprom Tower Project: Everything Changes for the Better! // The Potosí Principle: How Can We Sing the Song of the Lord in an Alien Land? / Alice Creischer, Max Jorge Hinderer, and Andreas Siekmann, (eds.) Cologne: Verlag der Buchhandlung Walther König. 2010.
13. Полховская Е. Ю. Основные теоретические и методологические подходы к истории европейского города в отечественной медиевистике XX века: Дисс... канд. ист. наук. – Саратов, 2012. – 215 с.
14. Ильин А. История города Ростова-на-Дону. – Ростов-на-Дону, 2006. – 112 с.

ПОЧТОВОЕ ДЕЛО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Николаев Д.С., Биленко Н.А., канд. ист. наук, доц.
ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, РФ
daniilnikolayev@mail.ru

Введение. К середине XIX века почтовая система Российской Империи была развита достаточно слабо по сравнению с европейской. Так, например, в 50-е гг. из 750 городов, обменивавшихся корреспонденцией, более половины получали почту 1-2 раза в неделю и лишь 63 – ежедневно [1]. Соотношение казенной и частной корреспонденции в России было примерно 1:1,5 (1866 г.), в то время как в Австрии 1:5, во Франции 1:8 [2]. Состояние дорог было неважным: большинство из них были труднопроходимы осенью, шоссейных на 1870 г. было лишь 10 тыс. км (в Англии 38,5 тыс. км, во Франции 261 тыс. км) [3]. Кроме того, если в западных губерниях почтовая сеть была достаточно густой, то в центральных и восточных почтовое сообщение было весьма ограниченным. Судя по соотношению казенной и частной корреспонденции, почтовые услуги были довольно слабо востребованы населением.

Основная часть. Начавшаяся в стране модернизация серьезно изменила текущее положение дел. Расширение торгово-экономических связей между регионами, увеличение контактов с Западом, социальная мобильность населения, рост его численности и грамотности обусловили широкий спрос на почтовые услуги, что, в свою очередь, привело к глубокому реформированию различных сторон почтового дела.

Так, возникла острая необходимость в улучшении связи между земствами и другими административными учреждениями, а также в доставке частной корреспонденции в места, удаленные от расположения регулярных почтовых контор. Решением проблемы стало открытие в 1865 г. земских почт, финансируемых за счет земств [4]. Опыт их использования оказался настолько удачным, что к 1901 г. они имелись уже в 243 уездах страны [5]. Примечательно, что клиентами земской почты были не только дворяне, купцы, мещане и другие образованные слои населения, но и крестьяне-отходники, пересылавшие таким образом заработки семье [6].

Широкая востребованность почты приводила к нехватке кадров. В результате прежний принцип набора служащих из числа детей почтальонов, отставных унтер-офицеров и солдат был заменен на бессословный [7-10]. Однако кадров по-прежнему не хватало, поэтому с 1871 г. на службу стали брать женщин [11]. Усиление экономической активности населения обусловило появление ряда новых почтовых отправок: бандеролей, ценных пакетов, денежных узлов для звонкой монеты (1871 г.) [5].

Расширение экономических и культурных связей с Западом способствовало росту объема международной корреспонденции. Ее доставку существенно упростило вступление России в 1874 г. во Всемирный почтовый союз. Членство в этой организации привело к введению в стране общеевропейского тарифа на пересылку международной корреспонденции и появлению возможности ее доставки транзитом через третьи страны [5].

Потребность в скорейшем и всеобъемлющем информационном обмене влияла и на способы доставки корреспонденции. Если раньше основным транспортным средством была лошадиная повозка, то теперь, в условиях ускоряющегося темпа жизни приоритет отдавался железным дорогам. В 1871 г. появился устав железнодорожной почты, который обязывал железнодорожные ведомства провозить корреспонденцию бесплатно и раздавать на станциях в случае отсутствия почтовых чинов [12]. Кроме того, с 1855 г. почта стала перевозиться по рекам, а с 1860 г. по озерам [5]. Благодаря последним мерам, а также введению земской почты, в значительной степени решалась проблема малочисленности почтовых учреждений в центральной и восточной частях страны. Теперь почта стала доступной даже в самых отдаленных уголках государства. Все вышеприведенные изменения доказывают, насколько возросла потребность общества в почте в новых условиях.

Уже в конце XIX в., после слияния почты и телеграфа в единое ведомство (1885 г.), учреждения связи стали осуществлять операции по приему и выдаче банковских вкладов (1889 г.). В 1897 г. были введены безналичные денежные переводы по почте и телеграфу [5].

Изменения, произошедшие в почтовом деле в период со второй половины XIX по начало XX века колоссальны. Это подтверждают следующие цифры. Численность почтовых учреждений увеличилась с 1,7 тыс. в 1867 г. до 12,8 тыс. в 1913 г., служащих с 9 тыс. в 1867 г. до 80 тыс. в 1913 г., объем пересылаемой корреспонденции за 1860–1913 гг. увеличился почти в 80 раз (с 35,5 млн до 2780 млн пакетов) [5, 13–15]. Если в середине 1860-х гг. соотношение казенной и частной корреспонденции было примерно 1:1,5, то к началу XX в. оно стало 1:10 [16–17]. Существенно увеличилась частота доставки почты: если в 1850-е гг. из всех городов, связанных почтовым сообщением, около половины получали корреспонденцию 1–2 раза в неделю, то в 1900 г. 2/3 из них получали ее ежедневно по несколько раз в день [18]. Тем не менее, в начале XX в. российская почтовая система по-прежнему серьезно уступала западной в своем развитии. Так, например, по количеству почтовых учреждений Россия уступала США в 13 раз, Германии в 8, Англии в 3,5; численность отечественных служащих была в 4 раза меньше, чем в Германии, размеры государственных расходов на почту в 8 раз меньше, чем в Германии, в 5 раз меньше, чем во Франции, и в 4 раза меньше, чем в США [19–20].

Заключение. Таким образом, российская система связи все еще была далека от совершенства и серьезно уступала странам Западной Европы и

США, однако в процессе модернизации она, бесспорно, вышла на качественно новый уровень своего развития. Суть перемен, произошедших в почтовой системе в данный период сводится к следующему: из малозначительной для простого обывателя отрасли, основной функцией которой было содействие работе бюрократического аппарата, она превратилась в неотъемлемую часть повседневной жизни, расширявшую возможности и регионы общения людей и способствовавшую формированию принципиально нового информационного и культурного пространства.

Список литературы

1. Остряков А. Краткий очерк по истории всемирной и русской почты. – М.: 1924. – С. 96.
2. Статистический временник Российской Империи. Серия 2. Выпуск 5 – Спб., Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1872. – С. 3.
3. Оппенгейм К. А. Россия в дорожном отношении. – М.: 1920. – С. 46.
4. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. – Т. 2. – Спб., 1909. – С. 684.
5. Беспалов И. В., Шамин С. М. Почтовая связь // Большая российская энциклопедия. – Т. 27. – М.: 2015. – С. 319-322.
6. Базилевич К. В. Земская почта в России (1865 – 1917 гг.). – М.: Связь, 1926. – С. 36.
7. Об исключении из почтового ведомства детей нижних почтовых служителей, и об изменении некоторых служебных прав сих последних // ПСЗРИ. – II. Т. XXXV. – Спб., 1860. № 36373. – С. 421.
8. Об отмене обязательного определения в почтовую службу раненых штабов и обер-офицеров, добровольно отказавшихся от производства в офицеры // ПСЗРИ. Т. XLIII. – Спб., 1868. № 46597. – С. 799.
9. О разрешении определять на должности старших сортировщиков и разборщиков почтамтов и разъездных чиновников, сопровождающих почты по железным дорогам, в крайнем случае, лиц, не имеющих чинов // ПСЗРИ. – II. Т. XLV. – Спб., 1870. № 47684. – С. 3.
10. Об определении на некоторые должности по почтовому ведомству лиц, не имеющих чинов, или же не имеющих в общем порядке права на вступление в гражданскую службу // ПСЗРИ. – II. Т. XLVI. – Спб., 1871. № 50107. – С. 448.
11. О допущении женщин к службе в почтово-телеграфном ведомстве // ПСЗРИ – II. Т. XXIV. – Спб., 1871. № 2483. – С. 112.
12. Соркин Е. Б. Почта спешит к людям. – М.: Знание, 1977. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fmus.ru/article02/Sorkin.html#A7>
13. Адрианов С. А., Соколов Н. И., Славинский Н. Е. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. Почта и телеграф в XIX столетии. – Спб., Тип. М-ва внутренних дел, 1901. – С. 8.
14. Статистический ежегодник России 1914 г. (Год одиннадцатый). – Петроград: типография Штаба Петроградского военного округа, 1915. – С. 95.
15. Статистический временник Российской Империи. Серия 2. Выпуск 5. – Спб., Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1872. – С. 2.
16. Статистический ежегодник ... – Петроград: типография Штаба Петроградского военного округа, 1915. – С. 96.
17. Статистический временник... – Спб.: Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1872. – С. 3.
18. Остряков А. Краткий очерк ... – М., 1924. – С. 96.
19. Бухгейм Э. О. Очерк почтово-телеграфного дела в России и за границей. – М.: 1906. – С. 9.
20. Там же. – С. 7.

ДОНЕЦКИЙ ЭТАП НАУЧНОЙ РАБОТЫ ИСТОРИКА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ДОЛИНИНА

Носков В.Ю.¹, канд. ист. наук, *Твердохлеб А.Ю.²*

¹ГБУ «Институт изучения истории Донбасса», г. Донецк, ДНР

²ГПОУ «Донецкий медицинский колледж», г. Донецк, ДНР

n.v.vladimir@gmail.com, tverdokhlebanna@mail.ru

Введение. Среди видных ученых, имена которых связаны с историческим факультетом Донецкого университета, особое место занимает Николай Петрович Долинин (17 апреля 1906 г. – 17 октября 1968 г.) [1]. Его работы входят в число ведущих советских исследований социальных движений в России в начале XVII в.

Жизни и научной деятельности Н. П. Долинина посвятили статью В. Д. Мирончук и В. Ю. Медяник, однако его научную деятельность в Донецке они не рассматривали [2]. Кратко его роль в расширении исследовательской проблематики кафедры истории СССР ДонГУ определила Е. И. Федюн [3].

Цель данной работы – дать краткую характеристику жизненного пути Н. П. Долинина и проанализировать его основные научные достижения в период преподавательской работы в Донецке. Восстановить основные события его жизни и деятельности позволяют мемориальные публикации, наградные документы, научные работы Н. П. Долинина.

Основная часть. Судьба Николая Петровича во многом типична для людей его поколения. Выходец из беднейших слоев населения (родился в Ярославле, в семье дворника и прачки), он после окончания пединститута стал учителем, позже преподавал в вузах Иваново [1]. Ратный путь старшего лейтенанта Долинина в 1943–1945 гг. отмечен орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени. Был ранен, комиссован по инвалидности. В мирное время связал свою судьбу с исторической наукой. Он закончил курсы диссертантов при Академии общественных наук при ЦК КПСС, защитил в 1949 г. кандидатскую диссертацию на тему «Развитие общественной мысли в России в начале XVII в.», тема которой определила круг его научных интересов [4].

В 1949–1956 гг. работал в Днепропетровском университете. Донецкий этап его биографии охватывают 1957–1968 гг. В это время в рамках государственной политики превращения Донецка в крупный научный академический центр на работу в вузы и НИИ приглашаются опытные преподаватели, ученые, пединститут переходит на пятилетний срок обучения (1955 г.), а в 1965 г. преобразовывается в университет.

Годы работы на кафедре истории Сталинского (Донецкого) пединститута и на кафедре истории СССР ДонГУ стали наиболее плодотворным

временем научной работы Н. П. Долинина. Наиболее крупной опубликованной научной работой Долинина является монография, вышедшая в издательстве Харьковского университета, в которой он впервые рассмотрел значение борьбы «казацких таборов» князя Д. Трубецкого и И. Заруцкого против иностранных захватчиков в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. [5].

Исследовательскому стилю Н. П. Долинина присущи комплексный подход и тщательность в анализе источников. Его выводы о степени достоверности свидетельств иностранных авторов способствовали существенному пересмотру источниковой базы исследования восстания И. Болотникова и используются современными историками [6]. Долинин впервые ввел в научный оборот такой источник, как разрядный список 1618–1619 гг. поместных казаков Рязани, тем самым положив начало исследованию проблемы казачьего землевладения после Смутного времени, показав возникновение социальной категории «помещиков из казаков» [7].

В диапазон научных интересов исследователя входили самые сложные вопросы политической истории России начала XVII в., в частности роль патриарха Гермогена, обстоятельства гибели Прокопия Ляпунова, оценка личности Ивана Заруцкого [8]. О предложенных им трактовках продолжают спор и современные авторы [9, с. 40, 47].

Долинин пришел к обобщающему выводу о роли идеи казацкой республики в социальной программе крестьянской войны начала XVII в. Его он представил в форме доклада на научной конференции кафедр исторических наук ДонГУ в 1967 г. [10].

Итогом работы Долинина, сочетавшей широту «теоретической постановки проблемы с тщательной источниковедческой интерпретацией конкретного материала» (по оценке А. А. Зимина) [4, с. 251] стала подготовка к защите докторской диссертации «Классовая и национально-освободительная борьба в Русском государстве в конце 1610–1614 гг.». Защита уже готовой докторской диссертации не состоялась из-за внезапной смерти Николая Петровича. Текст диссертации хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки [11]. Этот труд наряду с опубликованными работами автора является важной частью отечественной историографии Смутного времени. Интерес к его работам особенно возрос в 2000-е годы в связи с острой общественной дискуссией по проблемам национального самосознания.

Заключение. Таким образом, Н. П. Долинин сыграл важную роль в превращении исторического факультета Донецкого государственного университета в центр системных научных исследований. Благодаря ему произошло расширение исследовательской проблематики, выход ее за региональные границы, обращение к средневековой истории России, включение в общесоюзную научную дискуссию по вопросам Смутного времени и укрепление научных связей с ведущими академическими центрами Москвы. Актуальным в наши дни является обобщенное осмысление

жизненного пути, преподавательского труда и научного наследия Николая Петровича Долинина.

Список литературы

1. М. П. Долінін [Некролог] // Університетські вісті. – 1969. – 19 жовтня.
2. Мирончук В. Д. Н. П. Долинин – неизвестный историк Днепропетровского университета / Мирончук В. Д., Медяник В. Ю. // Наддніпрянська Україна: історичні процеси, події, постаті. – 2014. – Вип. 12. – С. 223-228.
3. Федюн Е. И. Организация и развитие исторической науки в Донецком государственном университете (1950-е – 1980-е гг.) / Е. И. Федюн: дисс. канд. ист. наук: 07.00.02 – отечественная история. – Донецк, 2019. – 268 с.
4. Зимин А. А. Николай Петрович Долинин [Некролог] / А. А. Зимин. // История СССР. – 1969. – №2. – С. 251–252.
5. Долинин Н. П. Подмосковные полки («казацкие таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. / Н. П. Долинин. – Харьков: Харьковский гос. ун-т, 1958. – 130 с.
6. Долинин Н. П. К изучению иностранных источников о крестьянском восстании под руководством И. И. Болотникова 1606–1607 гг. / Н. П. Долинин // Международные связи России до XVII в.: сб. ст. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 462-490.
7. Долинин Н. П. Разрядный список 1618–1619 гг. поместных казаков Рязани / Н. П. Долинин // Археографический ежегодник за 1963 г. – М.: Изд-во АН СССР, 1964. – С. 397-408.
8. Долинин Н. П. К разбору версии правительства Михаила Романова о И. М. Заруцком / Н. П. Долинин // Археографический ежегодник за 1962 г. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 138-146.
9. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории / А. Л. Станиславский. – М.: Мысль, 1990. – 270 с.
10. Долинин Н. П. К вопросу о социальной программе крестьянской войны начала XVII в. / Н. П. Долинин // Материалы научной конференции кафедр исторических наук 25–27 декабря 1967 г. / Донецкий гос. ун-т. – Донецк–Харьков, 1968. – С. 187-195.
11. Долинин Н. П. Классовая и национально-освободительная борьба в Русском государстве в конце 1610–1614 гг.: дис. д-ра ист. наук, 1968. – РГБ ОР. – Ф. 218. – Д. 1355.

УДК 94(477):392

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАЗДНИКОВ НА РУБЕЖЕ 1980-х – 1990 х гг.

Пенькова О.Б.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
moruzhenko63@mail.ru

Введение. Становление, развитие и трансформация праздников и обрядности восточных славян аграрно-календарного цикла детально изучены и теоретически проанализированы в научной литературе, которую можно разделить на три основных пласта: философско-культурологи-

ческий [1], этнологический [2] и исторический [3]. В этнологической литературе эти праздники обозначаются как календарные, в философской – как религиозные, в исторической и культурологической – народные или традиционные. С нашей точки зрения определение «календарные» является более точным, т.к. оно отображает генезис этих праздников и семантику праздничной обрядности, их сопровождающих. Цель работы – на материалах Донбасса рассмотреть изменение отношения власти к этой сфере жизни общества на рубеже 1980-х – 1990-х годов.

Основная часть. С самого начала формирования советской праздничной культуры, проходившей в рамках атеистической политики молодого государства, к народным праздникам аграрно-календарного цикла отношение было исключительно как к религиозным. До 1960-х они находились под строжайшим запретом, за исключением Нового Года. Только после июньского 1963 года Пленума ЦК КПСС, в идеологической работе обозначилось принципиально новое направление в отношении календарных праздников [4]. Оно заключалось в трансформации некоторых из них (Масленицы, Ивана Купала). Предполагалось наполнение традиционных праздников социалистическим содержанием. Вместе с тем, эта политика никогда не распространялась на главные христианские праздники – Рождество и Пасху, в отношении которых сохранялась агрессивная запретно-карательная политика прошлых лет в «хрущевский» период и более мягкая в «брежневский» [5]. К восьмидесятым годам в СССР существовала устоявшаяся система общественных праздников, регламентируемых государством. 1 октября 1980 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О праздничных и памятных днях», подтвержденный Законом СССР 23 октября 1980 года, по которому в стране фиксировалось 8 общенародных праздников и 39 торжеств [6]. Среди них единственным праздником, имевшим календарный генезис, был Новый Год. Праздники, которые трактовались как религиозные официально не отмечали.

С начавшимися преобразованиями советской политической системы периода «перестройки», изменения произошли и в празднично-обрядовой сфере. С середины 1980-х годов в обществе проявлялись определенные тенденции. С одной стороны, шел процесс демократизации, открытости – «гласности», рушился идеологический контроль со стороны государства. С другой, в условиях нарастания экономических сложностей и социальной нестабильности, росли религиозные настроения, рос интерес к своим корням, к традиционной культуре, происходила определенная архаизация сознания. Эти процессы можно рассматривать как факторы изменения отношения властей и общества к календарно-аграрным праздникам.

В конце 1980-х годов, на излете своего существования советское государство признает религиозную, христианскую составляющую праздников календарного цикла. Главные христианские праздники Пасху и Рождество повсеместно начинают отмечать открыто и достаточно широко. За все годы советской власти такого не было никогда. Людям не

препятствуют посещать церковь и освящать пасхальные хлеба и яйца. По центральному телевидению в прямом эфире транслируют праздничные богослужения, которые сопровождаются комментариями священнослужителей, доходчиво просвещающих телезрителей в вопросах хода службы. К православной Пасхе пекарни выпекали «пасхальные калачи», которые под таким названием и поступали в продажу. Раньше они назывались «калач весенний». К Рождеству ежегодно на первом канале показывают новую концертную программу – «Рождественские встречи» Аллы Пугачевой. По материалам устной истории, именно в этот период начинается воцерковление многих респондентов [7].

После крушения СССР, тенденции, наметившиеся в период «перестройки» лишь усиливались. Главные православные праздники в России и в Украине получили поддержку на государственном уровне. В Украине с 1992 года стали выходными днями Рождество – 7 января и следующий за Пасхой понедельник. Выходным днем стала Троица (понедельник, следующий за Троицей). Их высокий статус праздничных дней с официальным оплачиваемым выходным был закреплён ещё Законом УССР (а не независимой Украины) от 20 марта 1991 года [8]. В Российской Федерации Рождество Христово также является нерабочим днем с 1991 года, а возможность сделать выходным следующий за Пасхой понедельник обсуждается в Государственной Думе уже несколько лет. Троица в России также выходным днем не считается. Празднование православных праздников широко освещалось в СМИ. По данным респондентов в начале 1990-х годов на повседневном уровне празднование главных православных праздников включало посещение храмов, освящение ритуальной еды (пасок и яиц на Пасху, яблок и меда на Спас и т.д.), а также отмечание с обязательным застольем в кругу семьи.

На рубеже 1980-х – 1990-х годов в городах Донбасса отмечают иудейские (Рош ха-Шана, Пурим, Ханука) и мусульманские – (Ураза-байрам и Курбан-байрам) праздники. Однако они не имели такой поддержки на государственном уровне как православные. Но и отмечать их не мешали. Празднование на повседневном уровне проходило достаточно широко. Это находило отображение в средствах массовой информации региона [9].

Заключение. Таким образом, советская государственная политика в отношении аграрно-календарных праздников, трактовавшихся как религиозные в конце 1980-х годов, изменилась кардинально: от запретов и преследований перешли к невмешательству в церковную жизнь и поддержке празднования. В 1990-е годы – это направление государственной политики получило дальнейшее развитие.

Список литературы

1. Угринович Д. М. Актуальные вопросы атеистического воспитания. – М.: Знание, 1981. – 40 с.; Руднев В. А. Обряды народные и обряды церковные – Л.: изд-во

- Ленинградского гос. ун-та, 1982. – 159 с.; Романова Н. С. Мировоззренческая функция социалистической обрядности – К.: Наукова думка, 1987. – 87 с.
2. Курочкін О. В. Новорічні свята українців: Традиції і сучасність. – К.: Наукова думка, 1978. – 190 с.; Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов XIX – начало XX вв. – М.: Наука, 1979 – 287 с.; Тульцева Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР. – М.: Наука, 1985. – 192 с.
 3. Генкин Д. М. Массовые праздники. – М.: Просвещение, 1975. – 98 с.; Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. – М.: Наука, 1978. – 392 с.; Бенифанд А. В. Праздник: сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1986. – 228 с.; Конович А. А. Театральные праздники и обряды в СССР. – М.: Высшая школа, 1990. – 208 с.
 4. Об очередных задачах идеологической работы партии: Постановление Пленума ЦК КПСС, 18 – 21 июня 1963 года // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 9-е изд., доп., испр. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 10. – С. 359.
 5. Пенькова О. Б. Традиції, свята та обрядовість населення Східної України в 1960-і – середині 1980-х рр.: державна політика та повсякденне життя: Дис...канд. іст. наук: 07.00.01. – Донецьк, 2006. – 264 с.
 6. Про праздничные и памятные дни: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1980 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1980. – № 41(2063). – С.853-854.
 7. Пустовит Татьяна Григорьевна, 1963 г. рождения, образование высшее, г. Донецк, беседа длилась 3 часа, запись сделана 4.01.2003 г.;
 8. Закон УССР №871-ХІІ от 20 марта 1991 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.calend.ru/holidays/ukraine/>
 9. Донецкая мечеть – всенародная стройка // «Весть», 7 апреля 1995 г.

УДК 94(47).084.6

РУКОВОДИТЕЛИ ОБЛАСТНЫХ ОТДЕЛОВ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА УРАЛЕ, РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В 1937–1938 гг.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЧИНОВНАЯ КАРЬЕРА

Попов М.В., д-р ист. наук, проф., **Суворов М.В.**, канд. ист. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»,
г. Екатеринбург, РФ
MVS-19771@ya.ru

Введение. В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. на Урал на работу в качестве руководителей областных отделов народного образования Наркомпросом РСФСР и ЦК ВКП(б) были направлены коммунисты из других районов страны, начавшие свою карьеру в качестве чиновников в сфере народного просвещения еще в 1920-е гг.: заведующий Уральским (с 1934 г. – Свердловским) облоно в 1927 г. был назначен И. А. Перель, Оренбургский облоно в 1935 г. возглавил П. П. Шапошников, который во второй половине 1920-х гг. был заведующим Сарапульским и Челябинским окружными отделами народного образования. Они стали жертвами

политических репрессий конца 1930-х гг. Сталинские репрессии были не обоснованы и преступны. Однако поводом для ареста и обвинений органами НКВД этих руководителей сферы образования были в том числе и факты их политических и чиновничьих биографий. Изучение этих фактов, когда в последнее время для историков стали доступны в качестве источников личные и следственные дела репрессированных чиновников позволяет расширить информацию, характеризующую руководителей областных образовательных ведомств и выявить ряд особенностей механизма репрессий в конце 1930-х гг.

Основная часть. И. А. Перель родился в 1891 г. в г. Вильно, в семье кустара [1, л. 14], работал педагогом. В дни свобод Первой русской революции он вступает в ряды всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России – Бунд. Был организатором рабочих кружков и вел активную пропагандистскую работу в гг. Вильно и Гомеле, состоял членом губкома и ЦК Бунд [4, л. 5]. В 1905 г. он был арестован за участие в нелегальном собрании, «сидел 1 месяц» [1, л. 14]. Однако большевиком он стал, лишь на исходе Гражданской войны, когда в апреле 1920 г. вступил в РКП(б). Это открыло школьному учителю путь к чиновничьей карьере в сфере просвещения. Уже в 1927 г. И.А. Перель возглавляет Уральский отдел народного образования. При этом он считал себя сторонником революционных методов и проводником идей классовой борьбы в деятельности вверенного ему ведомства. На совещании в Уралобкоме ВКП(б) при обсуждении уч. плана Уралоно на 1928/29 уч. г. Перель поддержал репрессии в отношении работников и специалистов угольной промышленности Донбасса (так называемое «Шахтинское дело») и заявил о необходимости проводить репрессивную кадровую политику в области просветительной работы для того, чтобы обеспечить воспитание подрастающей молодежи в духе идей непримиримой классовой борьбы [4, л. 1]. Однако не прошло и десятка лет как в жернова репрессий попадает сам руководитель Свердловского облоно. Летом 1937 И. А. Перель был приговорен к расстрелу [1, л. 13, 89]. Свою вину заведующий облоно признал полностью, хотя обвинения носили абсурдный характер – участие в контрреволюционной террористической организации правых на Урале и «подрывная» деятельность в народном образовании. Видимо роль сыграла его принадлежность в прошлом к Бунду и не рабоче-крестьянское происхождение чиновника. Сфабрикованные материалы следователи НКВД были приговорены впоследствии к высшей мере наказания за фальсификацию уголовных дел [1, л. 89]. В 1956 г. И. А. Перель был восстановлен в рядах КПСС посмертно [4, л. 14].

Что касается социального происхождения П.П. Шапошникова, то с точки зрения партийной идеологии оно вполне соответствовало требованиям, предъявляемым к советским чиновникам: родившийся в 1895 г. в селе Лазарево Иркутской губернии, Петр Прокопьевич был сыном крестьянина-бедняка [3, л. 2.]. Будущий руководитель облоно поступил на учительские

курсы, вскоре преобразованные в учительскую семинарию. До революции, в отличие от И. А. Переля, политикой Шапошников не занимался и лишь после прихода большевиков к власти в июне 1918 г. вступил в РКП(б). Работал сельским учителем Иркутской губернии. Подвергался репрессиям со стороны белогвардейцев, установивших свою власть в Сибири. В конце мая 1919 г. Петр Прокопьевич уехал в Курган, где стал членом уездного ревкома, а с 1920 по 1923 г. служил в Красной армии. После демобилизации в 1923 г. он работал зав. политпросветотделом Челябинского губоно, затем директором педтехникума в Челябинске, а в 1926–1927 гг. Шапошников уже заведующий Челябинским окружным отделом народного образования. Вскоре чиновника назначают на должность зав. Сарапульского окроно, которую он занимал вплоть до сентября 1930 г. [3, л. 4.]. Молодой коммунист принимает активное участие в политической жизни: в 1921 г. он в качестве делегата присутствовал на заседаниях X съезда РКП(б), в 1924 г. Шапошников занимал пост ответственного секретаря Челябинского горкома партии большевиков. Однако в этот период Петр Прокопьевич в ходе внутрипартийной дискуссии выступил на стороне «троцкистской» оппозиции, поддержав доклад секретаря Уралобкома РКП(б) М. М. Харитонов [3, л. 5, 7]. В своей автобиографии П. П. Шапошников пишет, о том, что в 1927–1930 гг., «вел борьбу с троцкистской оппозицией в Сарапуле» [3, л. 7.]. В сентябре 1930 г. молодой чиновник был направлен на учебу в Академию коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, которую он закончил в 1932 г. и затем прошел обучение в аспирантуре Высшего коммунистического института просвещения. Безупречное социальное происхождение, активное участие в Гражданской войне, на стороне большевиков, несомненные деловые качества, признание своих «ошибок» обусловили доверие партийного аппарата к молодому коммунисту. Поэтому, несмотря на прошлые «отклонения от партийной линии», П. П. Шапошников, обучаясь в московской аспирантуре, успешно прошел партчистку в 1933 г. [3, л. 5.]. В декабре 1934 г. Шапошников был, «мобилизован» в г. Оренбург на должность заведующего облоно [3, л. 5.]. Однако осенью 1937 г. он был арестован, обвинен в антисоветской деятельности и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

Заключение. Менее трех лет продолжалась работа Шапошникова на посту руководителя областного ведомства. Конечно, поводом для необоснованных обвинений во враждебной деятельности чиновника могли быть и недостатки в работе органов народного просвещения в Оренбургской области о которых в 1938 г. писала Н. К. Крупская [2, л. 38.]. Однако следственными и судебными органами в вину Шапошникову вменялось и «троцкистское» прошлое чиновника – точнее проявленное им в середине 1920-х гг. сомнение в правильности политики сталинского руководства в стране. Конечно, ни то, ни другое не являлось преступлением и обвинения в адрес Петра Прокопьевича были сфальсифицированы, и в марте 1957 г. П. П. Шапошников был реабилитирован.

Список литературы

1. Государственный архив административных органов власти Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 19268 т-1.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5088.
3. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 371. Оп. 28. Д. 3218.
4. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 63. Д. 2030.

УДК 94(477.6)(=19) «1992/2021»

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ ДОНБАССА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1992–2021 гг.)

Саакян И.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Saakyan-inna@mail.ru

Введение. Донбасс – многонациональный регион, с присущим только ему разнообразием языков, наречий, культур и народных традиций. Изучение становления армянских культурно-просветительских обществ на территории Донбасса в конце XX – начале XXI вв. является целью данной работы.

Предмет исследования – процесс возрождения и поэтапное становление армянских национальных объединений Донбасса. Выбор хронологических рамок объясняется необходимостью исследовать развитие общин после развала Советского государства до современности и является актуальным в связи с тем, что она мало изучена.

В научной литературе данная проблема получила определенное освещение в работах Хачванкяна В. В. [1], Пеньковой О. Б. [8], Швецова М. Л. [9].

Основу предлагаемой работы составляют полевые тетради, устные источники, а также фонды Государственного архива Донецкой Народной Республики.

Основная часть. Начавшийся в 1990-е годы процесс демократизации в бывших республиках СССР способствовал созданию обществ национальных культур, вызвавший подъем национального самосознания, возникновению воскресных школ, церквей, газет и журналов. В Донбассе, где в советскую эпоху многие армяне вписали свои имена в создание и развитие экономики, науки и культуры края, возрождают утраченную в годы Великой Отечественной войны возможность функционирования армянских воскресных школ. Начался процесс создания национальных общественных объединений.

Начало первого этапа (1992–1995 гг.) становления Донецкого областного Общества армян (ДООА) считают 21 марта 1992 г. В этот день армянское культурно-просветительское общество «Наири» получило юридическую регистрацию. Председателем «Наири» был избран горный инженер-механик Беник Чилингарян – руководил до 1995 г. [1].

На втором этапе (1995–1998 гг.) на основе культурно-просветительского общества «Наири» было создано областное Общество армян. Председателем его стал профессор Владимир Гусак, армянин по отцу (1939–2002 гг.). Значимым событием данного этапа развития ДООА стала закладка фундамента (7 сентября 1997 г.) первой на Донбассе Армянской Апостольской Православной церкви.

Третий этап (1999–2002 гг.) формирования армянской диаспоры в Донбассе связан с именем нового председателя ДООА – предпринимателем Газаряном Анатолием Завеновичем.

В эти годы армянское население Донецкой области значительно увеличилось. В регионе стихийно возникали разрозненные общины. Для сохранения национального языка, родной культуры и традиций их нужно было объединить. К 2002 г. были созданы региональные представительства в Мариуполе, Макеевке, Селидово, Краматорске, Константиновке [1].

Материалы фондов Государственного архива Донецкой Народной Республики свидетельствуют, что в списках общественных организаций национальных меньшинств 2000 года в городе Краматорске зарегистрирована «Армянская община города Краматорска» – статус городской. Председателем общины стал Ванесян Коля Ваганович [2].

В 2001 г. в городе Константиновка зарегистрировано «Региональное представительство армян», которое имеет статус городского. Председателем был избран Богдасарян Арам Норикович [3].

Четвертый этап охватывает 2002–2018 гг. В декабре 2002 г. состоялись выборы членов правления и председателя Общества. Единогласно председателем правления ДООА был избран Чахоян Эдвард Леонович. Он с 1997 г. являлся членом правления Донецкого областного Общества армян и председателем Селидовского городского общества армян. Важным было еще одно решение: впервые в ДООА был создан Религиозный Совет, его председателем делегаты единогласно избрали предпринимателя Григоряна Гагика Завеновича [4].

Председателем Донецкого областного Общества армян в 2010 году еще раз был избран Газарян Анатолий Завенович, который сменил Чахояна Э. Л. на этом посту. С 2013 года ДООА возглавлял Агавелян Гагик Шаваршович [5].

В середине ноября 2018 года Агавелян Г.Ш. подал в отставку. Первого декабря 2018 года состоялось собрание армянской общины в городе Донецке. Цель – избрание председателя армянской общины. Итог – сформировать для руководства общиной единый Совет. В его состав вошли члены Религиозного Совета и Армянской Общины ДНР, всего 18 человек.

Было достигнуто соглашение: по завершению обсуждения всех вопросов решения принимать только путем голосования [6].

Видимо, такие кардинальные изменения положат начало новому, пятому этапу развития армянской диаспоры в нашем регионе.

Луганское армянское национально-культурное общество «Крунк» (журавль) было организовано в 1994 году. Официально оно зарегистрировано 10 сентября 1998 г.

Первым председателем общества был избран доцент Ашот Петросян. После его смерти «Крунк» возглавил Яша Даниелян.

Деятельность Луганского Общества заметно активизировалась, когда ее возглавил предприниматель Андреасян Карен Гургенович – был избран единогласно на конференции, состоявшейся в феврале 1999 года.

10 сентября 2001 г. под его руководством был заложен первый камень фундамента часовни «Сурб Мариам Аствацацин» в городе Луганске. На собственные средства Карен Андреасян построил армянский центр, где и нашло свой кров общество «Крунк» [1]. В последние годы, до военно-политических событий 2014 года, когда деятельность «Крунка» будет приостановлена, общество возглавлял Андреасян Аршак Овагимович. В феврале 2017 года в городе Луганске был официально открыт Армянский национальный культурный центр «Урарту», председателем которого является Вардан Айрапетян [7].

На всех этапах развития деятельность армянских Общин Донбасса была направлена на то, чтобы способствовать сплочению всех слоев армянского населения, укреплять их единство, двигаться в ногу с новыми вызовами современности.

Заключение. Таким образом армянские Общины Донбасса, по состоянию на август 2021 года, продолжают свою традиционную организационную и культурно-просветительскую деятельность.

Список литературы

1. Хачванкян В. В. Донецкому областному Обществу армян 10 лет / В. В. Хачванкян // Армянский вестник Наири. Газета армянской диаспоры Донбасса. – Донецк, 2002. – №2. – С. 3-4.
2. Государственный архив ДНР (далее ГА ДНР). – Ф. Р-4021. Оп. 1 доп. Д. 24. Л. 67.
3. ГА ДНР – Ф. Р-4021. Оп. 1 доп. Д. 24. Л. 61.
4. Хачванкян В. В. Подводим итоги / В. В. Хачванкян // Армянский вестник Наири. Газета армянской диаспоры Донбасса. – Донецк, 2003. – №1. – С. 3-4.
5. Интервью. Настоятель Армянской Апостольской Православной Церкви Донбасса священник Тер-Юсик Нуридджанян, 1980 г. рождения, образование высшее, г. Макеевка, беседа длилась 30 мин., запись сделана 06.01.2016 г.
6. ПМА – Полевые материалы автора. Город Донецк, ул. 50-летия СССР 104, МОУ «Школа №9», 1 декабря 2018 г.
7. Армянский культурный центр «Урарту» открылся... [Электронный ресурс] – URL: gtrklmr.com»Фев»...-kulturnyj- centr-urartu... (дата обращения: 30.03.2020 г.).
8. Пенькова О. Б. Армяне Донбасса: идентичность и субъективный образ в сознании современных жителей региона / О. Б. Пенькова // Армяне Донбасса, Крыма и Дона.

- (Историко-этнокультурное развитие армян X–XXI века): Материалы международного круглого стола. – Донецк: ООО «Технопарк ДонНТУ УНИТЕХ», 2019. – С. 101-106.
9. Швецов М. Л. Армяне Юго-Востока Украины (вопросы и проблемы) / М. Л. Швецов // Армяне Юго-Востока Украины и Восточной Европы (Историко-этнокультурное развитие армян Украины XV-XX века): Материалы международного круглого стола. – Донецк: «Ноулидж» (донецкое отделение), 2009. – С. 48-66.

УДК 94(430):331-027.557:314.1((47+57)-074)

ЭТАПИРОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В ГЕРМАНИЮ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ БЫВШИХ УЗНИКОВ)

Саенко А.С., Шкрибитько Е.А. канд. ист. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
saencko.anton.2015@yandex.ru, shela28@gmail.com

Введение. Одной из наименее изученных сторон истории Второй мировой войны являются немецкие концентрационные лагеря. Для перевозки узников к местам лишения свободы нацисты использовали железнодорожный транспорт. Депортации таких масштабов требовали слаженной работы многих правительственных ведомств Германии. Но раскрыть особенности условий угона в Рейх, детализировать имеющуюся информацию, позволяют воспоминания бывших заключенных.

Основная часть. 20 февраля 1942 года немецкое командование разработало «Общие положения о вербовании и использовании рабочей силы с Востока». Инструкции предусматривали, что на оккупированных территориях создавались специальные лагеря, где отобранные для отправки работники проходили медосмотр и проверку на благонадежность. Отправляли работников в отдельных замкнутых транспортах под охраной полиции. Потом работники проходили карантинные лагеря на границе Германии, а после через пересыльные лагеря направлялись к местам работы.

«Достойные условия» для «желающих выехать» на работу в Рейх создавались уже на оккупированной территории. Пересыльные лагеря размещали в основном в крупных городах. Пересыльных кормили один раз в день редкой юшкой без картошки, а также давали по 20 граммов хлеба. Людей били за малейшие провинности, садили в камеры за решеткой. Спать пересыльщики вынуждены были просто на полу. На стенах двух таких казарм (мужской и женской), которые находились на территории пересыльного лагеря в Киеве по улице Львовской №24, остались надписи тех, кто здесь пребывал: «Тут мы находились две недели, мучились, ели баланду один раз в день, а клопы ночью не давали нам покоя. Может быть еще будем мучиться две недели – кто знает? Прощайте, наши товарищи, не

попадайте сюда, выкручивайтесь! Заиграйте медные трубы, оставайтесь здоровыми, украинские люди... Выехали 31 августа». «Прощай, Украина! Ты будешь свободной, а мы едем в проклятую Германию. Цвет Украины забирают немцы». «Здесь сидели девушки, на этом окне, и думали, как сбежать домой. Пусть живет родной дом!» [1].

Путь на Запад для восточных рабочих начинался с поездки в вагонах для скота. Количество людей, загнанных в один вагон было таким, что хватало места только для сидения, а чаще всего ехать в таких вагонах получалось только стоя [2]. На пол, в лучшем случае, бросали пучки соломы. Иногда вагоны не открывали по несколько дней, до станции прибытия. По воспоминаниям одного из остарбайтеров в дороге только на седьмой день пассажирам дали полкило черствого хлеба, а воды не давали совсем [3]. Хотя – были исключения. На первом этапе вывоза работников с Востока на станции пассажиров кормили хлебом и колбасой. Некоторые бывшие остарбайтеры вспоминают, что на пути в Германию им давали густой суп и хлеб [4].

Газета «Правда» в 1943 г. давала и такой факт: «Для того, чтобы предупредить попытки несчастных людей бежать по дороге, немецкое командование установило неслыханный порядок перевозки насильно мобилизованных советских граждан. Приказ по 18-й немецкой армии, подписанный Линдеманом, обязывает одевать на мужчин и женщин, которых перевозят, кандалы» [5].

Сбежав 8 октября 1943 г. из Германии, В. П. Велошкурский, 1924 года рождения, житель села Средне-Теплое, Верхне-теплянского района Ворошиловградской области, вспоминал: «В дороге немецкие солдаты нас били. Я видел сам, когда наши подростки выбегали на станции попить воды, но солдаты их били. Избиениям подвергались также мобилизованные девушки, их загоняли в вагоны и закрывали на замки. Гражданское население Германии обижало нас, сыпали в глаза песок и бросали камни, а дети дразнили нас словами «русские свиньи». Наш эшелон находился в дороге 12 дней. 18 сентября 1942 г. мы прибыли в немецкий город Галле. Когда мы прибыли, нас построили, пришли немецкие барышни, начали выбирать себе девушек в рабыни» [6].

Во время перевозки люди даже не имели возможности справить обычные природные потребности. Иногда эшелон останавливали в поле, окружали участок военными и выгоняли на этот участок мужчин и женщин. По воспоминаниям бывших узников люди, которых перевозили в таких ужасных условиях, уже не стеснялись друг друга. А иногда прямо в центре вагона проделывали дырку, которая и служила туалетом [7].

Зимой вагоны не отапливались, поэтому часто из вагонов при прибытии на станцию назначения приходилось выгружать трупы.

Часто на территории Польши, вспоминают бывшие «остарбайтеры», эшелоны останавливали и проводили дезинфекцию. Людей выводили из вагонов, отправляли в баню, где те мылись мыльным раствором. На таких

станциях проводили и учет рабочей силы – на людей надевали номера, иногда номера просто держали в руках, и фотографировали для учетных карточек [8].

Во время перевозки много людей не оставляли надежды сбежать из «трудового плена». Некоторым смельчакам удавалось удариться в бег прямо из эшелонов, которые направлялись в Рейх, а кто-то делал это не один раз. Так полтавчанин Е. Чекай бежал с дороги 12 раз [9].

Поскольку такие факты были нередкими, немцы всецело с этим боролись: когда в одном из вагонов на станции Цветоха Каменец-Подольской области сбежали несколько пассажиров, то по прибытии на станцию Славута немцы расстреляли нескольких пойманных беглецов и 33 юноши, которых везли на работу [10].

Педантичные немцы даже высчитали, сколько стоило немецкой власти перевезти одного работника. Предприятие, которое брало работника, должно было вернуть государству потраченные деньги, а работник, приступивший к работе, был обязан вернуть эти затраты предприятию. Так, с металлургического завода Кайзер Берлинская биржа труда в октябре 1942 года взыскивала за перевозку одного работника сборы в таких расчетах:

- за вербовку и доставку до немецкой приграничной зоны – 8 рейхсмарок;

- транспортные затраты от немецкой приграничной станции до Берлина – 20,6 рейхсмарок;

- сбор непредвиденных расходов до момента передачи – 3 рейхсмарки.

Итак, общая сумма доставки одного работника предприятиях обходилась в 31,6 марки. Кроме того, учреждение, которое получало работника, оплачивало разрешение на трудоустройство в сумме 3,5 рейхсмарки и разрешение на трудовую деятельность – 5 марок [11].

Известно, что вся эта сумма удерживалась предприятием из заработной платы работников.

Нарастающий дефицит рабочей силы в Рейхе заставлял увеличивать набор иностранных рабочих для труда в Германии. Однако, с середины 1942 года желающих поехать на работы в Рейх становится все меньше. Слишком большим был разрыв между обещаниями европейской жизни и прелестями труда за границей и реалиями жизни оstarбайтеров, которые больше напоминали жизнь пленных.

Заключение. Таким образом, перевозка невольников к основным местам заключения проходила в непригодных условиях, что приводило к трагическим последствиям для узников.

Список литературы

1. Немецко-фашистский оккупационный режим на Украине: Сб. док. и материалов. – К., 1963. – 412 с.

2. Вернувшиеся из ада. О судьбах наших земляков, жителей Дона, ставших узниками фашистских концентрационных лагерей. – Ростов-на-Дону: АО «Цветная печать», 2001. – 320 с.
3. Там же. – С. 42.
4. Непридуманное. Устные истории остарбайтеров / Автор-сост. Г. Г. Гринченко. – Харьков: Издательский дом «Райдер», 2004. – 249 с.
5. Немецко-фашистский оккупационный режим на Украине. – С. 103.
6. Вернувшиеся из ада. – С. 77.
7. Непридуманное. Устные истории остарбайтеров. – С. 188.
8. Там же. – С. 148.
9. Безсмертя. Книга Пам'яті України. 1941 – 1945. – К.: Пошуково-видавниче агентство «Книга Пам'яті України», 2000. – 486 с.
10. Першина Т. Фашистский геноцид на Украине 1941 – 1944. – К.: Наукова думка, 1985. – 314 с.
11. Там же. – С. 102.

УДК 94(438).081:061.21

МОРСКАЯ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ЛИГА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (1930–1939)

Сайганов В.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
saiganov_vadim@mail.ru

Введение. После восстановления независимости в 1918 году, в польской общественной жизни появилось совершенно новое направление – колониальное. Несмотря на то, что раздел «колониального пирога» был почти полностью завершен еще в XIX веке, именно Польша из всех вновь образованных государств Центральной Европы активно претендовала на получение заморских территорий.

Специфика польских колониальных амбиций состояла в том, что они привели к появлению крупных общественных организаций, которые получали государственную поддержку, а также научных учреждений и средств периодической печати. Морская и Колониальная Лига (далее – МиКЛ) стала наиболее крупной и влиятельной из них, во многом определяя почти всю деятельности внутри страны, связанную с колониями.

Среди работ, посвященных истории Морской и Колониальной Лиги, можно выделить «Liga Morska i Kolonialna 1930–1939» Тадеуша Бяласа [1], где подробно охарактеризована ее история происхождения и развитие. Следует обратить внимание и на работы «Kultury Afryki a działania naukowo-oświatowe Ligi Morskiej i Kolonialnej» [2], «Ludy Zamorskich Łądów. Kultury pozaeuropejskie, a działalność popularyzatorska Ligi Morskiej i Kolonialnej» [3] Анны Надольской-Стычиньской, которые посвящены научным, образовательным и культурным аспектам деятельности органи-

зации. Основными источниками по теме являются выпуски газеты «Morze» и журнала «Sprawy Morskie i Kolonjalne», являвшиеся официальными печатными органами МиКЛ, а также «Program Ligi Morskiej i Kolonjalnej» авторства первого ее руководителя Густава Орлича-Дрешера [4], в которой излагались цели деятельности и организационная структура.

Основная часть. Морская и Колониальная Лига была официально основана в 1930 году. История организаций-предшественников уходит корнями гораздо глубже в межвоенную эпоху. 1 октября 1918 года появилось Stowarzyszenie na Polu Rozwoju Żeglugi «Bandera Polska» (Общество на поприще развития судоходства «Польский флаг»), которое стало первой организацией в стране, связанно с морским и речным судоходством [1]. Вскоре оно изменило название, и под именем Liga Żeglugi Polskiej («Лига Польской Навигации») было создано в 1919 году для «содействия развитию польских водных путей, портов и польской навигации» [5]. Затем, в 1924 году, на базе данного общества была образована Liga Morska i Rzeczna («Морская и Речная Лига») [6]. Уставы этих организаций практически полностью повторяли друг друга. Позднее, в 1930 году, появилась собственно МиКЛ, которая своей прямой целью декларировала «способствование развитию и популяризации колониальной активности», ее финансирование, а также «приобретение заморских территорий для обеспечения экономической и миграционной экспансии Польши» и «физическое и духовное воспитание молодежи (водный спорт и туризм) на внутренних водах и море» [7].

Организационно МиКЛ состояла из отделений, районов (в повяте или городе) и округов (в воеводстве или городе), имела свой Общий Съезд Делегатов, Главное Правление с отделами (морской, колониальный и внутреннего судоходства) и Всеобщий Съезд [4] [7].

Несмотря на зафиксированную в уставе организации аполитичность, в действительности связь МиКЛ с правительством была явной. Первым ее руководителем стал генерал бригады Густав Орлич-Дрешер – близкий соратник Пилсудского. На заседаниях МиКЛ часто присутствовали члены правительства, а в разное время ее почетным членом являлся, к примеру, президент Польши Игнаций Мосцицкий [1].

Демонстрацией влияния и серьезной роли Морской и Колониальной Лиги в польском обществе может являться постоянное проведение праздника «Święto Morza». С 1932 года в Гдыне это мероприятие, также известное как «Дни моря», проводилось с целью популяризации военно-морских сил Польши, морской и колониальной тематики среди жителей страны. Как правило, здесь присутствовали президент и премьер-министр, ряд гражданских и военных чинов, а также сотни тысяч граждан [1].

В 1933 году был создан Фонд Морской Обороны, в который при активном содействии МиКЛ удалось за четыре года собрать около восьми миллионов злотых, переданных на строительство подводной лодки ORP

Orzeł – из общей суммы строительства в двадцать пять миллионов, а затем еще два с половиной миллиона на строительство польских эсминцев [1].

Упомянутые в начале печатные издания организации выходили тиражом до ста сорока тысяч экземпляров и были посвящены информированию польского общества о событиях в колониях [8], строительству гражданского и военного флота [9], пропаганде интереса к колониям и морю среди польской молодежи [10]. Серьезное внимание уделялось и аргументации тезиса о необходимости колоний для Польши в экономическом, социальном и даже политическом плане [11]. Помимо этого, предлагался обзор публикаций в иностранной прессе о колониальных событиях [12]. Следует отметить, что «Morze» и «Sprawy Morskie i Kolonialne» не являлись единственными изданиями МиКЛ – существовали также нерегулярные газеты и журналы, а также печатные органы местных отделений организации [1]. Такая активность обеспечила серьезный рост количества членов Морской и Колониальной Лиги – если в 1933 году в ее рядах состояло 70.630 человек, то к 1939 году их насчитывалось 992.780 [1].

Заключение. Таким образом, роль Морской и Колониальной Лиги во внутригосударственной пропаганде вопроса о колониях для Польши в межвоенный период являлась ключевой.

Список литературы

1. Białas T. Liga Morska i Kolonialna 1930–1939. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1983. 293 s.
2. Nadolska-Styczyńska A. Kultury Afryki a działania naukowo-oświatowe Ligi Morskiej i Kolonialnej // Prace Komisji Historii Nauki Polskiej Akademii Umiejętności, Tom VIII, 2007. s. 181-206.
3. Nadolska-Styczyńska A. Ludy zamorskich lądów: kultury pozaeuropejskie a działalność popularyzatorska Ligi Morskiej i Kolonialnej. Wrocław: PTL, 2005. 235 s.
4. Orlicz-Dreszer G. Program Ligi Morskiej i Kolonialnej. Warszawa: Instytut Wydawniczy Ligi Morskiej i Kolonialnej, 1933.
5. Statut towarzystwa "Liga Żegluga Polskiej" // Biblioteka Cyfrowa "Polona". 1919. URL: <https://polona.pl/item/statut-towarzystwa-liga-zegluga-polskiej,NzAyNjA2MTg/1/#info:metadata> (дата обращения: 11.09.2021).
6. Liga Morska i Rzeczna: statut // Biblioteka Cyfrowa "Polona". 1924. URL: <https://polona.pl/item/liga-morska-i-rzeczna-statut,NzAyNjA1OTQ/3/#info:metadata> (дата обращения: 11.09.2021).
7. Statut Ligi Morskiej i Kolonialnej // Baltic Digital Library. 1935. URL: <http://www.bibliotekacyfrowa.eu/dlibra/show-content/publication/63503/edition/58105/> (дата обращения: 11.09.2021).
8. Pindor K. Idea mandatowa w świecie kolonialnym // Sprawy Morskie i Kolonialne, nr 1-2, 1937. s. 106-114.
9. Rostkowski F. Budujmy flotę handlową // Morze. 1924. nr 1. s. 3.
10. Program wychowania wodnego dla Kół Szkolnych L. M. K. // Sprawy Morskie i Kolonialne, nr 3, 1935. s. 130-137.
11. Pawłowski S. Kolonje // Sprawy Morskie i Kolonialne, nr 2, 1934. s. 5-12.
12. Przegląd prasy zagranicznej // Sprawy Morskie i Kolonialne, nr 3, 1935. s. 201-218.

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОСНОВ МАЛОГО БИЗНЕСА НА УКРАИНЕ В НАЧАЛЕ 1990-х гг.

Саржан А.А., д-р ист. наук, проф.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, ДНР
ist@donntu.org

Введение. Опыт стран с развитыми рыночными отношениями свидетельствует, что от эффективности работы малых производственных структур во многом зависит пополнение местных бюджетов, ликвидация дефицита на потребительском рынке, формирование новых рабочих мест.

Основная часть. Малый бизнес, как новый вид хозяйствования, в 1990-е годы прошел сложный организационный путь становления и развития, в ходе которого сформировались и утвердились определенные характерные тенденции предпринимательской деятельности, обозначились приоритетные сферы и направления хозяйствования, в обществе утвердилось мнение относительно их деятельности. Известно, что период наиболее интенсивного развития кооперативного движения в регионе, и в стране в целом, пришелся на конец 1980-х – начало 1990-х годов. Именно кооперативы стали первыми негосударственными организационно-правовыми формами на этапе формирования новой системы хозяйствования. Однако уже в первой половине 1990-х годов кооперативы утратили свое лидирующее положение.

С началом проведения масштабной экономической реформы значительное распространение получил такой новый тип хозяйственных структур, как малое предприятие. Надо отметить, что в законодательстве не предусмотрена такая организационно-правовая форма собственности, как «малое предприятие». Термин «малое» свидетельствует лишь о небольших размерах предприятия по численности его работников, объему производимой продукции или по другим параметрам деятельности, устанавливаемым в законах и нормативных актах. Малые предприятия могут создаваться в различных организационно-правовых формах (в виде акционерных обществ, товариществ, обществ с ограниченной ответственностью и др.), которые обычно определяют его учредители, а также на основе любых форм собственности. Мировой опыт свидетельствует, что в разных странах вопрос о критериях классификации предприятий решается по-разному. В Италии, например, основными критериями являются численность работающих на предприятии и объем его основного капитала, в Германии основой определения предприятия в качестве малого или среднего является концепция единства права собственности и непосредственности управления предприятием [1].

В истории развития малого предпринимательства на Украине в 1990-е годы можно выделить два периода. Первый (1991–1995 гг.) – это годы

формирования законодательно-правовой базы малого предпринимательства, становления и бурного развития организационных структур новых форм хозяйствования, которые пытались найти свое место в рыночной экономике. При этом, не оказывая особого влияния на стабилизацию экономического положения в регионе, многие из них, пользуясь несовершенством законодательной базы, стремились получить быстрые и неоправданно большие доходы. В этот период особо бурная предпринимательская активность наблюдалась в торгово-посреднической сфере. Однако уже к 1995 г. подобные возможности в целом были исчерпаны. Во втором периоде (1996–1999 гг.) происходят внутренние изменения в динамике и структуре малого предпринимательства, замедляется количественный рост предприятий, трансформируется их отраслевая сеть.

В СССР необходимость разработки нормативно-правовой базы в целях формирования необходимых условий для ускоренного развития сети малых предприятий впервые была сформулирована в постановлении Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. «О Концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР» [2]. В нем, в частности, подчеркивалась приоритетность разработки и введения в действие Советом Министров СССР нормативных актов о «развитии малых предприятий, о свободе хозяйственной деятельности и предпринимательстве...». Выполняя это решение, Совет Министров СССР 8 августа 1990 г. принимает постановление «О мерах по созданию и развитию малых предприятий» [3]. Идентичное постановление 22 сентября 1990 г. принимает Совет Министров УССР [4]. В нем подчеркнуто, что одной из важнейших мер по ускорению экономической реформы является «формирование экономической среды, обеспечивающей широкое развитие малых предприятий». Органам власти всех уровней предписывалось оказывать малым предприятиям содействие в их создании и материально-техническом обеспечении. Для организации их работы разрешалось передавать, продавать и сдавать в аренду свободные производственные мощности, неиспользуемые машины и оборудование. Первоочередными задачами, которые должны были решать малые предприятия, являлись: производство товаров народного потребления и оказание бытовых услуг населению, наращивание производства строительных материалов и др. продукции. Малые предприятия могли создаваться во всех отраслях народного хозяйства на основе любых форм собственности.

Этими постановлениями были определены критерии, в соответствии с которыми предприятие относилось к категории малого. Основным критерием классификации являлась максимальная численность работников, занятых на предприятии в зависимости от отрасли. К малым предприятиям относились вновь создаваемые и действующие предприятия: в промышленности и строительстве – с численностью работающих до 200 человек; в науке и научном обслуживании – с численностью до 100 человек; в других отраслях производственной сферы – с численностью до 50 человек; в

отраслях непродуцтвенной сферы – с численностью до 25 человек; в розничной торговле – с численностью работающих до 15 человек.

Постановления предоставляли широкие возможности для организации малых предприятий. Они могли создаваться отдельными гражданами, членами семьи и другими лицами, совместно ведущими трудовое хозяйство, а также государственными, арендными, коллективными и другими предприятиями, государственными органами и общественными организациями, кооперативами и другими структурами.

Заключение. Создание и развитие малого предпринимательства рассматривалось как одна из важнейших общегосударственных задач. Центральным и местным органам власти, государственным предприятиям рекомендовалось активно сотрудничать и способствовать различным объединениям малых предприятий с целью их ориентации на первоочередное решение региональных задач, связанных прежде всего с насыщением рынка потребительскими товарами и предоставлением населению разнообразных услуг. Предприятиям и организациям рекомендовалось обеспечить организацию продажи материалов, изделий и оборудования малым предприятиям, неликвидов и сверхнормативных запасов товарно-материальных ценностей.

Список литературы

1. Становлення і розвиток малого бізнесу в регіоні: Колективна монографія / За заг. редакцією Н. І. Редіної. – Дніпропетровськ: ДДФА, 2008. – С. 32.
2. О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР. Постановление Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. [Электронный ресурс] / URL: <http://www.economics.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data01/tex10850.hm>
3. О мерах по созданию и развитию малых предприятий. Постановление Совета Министров СССР от 8 августа 1990 г. [Электронный ресурс] / URL: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_.html
4. Про заходи щодо створення та розвитку малих підприємств. Постанова Ради Міністрів УРСР від 22 вересня 1990 р. [Электронный ресурс] / URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/278-90-%D0%BF/print>

УДК 93/94

ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В СВЕТЕ ЕГО ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ

Сичинава В.В., канд. филол. наук, доц.

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, РФ
orechovaya@mail.ru

Введение. Идеи по созданию «нового человека», его осмыслению и трансформации можно обнаружить на протяжении всей человеческой

истории. Так, в христианской культуре был сформирован образец новой личности, готовой к самопожертвованию и самоотречению; далее в Новое время появляется человек, свободный от оков религии, он приближен к идеям индивидуальности и даже уникальности, осмысливается как достойный сам по себе. В XX века также формируются новые типы человека своего времени, нередко доведенные до крайней степени, как это произошло в Германии. Нас же интересуют результаты такого взращивания «лучших представителей» своего народа с 1917 по 1930 гг., что выражалось как в идеологических установках, так нередко и в физических изменениях, рабочих отношениях.

Основная часть. На материале примеров употребления понятия «новый человек», найденных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), стало известно, что к осмыслению данной проблемы обращались политические деятели, партийные работники, педагоги, историки, писатели, поэты и многие известные личности начала XX века. В период с 1917 по 1930 гг. над понятием «новый человек» достаточно серьезно размышляют: оно получает свои развернутые трактовки, вследствие чего можно говорить о его концептуальном воплощении. По словам Ю.С. Степанова, концепт – это «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [1; 42]. Опишем некоторые составляющие концепта «новый человек» через представление процесса и причин появления нового типа человека.

Среди лексем, которые упоминаются для описывания самого процесса появления «новых людей», можно отметить следующие: *рождение, создание, перепроизводство* (М. Пришвин), *созидание, воспитание*. Особенно интересен, на наш взгляд, именно процесс воспитания, который подразумевает не спонтанное появление, не рабочий, механический процесс, а именно постепенное приобретение определенных черт, которые сложатся в образ нового человека. В словаре находим: «Навыки поведения, привитые семьей, школой, средой и проявляющиеся в общественной и личной жизни» [2]. Воспитание «нового человека» проходит разными способами и методами. По мнению Ю. Ларина, в 1930-х гг. «наступает возможность *успешного воспитания* социалистического нового человека и *из бывших мелких земледельцев и их детей*» [3]. Кроме того, акцент делается и на всесторонности данного процесса (не только воспитание детей, но и определенные процессы в гендерном аспекте): «*Раскрепощение женщины* – с одной стороны, и *воспитание ребенка* в духе нового человека – с другой ставят этот вопрос одним из первоочередных [3]. Рассуждая о новом человеке в истории, И. Бабель утверждает, что «нельзя вливать новое вино в старые мехи» [3]. Против этой концепции выступает Л. Троцкий, высказывая следующее: «Иной раз говорят, что задачей коммунистического просвещения является воспитание нового человека. Это немного обще, чересчур патетично...» [3].

В подходе к причинам появления «новых людей» можно выявить 3 основные точки зрения. По первой – «одной из важнейших задач революции было построение нового типа человека – свободного и прекрасного, не скованного былыми предрассудками, насилием и ветхими социальными отношениями» [4], то есть источником появления становится **революция**. Так, Л. Д. Троцкий в книге «Моя жизнь (1929–1933)» говорит о следующих последствиях революции: «начинает формироваться *новый порядок, люди*», в то время как к 1924 году он отмечает, что в партии «три четверти состояла из совершенно новых людей» [3]. Этой точки зрения придерживаются и другие современники (Ю. Ларин, Н. В. Устрялов и другие).

По второй точке зрения появление «новых людей» – это **систематический процесс**, который происходит в истории периодически, а значит, таких «новых» типов было много в определенные этапы исторического развития. Например, Е. Гнедин отмечает: «*Подобно тому, как в прошлом столетии крестьяне и рабочие в мануфактурах изменили весь свой образ жизни и стали совершенно другими людьми, когда оказались вовлеченными в крупную промышленность, точно так же общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их*» [3]. По мнению З. Штейнман, благодаря коренной переделке можно создавать нового человека, которого он описывает как «пролетария, получившегося из парня деревенской артели, только потершегося боком о город» [3]. М.М. Пришвин подчеркивает, что «перепроизводство парт-человека создает нового спец-человека» [3]. Так, можно говорить, что при данном понимании речь идет о трансформациях уже существующих людей, а не рождении, воспитании нового поколения. По мнению Н. В. Устрялова, возраст новых людей – до 30 лет в настоящее время (на момент 1924 года).

Понятие «новый человек» употребляется в работах по педагогике, где А. С. Макаренко подчеркивает «конвейерный» характер работы по созданию нового типа человека. Среди таких предметов, как «стулья, арматуру, сверлилки», упоминается и создание нового человека, по всей вероятности, лишённого всяких моральных обязательств. З. Штейнман благодаря метафорическому переносу также отмечает механическую работу по созданию нового человека: «*У заводских горнов, под непрерывный поток конвейера, там, где расплавленная масса литья шипит в отблесках огня, рождается новый человек, пролетарий, выходец из деревни*» [3]. Отметим, что во многих размышлениях подчеркивается появление «нового человека» как закономерный процесс изменения во всех сферах жизни: употребление термина идет в перечислительном ряду. Подобное отношение наблюдаем и в словах А. Аграновского: «Новые люди, новые психологические повороты» [3]. Таким образом, процесс появления «новых людей» – это логичный, целенаправленный процесс, который связан со всей перестройкой в жизни общества на определенном этапе ее развития. И, наконец, по третьей точке зрения «новый человек» –

это продукт последствий **Первой мировой войны**. Н. Суриков отмечает: война – это «*время появления новыхъ людей съ новой психологіей, тѣхъ, кто привыкъ быть хозяиномъ своей жизни и смерти. Для кого не страшны ураганы... время, когда рождаются герои*» [3]. Н.А. Бердяев поддерживает данный тезис: «*Война сделала возможным появление этого (нового) типа, она была школой, выработавшей этих (новых) молодых людей*» [3].

Заключение. Причинами появления нового человека в начале XX века можно назвать революцию, Первую мировую войну и систематический процесс, который происходит в определенные этапы развития человеческого общества. Формирование «нового человека» в это время происходило постепенно: если говорить о появлении, рождении такого типа человека, то все же проходил сложный, длительный процесс, близкий к воспитанию, перерождению уже существующей массы людей в отдельные яркие личности, объединенных общей идеологией, отличающихся как психологическими установками, так и внешними характеристиками.

Список литературы

1. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2004. – 825 с.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. А-Й. – 702 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 15.09.2021)
3. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 10.09.2021)
4. Слепухин В. В. «Новый» человек в советской культурной политике 1920–1930-х годов / В. В. Слепухин // Культура и цивилизация. – 2017. – Том 7, № 5А. – С. 604-609.

УДК 94:37.018.3(477.6)«1943/1945»

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СЕТИ ДЕТСКИХ ДОМОВ В ДОНБАССЕ В 1943–1945 гг.

Соловей М.А., канд. ист. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
valkyr-mariya@yandex.ru

Введение. Одним из печальных последствий активных боевых действий в Донбассе в годы Великой Отечественной войны стало появление десятков тысяч детей, оставшихся сиротами. Проблема детской беспризорности, фактически решенная в 30-е годы, вновь приобрела актуальность. Поэтому сразу же после освобождения территорий от немецко-фашистских захватчиков государство предприняло ряд мер для спасения детей, оставшихся без родительского попечения. Основными методами борьбы с беспризорничеством стали опека, патронат, усыновление и, конечно же, восстановление сети детских домов.

Основная часть. 15 июня 1943 года, были приняты два важных постановления Совнаркома СССР, которые регулировали процесс организации государственного призрения – «Об усилении борьбы с детской бездомностью, беспризорностью и хулиганством» и «О трудовом устройстве подростков старше 14 лет – воспитанников детских домов, трудовых колоний НКВД и детей, оставшихся без родителей» [1]. Эти документы регламентировали работу детских домов, очертив контингент их воспитанников.

Особое внимание уделялось детям-сиротам, родители которых погибли за Родину в ходе Великой Отечественной войны. 27 марта 1943 г. Совнарком УССР и ЦК КП(б)у приняли постановление «Об организации помощи детям-сиротам, родители которых погибли в боях или замучены и расстреляны фашистскими захватчиками». В ней предполагалось до 1 апреля 1943 г. разработать детальный план организации специальных детских домов в районах, освобожденных от немецко-фашистской оккупации [2]. В этих спецдетдомах нормы питания были выше, а ассортимент продуктов – разнообразнее, чем в других детских воспитательных учреждениях. Организация этих детских домов в целом по республике была возложена на Наркомпрос УССР, а в отдельных областях – на соответствующие облОНО и исполкомы Советов депутатов трудящихся [3].

Но наиболее значимым в создании законодательной базы для работы детских сиротских учреждений стало постановление СНК СССР от 1 сентября 1943 г. «Об улучшении работы детских домов». В нем говорилось о необходимости усиления контроля за своевременностью устройства детей-сирот в детские дома, об обеспечении детдомов продовольствием и инвентарем, о введении обязательного медико-санитарного обслуживания и об укомплектовании детдомов квалифицированными кадрами [4]. Фактически, именно это постановление стало основным документом, которым руководствовались исполкомы местных Советов Донбасса при создании новых детских домов на освобожденных территориях.

Работу приходилось начинать практически с нуля. Довоенная сеть сиротских учреждений региона в годы оккупации была уничтожена. Так, в Ворошиловградской области из 23 детских домов, в которых до войны проживало более 3 000 детей, не уцелело ни одного. Было разграблено все их имущество, библиотеки, школьное оборудование [5]. В Сталинской области из 42 детских домов (на 5 000 мест) помещения 31 (на 3 280 мест) были полностью разрушены. Другие детдома оказались повреждены частично [6].

Ворошиловградский облОНО начал эту работу с апреля 1943 г., и к 1.11.1943 г. организовал 8 детских домов общего типа. В них к началу апреля 1944 г. проживало 744 человек. Кроме того, создавались специальные детдома для детей воинов Красной Армии и партизан. На 5.04.1944 г. в 8 специальных детских домах Ворошиловградской области воспитывалось 1050 человек [7]. В Сталинской области первые решения о создании

сети детских учреждений для сирот были приняты всего через месяц после изгнания немецко-фашистских захватчиков. 14.10.1943 г. бюро Сталинского обкома КП(б)У и облисполком постановили открыть в населенных пунктах области в ближайшее время 25 детских домов с общим количеством мест на 2 тыс. детей. Намеченный план перевыполнили: к 1.12.1943 г. в области работало 28 детских домов с охватом 2 158 человек.

За первое полугодие 1944 года в Сталинской области было взято на учет 9 807 детей, оставшихся без родителей. Из общего числа сирот в то время устроено было 7 590 детей, то есть 77 %. Часть детей была отправлена в детские дома, которых в области к тому времени работало уже 40 (37 из них были подчинены Министерству образования, еще 3 были созданы при промышленных предприятиях). В них воспитывались 4 186 человек, то есть почти 9 % от общей численности сирот по всем детдомам УССР.

Нередко инициатива создания детских домов исходила не «сверху» – от местных Советов и органов народного образования, а «снизу» – от трудовых коллективов и воинских подразделений. Они организовывали сбор средств на строительство детдомов и передавали их местным органам управления. Первыми с таким предложением в Сталинский обком КП(б)У обратились женщины из Казахстана. В телеграмме они сообщали: «Женщины угольной Караганды и области решили создать в Донбассе на собственные средства детский дом для детей, родители которых погибли в борьбе против гитлеровцев. Для строительства и обустройства детского дома мы собрали 1 млн. 150 тыс. рублей». На эти средства был построен спецдетдом на 150 мест в Харцызском районе [9].

Местные трудовые коллективы также материально поддерживали борьбу с беспризорностью. От сбора средств для оказания помощи сиротам они перешли к созданию собственных ведомственных детских домов. Инициаторами этого выступили горняки шахты «Макеевуголь» – так в Сталинской области в 1945 г. явочным порядком появился первый детский дом при промышленном предприятии.

В Сталинской области был организован и первый в Украине межколхозный специальный детский дом. В нем нашли приют 37 детей, родители которых погибли от рук фашистских захватчиков. Детдом открыли в октябре 1944 г. на хуторе Шапошниково (поселок «Красная Звезда») Чистяковского района. Инициаторами его создания и шефами выступили колхозники окрестных сел.

Заключение. В 1945 г. была также осуществлена реэвакуация в УССР 51 детского дома (5108 детей) из восточных областей и республик Советского Союза. Из них 6 учреждений (744 воспитанника) пополнили сеть детдомов Ворошиловградской и Сталинской области.

Список литературы

1. СП СССР. – 1943. – № 659. – С. 102.

2. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Док. и матер.: В 3-х т. – Т. 2. – Док. № 254. – С. 341-342.
3. Писаренко И. С. Советское школьное право во время Великой Отечественной войны // Образование и общество. – 2004. – №4 [Электронный ресурс] – URL: http://education.rekom.ru/4_2004/74.html
4. Народное образование. Основные постановления, приказы и инструкции. – М.: Госучпедгиз, 1948. – С. 305-307; Народное образование в СССР: Общеобразовательная школа: Сборник документов 1917–1973. М., 1974. С. 354-356.
5. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО). – Ф.1. – Оп.23. – Д.876. – Л.94; Госархив Луганской Народной Республики (далее – ГА ЛНР). Ф.Р-1067. – Оп.4. – Д.436. – Л.81.
6. ЦГАОО. Ф.7. – Оп.3. – Д.1189. – Л.26; Госархив Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР). – Ф.326. – Оп.2. – Д.91. – Л.10; Д.445. – Л.46.
7. ГА ЛНР. – Ф. Р-1067. – Оп.4. – Д.436. – Л.81(оборот); Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО). Ф. Р-2. – Оп. 7. – Д.1547. – Л.41.
8. ГА ЛНР. Ф. 326. – Оп. 2. – Д. 91. – Л. 11 (оборот); Д. 445. – Л. 155, 46 (оборот).

УДК 94(47+57):640.523(477.62)«1943/1953»

РАБОЧИЕ ОБЩЕЖИТИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА СТАЛИНО (1943–1953 гг.)

Старченко Н.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
starchenko.natalya@mail.ru

Введение. В СССР в период послевоенного восстановления, существовали различные виды общежитий, которые отличались как по своему функциональному предназначению, так и по тем особенностям повседневной жизни, которые были для них характерны. Само понятие «общежитие» оправдывало свое смысловое значение. Проживание и быт были общими, так как на незначительной жилой площади было сосредоточено большое количество людей.

Основная часть. В первые послевоенные годы, когда остро стоял вопрос о недостатке жилой площади в городах, общежития играли большую роль в системе расселения в СССР, оставаясь своего рода «спасением» для тысяч рабочих. Главным образом, для молодежи.

Важным фактором, усложняющим ситуацию в жилищно-коммунальном хозяйстве в исследуемый период, были демографические процессы, происходящие в Донбассе и городе Сталино, в частности. Темпы возрастания численности населения города опережали темпы строительства жилищного фонда. После войны советское руководство направляло в Донбасс сотни тысяч людей для восстановления и развития промышленности края.

Действовала система организованного набора рабочей силы. Прибывших рабочих необходимо было обеспечить крышей над головой. Поэтому руководство предприятий важное место отводило строительству общежитий, перепрофилированию под них зданий. По мере увеличения новых рабочих повышалось значение общежитий. Если 1 января 1944 года в общежитиях комбината «Сталинуголь» проживало 4810 человек, то к середине марта – 41790 человек [1].

Об условиях жизни в рабочих общежитиях можно судить по документам того времени. Например, при шахте №144 Куйбышевского района г. Сталино имелось 3 общежития, в них проживало 139 человек молодежи, 78 человек жили на частных квартирах. Известно, что на шахте не было индивидуального жилищного строительства [2]. Живущие в общежитии 57 чел. имели железные койки, а остальные спали на топчанах, где находился рассадник клопов. На каждую комнату, где проживало 10-12 человек, имелось только 1-2 табуретки, вешалки не во всех комнатах, не было совсем шкафов, тумбочек на все общежитие имелось только три штуки. Кладовая для хранения вещей отсутствовала, кубовых для кипячения воды не было. Постельная принадлежность очень грязная [3].

Аналогичной была ситуация и на производственном предприятии шахты – заводе №110. Заводу принадлежало 4 общежития, в которых проживало 867 человек, из них 495 человек молодежи. Из числа живущих в общежитии одеялами обеспечены были только 130 человек, не было тумбочек и табуреток. Были комнаты, как например, в общежитии №20-21, где на 17-20 человек живущих в комнате имелась только одна табуретка, правда постельная принадлежность менялась три раза в месяц. Но в общежитиях, где жили выпускники ФЗО, постель не менялась по полтора месяца, нательного белья у них не было, молодые рабочие вынуждены были спать на грязных матрацах без подушек в рабочей одежде [4].

Кроме всего прочего, в общежитиях процветало воровство. Свои продукты питания, мобилизованные рабочие, хранили в необорудованных кладовках или общежитии, в результате чего имелись случаи кражи, что вызывало недовольство и даже слезы. Помимо еды воровали и одежду. Так, в комнатах общежития шахты №1-2 «Смолянка» у рабочего Константиновского украли брюки, у рабочего Беспалько украли спецовку и белье [5]. Многие жильцы общежитий, считали, что если это общежитие, то значит там все общее. При этом некоторые проживающие воспринимали слово «общее» слишком буквально, поэтому и воровство среди жильцов общежитий, было довольно распространенным явлением в рассматриваемый период.

Достаточно подробные цитаты архивного источника, приведенные здесь и фиксирующие жилищно-бытовую неустроенность рабочих, указывает на типичность ситуации, демонстрируя черты послевоенного быта промышленных рабочих – тесноту, плохие санитарные условия, нехватку мебели.

Нельзя сказать, что этой проблеме не уделялось внимание. Довольно часто проводились рабочие собрания, на которых обсуждались вопросы о жилищно-бытовых условиях рабочих, иногда эти собрания приносили положительный результат [6].

В конце 1940-х гг. развернулось социалистическое соревнование за строительство общежитий силами трудящихся города Сталино. Как правило, горняки и женщины-общественницы брали на себя обязательства активно участвовать в жилищном строительстве и на каждом предприятии силами общественности построить, как минимум, по одному общежитию. Для строительства новых общежитий чаще всего использовались отходы леса, камень и песок, при чем ломка камня в карьерах и добыча песка организовывались силами самих же рабочих [7].

В первые послевоенные годы жилищный вопрос все еще оставался главным «на повестке дня». По мере увеличения численности населения в Донбассе возрастала и потребность в жилье. Согласно отчетам о выполнении постановления горкома КП(б)У от 1 ноября 1946 года «О состоянии политико-воспитательной работы и бытовых условий рабочих шахты «Буденновуголь», трестом была проделана работа по приведению в порядок общежитий, столовых и магазинов. Отмечалось, что в общежитиях была ликвидирована скученность, приняты меры к обеспечению рабочих постельной принадлежностью, заменены деревянные топчаны на железные койки, улучшилось оборудование твердым инвентарем. Тем не менее, решение бюро горкома КП(б)У полностью не было выполнено и нормальных бытовых условий рабочим на всех шахтах треста не создано. Архивные документы свидетельствуют, что несмотря на острый недостаток жилой площади, строительство общежитий и индивидуальное строительство в тресте велось плохо. Так, из 4-х общежитий, запланированных к сдаче в эксплуатацию в 1946 году, было сдано – 1, из 240 индивидуальных домов построено – 108. За 4 месяца 1947 года из 1 046 м² по плану жилой площади построено – 506 м² [8].

В 1950–1952 гг. стали появляться интернаты для шахтерской молодежи. В своем произведении «Слово о быте шахтеров», это новое явление в жизни рабочих, достаточно подробно описал один из известнейших писателей, воспевавший в своем творчестве Донбасс – Борис Горбатов [9].

Заключение. Таким образом, приведенные факты свидетельствуют о том, что условия проживания в рабочих общежитиях были далеки от нормы. Часто общежития находились в антисанитарном состоянии, работники не имели постельного белья, не хватало посуды и мебели. Такие случаи были не единичны, что свидетельствует о том, что все это не вызывало беспокойства у руководителей предприятий. Но, следует учитывать, что обеспечить рабочих всем необходимым, в условиях послевоенной разрухи и крайнего дефицита материальных ресурсов, подчас было невыполнимой задачей.

Список литературы

1. Кравченко Э. Л. Жилищные условия шахтеров Донбасса в 1943–1945 гг. // Новые страницы в истории Донбасса: Ст. Кн. 5 / Глав. ред. З. Г. Лихолобова. – Донецк, 1997. – С. 136.
2. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). – Ф. 18, оп. 5, д. 122, л. 1,2.
3. ГА ДНР. – Ф. 18, оп. 5, д. 122, л. 41-42.
4. ГА ДНР. – Ф. 18, оп. 5, д. 122, л. 42.
5. ГА ДНР. – Ф. 18, оп. 5, д. 265, л. 31-32.
6. ГА ДНР. – Ф. 18, оп. 5, д. 122, л. 7.
7. ГА ДНР. – Ф. Р- 4674, оп. 1, д. 46, л. 221.
8. ГА ДНР. – Ф.18, оп. 5, д. 266, л. 123.
9. Горбатов Б. Слово о быте шахтеров [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://infodon.org.ua/stalino/458>.

УДК 364.3

ВНЕДРЕНИЕ В ЖИЗНЬ ЗАКОНА СССР ОТ 14 ИЮЛЯ 1956 г. «О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕНСИЯХ» НА ТЕРРИТОРИИ СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Суконкина О.И.

ГОУ ВПО «Донецкий Национальный университет», г. Донецк, ДНР
Yu.kanda2013@yandex.ua

Введение. В Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) право граждан на материальное обеспечение в старости, при потере трудоспособности и в случае болезни, будучи закрепленным в Конституции Советского государства, считалось и продолжает считаться историками одним из важнейших социальных завоеваний Октябрьской революции.

Среди нормативных актов, наиболее полно реализовавших социальные права советских граждан в сфере пенсионного обеспечения особое место принадлежит Закону СССР от 14 июля 1956 г. «О государственных пенсиях» (далее – Закон), в котором регламентировались правила назначения и расчета пенсий, их разновидности (по старости, инвалидности, потере кормильца, персональные, по выслуге лет). Нормы Закона значительно улучшали пенсионное обеспечение трудящихся и устанавливали единые критерии для назначения пенсий: возраст (для мужчин – 60 лет, для женщин – 55 лет), трудовой стаж (для мужчин 25 лет, для женщин – 20 лет), среднемесячный размер заработной платы, минимум и максимум пенсионных выплат [1]. Новаторский и содержательный характер данного нормативно-правового акта определил его актуальность и действенность вплоть до 1990-х гг.

Целью исследования является изучение реализации Закона СССР «О государственных пенсиях» 1956 г. как первого всеобъемлющего

нормативно-правового акта по пенсионному праву в СССР на территории Донецкой области.

Основная часть. В рамках реализации решений постановления Центрального Комитета (ЦК) Коммунистической партии Украины (КПУ) и Совета Министров Украинской Советской Социалистической Республики (УССР) от 2 августа 1956 г. «О мерах по проведению в жизнь «Закона о государственных пенсиях», первичными парторганизациями и районными комитетами (райкомами) партии Сталинской области были проведены семинары среди агитаторов и пропагандистов, связанные с обсуждением основных положений Закона и проведением последующей разъяснительной работы среди советских граждан. Выполняя поставленные партийно-советскими органами задачи по освещению нового пенсионного законодательства, коллектив подготовленных агитаторов в дальнейшем организовал проведение цикла бесед и докладов среди трудовых коллективов области по следующим темам: «Забота КППС и Советского правительства о благосостоянии советского народа», «Особенности нового закона о государственных пенсиях», «Социальное страхование в капиталистических странах», «Порядок введения в действие закона о государственных пенсиях» и др.

Параллельно осуществляется обсуждение норм Закона и в местных средствах массовой информации. В районных газетах, многотиражных шахтных газетах и по местному радио регулярно размещались статьи и выступления отдельных пенсионеров. Так, газета «Колхозное село» (Тельмановский район) на своих страницах печатала корреспонденции и статьи, в которых пенсионеры делились своими впечатлениями, благодарили партию за достойное социальное обеспечение советских тружеников. Так, работник связи Чубаров Прокофий Иванович, проработавший в органах связи 30 лет и ушедший на пенсию по старости, выступил перед служащими конторы связи с беседой, в которой рассказал, что государство установило ему пенсию в размере 575 рублей, что «вполне достаточно для моей семьи». Он благодарил партию и правительство за работу, «которую оно проявляет о стариках» и призвал служащих конторы работать с удвоенной энергией на благо любимой Родины [2].

На шахтах, железнодорожном транспорте проводились беседы и вечера отдыха пенсионеров, им читались лекции, перед ними выступали работники районного отдела социального обеспечения (райсобеса), работники исполнительного комитета (исполкома) районного совета (райсовета) депутатов трудящихся.

После публикации в печати соответствующего Закона Тельмановским райкомом КПУ было проведено 4 кустовых семинара агитаторов, где с разъяснением настоящего закона выступили работники райкома КПУ, райсобеса и районного финансового отдела (райфинотдела). Кроме того, членами Общества по распространению политических и научных знаний были разработаны и прочитаны лекции на тему: «О новом законе

«О государственных пенсиях»», охватившие практически все предприятия и учреждения района.

Для пересчета пенсий в помощь работникам райсобесов Сталинской области был направлен бухгалтерский состав из ряда промышленных предприятий области. Отделы социального обеспечения были укомплектованы знающими свое дело и инициативными кадрами, которые смогли обеспечить своевременное начисление пенсий по-новому законодательству. С 1 октября 1956 г., когда вошел в силу новый Закон о государственных пенсиях, многие пенсионеры ушли на заслуженный отдых и получили своевременные начисления пенсионных выплат [3].

Закон о государственных пенсиях был обсужден на собраниях рабочих и служащих предприятий, организаций, МТС и совхозов области. По вопросам пересчета и порядка назначения пенсий по новому закону были проведены консультации на совещании начальников отделов кадров и бухгалтеров предприятий и организаций, на совещании председателей сельских и поселковых районов. Так, еженедельно по три дня проводились консультации о новом законе и порядке начисления пенсий при райсобесе, один раз – при дворце культуры им. Артема на железнодорожном узле станции Дебальцево [4].

Широкая разъяснительная работа по содержанию нормативно-правового акта проводилась райкомами и городскими комитетами (горкомами) КПУ Сталинской области и среди пенсионеров – отставников, запасников и инвалидов Великой Отечественной войны. Так, по всем районам города Сталино непосредственно на предприятиях по месту работы пенсионеров, во дворцах культуры и райвоенкоматах были проведены собрания и совещания пенсионеров, семей погибших воинов, на которых было разъяснено новое Постановление Совета Министров СССР о пенсиях. Например, 10 сентября 1959 г. Сталинским горкомом партии совместно с городским военным комиссариатом (горвоенкоматом) было проведено городское собрание среди офицеров, получающих пенсии и семей погибших офицеров, на котором было объявлено и разъяснено вышеуказанное Постановление, а также доведен новый порядок пенсионного обеспечения. С лицами, которые отсутствовали по уважительным причинам, работниками горвоенкомата была проведена индивидуальная разъяснительная работа [5].

Заключение. Реализация Закона СССР от 14 июля 1956 г. «О государственных пенсиях» на территории Донбасса осуществлялась в рамках последовательных организационно-политических мероприятий со стороны партийных и советских властных структур и сопровождалась значительным улучшением социального положения рабочих и служащих региона.

Список литературы

1. О государственных пенсиях: Закон СССР от 14.07.1956 // Социальное обеспечение в СССР. Сборник официальных материалов. – М.: Профиздат, 1960. – С. 7-22.

2. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР). – Ф. П–326, оп. 98, д. 678, л. 8.
3. ГА ДНР. Ф.П. 326, оп. 98, д. 678, л. 10.
4. ГА ДНР. Ф.П 326, оп. 98, д. 678, л. 11.
5. ГА ДНР. Ф.П 326, оп. 11, д. 501, л. 17.

УДК 908. 331. 4

РЕШЕНИЕ ВОПРОСА ОРГАНИЗАЦИИ УБОРКИ ДРЕВЕСНЫХ ОТХОДОВ ПОСРЕДСТВОМ МЕХАНИЗАЦИИ НИЖНИХ СКЛАДОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ «ВОЛОГДАЛЕСПРОМ» В 1970-е гг.

Тимошина И.А., Безнин М.А., д-р ист. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» г. Вологда, РФ
kanz@vogu35.ru

Введение. К началу 1970-х гг. в леспромхозах объединения «Вологдалеспром» более сотни нижних складов вели переработку древесины. При этом накапливалось много отходов, захламлявших рабочие площади, что мешало производительно вести все фазы технологического процесса и повышало пожароопасность. Причиной данных процессов служил низкий уровень механизация уборки отходов.

Основная часть. Рекомендуемые проектными институтами бункера со скребковыми или ленточными транспортерами требовали значительных капитальных затрат (одна установка обходилась в 3,5-4 тысячи рублей). К тому же практике эксплуатации показывала, что конструкция бункера не совершенна, не обеспечивает полного и быстрого высыпания порубочных остатков [3].

Проектно-конструкторское технологическое бюро объединения (далее – ПКТБ) «Вологдалеспром» разрабатывало ряд механизмов для решения вопросов уборки отходов, образцы которых проходили испытания в леспромхозах Вологодской области.

В Белозерском леспромхозе по чертежам ПКТБ в 1972 году был построен скиповый погрузчик в деревянном исполнении. Производственные испытания показали, что все узлы механизма работают хорошо, простоев из-за неполадок не было. Поэтому данное устройство активно использовали на предприятиях области. По заданию объединения «Вологдалеспром» в 1973 году ПКТБ разработало конструкцию скипового погрузчика уже в металлическом исполнении, а Вытегорский ремонтно-механический завод изготовил пять комплектов: три для Белозерского и два для Ковжинского леспромхозов [2].

Но скиповые погрузчики не позволяли полностью решить проблемы, так как не всегда вписывались в производственный поток. Необходимость уборки отходов с любых мест нижнего склада привела к тому, что нужно

было совершенствовать механизм. Поэтому конструкторы в 1975 году разработали специальную установку со съемными кузовами-контейнерами для машины МАЗ-509 [5]. Такая машина была способна перевозить всевозможные отходы практически с любого склада. После того как контейнер заполнялся, к нему подъезжал автомобиль, оснащенный специальным навесным оборудованием. Пустой контейнер заменялся наполненным, отходы отправлялись в отвал. В момент разгрузки машина работала в режиме самосвала. При дальности транспортировки до 5 километров один автомобиль оборудованный 10-12 сменными кузовами-контейнерами мог отвезти отходы не менее чем от 10 разделочных узлов или перерабатывающих узлов [1, с. 38].

В то же время Вологодский трактороремонтный завод изготовил два опытных образца навесного оборудования, которое использовалось в Белозерском леспромхозе. Плюс его в том, что, помимо основного назначения, его можно использовать при перевозке строительных и короткомерных материалов, таких как дрова, рудстойка, тарная доска.

Применение одной такой машины давало экономию (по сравнению с бункерными устройствами) 7,5 тысяч рублей в год [4]. Это оборудование позволяло уменьшить затраты и, без приобретения специальных механизмов, повысить уровень механизации погрузочно-разгрузочных работ. В 1970-х двадцать леспромхозов объединения «Вологдалеспром» использовали автомашины с указанным выше навесным оборудованием, экономический эффект от использования которых составлял 270 тысяч рублей за период [1, с. 57].

Но данная практика была применима лишь на складах с автовывозкой. Опыт Семигородного леспромхоза показывала, что на железнодорожных складах целесообразнее использовать мусорные скребковые транспортеры без бункеров. Вместо них использовались десятитонные платформы, оборудованные для перевозки большого количества отходов. Тут был свой недостаток – узкое звено: при разгрузке платформы рядом необходимо было иметь бульдозер.

Заключение. Этот факт послужил толчком к разработке уже в начале 1980-х годов платформы, которая смогла бы быть разгружена при помощи мотовоза или тепловоза, так как применения данных платформ упрощало организацию транспортировки отходов и позволяло полностью отказаться от использования бункеров.

Список литературы

1. Барановский В. А. Техническое развитие лесной промышленности // Москва: Лесная промышленность. – 1976. – 119 с.
2. Березин В. Древесные отходы на нижнем складе // Лесная промышленность. – 1973. – 28 марта. – с. 2.
3. Валдаева Л. Для механизации нижних складов // Красный Север. -- 1972. – 13 мая. – С. 1.
4. Ефремов А. Механизированная уборка отходов // Лесная промышленность. – 1977. – № 6. – С. 13-15.
5. Куклин А. Новое в «Вологдалеспроме» // Красный Север. – 1975. – 2 августа. – С. 1.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1939–1941 гг.)

Шабельников В.И., д-р ист. наук, проф.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
shabelnikov36@mail.ru

Введение. Успешное развитие СССР в предвоенные годы во многом зависело от состояния его топливно-энергетической базы. В те годы определяющую роль в этом играл Донецкий бассейн.

Тема особенностей развития Донецкого региона в указанный период обзорно отражалась в общих работах исследователей социально-экономических процессов в Украине, но глубокого анализа изменений регионального масштаба в них не проводилось.

Основная часть. Необходимость воссоздать прошлое Донецкого края и его достижений в угольной промышленности побуждала к исследованию данного вопроса ученых, работающих над краеведческой тематикой. Начиная с конца XX века было издано несколько книг и научных работ по истории Донбасса [1]. Однако в них не нашли достаточного отражения вопросы модернизации угольной промышленности, трудовых ресурсов, безопасности, экологии и особенно управления внешними миграционными процессами накануне войны. Они до сих пор остаются малоизученными. Наибольший интерес представляет диссертационное исследование В. С. Бондаренко [2], в котором автор проанализировал преобразования в угольной промышленности Донбасса и движение новаторов шахтерского труда. Однако детального фактожа по предвоенному периоду в нем недостаточно.

Автор ставит перед собой цель исследовать особенности социально-экономического развития угольной промышленности Донецкого края накануне войны, выявить причины массовых миграционных процессов в этой сфере.

Для угледобывающих предприятий Донбасса характерной особенностью являлась тенденция ежегодного улучшения технико-экономических показателей и стабильности их работы. Однако с выполнением планов добычи угля не все обстояло благополучно. Так, комбинат «Сталинуголь» за 8 месяцев 1939 года план добычи угля выполнил всего на 97 %, комбинат «Ворошиловградуголь» добыл 98,2 % по сравнению с этим же периодом 1938 года [3].

Изменить ситуацию советское руководство пыталось командно-административными методами. Так, в постановлении ЦК ВКП(б) от 23 октября 1939 года «О партийно-массовой работе на шахтах угольной

промышленности Донбасса» ставилась задача решить проблему отставания в этой сфере путем создания отделов угольной промышленности в ЦК КП(б)У, Ворошиловградском и Сталинском обкомах партий, а также назначения на шахты парторгов ЦК ВКП(б) [4]. 31 марта 1940 года было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе угольной промышленности Донбасса», в котором были разработаны меры по техническому нормированию, укомплектованию инженерно-техническими кадрами подземных работ, дальнейшей механизации добычи угля [5].

В этих и других официальных документах просматриваются две главные проблемы в угольной промышленности – уровень производительности труда и обеспеченность рабочей силой.

В первом случае, помимо введения «стахановских методов», постоянно повышался уровень механизации шахтерского труда. Основными факторами роста производительности труда была механизация трудоемких и тяжелых процессов угледобычи, реконструкции шахт.

На шахтах Донбасса раньше, чем в других регионах, началась интенсивная механизация угледобычи. В 1939 году началась замена древесного крепежного материала металлическим креплением, впервые была применена гидромеханизация угледобычи, внедрялись угольные комбайны. В 1940 году шахты Донбасса имели 600 подъемных машин, более 2000 врубовых машин, 1,5 тысячи электровозов и многое другое. Если уровень механизации добычи угля в 1929 году составлял 19,4 %, то к 1940 году он вырос до 93,5 % [6].

Донбасс в предвоенные годы был своеобразной школой для всех шахт СССР и тем не менее производительность труда шахтера Донбасса была ниже, чем шахтера других угольных регионов страны.

Объяснить это можно, во-первых, более сложными условиями залегания угольных пластов, запущенностью подземного транспорта в старых шахтах, длиной подземных путей, во-вторых, несмотря на начало массовой механизации на шахтах, ручные операции в лаве составляли в 1940 году 82 % всех трудовых затрат, в-третьих, нехватка рабочих рук и трудовой дисциплины.

В условиях начавшейся Второй мировой войны советское руководство в целях решения указанных проблем пошло на пересмотр трудового законодательства. В апреле 1940 года была пересмотрена оплата труда рабочих на шахтах: устанавливались новые, более высокие тарифные ставки, изменяется система начисления прогрессивных и премиальных оплат, в результате чего зарплата рабочих основных профессий повысилась более чем на 40 % [7]. 28 июня 1940 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [8], нарушение которого приравнивалось к уголовному преступлению.

Однако все эти нововведения не дали никакого прироста средне-суточной прибыли. Более того, она с июля 1940 года начала падать. На этот раз руководство страны увидело причину в недостатках партийной работы, хотя на самом деле они крылись в режиме работы. Лишь в октябре 1940 года пришло осознание того, что необходимо перейти с трехсменной на двухсменную работу на всех шахтах и налаживание предварительной подготовки рабочих, как важнейшего фактора повышения норм выработки. Очень важной особенностью развития угольной промышленности явилось формирование трудовых ресурсов, которое осуществлялось двумя путями: во-первых, за счет пополнения рабочей силы из числа жителей местных сел по оргнабору, который давал шахтам Донбасса ежегодно около 30 тысяч человек; во-вторых, внешней управляемости миграции населения Западной Украины, вошедшей в состав СССР в 1939 году, путем вербовки трудоспособного населения в угольную отрасль, где остро не хватало рабочих рук, благодаря чему только в ноябре–декабре 1939 года на шахты Сталинской области приехало 6 694 человека [9]. Однако ситуация усложнялась тем, что они не имели ни опыта, ни профессиональной подготовки, необходимой для работы в угольной промышленности. Неудовлетворительная техническая подготовка рабочих была одной из главных причин нарушения техники безопасности, что часто приводило к авариям и травматизму, оттоку западноукраинских рабочих. Эти проблемы решались путем создания для вновь прибывших социально-бытовых условий, обучения и ознакомления с условиями труда. С целью повышения квалификации рабочих были созданы профтехнические курсы, школы ФЗО, курсы мастеров врубных машин, ремесленные училища, где проводилось обучение рабочих и инженерно-технического персонала передовым методам работы.

Заключение. В итоге осуществления планов роста угледобычи в Донбассе накануне Великой Отечественной войны работали 311 шахт, на которых добывалось 94,3 тонны угля, что составляло 56,8 % общесоюзной добычи [10]. Донецкий бассейн в основном обеспечивал углем нужды народного хозяйства страны.

Список литературы

1. Михненко А. М. Новейшая история Донецкого бассейна (80-е г. XIX – 40-е гг. XX века). Монография / А. М. Михненко. – Донецк: Сталкер, 1998. – 296 с.; Бунтовский С. Ю. История Донбасса: научно-популярное издание / С. Ю. Бунтовский. – Донецк: Донбасская Русь, 2015. – 402 с.
2. Бондаренко В. С. Вугільна промисловість Донбасу в умовах радянської модернізації країни (1925-1941 рр.): автореф. дис. ... канд. істор. наук / В. С. Бондаренко. – Донецьк, 2004. – 20 с.
3. Социально-экономическое развитие Донбасса и миграционные процессы в 1939-1941 гг. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://bagazhznaniy.ru/obshhestvo/socialno-ekonomicheskoe-razvitie-donbassa-i-migracionnye-processy-v-1939-1941-gg>.

4. Правда. – 1939. – 24 октября.
5. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов (1917–1967). – М., 1967. – Т. 2. – С. 732–741; Т. 3. – С. 73.
6. Щербань А. Н. Страницы летописи Донецкой / А. Н. Щербань, А. А. Рутенко. – К.: Изд-во Акад. Наук УССР, 1963. – С. 137, 138.
7. История городов и сел Украинской ССР. Донецкая область. – К.: УРЭ АН УССР, 1970. – С. 49.
8. Сборник постановлений и распоряжений правительства СССР. – 1940. – № 16. – С. 386.
9. ГА ДНР. – Ф. 326. – Оп. 1. – Д. 1482. – Л. 39.
10. Промышленность СССР. Статистический сборник. – М.: Госстатиздат, 1957. – С. 142, 143.

УДК 82.091

ВЛАДИМИР ДЕГТЯРЁВ: ПОЛИТИКА УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ С ЦЕЛЮ ЕГО ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ ДОНЕЦКИХ ХУДОЖНИКОВ)

Шеховцова И.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
inna_schehovzova@mail.ru

Введение. Имя Владимира Ивановича Дегтярёва многие жители ДНР и Донецка связывают с расцветом промышленности нашего края. За 13 лет работы в регионе (с 11 июля 1963 по 6 января 1976 гг.) Владимир Иванович сделал многое. С 1948 года деятельность В.И. Дегтярёва связана со Сталинской (с ноября 1961 года – Донецкой) областью Украинской ССР. Он назначается главным инженером, а в 1950 году – начальником шахты № 1 «Центральная» треста «Красноармейскуголь» Донецкой области. С 1953 года – управляющий тестом «Чистяковантрацит». Высокий профессионализм, целеустремленность и требовательность позволили В.И. Дегтярёву обеспечить стабильный рост показателей по всем направлениям производственной деятельности. Трест, в который входило более десяти шахт, постоянно выполнял план угледобычи, внедрял передовые методы организации труда и новую горную технику.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1957 года за выдающиеся успехи, достигнутые в развитии угольной промышленности в годы пятой пятилетки и в 1956 году, Дегтярёву Владимиру Ивановичу присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и медали «Серп и Молот».

Это лишь небольшая часть достижений «хозяина Донбасса». Как известно, и человек красит место, и место – человека. Наше восприятие, безусловно, наделяет место какими-то ассоциациями, создавая из обрывков чужих впечатлений свой собственный образ, но и место может влиять

на формирование человека. Так, например, теория Д. Г. Лоуренса о гении места заключалась в том, что, по его мнению, каждая страна обладает собственной идентичностью, создающей характер народа [1, с. 158]. И конечно, при всей своей предельной индивидуальности, чувство духа места имеет некие ассоциации, общие для многих людей.

Цель работы – проследить влияние личности В. И. Дегтярева на художественный образ Донбасса на примере работ донецких художников. Для анализа взяты работы из фондовой коллекции Художественного музея «Арт-Донбасс».

Основная часть. Так, для многих дончан неотъемлемой частью индустриального пейзажа Донбасса являются терриконы. Как их только не называют. Визитная карточка Донецка, степные исполины, рукотворные горы. Это следы промышленной деятельности начального и последующих этапов индустриализации Донбасса. Причины их возникновения, развитие и существование составляют одну из граней промышленной истории. В Донбассе терриконы существуют с 1905 года. Для жителей нашего региона терриконы не просто искусственные насыпи из породы, извлеченной при подземной разработке месторождений угля. Террикон – символ шахтерского края.

Художники Донбасса неоднократно в своих работах обращались к шахтерской теме, к неповторимым городским пейзажам с терриконами. В 2016 году, к 5-летию юбилею, ХМ «Арт-Донбасс» организовал выставку «Прикоснись к истории. Здесь пейзажем правят терриконы». В экспозиции была представлена как ретроспектива творчества именитых художников, так и специально написанные к этой выставке работы, прославляющие Донецк разных времен. Работы, на которых изображены терриконы – настоящий культурный срез донецкой жизни, впитавший в себя все ее многообразие. В своем исследовании мы обращаемся к изображению терриконов в работах донецких художников. Анализируя и наблюдая за изменениями в городе, нам удастся проследить большой вклад в развитие инфраструктуры и озеленения города Владимира Дегтярёва.

Обратимся к работам Евгения Грейлиха, еще одной личности которую Донбасс забыть не в праве. Ведь его история – символ храбрости и любви к искусству. В годы оккупации немецко-фашистскими захватчиками Донбасса этот смелый человек спас ряд полотен, которые стали нитью между прошлым и настоящим. Евгений Грейлих известен также как мастер городского индустриального пейзажа. Особенностью творчества художника являются поэтичность, связь с жизнью города. На представленных картинах запечатлены урбанистические ландшафты Донецка [2]. Глядя на его работы видно, что благодаря управленческому дару и чуткому руководству Владимира Дегтярева регионом Донецк действительно преобразился, стал самым цветущим промышленным городом в мире. И это не громкие слова – это факт. В 1970-м году ЮНЕСКО признал Донецк самым зелёным промышленным городом на планете. А чуть

раньше, в 1967 году – в ЮНЕСКО присвоили Донецку звание «Лучшего индустриального города мира».

На работах Михаила Джарты и Ивана Пархоменко видно, как стремительно развивается градостроительство в период руководства областью Владимира Ивановича Дегтярёва.

Юрий Комендант (1926–2009) относится к славной когорте донецких художников, творческий потенциал которых был реализован во второй половине прошлого века. Этот живописец – один из ярчайших представителей школы социалистического реализма, он часто ездил в составе творческих групп на новостройки Донбасса, бывал на шахтах и заводах. Так на его работе «Стадион» показаны реалии времени, ведь Владимир Дегтярёв заботился и о развитии спорта в Донбассе. Так, благодаря его опеке ФК «Шахтер» вышел на новый уровень и обрел мощную инфраструктуру, стал легендой советского футбола и дважды выиграл Кубок Союза. И таких живописных примеров вклада человека-эпохи Владимира Ивановича Дегтярёва в развитие промышленности и культуры Донбасса можно привести много.

Заключение. Образ города Донецка и других мест Донецкого края меняется очень быстро. И может быть, силуэты терриконов затеряются среди жилых массивов или совсем исчезнут с карт. Но они останутся запечатлёнными в работах донецких художников, во многих гербах городов Донбасса и шахтёрских посёлков, и долго ещё будут напоминать о трудовом подвиге шахтёров. А памятник «Слава шахтерскому труду», представляющий собой скульптуру шахтёра в полный рост, который в правой вытянутой руке держит кусок каменного угля служит нам ярким напоминанием о человеке, отдавшем жизнь Донбассу – Владимире Ивановиче Дегтярёве.

Список литературы

1. Мифология греков и римлян – М: Мысль, 1996 – 975 с.
2. Официальный сайт Художественного музея «Арт-Донбасс». URL: <http://artdonbass.ru> (дата обращения 24.08.2021)

УДК 94(47)

ПОСЛЕВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ДЕТЕЙ В СССР ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

Шипович М.А., канд. ист. наук, доц.

Автомобильно-дорожный институт ГОУ ВПО «ДОННТУ», г. Донецк, ДНР
m.a.shipovich@mail.ru

Введение. Изучая процесс формирования советского общества в условиях послевоенного времени, необходимо обратить внимание на такой

определяющий этап жизненного пути советского человека, как детство. Именно в детском возрасте начинается становление идентичности, закладываются основы отношения к себе и к миру, формируется способность оценивать окружающую действительность и действовать в соответствии с собственными представлениями и установками. Изучение истории повседневности и культуры детства позволяет глубже проникнуть в исторический процесс, по-новому взглянуть на него. Все это обуславливает актуальность данного исследования.

Цель статьи – на основе анализа источников личного происхождения, собранных методом интервью в ходе проведения исследовательского проекта «Детство, опаленное войной» в АДИ ГОУ ВПО «ДОННТУ», рассмотреть повседневную жизнь детей в СССР в послевоенные годы.

Основная часть. В послевоенные годы в обществе происходили большие перемены, связанные с формированием комплекса надежд и ожиданий после победоносного завершения Великой Отечественной войны. Эти ожидания стали основой выживания для взрослых и детей [1]. Однако опьяняющий дух Победы постепенно развеялся. Воспоминания «детей войны» помогли воссоздать тяжелую жизнь многострадальной советской деревни: колхозную систему, бесправие крестьян, низкий уровень социальной защиты населения.

Страна по-прежнему находилась в тяжелейших условиях: не хватало жилья, одежды, обуви. Жилищно-бытовые условия, в которых проживали дети, были не всегда удовлетворительными и зависели от материального достатка семей. Конечно, с завершением войны и возвращением мужчин с фронта многим семьям стало жить легче [2].

Неизгладимый отпечаток в детской судьбе и памяти оставил голод 1946–1947 гг. Лишь к концу 1940-х – началу 1950-х годов постепенно начали происходить положительные изменения в рационе детей. В условиях нехватки продуктов питания выживать помогало приусадебное хозяйство [3].

Воспитанию детей в семье отводилась значительная роль. Крепкие семейные взаимоотношения между поколениями были той основой, на которой происходило их взросление [4]. Именно дома ребенок усваивал социальные нормы. Трудности послевоенной жизни вынуждали многих детей и подростков рано начинать работать. К труду они приобщались в домашнем хозяйстве, в школе. Из-за нехватки людских ресурсов их труд использовался в колхозах. В процессе работы происходило нравственное, идейное и политическое воспитание подрастающего поколения [2].

С постепенным переходом к мирной жизни детский труд становился менее востребованным, и к началу 1950-х гг. у детей появилось значительно больше возможностей получить образование [5]. Государство делало все для улучшения материально-бытовых условий в образовательных учреждениях, решало ряд вопросов, направленных на повышение качества подготовки педагогических кадров.

Школа, детские и юношеские общественно-политические организации, спортивные секции и кружки стали главными социализирующими институтами, которые взяли на себя нагрузку по научению ребенка официальным моделям поведения, нормам и ролям [6]. В школе, помимо усвоения знаний, у детей и подростков формировались основные навыки общения и взаимодействия, завязывалась дружба и товарищество.

Идеологическая пропаганда и воспитательная работа способствовали формированию гражданской гордости за свою страну, ее Победу и культуру. Патриотизм и сильнейшие гражданские чувства реализовались в духовной сфере, где дети и подростки, компенсируя бедность и материальные лишения, обращались к литературе, музыке, кино, декоративно-прикладному искусству. Досуг детей выстраивался как с учетом географического положения их населенных пунктов, так и наличия материальных и физических возможностей для их самореализации – занятий спортом, творчеством и т. п. [5].

Игровая сфера детей в послевоенные годы была богатой и насыщенной. Разнообразные формы игровой деятельности стали одним из важных элементов советской детской субкультуры послевоенных лет. Свою реализацию она нашла на улице и во дворе, где дети, в зависимости от возраста, усваивали еще большее количество сценариев становления идентичности [1].

Социализация детей и подростков происходила также во взаимоотношениях с соседями. Характерной особенностью сельской жизни была общинность. Специфика этого периода заключалась в том, что деление людей по социальному и национальному признаку имело минимальное значение для подрастающего поколения. Проживая рядом с действующими в их населенных пунктах лагерях для военнопленных, дети демонстрировали, с одной стороны, отношение к военнопленным как к врагам, с другой – гуманизм и милосердие – качества, органично присущие русскому народу [6].

Мир детской повседневности скрашивали советские и религиозные праздники. К празднованию первых дети активно привлекались государством, молодежными общественно-политическими организациями, школой. От вторых дети активно отсекались властью в ходе очередной кампании борьбы с религией [2].

Заключение. В целом дети и подростки послевоенных лет быстро адаптировались к меняющемуся послевоенному миру, рано взрослели, но при этом оставались детьми. Они воспитывались в ценностях своей эпохи: коллективизма, «равенства в нищете», солидарности, патриотизма.

Большинство «детей войны», принявших участие в социально-исследовательском проекте «Детство, опаленное войной», оказались единодушны в оценке послевоенного детства. С одной стороны, все признают, что детство было очень тяжелым. Но с другой, – считают его хорошим [2]. Приведем слова М. Н. Чальцева: «Все проходило, все

прошло. Я хочу сказать, что никогда в своей жизни я не сожалел и не думал с грустью о своем детстве. Оно было у меня прекрасным» [4].

Список литературы

1. Интервью с Судаком Ф. М. // Личный архив М. А. Шипович. Информант родился в 1938 г. в Хмельницкой области. Интервью проходило в АДИ ГОУВПО «ДонНТУ», 21.12.2018 г. Общая продолжительность интервью 1 ч. 20 мин.; интервьюеры – А. Черный, Ф. Молозин, транскрипция – М. Гострый.
2. Интервью с Пиндусом Б. И. // Личный архив М. А. Шипович. Информант родился в 1941 г. в Ивано-Франковской области. Интервью проходило в АДИ ГОУВПО «ДонНТУ», 28.12.2018 г. Общая продолжительность интервью 1 ч. 20 мин.; интервьюеры – А. Лахнова, Д. Молчанов, транскрипция – А. Загоруйко.
3. Интервью со Склифосом В. А. // Личный архив М. А. Шипович. Информант родился в 1944 г. в Запорожской области. Интервью проходило в АДИ ГОУВПО «ДонНТУ», 20.12.2018 г. Общая продолжительность интервью 1 ч. 20 мин.; интервьюеры – В. Бриллиантов, Д. Зеленский, Д. Молчанов, транскрипция – А. В. Загоруйко.
4. Интервью с Чальцевым М. Н. // Личный архив М. А. Шипович. Информант родился в 1941 г. в Сталинской (ныне Донецкой) области. Интервью проходило в АДИ ГОУВПО «ДонНТУ», 14.12.2018 г. Общая продолжительность интервью 3 ч. 20 мин.; интервьюеры – А. Черный, Ф. Молозин, транскрипция – М. Гострый.
5. Интервью со Ставцевым В. В. // Личный архив М. А. Шипович. Информант родился в 1941 г. в Брестской области. Интервью проходило в АДИ ГОУВПО «ДонНТУ», 27.12.2018 г. Общая продолжительность интервью 1 ч. 20 мин.; интервьюеры – А. Черный, Ф. Молозин, транскрипция – А. Загоруйко.
6. Интервью с Намаконовым Б. В. // Личный архив М. А. Шипович. Информант родился в 1940 г. в Красноярском крае. Интервью проходило в АДИ ГОУВПО «ДонНТУ», 19.12.2018 г. Общая продолжительность интервью 1 ч. 20 мин.; интервьюеры – В. Бриллиантов, Д. Зеленский, Д. Молчанов, транскрипция – М. А. Шипович.

УДК 7.034(477)7:2-523.6(477.62-21Святогорск)«16»

СТИЛЬ УКРАИНСКОГО БАРОККО В АРХИТЕКТУРЕ СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ XVII в.

Шкрибитько Е.А., канд. ист. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
shelaa28@gmail.com

Введение. Наибольший интерес среди памятников историко-архитектурного наследия вызывают архитектурные сооружения, передающие определенные традиции зодчества как самого периода, так и региона, где эти памятники были созданы. Особый интерес представляют памятники сакральной архитектуры. В этом контексте заслуживает внимание комплекс архитектурных сооружений XVII в. Святогорского Свято-Успенского мужского монастыря, расположенного в г. Святогорске Донецкой области на правом берегу Северского Донца.

Актуальность предложенной темы обусловлена интересом к историческому прошлому Святогорского монастыря и недостаточным освещением указанной проблемы из-за отсутствия документов.

Цель работы – комплексно рассмотреть и проанализировать особенности архитектурной застройки в стиле украинского барокко Святогорского Свято-Успенского мужского монастыря в XVII в.

Основная часть. Следует отметить, что постоянная военная угроза со стороны татар обусловили аскетический образ жизни первых святогорских монахов. Это отразилось на месте проживания монахов – в пещерах, высеченных в меловых скалах правого берега Северского Донца.

К концу XVII в. вблизи монастыря были построены укрепленные города (Маяки, Тор), сформированы слободские полки и основаны первые поселения – слободы. Количество татарских набегов уменьшается. Все это благотворно повлияло на развитие Святогорского монастыря. Пещерный монастырский комплекс утратил свое значение и в конце 70-х гг. XVII в. формируется первый комплекс деревянных наземных построек. К этому комплексу относилась деревянная Петропавловская церковь с колокольней, находящаяся у подножия меловой скалы. Храм был построен в традициях народной архитектуры Слобожанщины XVI–XVII вв. – украинского барокко. Над алтарем, центральной частью храма и притвором возвышалось три купола. Именно для этого храма архимандрит Иоиль просил у московского царя колокола, чугунное паникадило, царские врата, образы, некоторые служебные книги [1].

Кроме указанной церкви, было построено еще несколько помещений. В ходе археологических раскопок 1989-1990 гг. были обнаружены фрагменты церкви и жилого комплекса возле нее (состоял из 4-5 небольших построек в которых жили монахи и находящиеся в монастыре миряне). Все помещения имели срубную конструкцию, глинобитные полы и своей нижней частью были врезаны в склон горы. Самое крупное из них в длину достигало 14 м и находилось на расстоянии 25-30 м от реки (предположительно остатки Петропавловской церкви). Археологи также обнаружили изразцы, что свидетельствовало о том, что храм отапливался. Всего в керамическом комплексе монастыря XVII в. нашли фрагменты изразцов с 11 типами орнамента [2]. Орнаментация кафельных изразцов идентична изразцам с территории Поднепровья и Правобережной Украины. Этот факт указывает на генетические корни святогорцев (архимандрит Иоиль Озерянский, строитель Петропавловской церкви и первого наземного комплекса монастыря). Неизвестно, освятил или нет о. Иоиль этот храм, поскольку в ноябре 1679 г., во время татарского набега, он попал в плен. Вернулся настоятель из плена в начале 1680-х гг. Тогда богослужения уже проводились в двух храмах – Успенской пещерной и Петропавловской наземной церквях [3]. Этот факт свидетельствует о том, что иноки еще не покинули пещерник в меловой горе.

Другие наземные помещения имели незначительные размеры (ширина 3-5 м, а длина – примерно 6-7 м). Возле них были обнаружены бытовые отходы, что свидетельствовало о проживании здесь монахов.

Изображение первого наземного комплекса сохранилось на цветном схематическом рисунке Святогорского монастыря и окрестностей 1679 г.

Между 1679 и 1698 гг. у подножия меловой горы формируется второй комплекс наземных построек.

Первые два комплекса просуществовали недолго и были уничтожены в результате пожара, обусловленного татарским набегом, и обрушения верхней части меловой горы вместе с Успенской церковью. Археологические исследования выявили линзы «древесного» угля и обгоревшие железные вещи в заполнении помещений, а также крупные меловые глыбы, накрывшие постройки под меловой горой [4].

В конце XVII в. (1698 г, или в ближайшие годы) на береговом плато Северского Донца, на восток от меловой горы строится третий комплекс наземных каменных и деревянных сооружений. Территория у подножия меловой скалы (место двух первых комплексов) становится монастырским кладбищем.

В конце XVII – начале XVIII вв. иноки окончательно оставляют пещерный монастырь и перебираются на «подол», а в пещернике остаются монахи-схимники. В это время на территории монастыря строится первый каменный храм – Успенский собор. Его заложили в 1698 г. на берегу Донца, Имя строителя и описание архитектуры собора не сохранились. Известно, что деньги на его строительство пожертвовал изюмский полковник Ф. В. Шидловский. Закончили храм в 1708 г. [5].

Очевидно, к этому комплексу относится также и наскальная Николаевская церковь с колокольной. Относительно ее строительства документов не сохранилось, что обусловило многочисленные легенды. Следует отметить, что в конце XVII в., когда обвалилась меловая скала, близлежащие к монастырю земли еще не были заселены и «чудесное преобразование» на вершине горы, на месте древней Успенской пещерной церкви, могли увидеть только богомольцы. Меловая часть (алтарь и центральная часть) новой Николаевской наскальной церкви – это остатки Успенской пещерной церкви, а кладка красным кирпичом с имитацией под фактуру меловой породы была пристроена с северной стороны горы (25 м²). Храм представляет композиционное единство со скалой и природным ландшафтом и имеет площадь 42 м² (площадь утраченной Успенской церкви). Эта церковь была не только духовным центром, но и крепостью. Поэтому оконные проемы в центральной и северной (пристроенной) частях были сделаны в форме бойниц. Окна подчеркнуты наличниками, а купола украшены поясом и кирпичной зубчаткой под карнизами. Высота центрального купола вместе с крестом – 23 м, восточного купола (над алтарем) – 8 м и западный купол над деревянной колокольной. К сожалению, не сохранилось описаний относительно

внутреннего интерьера храма. Очевидно, строительство Николаевской церкви относилось к Харьковско-Изюмской архитектурной школе [6]. Однако не сохранилось описание внутреннего интерьера храма.

Заключение. Таким образом, заселение Подонцовья и уменьшение татарских набегов обусловили развитие наземных комплексов Святогорского монастыря, для архитектуры которых были характерны традиции казацкого барокко.

Список литературы

1. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф.210. Оп. Белгородский стол. Д. 886. Л. 67-68.
2. Кравченко Э. Е. Бытовой комплекс Святогорского монастыря XVII в. (По результатам археологических исследований 1989 г.) // Материалы исследований, реставрации и использования памятников истории и культуры (к 15-летию основания заповедника): Науч.-практ. семинар, 29-30 мая 1995 г. – Славяногорск: СГИАЗ, 1995. – С. 48.
3. РГАДА. Ф. 210. Оп. Белгородский стол. Д. 886. Л. 84-85.
4. Кравченко Э. Е. Новые данные о Святогорском монастыре // Новые страницы в истории Донбасса: Ст. Кн.1 / Сост.: З. Г. Лихолобова. – Донецк: Донбас, 1992. – С. 20-22.
5. Филарет (Гумилевский), архиеп. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – М., 1852. – Отд.1. – с.112.
6. Дедов В. М. Українське бароко Святогірського монастиря XVII ст. // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (на базі Державного історико-архітектурного заповідника м. Святогірськ Донецької області), 25-27 травня 2005 р. – Слов'янськ, 2005. – С. 23-24.

УДК 94:792.2«1944»

СТАЛИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УКРАИНСКИЙ МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР ИМ. АРТЕМА В 1944 г.

Щевич К.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kristinashchevich@yandex.ru

Введение. Освобождение г. Сталино от немецко-фашистских захватчиков произошло осенью 1943 г., но жизнь в городе пришла в привычное русло не сразу. Эвакуированные в 1941 г. предприятия и учреждения вернулись в город не сразу. Возвращение музыкальных учреждений в город проходило интенсивными темпами. Сталинский государственный украинский музыкально-драматический театр прибыл в г. Сталино в январе 1944 г. За период нахождения в эвакуации театр им. Артема не только сохранил свои основные кадры, но и пополнил свой состав рядом высококвалифицированных актеров.

Основная часть. За два с половиной года в Казахстане было дано 800 спектаклей и 720 шефских концертов, которыми охвачено 605000 зрителей. Наряду с этим театром была проведена большая общественная и массово-политическая работа по обслуживанию госпиталей, частей Красной армии и транспортников. В оборонный фонд страны было внесено 250 000 руб., из которых 100 000 руб. – на постройку танка «Артемовец». Помимо этого, за высокую общественную и творческую работу среди трудящихся Казахстана 18 лучших работников театра были награждены почетными грамотами Президиума Верховного Совета ССР, а 22 работника – почетными грамотами Кзыл-Ординского областного совета депутатов трудящихся [1].

Помещение, в котором располагался указанный театр, было разрушено, поэтому театр им. Артема вынужден был разместиться на правах аренды в помещении музыкального театра. В связи с этим было решено, что театр им. Артема ежемесячно будет ставить по 14 спектаклей. Другим учреждениям повезло меньше, они были вынуждены работать в помещениях, мало приспособленных для их нужд, с вместимостью до 350 мест. Например, Мариупольский драматический театр, возобновивший свою работу немного раньше, а именно в сентябре 1943 г. вынужден был располагаться в здании бывшего магазина «Гастроном», так как здание театра было разрушено немецко-фашистскими захватчиками [2]. На новый сезон 1944 г. у руководства театра им. Артема были особые планы касательно доходной и расходной части театра. Предполагалось, что театр за новый сезон сможет заработать 2 651 680 рублей, что могло бы полностью покрыть запланированные расходы. В арендованном помещении Сталинский государственный украинский музыкально-драматический театр им. Артема начал свою работу 15 января 1944 г. спектаклем «Ой, не ходи Грицю».

Расходная часть нужд театра составляла 1 184 764 рублей. Административно-хозяйственные расходы включали разнообразные позиции. На запланированные руководством театра выездные спектакли в Москву и Киев бухгалтерией выделялось в среднем 920 рублей. В эту сумму входил железнодорожный проезд в оба конца в среднем по 115 руб. за дорогу туда и 230 руб. за дорогу обратно, на каждого из командировочных работников театра выделялись суточные в размере 26 руб. и квартирные по 10 руб. в сутки.

Для привлечения большого количества людей в театры много денег тратилось на рекламу. Руководством театра было заказано 15 объявлений в месяц, каждое из них обходилось в 50 руб. В месяц на эту графу расходов тратилось 750 руб., а в год выходило 9 000 руб. Немного дороже дирекции театра обходилась реклама на радио, которая обходилась в 9 600 рублей. Афиши, фотоснимки для витрин, а также многочисленные стенды и рекламные щиты обходились в 43600 рублей.

Руководство театра часто пользовалось услугами распространителей билетов. На некоторые спектакли предприятия и школы выкупали билеты для повышения культурного уровня работников и учеников, а также для поощрения трудящихся города.

В феврале 1944 г. были выделены билеты на концерт, проходящий 14 февраля для детей фронтовиков. Об этом свидетельствует расписка, о передачи билетов кассиром театра им. Артема Магальченко М.Ф., которая передавала эти билеты организатору этого посещения. Всего было выделено 771 билет на сумму в 12 632 руб. Подобные мероприятия для детей фронтовиков, военных и раненых проводились регулярно. Деньги на такие концерты выделялись городским правительством [3].

Репертуар государственного украинского музыкально-драматического театра им. Артема был разнообразным. Самой дорогой новой постановкой, которая ставилась артистами, была опера «Цыганка Аза». Данный спектакль обошёлся руководству указанного театра в 45 500 руб., а всего на новые постановки выделено 312 600 руб. Капитальное восстановление постановок проходило в довольно быстром темпе. В целом на восстановление спектаклей отводилось 7 дней. Но всегда бывают исключения. Восстановление спектакля «Ой, не ходи Грицю» было потрачено почти 2 месяца и затронуло 40 900 руб. Помимо этого спектакля были восстановлены и вновь введены в репертуар такие спектакли как «Жена Клода», «Отелло», «Мачеха», «Коварство и любовь» и другие [4]. В марте 1944 г. из г. Джамал-Абад в г. Сталино прибыла вторая часть коллектива Сталинского театра. После ее прибытия областной отдел по делам искусств добавил к составу Сталинского государственного украинского музыкально-драматического театра им. Артема 14 человек творческого коллектива, новым директором был назначен Д.О. Лазуренко. 15 апреля 1944 г. в драматическом театре первым после дополнения коллектива спектаклем стала драма в 4-х действиях «Мачеха».

Процесс передачи руководства театром Лазуренко было закреплено специально составленным актом от 20 июля 1944 г.: «Товарищ Лазуренко Д. О. принял в свое ведение Сталинский государственный украинский музыкально-драматический театр им. Артема по состоянию на 21 июля с/г в составе:

- 1) Художественно-руководящий персонал – 11 человек;
- 2) Артисты драмы, балета, хора и оркестра со вспомогательным составом – 84 человека;
- 3) Художественно-технический персонал – 38 человек;
- 4) Административно управленческий и хозяйственно-технический персонал – 13 человек.

Всего: 146 человек» [5].

Несмотря на все введенные Лазуренко новшества показатели почти всех критериев не доходили до запланированных данных. План не

выполнялся в сфере процента загрузки зала, что довольно интересно в отчетном 1944 г. недовыполненными были не только утренние, но и вечерние постановки. Средний денежный сбор как от одного спектакля, так и от всего запланированного количества тоже оставлял лучшего. Средняя стоимость билетов на вечерние спектакли возросла на 50 копеек, а на утренние, на 30 копеек.

Касательно количества работников Сталинского государственного украинского музыкально-драматического театра им. Артема, то за летний период количество служащих постоянно менялось.

Заключение. В целом за отчетный 1944 г. Сталинский государственный украинский музыкально-драматический театр им. Артема работал 308 дней по намеченному плану. За это время на стационаре была дано 169 вечерних спектаклей, превысив тем самым план на 18 вечерних спектаклей. Причиной такого количества спектаклей на стационаре послужило то обстоятельство, что театр вынужден был работать в арендованном помещении, которое делил с музыкальным театром и дни дачи спектаклей были разделены между ними.

Список литературы

1. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). – Ф. Р4800, Оп. 1, Д. 1, Л. 34.
2. ГА ДНР. Ф. Р-6417, Оп. 1, Д. 5, Л. 14.
3. ГА ДНР. Ф. Р-6417, Оп. 1, Д. 5, Л. 30.
4. ГА ДНР. Ф. Р-4982, Оп. 1, Д. 2, Л. 4.
5. ГА ДНР. Ф. Р-4982, Оп. 1, Д. 2, Л. 8.

Историография, источниковедение, археология и методика преподавания истории

УДК 94(367):929.5«14/16»

БЛИЗКАЯ СТЕПЕНЬ РОДСТВА В БРАКАХ РЮРИКОВИЧЕЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В XIII-XV вв.

Абуков С.Н., канд. ист. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

legusha@list.ru

История средневековой Руси неотделима от правящей династии Рюриковичей, поэтому исследователи, занимавшиеся периодом XIII–XV вв., не могли не коснуться княжеских отношений, включая и такой важный их аспект как браки. К сожалению, имеющийся для анализа материал XIII–XV вв. представлен в источниках фрагментарно. О большинстве таких брачных союзов мы не знаем, так как известий о них не сохранилось. Можно сказать, что количественно они уступают данным за более ранний период XII в. Второй проблемой можно назвать тот факт, что мы не всегда можем точно сказать, в каком именно браке князя были рождены его дети князя, и, следовательно, затруднительно считать родства между женихом или невестой. Ну, а третье, спорные вопросы генеалогии Рюриковичей в отдельных случаях, что также осложняет подобные подсчеты.

Как известно, все князья Северо-Восточной Руси, за исключением потомков ярославского князя Федора Ростиславича Черного, были потомками Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Происхождение от одного родоначальника первоначально исключало вступление во внутридинастические браки его потомков. Поэтому для сыновей, внуков и правнуков Всеволода браки заключались с представителями других княжеских домов. В этих матримониальных союзах перв. пол. XIII в. не трудно увидеть круг политических интересов владими́ро-суздальских князей с Киевом, Муромским, Рязанским, Смоленским, Черниговским, Полоцким княжествами. Ослабление контактов между отдельными частями Руси, усиление центробежных тенденций в послемонгольский период оказало свое влияние на внутридинастические браки потомков Всеволода Юрьевича.

XIII век принес самую большую брачную загадку Рюриковичей, которая, несмотря на очевидность проблемы, не получила удовлетворительного объяснения: речь идет о браке 1250 г. суздальского князя Андрея Ярославича с дочерью галицкого князя Даниила Романовича [1, с. 137]. Если считать, что жены Даниила Романовича и Ярослава Всеволодовича Анна и Феодосия были родными сестрами, дочерьми князя Мстислава Мстиславича Удатного, то возникает невероятная ситуация

брака в 4-й степени родства, что представляется физически невозможным. Поиск решения данного противоречия требует специального исследования.

С каждым новым поколением владими́ро-сузда́льские князья все больше отдалялись в родстве от общего родоначальника – Всеволода Большое Гнездо, что открывало возможности для внутридинастических матримониальных союзов, известных нам начиная с 90-х гг. XIII в. Но только в XIV–XV вв. мы имеем примеры интересующей нас темы, а именно близкородственных браков на материале наиболее хорошо освещенных источниками тверских князей. И все они говорят о 7-й степени родства между женихом и невестой. Это брак 1320 г. тверского княжича Константина Михайловича с дочерью владимирского и московского князя Юрия Даниловича Софьей (троюродный дядя и племянница) [1, с. 187]; брак тверского княжича Александра Ивановича с моложской княжной, дочерью Федора Михайловича 1397 г. (троюродный племянник и тетя через мать – дочь кашинского князя Василия Михайловича) [2, с. 70]; брак 1406 г. великого князя тверского Ивана Михайловича с клинской княжной Евдокией Дмитриевной (троюродный дядя и племянница) [3, с. 203]. Последний брак заключен уже внутри династии тверских князей, что свидетельствует о желании укреплять единство уже в своем роде.

Не менее красноречивы близкородственные союзы в семье московских князей, но они относятся уже к XV в. Речь идет о браке опять-таки в 7-й степени правнука Ивана Калиты Ивана Владимировича Серпуховского с внучкой Дмитрия Донского по матери – рязанской княжной Василисой Федоровной (1401 г.) [2, с. 75]; брак Василисы Васильевны, внучки Дмитрия Донского и суздальской княжны Евдокии Дмитриевны, с князем Александром Ивановичем Взметнем, правнуком суздальско-нижегородского князя Константина Васильевича [4, 230]. Среди других примеров, случайно отраженных в родословных книгах – брак в роду ярославских князей, а именно дочери князя Ивана Дмитриевича Дея с сыном заозерского князя Дмитрия Васильевича [5, с. 308, прим. 12; 6, с. 124]. Но для нас важно, что в любом случае это все та же 7-я степень.

Однако в дальнейшем мы наблюдаем переход к еще более близкой степени, а именно к 6-й. Это диктовалось в первую очередь политическими причинами. Это второй брак уже упомянутой выше московской княжны Василисы Васильевны с одноименным первому мужу князем Александром Ивановичем Брюхатым, которые были соответственно троюродной сестрой и братом [4, с. 230]. Феодалная война за московский престол втор. четв. XV в. привела к еще одному браку в 6-й степени, который диктовался сугубо политическими причинами: великий князь московский Василий Темный в борьбе с Дмитрием Шемякой заключил союз с великим князем тверским Борисом Александровичем. Помимо того, что жених и невеста были детьми (венчание отложили до 1452 г.), они приходились друг другу троюродными братом и сестрой через внучку Дмитрия Донского можайскую княжну Анастасию Андреевну [2, с. 125]. Не трудно

представить, каким важным был этот альянс для каждой из сторон. Одним из последних браков между суверенными владетелями можно назвать союз великого князя рязанского Василия Ивановича, внука московской княжны Софьи Дмитриевны, с его троюродной сестрой московской княжной Анной Васильевной (1464 г.) [4, с. 185]. Среди ростовских, ярославских, стародубских и белозерских князей XIV–XV вв. также имели место браки в 6-й степени родства как по мужской, так и по женской линии, о чем говорят редкие сохранившиеся факты [4, с. 228; 7, с. 573-574].

Таким образом, подводя итоги в целом, следует отметить, что, если исключить спорные случаи, Рюриковичи Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. следовали домонгольским традициям, предпочитая, как это становилось возможным, заключать близкородственные браки не ближе 7-й степени родства. Как только линии родства расходились до этой же степени браки заключались и внутри правящих домов, как видно, для укрепления семейного единства. Однако в особых случаях с XV в. московские государи шли и на браки в 6-й степени, что диктовалось политической целесообразностью и сужением круга равных суверенных князей с присоединением к Москве ранее независимых княжеств. Удельное провинциальное княжье также могло заключать матримониальные союзы в 7-й и даже 6-й степени. Но если близкородственные браки в этих степенях родства имели место и для князей XII в., то отступлением от традиции для Рюриковичей следует назвать браки князей-родственников (троюродного дяди и племянника) на одной женщине – Василисе, дочери великого князя московского Василия Дмитриевича.

Список литературы

1. ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 10. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 248 с.
2. ПСРЛ. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. Т. 8. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 312 с.
3. ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 11. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 264 с.
4. ПСРЛ. Типографская летопись. Т. 24. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 288 с.
5. Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых подвизавшихся в Вологодской епархии прославляемых всею церковью и местно чтимых. – Вологда: тип. А. Гудкова-Белякова, 1880. – 692 с.
6. Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. – М.: Мысль, 1991. – 286 с.
7. Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии: историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. – М.: Синодальная типография, 1885. – X, 631 с.

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ БАХМУТА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Босенко Д.Р., Красноносков Ю.Н., канд. ист. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
matsuol15998@gmail.com

Введение. Гербы городов как часть территориальной геральдики на протяжении многих веков находились в центре внимания научных исследований, по-своему отражая историю Отечества и формируя патриотическое самосознание общества. Донецкий бассейн как один из крупнейших индустриальных и урбанизированных регионов Европы органично соединил в себе многообразие этносов, языков, религий, традиций и обычаев, что нашло свое воплощение и в территориальной геральдике края. Целью исследования является изучение эволюции геральдических символов дореволюционного города Бахмута как источников изучения социально-экономического и политико-административного развития Донбасса в новый период истории. Историографической основой для подготовки данного исследования является ряд работ, среди которых следует выделить труды А. Б. Лакиера [4], В. К. Лукомского [5] и Н. А. Соболевой [8], посвященные истории отечественной государственной геральдике, а также работы А. Б. Гречилю [2], В. Панченко [7], Е. А. Малахи [6], в которых раскрывается проблема развития региональной геральдики Донбасса.

Основная часть. Начальный период становления Донецкого края как составной части Российской империи (вторая половина XVII-XVIII вв.) в виду его пограничного положения характеризовался недостаточным развитием хозяйственных форм деятельности, отсутствием торгово-транспортной инфраструктуры, наличием преимущественно небольших поселений и оборонительных пунктов. Геральдический процесс в дореволюционном Донбассе был достаточно ограничен и представлен гербами таких городов, как Бахмут, Мариуполь и Славянск, символика которых выступает ценным источником изучения социально-экономической и политической истории Донецкого края в имперский период [8]. Первые организованные и системные мероприятия по развитию герботворческого процесса в Донбассе осуществляются в XVIII в., когда предпринимаются попытки создания геральдических символов населенных пунктов и воинских формирований, дислоцированных на территории края. Одним из первых населенных пунктов Донецкого региона, получивших статус города и соответствующее геральдическое оформление, является Бахмут (совр. г. Артемовск), предыстория становления которого фиксируется 1571 г., когда по повелению царя Ивана Грозного для защиты южных рубежей была

организована пограничная Бахмутская сторожа. В 1701 г. по приказу Петра I была построена Бахмутская крепость, ставшая в середине XVIII в. административным центром Славяносербии.

Самые первые упоминания о гербе Бахмута фиксируются среди проектов городских гербов, созданных в 1723–1727 гг. итальянцем Ф. Санти, приглашенным к работе в герольдмейстерской конторе. Однако, ни описание, ни рисунок данного проекта не сохранились. В 1745 г. герольдмейстерская контора создала проект герба для флага Бахмутского армейского полка, предположительно, на основе варианта Ф. Санти. В сохранившемся описании данного проекта указывалось: «На красном поле две золотые пушки, на верхней из которых сидит белая птица, а под ними, под зеленой горой и на зеленой земле – деревянный соляной склад» [8]. Птица, сидящая на стволе, – аналогия символа, использовавшегося для Воронежской губернии, к которой тогда и относился Бахмут. Кроме того, город имел важное стратегическое значение как пограничная крепость, защищавшая южные рубежи Российского государства. Соляной склад символизировал населенный пункт как давний, известный с XVII ст., очаг соледобычи [8]. 29 июля 1811 г. указом императора Александра I Бахмуту был пожалован новый герб, отразивший произошедшие с городом изменения. С конца XVIII в. он утратил свое военное значение, так как границы России сместились значительно южнее. Город пребывал сначала в составе Азовской, затем Воронежской, Новороссийской губерний, а с 1802 г. вошел в состав Екатеринославской губернии, в пределах которой стал административным центром второго по величине уезда на юге России. Новый герб отразил перемены в развитии хозяйственной деятельности города и его окрестностей. Так, зеленый цвет верхнего поля герба символизировал плодородие бахмутской земли, черный цвет нижнего поля – богатства недр. Между зеленым и черным полем изображен химический знак соли, определивший возникновение города Бахмута.

Под «химическим знаком соли» на самом деле имелась в виду средневековая алхимическая эмблема соли. В алхимии, согласно взглядам Парацельса, соль считалась вторым философским элементом и изображалась в виде серебряного дуплистого круга, разделенного серебряной горизонтальной линией [1]. В. Панченко утверждает, что герб Бахмута – единственный известный на территории Российской империи знак, отразивший практику использования в городской геральдике алхимическую символику [7]. В 50-е годы XIX в. в России была предпринята очередная попытка унификации городских гербов. Так, в редакции 1862 г. герб Бахмута описывается так: «В зеленом щите серебряный пояс, сопровождаемый тремя серебряными ромбами. В вольной части – герб Екатеринославской губернии. Щит украшен серебряной короной о трех зубцах. За щитом положены золотые молотки, соединенные Александровской лентой». Новые геральдические изменения преследовали следующие цели: основной элемент герба – химический знак соли – как не

соответствующий правилам геральдики был заменен на три серебряных ромба, напоминавших кристаллы соли. Появился в верхнем углу герб губернии, к которой относился Бахмут. Молотки указывали, что Бахмут является промышленным и уездным городом, о чем свидетельствовала корона с тремя башнями, в отличие от более крупных городов, герб которых украшали четыре-пять башен. [3]

Данный проект, по мнению ряда исследователей, был утвержден Сенатом, но не вступил в силу. В официальной переписке, в делопроизводственной сфере и в дальнейшем использовался герб 1811 г., который во многом определил и последующее геральдическое оформление современного герба города Артемовска (Бахмута) [6].

В XIX – в начале XX в. герб Бахмута приобретает широкое распространение на территории Российской империи и за рубежом, размещаясь на почтовых конвертах и марках Бахмутской городской думы, уездных земских учреждений.

Заключение. Таким образом, следует констатировать, что дореволюционная геральдическая символика Бахмута, одного из первых городов Донбасса, отражает специфику его географического расположения, историю становления, динамику территориально-административных преобразований и создает, в целом, ретроспективный образ нашего края, отражая особенности его политического, социально-экономического и культурно-исторического развития.

Список литературы

1. Винклеръ П. П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 г. / изд. И. И. Иванова. – СПб., 1900. – 200 с.
2. Гречило А. Б. Українська міська геральдика. – К., Л.: УГТ, 1998. – 191 с.
3. История родного края. Учебное пособие для 6-9 классов / А. В. Колесник, В. А. Пирко, С. М. Нестерцова, Е. В. Щербинина. – Донецк: Кардинал, 1998. – 301 с.
4. Лакиер А. Б. История российской геральдики. – М.: Эксмо, 2006. – 264 с.
5. Лукомский В. К., Типольт Н. А. Русская геральдика: Руководство к сост. и описанию гербов. – М.: ГПИБ России, 1996. – 98 с.
6. Малаха Є. Геральдика Донеччини // Схід. – 2004. – № 7. – С. 23-25.
7. Панченко В. Геральдика Старої Донеччини // Науковий світ. – 2004. – № 3. – 11 с.
8. Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. – М., 1981. – 25 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОГО ГОРОДА В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Гаврилюк С.М.,

исследователь, г. Донецк, ДНР
ad.bestias@mail.ru

Введение. Город на протяжении тысячелетий выступает одной из основных форм интеграции людей и организации их жизни. По данным ООН сейчас в городах проживает более половины населения Земли, а к 2050 г. этот показатель составит порядка 70%. Это свидетельствует о росте социо-коммуникативного значения города в современном мире, вместе с ним активизируется интерес исследователей к этому феномену. К настоящему времени накоплен огромный материал по истории города в разных направлениях его развития. Цель данной работы – рассмотреть основные вопросы развития города в зарубежном антиковедении кон. XX – нач. XXI вв.

Основная часть. При исследовании города общими для социологов, историков и археологов остаются вопросы определения данного понятия, установления причин возникновения и особенностей развития городов. К ключевым трудам по данной теме зарубежные историки зачастую относят «Древний город» (1864 г.) Ф. де Куланжа, «Город» (1921 г.) М. Вебера и «Городскую революцию» (1950 г.) Г. Чайлда. Однако в этих работах город выступает не основным объектом исследования: Вебер, ищет истоки капитализма, Ф. де Куланж изучает город в контексте религии и государства, Чайлд – развития цивилизаций. Исторические дискуссии об урбанизации 1950–1970-х гг. в основном также происходили в контексте формирования государства [7, с. 2]. Такой подход на долгое время определил историографию античности, где город изучался в фокусе полиса. Английский историк М. Финли в 1970-е гг. актуализировал дискуссию об историческом значении города, указав на несоответствие ряда поселений, считающихся полисами, критериям города [1]. Исследователи начали больше внимания уделять городу.

Современные авторы также не сходятся в оценке взаимосвязи урбанизации и эллинского политогенеза. Трудности в разработке проблемы связаны, прежде всего, с полисемантичностью понятия «полис». Например, Г. Хансен пишет, что в периоды архаики и классики этот термин мог означать укрепленное место, город, хору, государство, использоваться как синоним экклесии или демоса и др. Однако все эти значения, по мнению автора, – вариации понятий город и государство [3, с. 56-61]. Иной подход состоит в определении полиса как гражданской общины. Ученые аргументируют это тем, что не все полисы имели

городской центр или же включали в себя не один, а несколько городов [10, с. 6; 3, с. 59]. При этом многие исследователи, занимающие ту или иную позицию, указывают на условность наименования многих античных поселений городами как минимум до периода архаики, т.к. многие из них не были городами по ряду критериев [4, с. 153; с. 9, с. 22-23].

Среди учёных, признающих взаимосвязь урбанизации и политогенеза, выделяется два основных подхода: одни считают, что развитие гражданских общин предшествовало городам; другие выступают за синхронность данных процессов. М. Кыйв пытается проследить по материалам археологии насколько урбанизация в раннем железном веке и в архаической Греции повлияла на формирование политических сообществ. Он приходит к выводу, что в ряде случаев политическое сообщество появилось раньше города, что говорит о незначительной роли урбанизации в греческом политогенезе [4, с. 164]. Р. Фитсаймонс, исследовавший поселение Азория на Крите периода архаики, пишет, что городской ландшафт являлся эффективным и наиболее явным средством создания, укрепления и символизации новых социальных, политических, экономических отношений. По его мнению, градостроительство выступило материальным выражением становления полиса, выступая активным агентом в этом процессе [2, с. 220-221].

Р. Осборн пытается отойти от рассмотрения города в связи с политогенезом и предлагает применить к нему функциональный подход. Он рассматривает урбанизацию в Средиземноморье в раннем железном веке, устанавливая какими социальными, политическими, экономическими функциями обладали поселения и за счет чего люди объединялись в относительно большие сообщества [7, с. 8].

Значительное внимание исследователи уделяют поселенческим данным как источнику для изучения демографии. Это направление получило развитие в 1980–90-е годы на фоне выводов ученых о том, что некрополи, которые ранее считались приоритетным источником для оценки народонаселения, не достоверно отражают его численность [5, с. 44]. И. Моррис определил три точки роста греческих городов в I тыс. до н.э.: кон. VIII в., V в., кон IV-III вв. В это время число жителей городов выросло примерно от тысячи человек в начале периода до полумиллиона в некоторых из них в I в. до н.э. Однако типичный греческий город был немногочисленным. Например, в классический период города насчитывали всего 1-2 тыс. жителей, а их площадь составляла несколько сотен квадратных метров. Главным фактором роста городов, автор определяет способность власти контролировать и коммуницировать материальные и человеческие ресурсы [6]. Хансен пришел к выводу, что в IV в. до н.э. более 80 % городов имели население более 1000 человек, а по меньшей мере 10 % – более 10 000 жителей. Общее число жителей исследованных им греческих поселений во вт. пол. IV в. до н.э. достигало порядка 7 млн. человек [3, с. 80-85].

Экономику античных городов исследователи зачастую рассматривают посредством модели Вебера, который выделил 4 идеальных типа города: потребитель, производитель, торговый город, город сельскохозяйственного типа. Они различаются по характеру производства и распределения прибыли. Часть антиковедов полагают, что греческие города относились к первому типу. Г. Хансен отмечает, что отличия города-потребителя от производителя Вебером перенял от В. Зомбарта, который применил свою модель к городам средневековья и современности. Он считает, что типичный полис не был городом-потребителем.

По мнению К. Власопулоса, дискуссия о полисе как городе-потребителе – следствие старого дискурса, цель которого было проследить становление капитализма. Поэтому изучение античности с помощью концепции Вебера несостоятельно. Власопулос предложил изучать экономику полиса через взаимодействие с города с хорой [8, с. 123-124].

Заключение. Итак, современные зарубежные исследователи продолжают историографическую традицию XIX и XX вв. В частности, споры о понятии «полиса» идут уже более ста лет. Тема античного города второй половине XX века развивалась в общеисторическом дискурсе, при котором город изучался в рамках дискуссии о государстве. Определенный переход намечился в 1970-е гг., и только в 1990–2000-е город становится основным, а не второстепенным, объектом исследования антиковедов. Хотя исследователи не редко пытаются адаптировать к античности методы и подходы, применяемые к исследованию современных городов, ряд концепций были пересмотрены или определены, как несостоятельные для античности. В настоящее время сформировались предпосылки для изучения древнегреческого города как особого исторического феномена.

Список литературы

1. Finley M. The Ancient City: From Fustel de Coulanges to Max Weber and Beyond // Comparative Studies in Society and History, Vol. 19, № 3 – Cambridge University Press, 1977. – pp. 305-327.
2. Fitzsimons R. Urbanization and the Emergence of the Greek Polis: The Case of Azoria // Making Ancient Cities: Studies of the Production of Space in Early Urban Environments, Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – pp. 288-338.
3. Hansen M.H. Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State, New York: Oxford University Press, 2006. – 246 p.
4. Kōiv M. Urbanisation and political community in Early Greece // Alter Orient und Altes Testament, 390 (2). – Münster: Ugarit-Verlag, 2013, – pp. 149-208.
5. Morris I. The early polis as city and state // City and Country in the Ancient World. – London, New York: Routledge, 1991. – 324 p.
6. Morris I. The growth of Greek cities in the first millennium BC // Princeton/Stanford Working Papers in Classics Paper, №120509. – 2005.
7. Osborne R. Urban Sprawl: What is Urbanization and Why does it Matter? // Mediterranean Urbanization 800-600 BC. – New York: Oxford University Press, 2005. – pp. 1-17.
8. Vlassopoulos K. Unthinking the Greek Polis: Ancient Greek History beyond Eurocentrism, Cambridge/New York: Cambridge University Press, 2007. – 288 p.

9. Туманс Х. О месте города в системе полисных ценностей // Мнемон, 8. – СПб, 2009. – С. 19-48.
10. Феномен полиса в современной зарубежной историографии: Реф. сб. / РАН ИНИОН; Отв. ред. А. Е. Медовичев. – М., 2011. – 152 с.

УДК 902(470.61)“6323”

НУКЛЕУСЫ С ТОРЦОВЫМ РАСЩЕПЛЕНИЕМ ИЗ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО СЛОЯ 6 СТОЯНКИ БИРЮЧЬЯ БАЛКА 2 В НИЗОВЬЯХ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Данильченко А.Ю.

ООО «Ростовское Археологическое Научно-Исследовательское Общество»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
ADanil4enko@yandex.ru

Введение. Первооткрыватель и исследователь многослойной стоянки-мастерской каменного века Бирючья Балка 2 в низовьях Северского Донца А. Е. Матюхин уделил много внимания пластинчатому компоненту индустрии среднего палеолита слоя 6. В итоговой монографии он отмечал, что «...в коллекции горизонта много целых пластинчатых сколов. Их гораздо больше, чем фрагментов разных типов. Для других нижних горизонтов это соотношение совсем иное. Правда, близкое значение получено для пластин горизонта 5б. Заметим, что для индустрии всех нижних горизонтов характерны одни и те же кремни. Отмеченное обстоятельство, по нашему мнению, лишний раз свидетельствует о неслучайном присутствии пластин в инвентаре мустьерских горизонтов и в том числе горизонта 6» [1, с. 70].

Основная часть. Проблема пластинчатого среднего палеолита давно интересует исследователей. В контексте Западной Европы, индустрии данного типа датируются преимущественно в пределах MIS 5с (105 тыс. л. н. – 93 тыс. л. н.). В пределах Русской равнины к памятникам данного типа относится Курдюмовка в Северо-Западном Донбассе [2, с. 152]. В Крыму подобные признаки демонстрирует комплекс изделий из 8-9 горизонтов стоянки Кабази II [3; 4].

Кремневая индустрия слоя 6 стоянки Бирючья Балка 2 содержит около 12 000 кремневых изделий. Из них нуклеусов на различной стадии сработанности, по опубликованным данным [5, с. 65], – 416 шт. Подавляющее количество нуклеусов относятся к классическим технологиям расщепления камня, основанным на эксплуатации уплощенного или слабовыпуклого рабочего фронта с круговыми или полярными площадками.

Среди нуклеусов 6 слоя выделяется серия нуклеусов с рабочим фронтом, оформленным на боковом-торцовом участке изделия. Это нуклеусы с элементами торцового расщепления (скалывания). Всего их в кол-

лекции 16 штук: 10 единиц происходят из верхнего суб-горизонта слоя 6 (6.1), и 6 единиц из нижнего (6.2). В большей массе изделия массивные, размер ядрищ варьирует от 14,8 см до 6,3 см, с преобладанием крупных форм.

Сырьё, из которого выполнены изделия местное, происходит из балки Бирючьей. Использован кремьнь довольно низкого качества, конкреции не однородные по цвету и структуре, часто встречаются каверны, включения. Цвет сырья от светло-серого (дымчатого), до тёмно-серого (графитового). На некоторых ядрищах желвачная белая, бело-бежевая густая корка покрывает до 40 % поверхности.

Примечательно то, что на отобранных в данную категорию нуклеусах чётко просматриваются негативы торцовых сколов, спущенных с тщательно подготовленных ударных площадок. На 8 изделиях отчётливо фиксируется «киль», на противоположной ударной площадке стороне тела нуклеуса.

Негативы сколов с торцовых участков такие же системные, как сколы с рабочего фронта нуклеусов других разновидностей. Присутствуют в коллекции и сами сколы с таких участков, по форме близкие к реберчатым пластинам позднего палеолита.

Схожие комплексы среднего палеолита с торцовыми нуклеусами и реберчатыми пластинами известны по материалам стоянок Rocourt – во Франции [6, 7] и Boker-Tachtit в пустыне Негев в Палестине [8, 9, 10, 11].

Заключение. Таким образом, зафиксированный нами в ходе работы с материалами 6-го слоя комплекса Бирючья Балка 2 торцовый приём скалывания, весомый процент в коллекции реберчатых пластин, а также корреляция полученных наблюдений с материалами известных комплексов среднего палеолита Rocourt и Boker-Tachtit, указывает на присутствие в более ранней мустьерской индустрии приёмов, характерных для позднего палеолита. Сам факт появления в нижних горизонтах Бирючьей Балки 2 чётко выделенного торцового элемента говорит о необходимости более тщательного и детального анализа мустьерских индустрий данного комплекса. Отдельной задачей (на основе материалов Бирючьей Балки 2) является изучение эволюции и выделение хронологических рамок для пластинчатой индустрии, в рамках одного комплекса, на примере двух морфологически схожих технологий – пластинчатой технологии левалуа в среднем палеолите и пластинчатом расщеплении в поздепалеолитических горизонтах.

Список литературы

1. Матюхин А. Е. Техника расщепления в мустьерских и поздепалеолитических индустриях памятника Бирючья Балка 2 // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке: Замятнинский сборник. Вып. 1. Отв. Редактор А. Г. Хлопачев. – СПб, 2008.
2. Колесник А. В. Средний палеолит Донбасса // Археологический альманах. – № 12. – Донецк, 2003. – 294 с.
3. Чабай В. П. Аккайцы в Западном Крыму: Кабази-II, культурный слой III // Археологический альманах. – № 8. – Донецк, 1999. – С. 51-76.

4. Чабай В. П. Кабази-II, культурные слои V и VI: микок времени последнего интергляциала // Археологический альманах. № 13. – Донецк. 2003. – С. 81-127.
5. Матюхин А. Е. Бирючья Балка 2: многослойный палеолитический памятник в бассейне Северского Донца. – СПб. 2012. – 244 с.
6. Otte M. Rocourt (Liege, Belgique): industrie lumineuse ancienne // Les industries lumineuses au Paléolithique moyen. Actes de la table ronde internationale organisée par l'ERA 37 du GRAC-CNRS à Villeneuve-d'Ascq 13 et 14 novembre 1991. S. Revillion et A. Tuffreau dir. Dossier de Documentation Archéologique 18, CNRS. – Paris, 1991. – P. 179-186.
7. Otte M., Boeda M., Haesaerts P. Rocourt: industrie lumineuse archaïque // Helinium. – 1990. T. XXIX/1. – P. 3-13.
8. Сарель Ж., Ронен А., Бойда Э. Есть ли «Переходная индустрия» в северном Израиле? // STRATUM plus. – Кишинев. 2000. – № 1. – С 147-157.
9. Bar-Yosef O. The Middle and Upper Paleolithic in Southwest Asia and neighboring regions // The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean / eds. O. Bar-Yosef, D. Pilbeam. – Cambridge: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University, 2000. – P. 107–156.
10. Marks A.E. Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel: The Avdat/Aqev Area // SMU Press. Vol. 3, 1983.
11. Marks A.E., Kaufman D. “Boker Tachtit: The artifacts” in Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel, A. Marks, Ed. // SMU Press. – Vol. 3. – 1983. – P. 69-125.

УДК 004.032.6:069

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ МУЗЕЕ (на примере Донецкого республиканского краеведческого музея)

Дедкова Е.Н.

ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей», г. Донецк, ДНР
elelia@meta.ua

Введение. В последние десятилетия можно наблюдать лавинообразное распространение информационных технологий практически во всех сферах жизни общества. Информатизация музейной деятельности, использование современных мультимедийных технологий в музейной деятельности применяется как для привлечения посетителей, так и для создания более информационных экспозиционных залов Донецкого республиканского краеведческого музея.

Основная часть. История Донецкого республиканского краеведческого музея начинается с 1924 г. Время не стоит на месте, и музей достиг уже вполне почтенного возраста и стоит на рубеже своего 100-летнего юбилея. Все эти годы музей сохраняет национальные реликвии, которые являются оберегами духовности. Возвращает жителям края гордость за созданное предшествующими поколениями культурное наследие, возрождает их историческую память.

Вторую половину XX в. можно назвать «веком компьютеров». Компьютеры заняли важное место и в такой роде бы «некомпьютерной»

сфере, как музейное дело. Музейное дело также, как и многие науки, активно использует компьютеры в своей деятельности. Их применение в сфере культуры было связано с попытками создания автоматизированных информационно-справочных систем, которые могли бы использоваться всеми сотрудниками музея в повседневной практической работе, экспозиционной, выставочной, экскурсионной и пр. для ускоренного поиска самой различной информации о музейных предметах [1].

В 2004 г. в Донецком краеведческом музее был создан специализированный отдел компьютерных технологий, печати и научной информации. Основная функция этого отдела на первых порах заключалась в том, чтобы обеспечить работоспособность установленных в музее компьютеров, адаптировать и сопровождать используемое в музее программное обеспечение. Музейные информационные системы нуждались в технической поддержке, а музейные работники – в консультациях со стороны специалистов по информационным технологиям. Всегда есть потребность в постоянном курировании пользователей, со стороны специалистов по информационным технологиям.

В отсутствие унифицированного специализированного компьютерного программного обеспечения в музее была разработана программа по автоматизированному учету фондовых коллекций, адаптированная к собственной специфике документооборота краеведческого музея. Благодаря созданной программе, информация о предмете вводится единственный раз, и далее по всем документам она дублируется автоматически, и сокращает в пять раз затраты труда [2].

Постепенно, по мере приобретения музеем опыта и расширения сферы использования информационных технологий, функциональные обязанности отдела компьютерных технологий расширялись. Сотрудники работали над глобальной телекоммуникационной сетью. Это и абонентский доступ, и сетевое оборудование (локальные сети, сервера). Все виды обеспечения (программное, информационное) подчас относят к телекоммуникационной составляющей, а иногда к информационным сетям.

Сегодня ИТ весьма широко используются на самых различных этапах жизненного цикла выставок и экспозиций в современном музее – с момента создания научной и архитектурно-художественной концепции экспозиции и до ее практической реализации в залах музея. Практически ни одна экспозиция и выставка не обходятся без технической новинки. Мультимедийное оборудование дает возможность «оживить» диких зверей, продемонстрировать архивные киноматериалы и видеоматериалы, предоставить более подробную, расширенную информацию об экспонатах, о музее, рассказать о возможностях новых технологий. Донецкий республиканский краеведческий музей является одним из музеев, активно использующим информационные технологии в своей деятельности. А именно, интерактивные киоски и экраны, плазменные панели для демонстрации видео-контента, пирамиды, воспроизводящие голографические

изображения в 3Д формате. Все это оборудование (проекторы, сенсорные экраны, плазменные панели, WEB-камеры, управляемые с компьютеров, информационные киоски) в музее можно назвать привычным термином «мультимедиа». Эти средства разнообразны, конструктивно отличающиеся друг от друга, но, несмотря на различия, используются с одной целью – изучение музейного предмета, т.е. его электронной копии в разных ракурсах [3].

Использование технологии мультимедиа существенно расширило круг задач, решаемых в музее с помощью компьютера и информационных технологий. К Интернету, или к так называемой Всемирной паутине World Wide Web, все привыкли настолько, что с трудом представляют свое существование без него. Доступ в Интернет дает возможность пользоваться электронной почтой, что является на сегодняшний день самым мощным и оперативным средством профессиональной коммуникации между музейными специалистами. Появляется возможность получать новостные рассылки, выходить на сайты отечественных и зарубежных музеев. Географические границы перестали быть препятствием для получения информации и для обмена ею.

Музей, ориентируясь на удовлетворение потребностей посетителя, одновременно работает на привлечение этого посетителя, при этом развивая его интерес и формируя потребности, неразрывно связанные с посещением музея [4].

Закключение. Таким образом, можно констатировать, что Донецкий республиканский музей идет в ногу со временем, но это не дает оснований для спокойного существования. Темп жизни и научно-технический прогресс дают сотруднику музея новые области для изучения, усовершенствования своих знаний и применения в работе. Можно говорить о том, что мультимедийный контент становится полноценным экспонатом наряду с другими музейными предметами

Список литературы

1. Ноль Л. Я. Информационные технологии в деятельности музея: Учебн. пособие / Л. Я. Ноль – М., 1999. – 203 с.
2. Літопис Донбасу: Краєзнавчий збірник / Редкол.: Илляшенко Т. В., Колесник О. В., Койнаш Т. П. та ін. – Донецьк, 1999. – Вып. 7. – 61 с.
3. Исторический музей как зеркало перемен. 1991–2011 // Материалы Международной научно-практической конференции (5-6 октября 2011 г.) / Под ред. А. М. Кулегина. – СПб.: Норма, 2012. – 160 с.
4. Материалы научно-практической конференции «Локтюшевские чтения – 2020» / Под ред. И. Н. Ключевой. – Луганск, 2020. – 12 с.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ И НИЖНЕГО ДОНА В XX в.

Зоров Ю.Н.

ГАУК РО «Донское наследие», Ростов-на-Дону, РФ
zoroff.yura@yandex.ru

История изучения памятников палеолита в Северо-Восточном Приазовье и низовьях Дона на сегодняшний день насчитывает немногим менее ста лет. До середины XX в. исследования касались в основном памятников раннего и среднего палеолита. Первое и единственное из известных в литературе сведений о находках каменного века на территории бывшей Области войска Донского относится к самому началу XX в. В 1901 г. геологом В. В. Богачевым проводилось обследование разрезов у станицы Аксайской. В описании отложений Кобякова городища им было отмечено, что в находящихся рядом балках, в «правильных наносах, очень древних, заметны остатки, доказывающие существование человека в тот отдаленный период, когда образовались они: остатки костра, кремневый нож и еще какие-то осколки кремня» [1, с. 584].

Начало систематического изучения памятников палеолита в Северо-Восточном Приазовье и на Нижнем Дону было положено в середине 30-х гг. XX в. В 1934–1935 гг. геологами В. И. Грозовым и В. Х. Хохловкиной, во время обследования разрезов четвертичных отложений в Приазовье были выявлены несколько местонахождений каменного века, среди которых выделялись находки эолитов у п. Матвеев Курган и местонахождения у сел Бессергеновка и Лакедемоновка на Миусском лимане. На Лакедемоновском местонахождении, в «верхнем горизонте» были обнаружены «кремни верхнепалеолитического облика» [2, с. 252-253]. В 1938 г. местонахождение у п. Матвеев Курган, во время поездки по поручению Ростовского-на-Дону бюро краеведения посетил С. Н. Замятнин [3, с. 255].

С начала 50-х гг. начинается самый продолжительный этап в открытии и исследовании в регионе памятников позднего палеолита. В 1950 г. П. И. Борисовским, во время проведения исследования Амвросиевской стоянки, были проведены разведочные работы по течению рек Крынки и Миуса. Одной из задач отряда было посещение местонахождения у Матвеева Кургана [4, с. 47-48]. В 1952 г. П. И. Борисовский продолжил разведки по течению рек Миуса и Тузлова, в ходе которых им был открыт ряд кремневых мастерских. Существенный интерес представляла мастерская Марьева гора (Кульбаково). На поверхности местонахождения и в шурфе был получен материал эпох среднего и позднего палеолита. Вторая мастерская, Грекова гора, находилась на правом берегу р. Миус, напротив с. Кульбаково, на широкой площади которой были собраны кремни, часть

из них патинирована, среди которых представлен обломок крупного, двусторонне обработанного наконечника. Кроме того, П. И. Борисовским были обследованы т. н. Машлыкинские мастерские, в балке Дубовой, примерно в 2 км от ее устья. Одно местонахождение было выявлено между селами Кульбаково и Машлыкино (современное название – Иваново-Ясиновка), на возвышенности, называемой Макитра [5, с. 138-143; 6, с. 23-27]. В 1956 году И. С. Каменецким открыта Чулекская стоянка [7, с. 131-136]. Это открытие послужило основанием для дальнейших исследований в данном районе. С 1957 года М. Д. Гвоздовер проводит широкомасштабные исследования в долине Донского Чулека и прилегающих территорий по течению р. Мертвый Донец, приведшие к открытию целого комплекса позднепалеолитических памятников в соседней Чулекской балке Каменной (Мяниковский район Ростовской области). Во время работ в долине Донского Чулека были выявлены еще две позднепалеолитические стоянки: у х. Толстова, в 1 км западнее Чулекской стоянки и на левом берегу балки Донской Чулек, получившее впоследствии название «Чулек II». В ходе разведок М. Д. Гвоздовер был выявлен комплекс позднепалеолитических стоянок в Каменной балке [8].

В 1959–1967 гг. регулярные полевые исследования продолжил Н. Д. Праслов. Особое внимание им было уделено обследованию берегов Миусского лимана и побережья Таганрогского залива в районе г. Таганрог. Наиболее значительным в, в ходе его работ, явилось открытие Мураловской позднепалеолитической стоянки, раскапываемой в 1964 и 1967 гг. На вскрытой площади 140 кв. м были выявлены остатки жилого комплекса. Мураловская стоянка оказалась первым памятником с индустрией ориньякоидного технокомплекса в Северо-Восточном Приазовье [9]. В 1959 г., на правом берегу р. Самбек, Н. Д. Прасловым открыта и в 1960 г. частично исследована позднепалеолитическая стоянка Югино II. Вблизи стоянки были выявлены позднепалеолитические местонахождения Югино I и Совет. Кроме того, Н. Д. Прасловым был открыт целый ряд позднепалеолитических местонахождений в бассейне р. Миус, к числу которых относятся: Малая Неклиновка, Большая Неклиновка, Семаки, Едуши, Покровское, Курлацкое [6]. В 1969 году, В. Я. Кияшко и А. Е. Матюхиным открыта Золотовская стоянка, затем систематически исследовалась в 1976 и 1978 гг. В 1996 продолжено исследование Золотовской палеолитической экспедицией под руководством В. Е. Щелинского [10]. В 1979 г. Н. Д. Прасловым, на левобережье нижнего течения р. Северский Донец, в устье балки Бирючьей была открыта позднепалеолитическая кремнеобработывающая мастерская. Впоследствии здесь, а также в соседней, Кременской балке были открыты и, с 1987 г., начаты систематически исследоваться более десятка мастерских, работы на которых, с небольшими перерывами, продолжают по настоящее время [11].

Таким образом, к настоящему времени накоплены значительные материалы по истории исследования памятников позднего палеолита в

Северо-Восточном Приазовье и низовьях Дона, свидетельствующие об активном заселении региона в рассматриваемую эпоху. Важным явилось открытие и исследование разных в культурно-хронологическом отношении памятников.

Список литературы

1. Богачев В. В. Отчет об изысканиях, произведенных на Кобяковом городище и прилежащей местности в юрте Аксайской станицы Черкасского округа [Донской области] // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902. Т. 2. – М., 1905. – С. 583-588.
2. Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР // Труды Института геологических наук. – М., 1948. – Вып. 64. Геологическая серия (№ 17). – 521 с.
3. Замятнин С. Н. Заметки о палеолите Донбасса и Приазовья // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XIV / Отв. ред С.П. Толстов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 231-255.
4. Борисковский П. И. Работы Амвросиевского отряда в 1950 г. Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М., 1952. – Вып. XLVIII. – С. 42-50.
5. Борисковский П. И. Некоторые местонахождения каменного века в Приазовье // Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея. – Таганрог, 1957. – Вып. 1. – С. 135-145.
6. Борисковский П. И., Праслов Н. Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья // САИ. – М.-Л., 1964. – Вып. А 1-5. – 56 с.
7. Каменецкий И. С. Чулекская верхнепалеолитическая стоянка // Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея. – Ростов-на-Дону, 1964. – Вып. 2. – С. 131-136.
8. Гвоздовер М. Д. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. – М.-Л.: Наука. 1964. – С. 37-41.
9. Праслов Н. Д., Филиппов А. К. Первая находка палеолитического искусства в южно-русских степях // КСИА. – 1967. – Вып. 111. – С. 24-30.
10. Праслов Н. Д., Щелинский В. Е. Верхнепалеолитическое поселение Золотовка 1 на Нижнем Дону. – СПб., 1996. – 74 с.
11. Матюхин А. Е. Бирючья Балка 2: Многослойный палеолитический памятник в бассейне Нижнего Дона. – СПб., 2012. – 244 с.

УДК 94(470.61)“1313/1359”

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ УЛУСА АЗАК В 1313–1359 гг.

Карепин К.В.

г. Макеевка, ДНР

karepin.kostya@mail.ru

Введение. Административная система – это один из важнейших структурных элементов государственности. В то же время для Золотой Орды проблематика административного районирования далека от своего

окончательного разрешения. Обусловлено это двумя моментами. Во-первых, об административной системе золотоордынского государства свидетельствует крайне мало письменных источников и, во-вторых, сложность представляют исторические условия, в которых формировалась Золотая Орда. Нам известно, что со времени хана Узбека (1313–1345 гг.) административная система упорядочивается, вся страна делится на четыре больших области, которые получают в своё управление четыре высших чиновника – улусбека по исламской традиции называемые эмирами [7, с. 345]. Но во всей этой системе то, к какому из улусов относился Азак, по-прежнему остаётся невыясненным.

Основная часть. Основной спор разворачивается к тому, принадлежал ли Азак Крымскому улусу или относился к Дешт-и-Кыпчак. Кроме того, вопросы вызывает и то, какую территорию занимал этот Азак. Ранее предполагалось, что конкретно город Азак являлся отдельной административно-территориальной единицей [2], однако в последнее время, на основе анализа законодательных актов и торговых договоров, Р. Ю. Почекаевым было выдвинуто предположение, что улус Азак занимал значительно большую область. Кроме того, на основе документов Почекаев утверждает, что наместник Азака обладал значительными полномочиями и был подвластен лично хану, а не одному из улусбеков [6].

Однако тезис о разграничения улусов Дешт-и-Кыпчак, Крым и Азак не может быть принят, потому что первые два улуса являются административными единицами более высокого уровня организации. На то, что Азак не входил в число крупнейших улусов, косвенно указывает сообщение Эль-Омари, который использует по отношению к Узбеку титулатуру следующего содержания: «государь Сарая, Хорезма, Крыма и Дешт-и-Кыпчака».

Объяснить же высокую автономность азакского наместника можно высказыванием всё того же Эль-Омари. Упоминая о полномочиях четырёх улусбеков, он говорит следующее: «Что же касается совокупности (действий) всех их в имущественных делах народа, то эмирам большей частью они (дела) знакомы лишь настолько, насколько их знают наместники их» [7, с. 249]. То есть, фактически эти улусы являлись кормлениями улусбеков, источником их доходов, реальная же власть принадлежала наместникам более низкого уровня – бекам. Количество самих беков было определено Егоровым в 70 человек, носивших титул темника. Точно таким же титулом обладал и наместник Азака, что ещё раз подтверждает, что улус Азак входил в 70 «областей» Золотой Орды.

Вопрос выяснения того, к Крыму или Дешт-и-Кыпчаку принадлежал Азак, требует отдельного рассмотрения. Большая часть авторов склонна относить Азак и всё Приазовье к Крымскому улусу, однако целый ряд фактов позволяет оспорить это утверждение. Так, между Крымом и Азаком развернулась борьба за венецианские колонии с целью получения большей выгоды [3, с. 101-102]. Представить такую борьбу, если бы Азак

принадлежал Крыму, было бы просто невозможно. Кроме того, в годы смуты 1359–1380 гг. когда Крым поддержал Мамай, наместник Азака выступил против, для присоединения города к своим владениям, Мамаю пришлось захватывать город в 1362 г. [1, с. 99].

Таким образом, улус Азак должен быть одной из «областей» Дешт-и-Кыпчак. При этом Приазовье в 1313–1359 гг. к Азаку не относилось, что доказывается как описанными выше событиями Смуты, так тем, что для этого периода мы не фиксируем памятников с культурной традицией Азака и не имеем монетных кладов. Памятники же долины Северского донца тяготеют к крымским и поднепровским центрам, но не к Азаку [4]. Если же говорить о размерах улуса Азак, то он точно включал территорию округа, что подтверждается археологически [5], а также территория на юг вплоть до Тамани, о чём сообщает ал-Калкашанди со ссылкой на Абу-л-Фида [8, с. 287-288].

Широта полномочий наместника Азака обосновывается геополитическим расположением и функциями этого улуса. Несомненно, что в крупном торговом центре, каким был Азак, пересекались интересы многих крупных торговых акторов того времени. Это означало необходимость решения всевозможных вопросов и лавирования между разными течениями, с целью как получения большей выгоды, так и для защиты собственных интересов. Это можно назвать высоким уровнем автономии, но всё же не позволяет говорить о полной самостоятельности, ведь в случае возникновения кризисов те же венецианцы вели переговоры непосредственно с ханом, а не с наместником Азака [9].

Заключение. Таким образом, после административной реформы хана Узбека, Азак представлял собой не просто город, но одну из 70 крупных «областей», на которые делилась Золотая Орда. Судя по письменным источникам и археологическим свидетельствам, Азакский улус занимал территорию Восточного Приазовья от Дона до Тамани, а бек, которому принадлежал этот улус, обладал очень широкими полномочиями, связанными с внешнеторговой деятельностью города. Вполне возможно, что в некоторые периоды наместники даже могли осуществлять самостоятельную политику, неутверждённую центром. Однако после 1359 г., когда страну захлестнула Смута, Азак со своей округой перешло под власть Мамай, присоединившись к единому Приазовскому пространству, а любые признаки былой автономии жёстко подавлялись.

Список литературы

1. Григорьев А. П., Фролова О. Б. Географическое описание Золотой Орды в Энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. – М.: Восточная литература, 2002. – С. 261-302.
2. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. – М.: «Наука», 1985. – 247 с.
3. Колли Л. П. Извлечение из сочинения Вильгельма Гейда «История торговли Востока в Средние века (Колонии на северном побережье Черного моря. Конец западных

- колоний северного побережья Черного моря)» // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – № 52. – 1915. – С. 68-185.
4. Кравченко Э. Е. Азак и поселения Донецкого края (о связях двух регионов в золотоордынское время) // Азак и мир вокруг него: материалы Международной научной конференции (14–18 октября 2019 года, г. Азов). – Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2019. – С. 121-124.
 5. Минаев А. П., Юдин Н. И. Новые данные по исторической географии золотоордынских поселений Нижнего Подонья и Северо–Восточного Приазовья // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Кишинев – Казань: Stratum Plus, 2019. – С. 657-667.
 6. Почекаев Р. Ю. Азакский улус Золотой Орды: особенности правового положения транзитного центра на Великом Шелковом пути // Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии – М.-Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Издательский дом «Исламская книга», 2020. – С. 145-152.
 7. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Санкт–Петербург, 1884. – Т. I, извлечение из арабских источников. – 564 с.
 8. Фомичев Н. М. Клад монет из побоища в Азаке времен «великой замятни» в Орде // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 12–24 апреля 2004 г. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2004. – С. 98-99.
 9. *Deliberationes Senatus Veneti de negotiis Tanae et in partibus imperii Tartarorum // Diplomatarium Veneto-Levanticum, sive acta et diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia.* – Vol. II. – Venezia. 1889. – P. 320-341.

УДК 903.22:303.446.4

РУЖЕЙНЫЕ КРЕМНЕВЫЕ ЗАМКИ ИЗ ФОРТОВ НИЖНЕГО ДОНА XVII-XVIII вв. (ЛЮТИК, СТАРОЧЕРКАССК)

Климова К.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
igorevich.cho@mail.ru

Введение. В данной работе анализируются два уникальных объекта материальной культуры XVII–XVIII вв. (ружейные кремневые замки), которые помогают понять систему поставок огнестрельного оружия военизированного населения Нижнего Дона. Сохранность данных кремневых замков удовлетворительная, это дает возможность сделать предварительный анализ по внешнему виду артефактов.

Основная часть. Кремневый замок из крепости Лютик (Сед-Ислам). Данная крепость расположена на северном берегу Таганрогского залива у х. Недвигока Мясниковского района Ростовской области, была основана турками, просуществовала с 1660 по 1741 гг., являлась важным форпостом для контроля выхода в Азовское море. Культурный слой крепости содержит множество археологических остатков двух периодов заселения: турецкого и русского.

В ходе раскопок 1993–1994 гг. на территории крепости была собрана значительная коллекция материальных остатков XVII–XVIII вв., в том

числе ружейных и кресальных кремней вторичного использования, детали огнестрельного оружия. Важное место среди находок занимает сохранившийся ружейный замок с уцелевшим кремневым вкладышем. Замок крупного размера, изначально был, возможно, вместе со стволом, но сохранились только фрагменты. Сохранились верхняя бойковая часть курка с кремнем и планками зажима, фрагмент подогнивной пружины и детали взводно-спускового механизма [1]. Все железные детали сильно деформированы и корродированы, так как замок пролежал во влажном грунте. В целом, сохранность удовлетворительная. По размерам и конструкции курок этого ружейного замка напоминает русский замок ручной пищали, предположительно, последние десятилетия XVII – первые десятилетия XVIII в. Сравнительный анализ с другими ружейными замками русских пищалей данного периода, дает возможность утверждать, что замок сделан именно на территории России [2]. Однако, особенности конструкции взводно-спускового механизма требуют детального сопоставления с замками других типов. Единственное, что вызывает сомнение – короткая стойка курка, что не свойственно для замков русского типа. Возможно, дело в том, что замок достаточно поврежден. Также, определение типа замка затрудняет отсутствие ствола ружья и сопутствующих предметов.

Что касается кремневого вкладыша: в зажиме замка сохранился матовый кремень серого цвета. Размеры: ширина – 43 мм, длина – 34 мм, толщина – 14 мм. Как видно из его положения в курке, своей продольной осью вкладыш ориентирован поперечно оси удара. Вкладыш подпрямоугольной формы. Хорошо заметна ударная кромка микролита – она обработана в технике двусторонней оббивки. Рабочая кромка не имеет мелких сколов изношенности. Следует признать, что ружейные кремни с бифасиальной обработкой рабочего края являются уникальными для памятников европейской части России XVII–XVIII вв. [1]. Интересно отметить, что на кремневом вкладыше отсутствует обычная для замков свинцовая обойма, т.е. ружейный кремень был обернут в лоскут кожи или коры.

Кремневый замок из Старочеркасской крепости. Следующий замок происходит из арсенала Старочеркасской крепости. В августе 1744 г. на территории крепости произошел катастрофический пожар, который привел к уничтожению военного арсенала, жилого фонда, культовых сооружений, казны и канцелярии Войска Донского и гибели значительного количества людей [3]. Ружейный замок сохранился с кремневым вкладышем, имеет хорошую сохранность, хоть его поверхность корродирована временем. Замок был частью крупной ошлакованной железной плиты, образовавшейся в результате расплавления части арсенала. Эта плита была найдена в центральной части крепости и, видимо, была перемещена из сгоревшей постройки вскоре после пожара и проведения восстановительных работ в крепости.

Данная запальная кремневая батарея достаточно корродирована, но при первом, не скрупулезном осмотре, можно понять, что она находилась

в спущенном состоянии, с открытой пороховой полкой и отведенной кресальной планкой. Такое положение замка исключало напряжение боевой пружины и непреднамеренное срабатывание ударного механизма. Интересен тот факт, что в ошлакованной плите это был единственный кремневый замок, при этом ружье хранилось в арсенале в снаряженном состоянии, со вставленным кремнем, но со спущенным, не взведенным курком, т.е. в наиболее безопасном и щадящем режиме, при полной боевой готовности. Металл ружейного замка прокален до бурого цвета, местами оплавлен, что говорит о масштабах пожара.

Ружейный кремень сильно пострадал от огня, частично разрушился, серого цвета, матовый, растрескавшийся. Характер и место добычи кремневого сырья визуально определить трудно, т.к. на камне отсутствует тыльная часть и частично боковые участки. Толщина вкладыша стандартная для того периода, и составляет около 15 мм. Яркой отличительной чертой вкладыша является ударная часть, обработанной в технике бифасиальной оббивки. Ударная кромка совпадает с продольной осью вкладыша, что отражает стандартное положение кремня в курке [3]. По характеру обработки и положению в курке кремневый вкладыш аналогичен микролиту в ружейном замке из крепости Лютик, который описан выше.

Экземпляр имеет спорное происхождение. Можно с уверенностью сказать, что это замок средиземноморского типа от длинноствольного ружья типа микелет, вероятно, – турецкая версия этого замка. Вопрос о месте изготовления данного замка пока открыт. Замки данного типа делали и в Османской империи, и в России XVII в. Однако, именно этот образец имеет признаки, общие для русского и турецкого оружия [4]. По мнению А. Н. Чубинского, на основе некоторых деталей замка, он имеет балканское происхождение. Данный экземпляр имеет точную верхнюю датировку (до 1744 г. – год пожара). Весьма вероятно, что микелет балканского происхождения попал в арсенал крепости в качестве трофея и хранился в качестве запаса строевого оружия.

Заключение. Таким образом, происходящие из культурных слоев крепостей Нижнего Дона XVII–XVIII вв. ружейные кремневые замки относятся к разновидностям оружия российского (видимо) и балканского происхождения. Особый интерес представляют вставленные кремневые вкладыши, которые фиксируют реальное положение кремня в ружейном замке. Анализ археологических источников под таким углом зрения помогает решать вопрос о поставках и снабжении Войска Донского огнестрельным оружием.

Благодарности. Автор выражает признательность сотруднику Музея Московского Кремля А. Н. Чубинскому за оказанную консультацию.

Список литературы

1. Колесник А. В., Гусач И. Р. Ружейные и кресальные кремни из крепости Лютик (XVII–XVIII вв.) на Нижнем Дону // Поволжская археология. – 2018. – № 4. – С. 98-116.

2. Мышковский Е. В. Замки русского огнестрельного оружия XVI-XVII вв. // Советская археология. – 1964. – № 4. – С. 186-198.
3. Лисин Н. В., Такаченко Д. Л. Казуальная история Старочеркасской крепости: гибель арсенала 1744 г. // Вестник ДонНУ. Сер. Б: Гуманитарные науки. – 2019. – № 4. – С. 20-24.
4. Шокарев Ю. В. Ручное огнестрельное оружие русской армии XVIII в. // Из истории русской армии и оружия. Труды Государственного ордена Ленина Исторического музея. Вып. 64. – М., 1987. – С. 18-50.

УДК 930.1(1–15)«19/20»:(=512.3)+28«12»

МОНГОЛЫ И ИСЛАМСКИЙ МИР НАЧАЛА XIII в. В НОВЕЙШЕЙ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Кожушко А.В.

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, ЛНР
andrey_valerievich1990@mail.ru

Введение. Масштабные завоевания монголов в начале XIII в. привели к существенным изменениям в этнической и политической карте Востока, вызвав большой интерес у очевидцев и современников событий.

Историография монголов и монгольских завоеваний начала XIII в. весьма обширна и охватывает на сегодняшний день сотни научных и научно-популярных исследований. Непосредственно для нас представляют интерес публикации, а также их переиздания, вышедшие за последние несколько лет, посвященные монголам и их взаимоотношениям с исламским миром, в частности, события монголо-хорезмийской войны начала XIII в.

Основная часть. Научное изучение монголо-исламской войны начала XIII в. в европейской исторической науке началось в XVIII в. и продолжалось в последующих столетиях в странах Европы и США [см.: 1]. За это время западными учеными было изучено немало ценных сведений, полученных из разных источников – арабских, армянских, латинских, китайских, монгольских, персидских и других, что позволило воссоздать детальную картину исторического прошлого монголов и их контактов с исламским миром в рассматриваемый период.

За последние несколько лет европейскими и американскими историками-востоковедами было написано большое количество исследований, посвященных монголам и монгольским завоевательным походам XIII в. Условно мы разделили их на несколько групп.

В первую группу вошли общие работы Г. Лэна [2], М. Диллона [3] и Т. Мэя [4] по истории и культуре монголов. Так, Г. Лэн дает несколько отличающуюся от общепринятой оценку монгольским завоеваниям XIII в.

утверждая, что монголы являлись «одной из великих организующих сил в мировой истории» [2, р. 34]. В публикации Т. Мэя мы можем проследить процесс консолидации разрозненных монголо-татарских племен в начале XIII в. [см.: 4, р. 9-42], впоследствии ставшие движущим механизмом создания, по мнению Т. Мэя, с которым согласна З. Стоун [8, р. 3], самой большой империи в мировой истории.

Отдельную категорию современных западных исследований составляют работы, посвященные биографии и деятельности великого монгольского полководца – Чингиз-хана. Здесь необходимо отметить исследования: Ф. Мак Линн [5], Дж. Уэзерфорда [6], Г. Боэми [7], З. Стоун [8], Л. Комароф [9].

Рассматривая деятельность Чингиз-хана сквозь призму времени, Ф. Мак Линн признает его величайшим завоевателем, когда-либо известным миру [5, р. 14-15], а Дж. Уэзерфорд считает Чингиз-хана не только победителем, но и «великим преобразователем» [6, р. XXII].

Более широкий обзор исторических событий на Востоке, связанных с масштабными завоеваниями монголов в начале XIII в. и появлением обширной Монгольской империи, содержится в работах К. Пирса [10], вышеупомянутого Т. Мэя [11], Т. Оллсена [12], и М. Фаверо [13].

В исследовании К. Пирса уделено внимание военной организации монголов, которая способствовала в XIII в. их многочисленным победам над странами и народами Востока [10]. Т. Оллсен, проанализировав историческое прошлое и военные походы монголов в XIII в., утверждает, что монголы сыграли не только разрушающую, но и консолидирующую роль на Востоке, объединив территории, через которые пролегла важная торговая артерия – Великий шелковый путь [12, р. 10-11]. В своем исследовании М. Фаверо делает акцент на золотоордынском периоде, но также обращается к предшествующим событиям – монгольским завоеваниям начала XIII в. [см.: 13, р. 46-77].

В работах Р. Глива, И. Наги [14], П. Джексона [15; 16], Н. ди Космо [17] и отдельном томе коллективного труда под названием «Идея Ирана» [18] нашли отражение события, связанные с монгольским завоеванием Средней Азии и Ирана, входивших к началу XIII в. в состав империи Хорезм-шахов.

Одно из переизданных исследований видного ученого-востоковеда П. Джексона посвящено противостоянию монголов и стран Западной Европы. В качестве предыстории западного монгольского похода 1236–1242 гг., автор также касается монгольского завоевания исламских земель [16, р. 34-39].

В другой своей публикации под названием «Монголы и исламский мир: от завоевания к преобразованию» П. Джексон, проанализировав данные достаточно обширного круга источников и исследований [см.: 15, р. 554-586], предпринял удачную попытку осуществить реконструкцию событий XIII в. [15, р. 73-124]. Примечательно, что автор в своей работе

останавливается на проблеме возрождения исламской цивилизации после монгольских завоеваний XIII в. и исламизации самих завоевателей [15, p. 328-380].

В отдельной главе «Монголы в Иране. 1219–1256» [18, p. 45-54] коллективного издания «Идея Ирана» также кратко рассмотрено монгольское вторжение на территории Средней Азии и Ирана. События, связанные с крушением такой крупной восточной державы, как империя Хорезмшахов для современников являлись, по мнению авторов, большой катастрофой [18, p. 2].

Заключение. Таким образом, за последние несколько лет в современной западной историографии вышел ряд исследований, посвященных историческому прошлому монголов XIII в. Обобщив накопленный опыт научных исследований в данном направлении, современные зарубежные авторы акцентируют внимание на роли Чингиз-хана в истории Востока, масштабных завоеваний монголов, а также их контактов с исламским миром в начале XIII в.

Список литературы

1. Тимохин Д. М. Эволюция историографии о государстве Хорезмшахов из династии Ануштегинидов / Д. М. Тимохин // Вестник Института востоковедения РАН. – 2018. – Вып. 4. – С. 164-175.
2. Lane G. A Short History of the Mongols / G. Lane. – L.: I.B. Tauris, 2018. – XX, 236 p.
3. Dillon M. Mongolia: A Political History of the Land and its Peoples. / M. Dillon. – L.–N.Y.: I. B. Tauris, 2019. – VIII, 232 p.
4. May T. The Mongols / T. May. – Amsterdam: Arc Humanities Press, 2019. – 128 p.
5. McLynn F. Genghis Khan: The Man Who Conquered the World / F. McLynn. – L.: World of Books Ltd, 2015. – 688 p.
6. Weatherford J. Genghis Khan and the Quest for God: How the World's Greatest Conqueror Gave us Religious Freedom / J. Weatherford. – N.Y.: Viking, 2016. – 435 p.
7. Boehme H. Genghis Khan / H. Boehme. – N.Y.: Cavendish Square Publishing, 2017. – 125 p.
8. Stone Z. Genghis Khan: A Biography / Z. Stone. – L.: Alpha Edition, 2017. – 194 p.
9. Komaroff L. Beyond the Legacy of Genghis Khan. Reprint Edition / L. Komaroff. – L.: Brill, 2019. – 652 p.
10. Peers C. Genghis Khan and the Mongol War Machine / C. Peers. – York: Pen & Sword Military, 2015. – 239 p.
11. May T. The Mongol Empire: A Historical Encyclopedia: In 2 vols. / T. May. – California: ABC-CLIO, 2016. – 442 p.
12. Allsen T. The Steppe and the Sea: Pearls in the Mongol Empire / T. Allsen. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2019. – 240 p.
13. Favereau M. The Horde: How the Mongols Changed the World / M. Favereau. – Harvard: Belknap Press, 2021. – 384 p.
14. Gleave R. Violence in Islamic Thought from the Mongols to European Imperialism / R. Gleave, I.K. Nagy. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. – 256 p.
15. Jackson P. The Mongols and the Islamic World from Conquest to Conversion / P. Jackson. – Yale: Yale University Press, 2017. – 448 p.
16. Jackson P. The Mongols and the West: 1221–1410. 2 Ed. / P. Jackson. – L.–N.Y.: Routledge, Taylor et Francis Group, 2018. – 452 p.

17. Di Cosmo N. Warfare in Inner Asian History (500–1800). 2 Ed. / N. di Cosmo. – L.: Brill, 2018. – 452 p.
18. The Idea of Iran: In 9 vols. – Vol. 7. The Coming of the Mongols / ed. D.O. Morgan, S. Stewart. – L. – N.Y.: I.B. Tauris, 2018. – 160 p.

УДК 902“631/634”

ОСНОВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТАФОНОМИИ КАМЕННОГО ВЕКА

Колесник А.В., д-р ист. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
akolesnik2007@mail.ru

Введение. Обязательным условием научного изучения истории является внешняя и внутренняя критика источника, которая обеспечивает наиболее полное и объективное изучение исторического процесса в рамках принятой парадигмы. Не касаясь проблемы конвертации археологических знаний в исторические знания, отметим, что требования к критике археологического источника являются такими же.

Основная часть. Критика археологического источника включает несколько задач. Главной из них следует признать доказательство археологической гомогенности комплексов. В первую очередь это касается так называемых «открытых» комплексов, которые претерпели наиболее существенную естественную эпигенетическую трансформацию и доступны в лакунарном виде вследствие ограниченных возможностей любой методики раскопок. «Закрытые» комплексы в своем большинстве прошли в древности субъективный отбор, обладают повышенным знаковым содержанием, а также рядом информационных преимуществ, связанных с их дискретностью. Термин «гомогенность» в общей биологии означает «однородность». В археологическом плане, гомогенность означает принадлежность комплекса археологических находок к материальным остаткам какого-то одного эпизода или завершенного цикла деятельности древних людей. Определение границ культурной однородности комплексов по технологическим, стилистическим или функциональным критериям методами технологического, типолого-статистического и иного другого анализа представляет собой отдельную сложную исследовательскую задачу. Выделяемые комплексы и создаваемые на их основе археологические или культурологические модели всегда будут уязвимы для критики без доказательства их гомогенности.

Главным инструментом анализа археологической гомогенности комплекса следует признать археологическую тафонию. Первоначально тафония сформировалась на базе палеонтологии. Область интереса

палеонтологической тафономии – процессы естественного захоронения остатков животных организмов и их последующие преобразования. Археологическая тафномия изучает закономерности накопления, консервации и последующего разрушения остатков деятельности людей в прошлом. Этот раздел археологии непосредственно связан с теорией культурного слоя и является составной частью учения об археологическом источнике.

Культурный слой – базовое понятие археологии поселений. Современные представления в области теории культурного слоя окончательно оформились в русскоязычной литературе в 90-е годы прошлого века. Основные постулаты теории касались базовых компонентов культурного слоя (М. А. Александрова), структуры (Н. Б. Леонова), признаков деформации (М. В. Аникович, А. А. Сеницын), наиболее типичных состояний слоя (А. П. Деревянко, С. В. Маркин, С. А. Васильев) и ряда других аспектов. Эти воззрения базировались преимущественно на археологических данных. В рафинированном виде позже такой подход был сформулирован Х. А. Амирхановым: «Культурный слой памятника каменного века – это основная единица собственно археологической ... стратиграфии памятника» [1, с. 17]. Культурный слой рассматривается также как основная категория археолого-стратиграфического анализа в общем контексте стратиграфических терминов. Одновременно археологами и специалистами-природами развивались близкие по сути представления с акцентом на геоархеологическую специфику культурного слоя. Комплексное исследование слоев археологическими, литологическими, геохимическими, магнитными и различными лабораторными методами позволили детально охарактеризовать эволюцию и индивидуальное развитие культурных слоев различных памятников плейстоцена и голоцена. Выделяются 5 этапов эволюции слоев, от их формирования до погребения и последующих метаморфических изменений (С. А. Сычева, А. А. Узянов). Три из этих этапов относятся к активной фазе эксплуатации поверхности обитания и фазе последующей деструкции слоя (Н. Б. Леонова). Существует также оценка культурного слоя в качестве «геоархеологического объекта» или «культуровмещающего образования», которые воспринимаются как структурные части лессово-почвенной свиты (Г. А. Воробьева, Н. Е. Бердникова). В настоящее время в области теории культурного слоя сформировались три развитых блока представлений, касающихся тафономии культурных остатков в субаквальной среде (Н. Е. Зарецкая, О. Н. Успенская, М. Г. Жилин), в деятельном слое вечной мерзлоты (Х. А. Амирханов, В. В. Питулько, А. А. Сеницын) и в лессово-почвенных отложениях с умеренной криогенной деформацией (Л. Я. Крижевская, Н. Б. Леонова, А. В. Колесник). Развиваются также представления об особенностях культурных слоев в зонах денудации (А. П. Деревянко), эоловой деформации слоя в песчаном субстрате (А. А. Величко), зандровых зон (А. Н. Сорокин), и т.д.

Процессы формирования культурных слоев разных эпох существенно зависели от типов землепользования и интенсивности хозяйственной деятельности людей в прошлом. Исследования в области теории культурного слоя служат основой для разработки археологической тафономии в качестве самостоятельного раздела археологических знаний.

Первый раздел археологической тафономии касается вопросов накопления, строения и структуры (структурных элементов) культурных слоев. Эти признаки являются общими для культурных слоев разных типов.

Вторым разделом археологической тафономии является типология культурных слоев. Специфика слоев неразрывно связана с типом вмещающих пород, которые формировались в зависимости от особенностей геологической истории регионов, палеогеографической обстановки и сценариев седиментации. В этом плане типология культурных слоев имеет фациальный характер; в общей геологии фации – одновременно накопленные отложения различного генезиса.

В качестве примеров можно назвать несколько типов культурных слоев, выделенных по фациально-генетическому принципу:

- 1) культурные слои в лессово-почвенных породах открытых ландшафтов умеренной зоны;
- 2) культурные слои в деятельном слое вечной мерзлоты;
- 3) культурные слои в песчаных (зандровых) отложениях;
- 4) культурные слои в субаквальных средах;
- 5) культурные слои в скальных убежищах.

Каждый из этих типов культурных слоев предполагает адаптированные методики полевых археологических и лабораторных исследований, с учетом особенностей формирования и эпигенетической деструкции культурных остатков.

Отдельный вопрос касается критериев различения культурных слоев и культуросодержащих горизонтов. Очевидно, граница между ними определяется степенью сохранности первоначального планиграфического контекста культурных остатков. Ремонтаж продуктов расщепления камня хорошо показывает пороговые значения деформации культурного слоя.

Заключение. Таким образом, тафономический анализ археологических культурных остатков с целью установление степени гомогенности комплексов – актуальная задача верификации археологического источника. Становление и упорядочение понятийной базы археологической тафономии, эволюция от метода в самостоятельный раздел отражает динамику развития археологической науки.

Список литературы

1. Амирханов Х. А. Исследования в Зарайске. 1999–2005 / Х. А. Амирханов, Н. Б. Ахметгалева, А. П. Бужилова, Н. Д. Буров, С. А. Лев, Е. Н. Машенко. – М.: Палеограф, 2009. – 466 с.

ОБ ОДНОМ ИЗ КРИТЕРИЕВ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ЗЕМЕЛЬ ДОНБАССА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Колесник А.В.¹, д-р ист. наук, доц., *Гриб В.К.²*,

Санжаров В.А.³, канд. ист. наук

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

²исследователь, г. Донецк, ДНР

³исследователь, г. Горловка, ДНР

akolesnik2007@mail.ru, vladgrib@mail.ru, valsandzh@yandex.ru

Введение. Отличительной чертой эволюции образа жизни средневековых номадов является тренд к седентаризации, нарастание сложности пищевого обеспечения, развитие оседлых поселенческих стратегий. При этом исследователи кочевого скотоводства обращали внимание на сложность и неоднолинейность процесса генезиса и развития кочевничества в зависимости от географической среды, социальных факторов, экологических обстоятельств [1, 2]. Эти процессы отражают общую закономерность в развитии скотоводческого хозяйства в Средние века и Новое время, несмотря на критическое отношение некоторых исследователей к данной концепции [3]. Переход к полuosедлому и оседлому образу жизни был связан с усложнением систем землепользования в рамках кочевой экономики, депрессией пастбищного парка и ритмами природно-климатических изменений [4, с. 420-432]. Авторы склонны понимать седентаризацию в широком смысле, как последовательное усложнение во времени моделей хозяйственной адаптации у отдельных этносов и политий номадов.

Основная часть. В пределах Донбасса в средневековое время выделяется несколько циклов экономической истории, связанных с эволюцией системы пищевого обеспечения от кочевого скотоводства к комплексному полuosедлому или оседлому больше-семейному хозяйству. При этом практиковались самые разнообразные формы скотоводческого и земледельческого хозяйства, в зависимости от норм культуры и природно-климатической обстановки. Разнится и степень завершенности, полноты перехода к оседлости. Можно выделить минимум три таких условных цикла седентаризации.

Первый из них был связан с ранним средневековьем. В рамках раннего средневековья в пределах Донбасса экономика и система землепользования развивалась во времени. Система расселения и землепользования до аланской миграции в 40-е гг. VIII в. определялась кочевой доминантой в образе жизни огуно-булгарских родоплеменных групп и объединений. Для кочевников степей Евразии этого времени был характерен таборный тип кочевания, в рамках которого происходит

перманентное перемещение на значительной площади при наличии большой кормовой базы неосвоенных целинных земель. При этом В. С. Флёрв допускает, что в истории Хазарского каганата не было отдельного исторического этапа кочевничества и говорить надо о переселении с последующим быстрым освоением новых территорий. По мнению исследователя, для хазар и болгар раннего средневековья их появление в Юго-Восточной Европе было «обретением родины» [5, с. 27; 6, с. 97]. Кардинальные изменения в процессе расселения и землепользования на территории Донбасса обусловлены миграцией аланских племен из предгорий Северного Кавказа. Кочевое хозяйство степного населения Хазарского каганата постепенно менялось во времени, при этом системы землепользования отражали изменения в формах скотоводства в связи с ростом оседлости среди кочевого населения [7]. Находки жерновов ротационных мельниц на ряде поселения на морском побережье и происходящий из селища у с. Широкино (недалеко от г. Новоазовска) фрагмент амфоры с изображением безползного кривоградильного рала косвенно свидетельствуют о распространении пашенного земледелия [8].

Второй условный цикл седентаризации отмечен в X–XIII вв. Экономический уклад жизни населения X – первой половины XI вв. был типичен для кочевников и развивался по пути закрепления пастбищ за отдельными родами, что приводило к оформлению структуры территорий. В системе землепользования кочевых половцев-кипчаков, появившихся на землях Донбасса в середине XI в., заметны признаки «айильной собственности» на пастбищный парк, которая приводила к сезонной цикличности кочеваний. При таком типе отгонного скотоводства в пределах родовых территорий формировался каркас из сезонных ставок-айлов, вокруг которых возделывались небольшие поля.

Третий условный цикл наблюдается в золотоордынский период. Экономика золотоордынского общества динамично менялась во времени. В пределах вт. пол. XIII в., видимо, сохранились экономические устои традиционного половецкого общества. В период расцвета улуса Азак после реформ хана Узбека Северное Приазовье вовлекается в трансконтинентальную экономику, формируется крупностадное товарное скотоводство, ориентированное на внешний рынок, унифицируется денежная система на основе ордынских номиналов [9], развивается транспортно-коммуникационная инфраструктура. На Северском Донце формируются крупные ремесленные центры с сельскохозяйственными наделами вокруг, сеть речных переправ, система торжищ. Отгонное и придомное скотоводство «привязывается» к инфраструктуре городов, стационарных селищ и торжищ [10].

Отмеченные циклы «оседания на землю» средневековых кочевников на землях Донбасса отличаются своими особенностями и были связаны с разными этносами и этническими группами различной степени консолидации. Тем не менее, отмеченные условные циклы седентаризации

служат дополнительным основанием для верификации периодизации региональной истории в пределах раннего и классического средневековья.

Заключение. Тенденция к развитию комплексности пищевого производства циклично повторялась во времени на землях Донбасса: в хазарское время, затем у т.н. «поздних кочевников» и, далее, в золотоордынское время, когда формирование оседлости и основание городов становились элементами государственной политики. Отмеченная цикличность экономической истории и, отчасти, этнической истории, совпадение этих условных циклов, служит дополнительным основанием для выделения отдельных эпох в средневековой истории Донбасса по этнополитическим критериям.

Список литературы

1. Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. – Алматы-Москва, 1995. – 320 с.
2. Байпаков К. М. Город и степь в древности: оседлость и земледелие у саков и усуней Жетысу // Культура кочевников Центральной Азии: материалы Международной конференции, Самарканд. 22–24 ноября 2007 г. – Самарканд. 2008. – С. 53-79.
3. Иванов В. А. Седентаризация средневековых кочевников Восточной Европы: понимание и проявление // Золотоордынское обозрение. 2021. – Т. 9. – № 2. – С. 272-295.
4. Curta F. Eastern Europe in the Middle Ages (500-1300). – Leiden; Boston: Brill, 2019. – 1356 p.
5. Флёров В. С. О раннесредневековых кочевьях в Приазовье и на Нижнем Дону. К методике полевых исследований // История и культура средневековых народов Степной Евразии: материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – С. 25-28.
6. Флёров В. С. Три проблемы в истории Хазарского каганата // Салтово-маяцька археологічна культура. – Харків. 2011. – Вип. I. – С. 97-104.
7. Гриб В. К., Колесник А. В. Ритмы культурогенеза, расселения и землепользования на землях Донбасса в раннем средневековье // Вестник ДонНУ. Серия Б. Гуманитарные науки. – Донецк: ДонНУ. 2020. – С. 6-17.
8. Гриб В. К. Нові матеріали відносно розвитку землеробства у господарській діяльності населення Хазарського каганату // Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей. – Кн. 13/14. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – С. 356-363.
9. Пономарев А. Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII-XV вв. – М.: изд-во МГУ, 2011. – 672 с.
10. Кравченко Э. Е. Средневековые поселения на территории Донецких степей // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова / ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдинов. – Казань-Кишинев: "Stratum plus", 2019. – Т.2. – С. 669-690.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ В 1960–1970-е гг.

Красноносков Ю.Н., канд. ист. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

ur.kr@yandex.ru

Введение. Проблемы нормативно-правового регулирования деятельности советских правоохранительных органов представляют научный и практический интерес, во многом обусловленный прежде возможностью ретроспективного освещения исторического опыта развития советской государственной системы, существенным и значимым элементом которой являлись органы внутренних дел (милиция).

Процесс правового обеспечения организации и деятельности советской милиции разделяется на несколько этапов, среди которых особое место принадлежит периоду 1960–1970-х гг., времени структурных реорганизаций, стабилизации органов правопорядка, укрепления их правового статуса и социального имиджа.

Целью исследования является освещение основных нормативно-правовых актов, принятых в 1960–1970-е гг., призванных обеспечить правоохранительную деятельность органов внутренних дел в условиях социально-политических перемен в жизни советского общества.

Основная часть. Изменения в советском законодательстве в начале 1960-х гг. во многом были обусловлены политическим курсом Н. С. Хрущева, субъективизм которого объективно проявился и в вопросах реформирования системы органов внутренних дел. Одним из необоснованных решений данного времени стала ликвидация Министерства внутренних дел (МВД) СССР, а по существу разрушение единой общесоюзной системы органов правопорядка. 13 января 1960 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было упразднено МВД СССР и все его функции передавались министерствам внутренних дел союзных республик. В 1962 г. министерства внутренних дел союзных республик были преобразованы в министерства охраны общественного порядка (МООП), произошло сужение их функций [1, с. 81].

17 августа 1962 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению деятельности советской милиции», в котором были отмечены серьезные недостатки в работе милиции, особенно в деятельности по предупреждению и раскрытию преступлений. Постановление предусматривало меры по повышению уровня работы милиции, укреплению ее кадрового состава, обеспечению органов правопорядка средствами связи, транспортом и специальной техникой [2, с. 4].

Параллельно Совет Министров СССР утвердил Положение «О советской милиции», характеризовавшем милицию как административно-исполнительный орган Советского государства, призванному охранять общественный порядок в городах, населенных пунктах и на транспортных магистралях, обеспечивать охрану социалистической собственности, личности и прав граждан от преступных посягательств, своевременно предупреждать, пресекать и раскрывать уголовные преступления. В целях укрепления престижности службы в органах внутренних дел Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 августа 1962 г. в СССР был установлен общегосударственный праздник – «День советский милиции – 10 ноября» [3].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. было создано союзно-республиканское Министерство охраны общественного порядка СССР, который возглавил его Н. А. Щелоков, бессменный руководитель советской милиции на протяжении 16 лет [4].

19 ноября 1968 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему укреплению советской милиции». 25 ноября 1968 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переименовании Министерства охраны общественного порядка СССР в Министерство внутренних дел СССР» [5].

В целях дальнейшего реформирования советской правоохранительной системы во второй половине 1960-х-1970-е гг. в СССР принимается ряд важных нормативно-правовых актов, направленных на дальнейшее совершенствование организации и деятельности милиции. Так, 19 ноября 1968 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему укреплению советской милиции», в котором предусматривались серьезные меры по улучшению кадрового состава милиции, направленные на обеспечение комплектования милиции лучшими представителями советской общественности (партийных, комсомольских организаций, трудовых коллективов). Новый порядок комплектования кадров милиции нашел правовое закрепление в Положении о советской милиции, введенном в действие с 1 июля 1973 г. [6].

В 1973 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» [7]. Были приняты нормативные акты об основах оперативно-розыскной деятельности, о прохождении службы в органах внутренних дел, дисциплинарный устав и другие нормативные документы [8, с. 323].

Новым нормативным актом, усовершенствовавшим правовой статус милиции стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1977 г. «Об основных обязанностях советской милиции по охране общественного порядка и борьбы с преступностью», который был утвержден Верховным Советом СССР и приобрел силу закона. Нормы закона подтверждали систему двойного подчинения милицейских подразделений:

с одной стороны, Министерству внутренних дел СССР, а с другой, республиканским, областным, краевым, окружным, городским и районным Советам и их исполкомам. В законе конкретно и точно определялись обязанности и права милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью [9].

Заключение. Принятые в 1960–1970-е гг. нормативно-правовые акты внесли изменения в статус и содержание деятельности советской милиции, во многом отразив характер и содержание перемен в жизни советского общества в исследуемый период.

Список литературы

1. История развития МВД России. 1802–2002 года / под ред. Смирного А. М., Кривошеева И. Е., Попкова В. Ю. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2005. – 320 с.
2. О мерах по улучшению деятельности советской милиции [Текст]: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17.08. 1962 №900-387 // Советская милиция. – № 1. – 1964. – С. 4-6.
3. Об установлении ежегодного праздника «Дня советской милиции» [Текст]: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.09. 1962 // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1962. – № 40. – Ст. 412.
4. Об образовании союзно-республиканского Министерства охраны общественного порядка [Текст]: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.66 // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1966. – № 3. – Ст. 594.
5. О переименовании Министерства охраны общественного порядка СССР в Министерство внутренних дел СССР [Текст]: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25.11.1968 // Советская милиция. 1968. – № 12. – С. 4-5.
6. Положение о советской милиции (утверждено Постановлением Совета Министров СССР от 8.06.1973 г.). Электронный ресурс: Информационно-правовой портал bestpravo.ru. URL: <http://www.bestpravo.ru /sssr/gn-normy/iOv.htm> (дата обращения: 21.09.2021).
7. Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью » [Текст]: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8.06.1973 (утвержден Законом СССР от 19.07.1973) // Советская милиция. 1973. -№ 8. – С. 3- 4.
8. История советской милиции: в 2 т. / под. ред. Н. А. Щелокова. – М.: Академ. МВД СССР, 1977. Т. 2: Советская милиция в период социализма (1936-1977 гг.). – 1977. – 338 с.
9. Об основных обязанностях советский милиции по охране общественного порядка и борьбы с преступностью [Текст]: Закон СССР от 08.06.1977 // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – № 24. – Ст. 309.

О ПРОБЛЕМЕ КОНВЕРТАЦИИ РЕКОНСТРУКЦИЙ НА ОСНОВАНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Манько Н.В., Колесник А.В., д-р ист. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
nikita_manko98@mail.ru

Введение. Фундаментальной проблемой изучения прошлого (прежде всего, первобытного прошлого, дописьменного периода истории) по археологическим источникам является проблема конвертации археологических знаний в исторические знания. Это выражается в дискуссии по поводу статуса археологических источников и, соответственно, самой археологии в качестве самостоятельной науки, близкой к истории по объекту изучения, но имеющей собственный предмет (В. Ф. Генинг, Ю. Н. Захарук, В. Н. Боряз). Проблемы теоретико-методологического характера, связанные с соотношением исторических и археологических реконструкций в системе современного гуманитарного знания, имеют несколько аспектов. В наиболее рафинированном виде они проявляются при анализе исторических процессов поздних этапов первобытной истории, неолитических обществ Евразии.

Основная часть. В первую очередь, видна разница подходов к изучению поздних этапов первобытного общества, присущая отечественной и зарубежной археологическим школам. Так, для советской археологии, заложившей основы современного отечественного неолитоведения, был характерен подход в русле концепции исторического материализма, где во главу угла ставилась смена общественно-экономических формаций, а материальная культура, по большей степени, выступала лишь как маркер и отражение данных процессов [1]. Вместе с тем, даже при таком подходе наблюдаются определенного рода различия, зависящие от целей их исследователей. Так, активно изучались как вопросы миграций, культурно-территориального членения и периодизации неолитических культур (А. Я. Брюсов, Д. Я. Телегин, В. Н. Даниленко), так и реконструкции социального устройства раннеземледельческих обществ (В. М. Массон). Причём последнее направление было не только плодотворным, благодаря большому пласту археологического материала, обнаруженного на памятниках Кавказа и Средней Азии, но и методологически ориентировалось на работы видных западных археологов середины XX в., таких как В. Г. Чайлд, Р. Брейдвуд и др. Смысл его заключался в «стремлении соотнести различные категории археологических материалов с систематизированными характеристиками экономики, социального строя, политической организации, идеологии древних обществ» [1, с. 44]. Отдельно

также следует выделить инновационное для советской науки того времени направление экспериментально-трассологического метода, введённого С. А. Семёновым и Г. Ф. Коробковой, выступивших новаторами в данной области, и, в свою очередь, в дальнейшем оказавшими активное воздействие уже на западную археологическую науку. Начиная с 90-х гг. с отходом от единой концепции, происходит также сдвиг в области теоретической археологии (Я. А. Шер, Л. С. Клейн). Именно в работах Л. С. Клейна начинает подниматься вопрос о конвертации информации, полученной при помощи археологической науки, в исторические построения.

В свою очередь, на Западе наблюдается принципиально иная ситуация, где вопрос о преистории как самостоятельном направлении человеческой истории больше является утверждённым фактом, нежели новаторским предположением [4]. Так, уже со второй половины 60-70 гг. в американской, а позже и британской науке изучение неолитических культур происходит в рамках направления «Новой» или же «процессуальной» (Л. Бинфорд, К. Ренфрю, Д. Л. Кларк), и позже в 80–90 гг. «пост-процессуальной» (Я. Ходдер) археологии, ставящей во главу угла поведенческие и социальные реконструкции древних обществ [2]. Начиная с данного периода и по сегодняшнее время выходит также большое количество исследований, посвященных неолитическим обществам, которые основываясь на анализе материальных источников, содержат в себе большое число обобщений, социальных и хозяйственных реконструкций, при этом не опираются только лишь на материальную базу и в принципе носят более теоретический характер (М. Звелебил, А. Уиттл, Э. Шеррат, М. Салинс).

Говоря же о теоретико-методологическом аппарате преистории как отдельной отрасли исторического знания, следует отметить двойственную ситуацию. С одной стороны, основной набор приёмов и методов для изучения первобытности даёт именно археология, что позволяет весьма детально рассмотреть эпоху позднего каменного века, основываясь на анализе материальной культуры как основного источника по данному периоду. С другой стороны, работа конкретно в рамках лишь одного направления создаёт определенного рода как методологические, так и информационные пробелы. Так, Л. Николова, говоря об интеграции преистории в теоретические исследования, акцентирует внимание на пробелах подобного рода и видит решение данной проблемы в отходе от традиционной методологии в пользу применения методики социальных наук, а также в курсе на укрепление междисциплинарного взаимодействия [5]. Однако сам по себе междисциплинарный подход не решает проблемы информационной значимости и «реконструктивного потенциала» археологических и исторических фактов, так как археологические и исторические источники, в целом, отражают различные типы деятельности людей в прошлом.

Отдельно стоит вопрос о том, что же считать источниковой базой преистории. Сегодня многими исследователями отдельно выделяются как «исторический», так «археологический» факты, каждый из которых имеет несколько вариантов трактовки глубины их познания [3, с. 119-121]. Ключевым вопросом в данном случае является то, какой должна быть последовательность, при которой один тип факта конвертируется в другой, принимая во внимание также то, что конкретно лежит в основе каждого отдельно взятого факта.

Большое внимание вопросам «конверсии» и «реконверсии» археологического факта, его превращения в иные формы познания уделяет Л. С. Клейн. Им выделяется 14 уровней накопления археологической информации и 14 этапов её последующего преобразования в элемент научного знания [3, с. 122-127]. Вместе с тем, наиболее важным в данном случае является этап реконверсии, то есть определенного рода критики определенного археологического факта (источника) и его последующего введения в выстраиваемую картину реконструкции истории того или иного первобытного общества.

Заключение. Очевидно, что проблема соотношения археологических и археологических реконструкций тесно связана с пониманием информационной полноценности разного типа источников и определением статуса археологии как самостоятельной исторической науки или историко-ведческой дисциплины. Этот теоретико-методологический диссонанс в известной степени теряет остроту в рамках теории «пре-истории» или «доистории», которая изучает историю первобытного прошлого на основании комплексного источника, в том числе археологического.

Список литературы

1. Клейн Л. С. Феномен советской археологии. – СПб: «Фарн», 1993. – 128 с.
2. Клейн Л. С. Новая Археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). – Донецк: ДонНУ, 2009. – 393 с.
3. Клейн Л. С. Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. Кн. 1. – Донецк: ДонНУ, 2012. – 622 с.
4. Taylor T. Prehistory vs. Archaeology: Terms of Engagement // Journal of World Prehistory – 2008. – Vol. 21. – P. 1-18.
5. Nikolova L. Theory in Prehistory and Prehistory in Theory (Filling the Gaps) // Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы. Сборник статей в честь 60-летия И. В. Манзуры / Высшая антропологическая школа; под ред.: С. Церна, Б. Говедарица. – Кишинев: Stratum Plus, 2016. – P. 429-434.

УЧАСТИЕ ШАХТЕРОВ ДОНБАССА В ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС ПО ДАННЫМ ЛИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Миронюк В.В., Краснонос Ю.Н., канд. ист. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
nika.mironyuk@mail.ru

Введение. Историописание проблемы ликвидации аварии на Чернобыльской атомной электростанции (АЭС) представлено широким кругом литературы и источников, но следует отметить, что вклад трудящихся Донбасса, в частности шахтеров, в преодоление последствий техногенной катастрофы еще не получил достаточной разработки.

Основная часть. Непосредственно после взрыва атомного реактора четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС перед специалистами в области атомной энергетики предстала череда важнейших задач, одна из которых состояла в том, чтобы смонтировать теплообменную плиту под разрушенным реактором.

Необходимо отметить, что ряд специалистов пришли к выводу, что нижний ярус строительных конструкций реактора 4 энергоблока может не выдержать высоких температурных нагрузок раскаленного радиоактивного топлива, учитывая, что при этом большое давление на конструкцию сверху оказывали материалы, которые высыпали с вертолетов для предотвращения распространения радиоактивных выбросов в атмосферу. Теплообменная плита под разрушенным реактором была необходима для того, чтобы предотвратить возможное проплавление реакторной плиты ядерным топливом и, как следствие, проникновение радиоактивных элементов в грунтовые воды [1].

Сложность монтажа теплообменной плиты заключалась в том, что для этого необходимо было проложить тоннель под реактором длиной в 136 метров. Для проведения вышеуказанных работ были привлечены сводные бригады донецких шахтеров, приступивших к строительству тоннеля в середине мая 1986 г. [2].

Следует отметить, что участие шахтеров Донбасса в прокладке тоннеля получило освещение, в основном, в средствах массовой информации и видеоматериалах. Рассматривая видеоматериалы как исторический источник, освещающий события на ЧАЭС, в первую очередь хочется отметить, что большая их часть достаточно достоверно иллюстрирует хронологию событий катастрофы. Анализ документальных кадров, посвященных ликвидации последствий аварии на Чернобыле свидетельствует, что в большинстве своем они соответствуют информации, содержащейся как в нормативных и правовых актах, так и в мемуарной литературе. Так, в

середине мая 1986 г. в Чернобыльскую зону был направлен сводный отряд Министерства угольной промышленности СССР, в который входили шахтеры-добровольцы и угольных предприятий Донбасса.

Из интервью нашего соотечественника, участника ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (ЛПЧК) Игоря Ходина: «Помню, как 12 мая 1986 г. на утренней разрядке наш начальник участка сказал, что получил из Донецка документ. Там значилось, что нужны добровольцы для работы на новом объекте. Особо он ничего не объяснил, что нужно будет в Чернобыле делать. Сказал – обычные проходческие работы. В принципе, так оно и было. С нашей проходки тогда в Чернобыль поехало где-то 27 человек. Нас туда не гнали силком, все по желанию» [3].

Таким образом, только лишь с одного проходческого участка было направлено 27 шахтеров Донбасса. Всего в строительстве тоннеля было занято 388 горняков, представленные сводными бригадами трестов «Донецкшахтопроходка» и «Донецкшахтострой», а также производственного объединения «Тулауголь».

В одной из немногочисленных публикаций, освещающих участие шахтеров Донбасса в ЛПЧК, в газете «Правда» от 27.06.1986 № 178, под названием «Сувенир из-под реактора» указано точное количество горняков, задействованных при прокладке тоннеля. На тот момент в Чернобыле располагался штаб оперативной группы Министерства угольной промышленности, который возглавил лично министр угольной промышленности Украинской Советской Социалистической Республики (УССР) Н. Сургай, который в своем интервью отмечал: «Наш коллектив насчитывает 388 человек. Из них 154 горняка из Московского бассейна и 234 – из Донбасса» [4].

Указанная цифра подтверждается и данными, которые находятся в свободном доступе в базе данных участников ликвидации аварии на ЧАЭС, размещенной на электронной площадке национального музея «Чернобыль», многофункционального историко-культурного учреждения, объединяющего научную, культурно-просветительскую деятельность, работу по архивированию, сохранению и обнародованию истории ядерной аварии на Чернобыльской АЭС [5].

База данных участников ликвидации аварии на ЧАЭС содержит подробные сведения о каждом ликвидаторе, включая информацию, о том, какую именно деятельность осуществлял каждый из участников ЛПЧК в Чернобыльской зоне.

К примеру, из анкеты начальника участка ШПСУ №1 (шахтопроходческое строительное управление) треста «Донецкшахтопроходка» Петрова Сергея Анатольевича, 04.07.1953 г.р., следует, что он находился в зоне ЧАЭС в период с 25.05.1986 г. по 10.06.1986 г. и осуществлял деятельность по подземному строительству тоннеля и бетонной подушки под реактором 4 энергоблока, работая в составе сводного отряда Минуглепрома СССР [6]. Такая информация предоставлена на всех ликвидаторов, привлеченных к

работам по ЛПЧК, и подтверждает объективность данных, заявленных министром угольной промышленности УССР Н. Сургаем относительно добровольцев-горняков Донбасса.

Работы по строительству тоннеля были закончены 23 июня 1986 г., а 2 июля был закончен монтаж теплообменного оборудования под разрушенным реактором. Позже, в 1987 г., установленное под фундаментной плитой теплообменное оборудование было остановлено и забетонировано для создания дополнительной защиты под реактором, при этом тоннель был забутован [7].

Заключение. Таким образом, представленный анализ документов частично раскрывает подвиг наших соотечественников, горняков Донбасса, в преодолении последствий Чернобыльской катастрофы и подчеркивает необходимость дальнейшего всестороннего и объективного исследования проблемы.

Список литературы

1. Карпан Н. В. Месть мирного атома / Н. В. Карпан. – К.: ЧП «Кантри Лайф», 2005. – 516 с.
2. Боровой А. А., Велихов Е. П. Опыт Чернобыля (работы на объекте «Укрытие»). Часть 1 / А. А. Боровой, Е. П. Велихов. – М.: НИЦ «Курчатовский институт», 2012. – С. 53.
3. Курцановская А. Я копал шахту после взрыва реактора. Дончанин вспоминает о 14-дневной смене в Чернобыле [Электронный ресурс] / А. Курцановская // СВОИ.CITY. – 2021. 26 апреля. – Режим доступа: <https://svoi.city/articles/141095/ya-kopal-shahtu-posle-vzryva-reaktora-donchanin-vspominaet-o-14-dnevnoj-smene-v-chernobyle>
4. Игнатъев О., Одинец М. Сувенир из под реактора [Текст] / О. Игнатъев, М. Одинец // Правда. – 1986. – №178. – 27 июня.
5. Национальный музей «Чернобыль» в г. Киеве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chornobylmuseum.kiev.ua/ru/main/>
6. Книга Пам'яті учасників ліквідації аварії на ЧАЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://memory.chornobylmuseum.kiev.ua/print.php?id=12143>
7. Государственное специализированное предприятие Чернобыльская атомная электростанция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chnpp.gov.ua/ru/86-about/2011-06-22-12-00-04/497--1986-497>

УДК 930.2

ПОД МАСКОЙ СОЛДАТА: МЕМУАРЫ ПОЛКОВНИКА ЯКОВА СТАРКОВА

Подрезов К.А., канд. полит. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого», г. Тула, РФ
kpodrezov@yandex.ru

Введение. В указателях П. А. Зайончковского применительно к периоду XVIII – первой половины XIX вв. насчитывается более полутора

тысяч мемуаров, которые в той или иной степени посвящены армии и военным действиям [1]. Однако все они вышли из-под пера образованной части общества – дворянства и офицерства. Мы находим только четыре случая, когда авторами воспоминаний являются выходы из простонародья, тянувшие солдатскую лямку [2; 3; 4; 5]. Впрочем, не все эти мемуары выглядят убедительно в отношении «солдатскости». Памфил Назаров писал свои воспоминания, уже выйдя в отставку и приняв монашество; Иван Остроухов (Иван Меньшой) взялся за перо, только дослужившись до чина капитана. Их воспоминания представляют собой небольшие мемуарные отрывки, в которых действительно отражается кругозор рядового. У пехотинца Памфила Назарова естественным лейтмотивом проходит тема обуви: то при ранении у него умыкнули сапоги, то Барклай-де-Толли указывает императору на полк, «идущий босыми ногами», то при отбитии французского обоза он «имел счастье получить башмаки и штиблеты» [2, с. 535-536, 546, 552]. Улан Остроухов, в свою очередь, рассказывает о диких донских жеребцах, которые рвали недоуздки, об обучении верховой езде, о том, как его лечил эскадронный коновал [3, с. 54-56].

Основная часть. Совершенно другую картину мы находим в мемуарах «суворовских ветеранов» (И. О. Попадичев и Я. М. Старков). Это пространные сочинения, в языке и тематике которых прослеживается нарочитое «сочинительство». Старков, например, решительно заявляет, что в 1790-е гг. он служил в полку унтер-офицером [4, с. 79]. При этом в описании военных действий, он явно сбивается на выпренность и литературность: «Армией командовал древний вельможа, боярин Иван Петрович Салтыков,... Адская революция безбожных французов» [4, с. 3-4]. Не могло быть в лексике нижнего чина екатерининского времени подобных эпитетов. Обращает на себя внимание и еще одна деталь, Старков нигде не называет имени своего полка, вместо этого всюду в его тексте мы встречаем: «Мы, наш полк, полк получил приказание». Конечно, по косвенным признакам (например, упоминание шефа полка М. В. Ребиндера) [4, с. 82] можно определить, о какой именно части идет речь. Это был Азовский мушкетерский полк, однако само стремление «спрятать» название полка выглядит несколько странно. Вопросы возникают и в отношении поразительной точности Старкова в указании дат, мест ночевки и дистанции ежедневных переходов с точностью до версты [4, с. 84-85]. Каким образом и зачем мог унтер-офицер во время похода вести столь подробные записи (да еще и переводить версты в немецкие мили)? А без записей он не мог бы вспомнить все это десятилетия спустя. Представляется, что подобная информация, скорее всего, могла фиксироваться в полку тем, кто служил квартирмейстером и сохранил у себя эти служебные записи, а должность полкового квартирмейстера была прерогативой обер-офицерских чинов.

Воспоминания Старкова печатались частями в «Москвитянине» М. П. Погодина в 1841–44 гг., а в 1847 г. Погодин, собрав все эти

публикации воедино, издал их отдельной книгой. Однако во всех этих изданиях нигде не было имени автора, всюду он назывался «Старым воином», «Суворовским ратником», либо «Суворовским солдатом». Более того, исходя из документов в фонде М. П. Погодина, становится ясно, что автор долгое время хранил инкогнито даже в общении с редакцией [6, Карт. 2, Д. 62]. Тексты в редакцию представлял А. И. Аскоченский как воспоминания своего дяди. В конце концов, именно Аскоченский сообщил Погодину, что автором является полковник Яков Михайлович Старков, проживающий в г. Острогжске Воронежской губернии [6, Карт. 2, Д. 62, Л. 10]. Уже после этого завязалась переписка между редактором «Москвитянина» и самим Старковым [6, Карт. 31, Д. 23]. Возникает вопрос – почему полковник так стремился «замаскироваться» под нижнего чина?

В фонде Погодина сохранились и рукописи тех отрывков воспоминаний, которые поступали в редакцию [6, Карт. 10, Д. 77, 78, 79, 80]. Примечательно, что практически все эти тексты печатались в журнале без серьезной редакционной правки. Все – кроме одного! В одном тексте, который носит название «Голос старика Суворовского ратника» мы находим множество абзацев, зачеркнутых Погодиным [6, Карт. 10, Д. 77]. Вероятно, эта статья показалась редактору «Москвитянина» столь желчной, что Погодин решил вообще не публиковать ее на страницах своего издания. Старков подверг здесь резкой критике работу Д. А. Милютин о Суворове [7]. Будущему военному министру в это время было всего 23 года, он только что окончил военную академию. Милютин ставил своей задачей *анализ* действий Суворова как полководца, указывая, что литература о Суворове по большей части сводится к описанию анекдотических странностей в его поведении и перечислению его блестящих побед. Отдавая должное военному гению Суворова, Милютин попытался понять причины этих побед.

Сосредоточивая свое главное внимание на тактике и стратегии Суворова, Милютин не стеснялся затрагивать и «неудобные» вопросы: о ропоте солдат против своего полководца во время перехода через Альпы, о самоуверенности Суворова, которая подчас доходила до самонадеянности и хвастовства, о внутренней готовности Суворова к чрезмерному кровопролитию – как в отношении врага, так и в отношении своих собственных солдат. Характеризуя же личностные особенности Суворова (и даже восхищаясь этими чертами), Милютин приходил к выводу: «Всякая попытка подражать ему, особенно в наше время, вызовет смех, а не удивление» [7, с. 27].

Такой рационально-академический подход и вызвал глубокое возмущение Старкова. Отставной полковник воспринял эту статью как оскорбление Суворова и всей русской армии. Старкову казалось, что подход Милютина принижает Суворова, его работу он называет «клеветой-галиматьей», доказывающей лишь, что автор «читал до упоения и пресыщения истории французских писак и компиляции каких-нибудь

немцев» [6, Карт. 10, Д. 77, Л. 5]. Для него непереносима сама возможность мысли о ропоте солдат против Суворова, и Старков с гордостью сообщает: «Как было на самом деле, я подробно объяснил в моем рассказе об отце Александре Васильевиче, ... который скоро выйдет из печати» [6, Карт. 10, Д. 77, Л. 4]. Рисуя, например, в своих воспоминаниях альпийский поход, Старков вкладывал в уста седоусого ветерана слова, обращенные к молодому солдату: «... Начальников слушай, да так слушай, – хоть бы они тебе приказали умереть сейчас, так умри! Вот и будешь русский солдат» [4, с. 224-225].

На наш взгляд, именно этой уязвленностью Старкова новыми идеями, которые он почувствовал в молодом поколении, объясняется и его стремление сохранить инкогнито, и педалирование в текстах своей «солдатскости». Необходимость предстать перед читателем в образе нижнего чина диктовалась стремлением продемонстрировать неповторимый нравственный облик русских солдат, их особую связь с командирами, и в первую очередь с Суворовым. Убедительно представить разговоры солдат на марше и их беседы у костра можно было только от лица нижнего чина.

Список литературы

1. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / Ред. Зайончковский П. А. Т. 1. Москва, 1976. 300 с.; Т. 2. Ч. 1. – Москва, 1977. – 366 с.; Т. 2. Ч. 2. – Москва, 1978. – 340 с.
2. Записки солдата Памфила Назарова, в иночестве Митрофана. 1792–1839 гг. // Русская старина. – 1878. – Т. 22. – №8. – С. 529-556.
3. Воспоминания Ивана Меньшого. 1806–1822 // Русская старина. – 1874. – Том. 10. – С. 46–59.
4. Рассказы Старого воина [псевд.] о Суворове. – Москва, 1847.
5. Попадичев И. О. Воспоминания суворовского солдата / Ред. Масловский Д. Ф. – СПб., 1895.
6. ОР РГБ. Ф. 231/II. Фонд М. . Погодина.
7. Милютин Д. А. Суворов // Отечественные записки. – 1839. – Т. 3. – С. 1-94.

УДК 94(477,62-21Юзовка):614:377,36"1909/1917"

ОРГАНИЗАЦИЯ САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ СРЕДИ УЧАЩИХСЯ ЮЗОВСКОГО КОММЕРЧЕСКОГО УЧИЛИЩА

Рубель Т.Р., Красноносков Ю.Н., канд. ист. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
rubel-1998@mail.ru

Введение. На сегодняшний день абсолютно во всех сферах жизнедеятельности человека существуют четко прописанные правила и нормы санитарно-гигиенического контроля и условия их функционирования.

Невозможно сегодня представить учебное заведение, игнорирующее элементы безопасности здоровья своих учеников, преподавателей и персонала.

Вопросам гигиенического воспитания детского населения уделялось внимание еще в период становления школьной гигиены в конце XIX – в начале XX в., когда данное направление социально-медицинской деятельности формируется как важный раздел здравоохранения с четко определенным содержанием [1]. В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона она получила следующее определение: «Школьная гигиена представляет отдел общественной гигиены, имеющий задачей сохранение здоровья учащихся от тех вредных влияний, которые оказывает школа; она учит, каким образом нужно устраивать школьные помещения, приспособлять школьные принадлежности (классные скамьи, доски и т. п.), распределять занятия и т. д. В более широком смысле, школьная гигиена обнимает заботы о гармоническом развитии тела и духа детей в школе» [2]. В исследуемый период начинают формироваться основы школьно-санитарного надзора, обусловленные необходимостью организации медицинского обслуживания учебных заведений и соответствующего надзора в Российской империи, утверждаются санитарно-гигиенические нормы в образовательной сфере, зафиксированные в ряде нормативно-правовых актов. Среди них важное место занимает «Врачебный устав», определивший необходимость надзора в сфере школьной гигиены. Действовавшие в этот период нормы способствовали усилению интереса к созданию нормальных условий с точки зрения медицинской науки для учащихся различных учебных заведений.

Основная часть. Активная санитарно-гигиеническая деятельность проводилась по всей территории России, в том числе и в Донбассе. Одним из крупных учебных заведений края в дореволюционный период являлось Юзовское Коммерческое училище, открытое 30 августа 1909 г. в составе двух подготовительных и трех младших основных классов [3]. Первые два с половиной года училище находилось в арендованном здании, где отсутствовали нормальные санитарно-гигиенические условия, что крайне негативно воздействовало на учащихся, а значит и на ход учебной деятельности. Лишь с 8 января 1912 г. училище переехало в свое здание, где стало возможным заняться организацией нормальных условий физического воспитания учеников. Собственное здание училища было построено с соблюдением установленных требований школьной гигиены и насколько позволяли финансовые средства (проектировалось построить здание на 400-500 учеников стоимостью около 80 тыс. рублей). Кроме специальных аудиторий для физики и химии, для естествознания и для рисования, 5 комнат было отведено на физико-химическое отделение со специальным устройством для проведения учебных занятий. В полуподвальном этаже находилась столовая и раздевальня для учеников. В здании было устроено центральное водяное отопление, электрическое освещение во всех помещениях. Для уничтожения пыли с пола его

смазывали маслом «Гаргойль-Флурит». Кроме вентиляции, училище использовало «озонаторы Р. Келера».

Среди санитарно-гигиенических мероприятий, осуществлявшихся администрацией училища, особенно важным являлась организация оздоровительного отдыха учащихся на свежем воздухе. В поселке Юзовка и при близлежащих домах совершенно отсутствовали сады и большие дворы. Заводом «Новороссийского общества» училищу было отведено полдесятины двора для проведения игр и физических упражнений, площадью 24 x 24 кв. саженей. С двух сторон площадки были высажены деревья. В хорошую погоду на данном участке ученики проводили большую перемену и занятия гимнастикой. С декабря 1912 г. в училище проводились уроки гимнастики. В программу физического воспитания входили: шведская и сокольская гимнастика; подвижные игры; элементарные военные построения для развития стройности массовых движений.

Среди дополнительных направлений по обеспечению физического здоровья воспитанников училища следует также отметить организацию питания в буфете. При этом легкие горячие завтраки предоставлялись малоимущим учащимся за счет средств Общества вспомоществования недостаточным ученикам. В учебном заведении проводились воспитательные беседы на гигиенические темы на уроках естествознания; общий медицинский осмотр всех учеников два раза в год и амбулаторный прием больных детей штатным врачом училища и в экстренных случаях на дому.

С целью недопущения переутомления учеников и для улучшения организации учебного процесса в Юзовском Коммерческом училище расписание уроков предусматривало проведение не более 4 учебных дисциплин в день; детально определялась работоспособность отдельных учеников; проведение классных занятий отвечало требованиям нормального развития интеллектуальных способностей учащихся [4, с. 135].

Таким образом, зарождение и развитие санитарно-гигиенических норм в образовательной сфере в начале XX вв. нашло отражение в ряде нормативно-правовых актов, среди которых важное место занимает Врачебный устав, определявший необходимость надзора в сфере школьной гигиены. Проанализировав отчет о деятельности Юзовского Коммерческого училища в сфере обеспечения здоровья и отдыха учащихся, можно утверждать, что организация полноценной учебно-воспитательной деятельности стала возможной только после переезда учебного заведения в собственное здание, где для учеников были созданы необходимые санитарно-гигиенические условия.

Список литературы

1. Баранов А. А. Здоровье, обучение и воспитание детей: история и современность (1904-1959-2004) / А. А. Баранов, В. Р. Кучма, Л. М. Сухарева. – М.: Династия, 2006. – 312 с.
2. Андреевский И. Е., Арсеньев К. К., Петрушевский Ф. Ф., ред. Энциклопедический словарь. Том XXXIXA (78): Шенье – Шуйский монастырь. – СПб.: Акционерное издательское общество Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон. – 1903.

3. Стёпкин В. П., Третьяков С. В. Юзовское коммерческое училище. История организации и строительства: Донецк: история, события, факты. 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://infodon.org.ua/pedia/823> (20.09.2021)
4. Отчет восьмиклассного коммерческого училища Юзовского Общества «Просвещение» за 1912-1913 учебный год. – Юзовка, 1913.

УДК 63.3(2)

МОРАЛЬНЫЙ ОБЛИК ОТВЕТСТВЕННЫХ ПАРТИЙНО- СОВЕТСКИХ РАБОТНИКОВ (1921–1928 гг.): ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Чеботарева А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
abc5071@mail.ru

Введение. Октябрьская революция 1917 г. привела к тому, что вместо старой управленческой российской бюрократии формировалась новая – «рабоче-крестьянская». Большинство новых советских управленцев – «люди из народа» – изначально не обладали качествами, необходимыми для руководящей работы. В условиях экономического и политического кризиса начала 1920-х гг. перед большевиками стояла задача создания «нового человека», который бы полностью отождествлял интересы государства со своими личными интересами. В первую очередь это касалось работников партийно-советских органов, так, как авторитет власти напрямую зависит от нравственных качеств чиновников, их порядочности, честности, самоотверженности в служении государственным интересам. Эта задача последовательно решалась советской властью. При этом формирование нового типа личности управленца происходило в условиях рецидивов морали, которую в то время было принято назвать мещанской, буржуазной. Системная оценка этого процесса в советской, российской и современной историографии последовательно развивалась во времени.

Основная часть. Первые публикации по данной проблеме относятся к первой половине 1920-х гг. В статьях и устных выступлениях деятели большевизма – Д. З. Лебедь, А. А. Сольц, Е. М. Ярославский, Э. И. Квиринг и др. – рассматривали как общетеоретические вопросы формирования коммунистической морали, так и прикладные темы, волновавшие в 1920-е гг. партийный актив [1; 2; 3; 4]. Формирование образцового коммуниста признавалось залогом успешной реализации большевистской программы морально-политического воспитания руководящего звена. Развития система идеологии и строгий отбор кадров по морально-политическим качествам приводил к формированию основного ядра управленцев советского типа.

В условиях укрепления партийной дисциплины и идеологической одномерности на протяжении многих лет в советской научной литературе проблема нравственности коммунистов была практически исключена из сферы интересов историков. Лишь со второй половины 1980-х гг. под влиянием политики гласности в ряде монографий, брошюр и статей требования к нравственному облику партийного работника стали предметом специального анализа. Так, нормы профессиональной партийной этики и вопросы служебного этикета в практике партийной работы проанализировала С. В. Захарова [5]. Существенно обогатил источниковую базу обозначенной темы сборник документов и материалов, посвященный дискуссии 1924 г. о партийной этике [6]. В издание включены выдержки из резолюций партийных съездов и пленумов, фрагменты докладов и статей видных деятелей и теоретиков партии, в которых затрагиваются общие вопросы морали, а также социально-нравственные проблемы, связанные с деятельностью партии. Сборник документов показывает системную борьбу партийных органов с нарушениями принятых норм морали и реальное состояние дел в этой области.

В постсоветской российской историографии наметился крен к негативному освещению вопросов нравственного состояния партийной элиты в 1920-е гг. Это нашло отражение в исследованиях В. В. Никулина [7], Е. В. Туфанова [8]. Авторы утверждают, что необходимость разработки поведенческих норм была вызвана активной нравственной деградацией партии в период реализации новой экономической политики. В научных статьях М. Ю. Паско, С. В. Воробьева, Е. В. Долженковой, Н. А. Алексанян и Н. А. Филоненко рассмотрены проблемы и механизмы формирования морального облика советско-партийного работника 1920-х гг. в отдельных краях, областях и губерниях Советской России [9; 10; 11; 12]. М. Ю. Паско пришел к выводу, что власть номенклатурных чиновников в сочетании с ее секретностью и привилегиями подталкивала их к поиску дополнительных источников существования, связанному с использованием своего служебного положения. С. В. Воробьев и Е. В. Долженкова доказывают, что рыночные условия создавали благоприятную среду для развития негативных явлений в советском аппарате управления.

В историографии вопроса имела место и противоположная тенденция, связанная с изучением реакции партийных органов на отмеченные негативные явления. Помимо общих работ, в постсоветский период выходили и специальные исследования, посвященные вопросам партийного контроля в области противодействия нарушениям членами партии моральных, этических и уставных норм. Т. А. Абракова в работе «Советское общество 20–30-х годов XX века: опыт политического контроля (На материалах партийной Контрольной Комиссии)» раскрывает роль местных Контрольных Комиссий в партийных чистках в 1921–1933 гг., направленных на качественный отбор кадров по моральному критерию. Автор выявляет характерные особенности генеральных чисток, так по

мнению исследователя в 1921 году большинство исключений из партии было за нарушение партийной дисциплины, в генеральной чистке государственного аппарата 1929–1932 гг. – за нарушение морально-этических норм [13]. Е. Л. Киселева в своем диссертационном исследовании пришла к выводу, что в ходе чистки 1929–1932 гг. создавался образ идеального советского чиновника, который неукоснительно следует последним директивам партии и правительства, что все чаще определялось как отсутствие бюрократизма [14].

Заключение. Историография свидетельствует о том, что в существующих научных трудах рассмотрены различные аспекты указанной темы. Работы советского периода отличаются идеологизированностью, в постсоветской российской историографии оформились две тенденции освещения вопроса, а среди работ современных авторов отсутствует обобщающее исследование. Особенный дефицит информации замечен в отношении работ, изучающих ментальность аппарата управления на региональном уровне.

Список литературы

1. Лебедь Д. З. Об антирелигиозной пропаганде / Д. З. Лебедь // Известия ЦК КП(б)У. 1921. – № 3. 28 мая. – С. 17.
2. Сольц А. А. О партэтике: доклад, читанный в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова/ А. А. Сольц. – Москва, 1925. – 22 с.
3. Ярославский Е. М. О партэтике: доклад на II пленуме ЦКК РКП(б) 5 октября 1924 г. / Е. М. Ярославский. – Ленинград, 1925. – 29 с.
4. Квиринг Э. И. Избранные речи и статьи / Э. И. Квиринг. – Киев, 1988. – 485 с.
5. Захаров С. В. Этика партийного работника / С. В. Захаров. – М.: Издательство политической литературы, 1986. – 142 с.
6. Партийная этика: (Документы и материалы дискуссии 20-х годов) / под ред. А. А. Гусейнова, М. В. Искрова, Р. В. Петропавловского. – М.: Политиздат, 1989. – 509 с.
7. Никулин В. В. Большевики и партийная этика: поведенческие нормы, социальный контроль и внутрипартийная повседневность (1920-е годы) / В. В. Никулин // NB: Проблемы общества и политик. – 2014. – № 8. – С. 26-82.
8. Туфанов Е. В. Становление моральных принципов нового руководителя в партийных дискуссиях 1920-х годов / Е. В. Туфанов // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – № 3. – С. 62-68.
9. Паско М. Ю. Номенклатура Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б): менталитет «ответственного работника» (вторая половина 1920-х годов) / М. Ю. Паско // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв.: материалы V Всероссийской научной конференции / под ред. В. В. Моисеева. – 2003. – Часть I. – С. 131-134.
10. Воробьев С. В. Моральный облик и должностные преступления уральских управленцев в начальный период НЭПа / С. В. Воробьев // Историко-педагогические чтения. – 2007. №11. – С. 67-74.
11. Долженкова Е. В. К вопросу о девиантном поведении партийной номенклатуры Курского края в 20-е годы XX века / Е. В. Долженкова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: история и право. – 2012. – №1-1. – С. 222-228.

12. Алексанян Н. А., Филоненко Т. В. Морально-этический облик ответственных служащих советских органов власти и кадровая политика Воронежской губернии годы Гражданской войны (1917–1922 гг.) / Н. А. Алексанян, Т. В. Филоненко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – №6-1. – С. 23-28.
13. Абракова Т. А. Советское общество 20–30-х годов XX века: опыт политического контроля (На материалах партийной Контрольной Комиссии) / Т. А. Абракова. – Н. Новгород: НГАСУ, 2005. – 403 с.
14. Киселева Е. Л. Чистка государственного аппарата 1929–1932 гг.: основные комплексы источников, их анализ и значение / Е. Л. Киселева.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2014. – 177 с.

УДК 930.2(477.62)

КУЛЬТ НИКОЛАЯ РАТНОГО НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (кон. XVI – нач. XVIII вв.)

Чепига Г.Г., канд. ист. наук

ГОО ВПО «Донецкая государственная музыкальная академия
имени С. С. Прокофьева», г. Донецк, ДНР
chepiga_galina@mail.ru

Введение. Северная часть Донецкого края в конце XVI – начале XVIII в. относилась к территории южного пограничья Российского государства. Край колонизовался одновременно со строительством оборонительных сооружений и под их прикрытием. К оборонительным сооружениям относились, кроме прочего, города-остроги. Одним из таких острогов была крепость Райгородок, расположенная у впадения р. Тор (совр. Казенный Торец) в р. Северский Донец, построенная в 1684 г. в составе Торской оборонительной черты [8]. На территории исторического местонахождения крепости проводились археологические раскопки, давшие многочисленные данные о материальной культуре местного населения. Памятник, где велись археологические раскопки, получил название Казачья Пристань.

Целью данной работы является рассмотрение религиозного аспекта духовной культуры первопоселенцев Донецкого края Нового времени по данным, полученным в результате археологических исследований памятника Казачья Пристань (время функционирования вторая половина XVII – начало XVIII вв.), а также сопоставление с материалами истории духовной культуры из письменных источников по истории города Царёво-Борисова первого заселения (1599 – около 1612 гг.).

Основная часть. Раскопками, которые велись экспедицией Донецкого областного краеведческого музея под руководством Э. Е. Кравченко в 1998–1999 гг. на Казачьей Приistani была вскрыта площадь около 1500 кв. м [7, с. 45]. Раскопки дали богатый материал по истории заселения

Донецкого края в период военно-земледельческой колонизации южной окраины Российского государства. Подробные сведения о результатах археологических исследований на территории среднего Подонцовья опубликованы Э. Е. Кравченко [6, с. 194-205]. Среди наиболее значимых находок для истории духовной культуры Донецкого края – свидетельства о вероисповедании местных жителей. Предметы христианского культа являются одной из распространенных находок на поселениях в среднем течении Северского Донца. На памятнике Казачья Пристань были обнаружены две бронзовых иконки, с изображением святителя Николая Чудотворца Можайского. Эти иконки называют «прорезными» или «просечными». В традиции русского медного литья такие иконки изготавливали лишь по нескольким сюжетам: «святый Николай Можайский», «святые Борис и Глеб», «Чудо Георгия о змие» и более поздние – архангелы Михаил и Гавриил [5].

Одна из упомянутых икон святого Николая Можайского традиционна для своего иконографического типа: украшена навершием «Спас Нерукотворный», в среднике представлен святой Николай с мечом в правой руке и градом-храмом в левой. Аналог находится в собрании Государственного исторического музея Южного Урала РФ. Икона стилистически близка деревянным скульптурным изображениям святого Николая Можайского. Вторая иконка не имеет обрамления в виде рамки, но изображение святителя очень похоже на первый образец.

«Николай Можайский» – деревянный образ святителя Николая Чудотворца. Долгое время находился на территории кремля в городе Можайске (по преданию, с XIV в.). Впервые определение иконографии «Никола Можайский» произошло в конце XVI в. в писцовых книгах Можайска для отличия от прочих изображений святого. Существует легенда о защите Можайска святителем Николаем. Город был осажден монголами, и жители стали молиться Николаю Чудотворцу. Вдруг в небе появился святитель Николай – в правой руке он держал сверкающий меч, а в левой как бы град Можай. Враги в страхе бежали. С тех пор Святой Николай особенно почитался в городе. Образ получил в XVI–XVII в. широкое распространение, что было обусловлено и конкретными историческими задачами. Резной образ стал наделяться важными функциями – покровителя ратного дела, защитника государства [3]. Райгородские образа Николая имеют в руках сильно искривленный меч, напоминающий саблю, что ближе к российской действительности XVII в.

Почитание этого образа на степной окраине Русского государства, в среднем Подонцовье, где велась постоянная борьба с нападениями татар не удивительно. Начало освоения региона связано с историей города Царёва-Борисова, построенного в 1599 г. В царском наказе воеводам Богдану Бельскому и Семёну Алферову по поводу будущей постройки Царёва-Борисова о церкви Николая Ратного не упоминается. Предполагалось заложить две церкви: Троицкую и Бориса и Глеба [2]. Однако, по факту, в

Царёве-Борисове имелась церковь Николая Можайского Ратного. Из источников известно, что в 1612 г. утварь церкви Николы Ратного была перевезена в Валуйки [1, с. 640]. В том же году церковное имущество было передано в монастырь Николы Чудотворца в Белгороде, где накануне произошло нападение «князя Лыка Лубенского с литовскими людьми» [Там же]. Город и монастырь начисто сгорели, из-за чего возникла необходимость обзавестись новой церковной утварью («образы, книги, ризы и всякое церковное строение») [Там же]. Вместе с имуществом своей церкви на новое место переселился цареборисовский вдовый поп Алексей и служил теперь в сане игумна. В отстроенном на новом месте монастыре цареборисовское имущество находилось, однако, не долго, через десяток лет оно так же сгорело в пожаре после «прихода литовских людей и черкас» [1, с. 641]. Обращает на себя внимание тот факт, что передача имущества Царёва-Борисова в город Валуйки, перевод ратных людей на службу туда же, передача артиллерии в Белгород, сожжение Белгорода – события нескольких месяцев. Это дает повод исследователям предполагать, что, город был оставлен по решению властей, следовательно, наиболее вероятная дата прекращения существования города Царёва-Борисова первого заселения 1612 г. [4, с. 162]. Оружие крепости и церковное имущество успели вывезти, оно не сгорело в огне пожара. После Смутного времени заселение и хозяйственное освоение края было продолжено, также продолжила существовать духовная традиция почитания Николая Ратного.

Заключение. Таким образом, первые страницы истории заселения Донецкого края, его духовной культуры, связаны с почитанием иконы святого Николая Ратного. Отличительной особенностью иконографии образа являются поднятые руки святого, в которых он держал меч (или саблю) и крепость с однокупольным храмом внутри. Николай Можайский почитался как защитник городов. О его почитании в крае известно уже в конце XVI в., т.к. административно Среднее Подонцовье вошло в округу Царёва-Борисова [9]. В Донбассе и в дальнейшем был распространён культ этого святого, о чём говорят находки его изображений на Казачьей Пристани.

Список литературы

1. Дело по челобитьям старца Геласия с братиею о возобновлении Никольскаго Белгородскаго монастыря и старца Кирила с братиею о возобновлении Волуйскаго Никольскаго монастыря, разоренных литовскими людьми и черкасами. / Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук // под ред. Н. А. Попова. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890–1901. – Т. 1: Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. – 1890. – С. 641–645.
2. Наказ воеводам Богд. Бельскому и Сем. Алферову о постройке города Царевоборисова / Материалы для истории колонизации и быта Степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI–XVIII столетии // Сост. Багалеи Д. И. – Т. 1. – Харьков: Тип. К. П. Счасни, 1886. – С. 5–13.

3. Белик Ж. Г., Савченко О. Е. Николай Чудотворец (Можайский) [Электронный ресурс] / Ж. Г. Белик, О. Е. Савченко // Иконы России. – Режим доступа: <http://www.iconrussia.ru/iconography/489/> (Дата обращения 10.09.2021).
4. Зенченко М. Ю. Южноероссийское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства) / М. Ю. Зенченко – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 208 с.
5. Золотой запас музея: «прорезные» меднолитые иконы [Электронный ресурс] // Государственный исторический музей Южного Урала. – Режим доступа: <http://www.chelmuseum.ru/news/zolotoy-zapas-muzeya-proreznye-mednolitye-ikony/> (Дата обращения 20.09.2021).
6. История (история Донбасса от древности до современности): учебное пособие / под общей редакцией проф. Л. Г. Шепко, проф. В. Н. Никольского. – Донецк: ДонНУ, 2017. – 693 с.
7. Кравченко Э. Е., Мирошниченко В. В. Материальная культура населения среднего течения Северского Донца на рубеже XVII–XVIII вв (по материалам раскопок поселения Казачья Пристань) / Э. Е. Кравченко, В. В. Мирошниченко // Святогірський альманах 2007. – Донецьк, 2007. – С. 43-51.
8. Пирко В. А. Северное Приазовье в XVI–XVII вв.: учеб. пособ. для студ. спец. «История» / В. А. Пирко. – К.: УМК ВО, 1988. – 133 с.
9. Чепига Г. Г. Северный Донбасс в экономической и политической системе Российского государства в XVI–XVII вв.: юрты, сторожи, города на Поле. // *Via in tempore. История. Политология.* – 2021. – № 48 (1). – С. 132-140.

УДК 903.15:685

К ВОПРОСУ О ЛОШАДЯХ В ЦАРСТВЕ ЦИНЬ

Шульга Д.П., канд. ист. наук.

Сибирский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, г. Новосибирск, РФ
alkaddafa@gmail.com

Введение. Из всех царств периода Восточной Чжоу (770–256/221 гг. до н.э.) наиболее развитыми в плане кавалерии считались два – Цинь на западе и Чжао на севере. Данный факт не слишком удивителен, так как именно в этих частях китайской ойкумены (со стороны Западного Края [5] и Ордоса [3]) влияние степи чувствовалось более всего. Хотя именно Циньский удел стал объединяющей силой для Поднебесной во втор. пол. III до н.э., создав сильную армию с многочисленной пехотой [1], развив ремесло [9] и архитектуру [8], княжество зачастую воспринималось более восточными соседями как полуварварское [6]. Основная причина – географическая удалённость от традиционных центров культуры *хуася* эпох Шан и Чжоу [10].

Есть мнение, что в Цинь существовала конница как род войск, хотя эта точка зрения не является общепринятой. Противники её указывают, что наличие лошадей в терракотовой армии может означать лишь использование всадников как вестовых, разведчиков, либо же верхом могли

ездить офицеры для лучшей координации пехоты, в то время как полноценных боевых построений с использованием кавалерии, вероятно, не было. Автор настоящей работы, принимая во внимание доводы обеих сторон, склоняется к мысли, что конные отряды должны были существовать, впрочем, могли они набираться не из земледельческого населения, а из зависимых или союзных скотоводческих народностей, у которых, естественно, во втор. пол. I тыс. до н.э. кавалерия была [2].

Основная часть. По мнению китайского исследователя Те Гуаньшэня важным фактором для одомашнивания лошади стало похолодание, охватившее северо-западный Китай в нач. II тыс. до н.э. Кости лошадей находят еще в палеолитических стоянках (всего 32 находки на территории КНР), но domestикация начинается только в эпоху бронзы [7, с. 247]. Ввиду небольшого объёма данной публикации мы оставим за скобками дискуссию о том, почему первоначально лошадь использовалась в упряжке, а не верхом. Китай, к слову, здесь двигался в общей тенденции – в некрополях первой исторической династии Шан было найдено немало колесниц [10, с. 151] (которые, к слову, использовались как боевые единицы до конца Восточной Чжоу, хотя и надо признать падение их военного значения в IV–III вв. до н.э.).

Одним из комплексов, который нередко связывают с ранним периодом развития Цинь является Сишань (уезд Лисянь пров. Ганьсу). Исследование ДНК, сделанные с использованием останков лошадей, найденных здесь, дали некоторые результаты. Существенных отличий митохондриальной ДНК сишаньских лошадей от экземпляров из соседних регионов (ныне провинции Цинхай и Ганьсу) не выявлено. Возможно, это указывает на общность пород и близость селекции как у циньцев, так и у окружавших их «варварских» народов [4].

Заключение. Очевидно, что естественнонаучные и, косвенно, нарративные источники указывают нам на связи царства Цинь с миром ранних кочевников. Одной из причин состоявшегося уже при Хань похода Чжан Цяня на запад в поисках ушедших в Среднюю Азию юэчжей (для создания анти-хуннского альянса) может быть названа память о контактах, оставшаяся со времен Цинь. Вопрос о прародине юэчжей остаётся открытым, но, очевидно, часть Ганьсу в той или иной степени была под их влиянием. К сожалению, мы пока не можем достоверно реконструировать ряд деталей (например, этнический состав кавалерии, как уже говорилось выше), но увеличение количества источников приближает нас к пониманию хозяйственной и этно-культурной ситуации на западе китайской ойкумены.

Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 21-59-23003 «Верховые и упряжные лошади в археологических культурах степей Евразии в XX–III вв. до н. э. по материалам конского снаряжения и археозоологии».

Список литературы

1. Xiuzhen Janice Li, A. Bevan, M. Martinon-Torres, T. Rehren, Wei Cao, Yin Xia, Kun Zhao. Crossbows and imperial craft organisation: the bronze triggers of China's Terracotta Army // *ANTIQUITY*. – 2014. – №88. – Pp. 126-140.
2. Го Цзинъюнь. Гудай ячжоудэ сюньма, чэнма юй ю чжань цзуюнь [郭静云。古代亚洲的驯马、乘马与游牧族群 // *中国社会科学* 2012年第6期] Доместикация лошадей, верховая езда и кочевники в Азии в древности // *Чжунго шэгуэй кэсюэ* (Общественные науки Китая). – 2012. – №6. – С. 184-204.
3. Дан Юй, Сунь Цзиньсун. Лянчэн сянь сяошуан гучэн муди сюнь шэн вэньти таньтао [党郁、孙金松。凉城县小双古城墓地殉牲问题探讨 // *草原文物* 2015年第1期] О жертвоприношениях на некрополе древнего города Сяошуан, уезд Лянчэн // *Цаюань вэньбу* (Степная археология). – 2015. – №1. – С. 86-92.
4. Дун Сяолин, Чжао Синь, Люй Пэн. Ганьсу шэн ли сянь сишань ичжи чуту магу дэ DNA чубу яньцзю [东晓玲、赵欣、吕鹏。甘肃省礼县西山遗址出土马骨的DNA 初步研究 // *南方文物* 2020年第4期]. Предварительное исследование ДНК обнаруженных на памятнике Сишань (уезд Лисянь провинции Ганьсу) лошадиных костей // *Наньфан вэньбу* (Культурное наследие южных территорий). – 2020. – №4. – С. 182-186.
5. Ли Юэ, Ма Цзянь, Чжан Чэнжуй, Лю Хуан. Чжунго гудай муе шэгуэй гу чжипинь дэ чубу каоча: и Синьцзян Баликунь ши жэнь цзы гоу ичжи вэйли [李悦、马健、张成睿、刘欢。中国古代牧业社会骨制品的初步考察：以新疆巴里坤石人子沟遗址为例 // *第四纪研究* 2020年第2期] Исследование древних скотоводческих обществ Китая по изделиям из кости: тематическое исследование стоянки Шижэньцзигоу в Баликуне, Синьцзян // *Дисыцзи яньцзю* (Исследования четвертичного периода). – 2020. – №2. – С. 331-342.
6. Лян Юнь. Лунь цзаоци циньвэньхуа дэ лайюань юй синчэн [梁云。论早期秦文化的来源与形成 // *考古学报* 2017年第2期] О происхождении и становлении культуры ранней Цинь // *Каогу сюэбао* (Археологический журнал). – 2017. – №2. – С. 149-174.
7. Те Юаньшэнь. Чжунго бэйфан цзяма циюань вэньти чутань – и гань цин дицзюй вэй таньтао чжунсин [铁元神。中国北方家马起源问题初探—以甘青地区为探讨中心 // *农业考古* 2015年第1期] Предварительное исследование доместикации лошадей на севере Китая (по материалам провинций Ганьсу и Цинхай) // *Нунье каогу* (Аграрная археология). – 2015. – №1. – С. 241-248.
8. Фу Цзянь, Чжан Нин. Циньшихуанди лин фэнту чжу цзао гун и као люэ [付建、张宁。秦始皇帝陵封土筑造工艺考略 // *文博* 2014年第4期] Исследование технологии строительства насыпи гробницы Циньшихуанди // *Вэньбо* (Культурные и музейные ценности). – 2014. – №4. – С. 35-38.
9. Цао Вэй. Циньшихуанди лин чуту эр хао цинтун мачэ [曹玮。秦始皇帝陵出土二号青铜马车。北京：文物出版社，2015] Бронзовая колесница №2 из мавзолея Циньшихуанди. – Пекин: Вэньбу чубаньшэ, 2015. – 233 с.
10. Ян Баочэн. Иньсюй вэньхуа яньцзю [杨宝成。殷墟文化研究。武汉：武汉大学出版社，2002] Исследование культуры городища Иньсюй. – Ухань: Изд-во Уханьского университета, 2002. – 229 с.

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ МОНИТОРИНГА ОБЪЕКТОВ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПЕСЧАНОКОПСКОМ
И ПРОЛЕТАРСКОМ РАЙОНАХ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В 2020 г.**

Щипанова А.Г.

ООО «Ростовское Археологическое Научно-Исследовательское Общество»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
shipanova.nastia@yandex.ru

Введение. Археологический мониторинг – неотъемлемая часть системы охраны объектов археологического наследия (ОАН), которая выражается в выявлении, организации учета и режима сохранности, историко-культурной оценке, а также в постоянном наблюдении за текущим состоянием памятников [1]. В современных памятникоохранных практиках РФ археологические памятники рассматриваются как часть окружающей среды и включены в единую государственную систему экологического мониторинга [2]. Поэтому важна адаптация методов мониторинга к физико-географическим особенностям местности. Оба исследованных района Ростовской области расположены на левобережье Нижнего Дона и характеризуются степными условиями и относительно слабой расчлененностью рельефа.

Основная часть. Первая инвентаризация или паспортизация объектов культурного (археологического) наследия на территории Ростовской области была проведена в начале 90-х гг. XX в. Южные и юго-восточные районы Ростовской области не стали исключением, и были обследованы специалистами-археологами археологической лаборатории РГУ и Археологического научно-исследовательского бюро в 1991 г. Основная задача работ того времени заключалась в составлении учётной документации (паспорта) объекта, сбор информации о состоянии памятника археологии (степень его сохранности), определение его физических размеров, составление ситуационного плана-схемы. В подавляющем большинстве подробно были паспортизированы памятники археологии курганного типа. В 2020 г. в рамках Государственной программы Ростовской области «Развитие культуры и туризма», утвержденной постановлением Правительства Ростовской области, в рамках государственного задания на «Проведение полевых археологических работ в целях определения координат (в системах МСК-61 и WGS-84) характерных точек границ территорий объектов археологического наследия» в Ростовской области был проведён мониторинг 59 объектов археологического наследия в Песчанокопском районе и 227 объектов археологического наследия в Пролетарском районе Ростовской области. В результате проведенных работ были осуществлены следующие программные положения:

- всестороннее изучение архивных и историографических сведений об объекте исследования (ОАН);
- визуальный осмотр и археологическое исследование территории ОАН;
- мониторинг (оценка сохранности) современного состояния ОАН, подтверждение наличия обследованных ОАН в границах территории, отведённой по архивным учетным данным Министерства культуры Ростовской области;
- для ОАН поселенческого типа подтверждение их наличия в границах территорий по архивным данным и корректировки актуальных границ территорий данных ОАН по результатам шурфовочных работ и сбора подъемного материала;
- инструментальная съёмка объекта археологического наследия, подготовка подробного топографического плана, определение координат характерных точек границ территории ОАН (координаты характерных точек в двух системах координат МСК-61 и WGS-84) с использованием актуальной методики и рекомендаций;
- подготовка учетной документации в соответствии с требованиями технического задания, с учетом стандартов и требований действующего законодательства, для дальнейшего включения сведений об обследованных ОАН в «Единый государственный реестр недвижимости», «Федеральную государственную информационную систему территориального планирования», «Информационную систему обеспечения градостроительной деятельности».

В составе 81 объекта археологического наследия на территории Песчанокопского и Пролетарского районов Ростовской области было дополнительно выявлено 206 курганных насыпей, уточнены границы 3 поселенческих объектов.

В целом, проведенный мониторинг показал не удовлетворительное состояние (сохранность) обследуемых памятников археологии. Развивающиеся экстенсивно в южных районах Ростовской области сельскохозяйственные предприятия, увеличивая обрабатываемые земли, распахивают находящиеся на них курганные насыпи. Некоторые курганные холмы полностью срезаны с поверхности, зачастую это происходит на участках сельскохозяйственных полей, возделываемых на протяжении многих лет. Некоторые памятники подвергаются грабительским раскопкам, в Песчанокопском районе зафиксирована крупная курганная насыпь (около 6 м в высоту и 40 м в диаметре) в центре которой грабительская яма выкопана трактором!

В относительной безопасности находятся курганные группы, расположенные в Пролетарском районе, на высоких, «острых» балочных водоразделах. Это мощные курганные группы, состоящие из 3-6 десятков насыпей, выстроенные по линии З-В, СЗ-ЮВ, ЮЗ-СВ, расположенные на задернованных степными травами вершинах холмов. Долгое время эти

территории использовались для выпаса скота, и не были включены в сельскохозяйственный оборот. Благодаря этому на некоторых курганах можно проследить характерные ритуальные особенности данных сооружений: ровики, каменные заклады, вымостки, земляные валы и т.д. Также в относительно хорошей сохранности находятся объекты, расположенные на выположенном степном правобережье Маныча, являющимся обширными естественными пастбищами. Под угрозой разрушения, а иногда и полного уничтожения находятся курганные группы, расположенные наиболее близко к береговой линии из-за эрозивных процессов и размыва берега.

Заключение. Системным археологическим мониторингом двух левобережных районов Ростовской области установлена средняя для региона плотность ОАН с преобладанием курганов. Значительный ущерб памятникам причиняют хозяйственная деятельность и естественные эрозийные процессы. В результате проведенных археологических исследований очевидна необходимость активных мер по обеспечению сохранности объектов культурного наследия, и как следствие, – выведение из хозяйственного оборота территории объектов культурного (археологического) наследия.

Список литературы

1. Субботин А. В., Кирчо Л. Б., Красниенко С. В., Стеганцева В. Я. Археологический памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010). – СПб: Инфо Ол, 2012. – 176 с.
2. Веденин Ю. Л., Гаукстад Э. Зарубежное законодательство в области сохранения культурного и природного наследия (Информационный сборник). – М.: Изд-во Института Наследия, 1999. – 96 с.

УДК 94(470.61):341.81(430.341)“13”

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЕНЕЦИАНСКОЙ КОНСУЛЬСКОЙ СЛУЖБЫ В ТАНЕ В XIV в.

Ющенко Д.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
yuschenko.d@gmail.com

Введение. Еще с начала XII в. между итальянскими торговыми республиками Венецией и Генуей началось ожесточенное геополитическое противостояние за торгово-экономическое господство в Средиземноморском бассейне, *in confinia mundi* того времени.

Основная часть. Бассейн Черного моря рассматривался как *in faucibus inimicorum nostrorum*, то есть как территория под властью врагов. В 1169 г. Генуя опередила Венецию, ей удалось добиться для себя хрисовулла от императора Византии Мануила I Комнина, согласно

которому генуэзцы получили исключительное право на торговлю in Mare Maius, в Черном море. Однако, геополитическая картина мира стремительно менялась. В 1204 г. Константинополь был захвачен крестоносцами, и путь в Черное море для Генуи был закрыт, в тоже время в Крыму удалось закрепиться венецианцам. Смена правителя вновь внесла свои коррективы – император Михаил VIII Палеолог ратифицировал Нимфейский договор 1261 г., вновь возвысив Геную [1, с. 42]. В 1264 г. император, боясь стремительного усиления Генуи, допускает в свои владения и Венецию. Дож Джованни Соранцо говорил о том, что Венеции необходимо вести активную торгово-коммерческую деятельность, так как город «стоит в море и совершенно не имеет ни виноградников, ни полей». Именно поэтому Венеция ищет новые пути, и уже в начале XIV в город Тана начинает фигурировать в постановлениях сената [1, с. 67].

В 1333 г. венецианцы направляют своего посла Андрея Дзено к хану Узбеку, его миссия увенчалась успехом – им было даровано право поселиться на берегу Дона в городе Азак, построив свои кварталы, обнесенные каменными стенами и уплачивать *comercium imperiale* – налоговый сбор в 3 % от торгового оборота в пользу хана. Вместе с тем, венецианская фактория там уже была. С. П. Карпов определяет время первого консульства между 1317 и 1325 гг. [6, с. 15]

Колония управлялась специальным консульством. Еще в XI в. итальянскими республиками была заимствована восточная традиция консульской службы. Несмотря на то, что верховная власть в Тане-Азаке принадлежала хану, он, чаще всего, не вмешивался во внутренние распри отдельных колоний [3, с. 23].

Срок службы консула сенат опередил в два года, с фиксированным жалованием в 600 золотых дукатов. Консул имел огромное количество полномочий, такие как: командовать армией и флотом, вскрывать официальную корреспонденцию, встречаться с иностранными послами и правителями, но самое главное, особенно для консула Венеции в Тане – он мог заниматься *facere mercationes* – коммерческой деятельностью [1, с. 34]. Полномочия в различных факториях и колониях регламентировались различными патентами, привилегиями и трактатами. Ф. Ф. Мартенс писал, что изначально консулом называлось лицо, которое выступало судьей между торговцами в тех странах, где данный вид коммерции был переопределяющим. При этом, суд консулом производился независимо от подданства торговца, видимо в данный период времени было положено начало унификации торгового права [8, с. 53]. Иногда встречались прецеденты наличия консулов при торговцах, коммерческих консулов и консулов, которые осуществляли свою деятельность на торговых судах [4, с. 7]. Консульство в Тане состояло из нотариуса-священника, переводчика, четырех слуг, двух глашатаев. Непосредственно в Тане, консул должен был выбрать себе двух советников из числа *vir nobilis*, проживающих там. Никто не прибывал в город без особой регистрации или направления.

Документация велась в соответствии с наивысшими нормами средневекового делопроизводства – составлялась нотариями, копировалась и передавалась в Италию. Исполнителем воли правительства в фактории был консул [1, с. 49].

В 1360 г. из Таны выбыл консул Пьетро Каравелло. Фактически, именно он в 1358 г. восстановил факторию в Тане, торговля в которой сошла на нет после изгнания ханом Джанибеком всех латинян в результате гибели знатного ордынца по вине европейца. Якобу Корнаро предстояло сохранить хрупкий паритет между Венецией и Генуей, не допустив эскалации конфликта с татарами. Он прибыл в Тану в сентябре 1360 г. Для легитимизации своего положения, в первую очередь, ему необходимо было явиться в ставку Золотой Орды, а именно к хану Махмуду Хызру (Хидырь), который совершил переворот и занял место Науруса и Тайдулы [9, с. 48]. Именно по причине визита Корнаро фигурирует в первых документах как посол, а не консул. Тем не менее, Якоб Корнаро «*de ducali mandato honorabilis ambaxator ad dominum imperatorem Tartarorum*» (уважаемый посол к государю-императору татар) распоряжается закупать соль в Причерноморье и вывозить её в Венецию. Необходимых кораблей у Таны не было, поэтому Корнаро поручил перевозить её на *super navigium forensium*, то есть иностранных кораблях, а именно генуэзских и греческих [6, с. 115]. Его деятельность в Тане не продлилась долго, уже в августе 1362 г. он скончался. Корнаро, по-видимому, был единственным консулом, который был похоронен в Тане. Об этом свидетельствует надгробная плита, которая была найдена в 1889 г. В верхней части камня расположена эпитафия из восьми строк на латыни, которая написана традиционным шрифтом, распространенным в Северной и Средней Италии в XIV в. Под эпитафией – рельефный герб. Герб представляет из себя щит, разделенный посередине вертикальной линией, в правом верхнем углу изображение льва Святого Марка.

Таблица

Латынь	Русский язык, перевод: Скржинская, 2006
(HIC IACET EGREGIUS ET NOBILIS	Здесь лежит превосходный и благородный
VIR D(omi)N(u)S IACOBUS CORNARIO (ONORAB)	муж, господин Иаков Корнарио, достопочтенный
ILIS COMES ARBENSIS ET DE DUCA	граф Арбский и по мандату
LI MANDATO AMBASIA TOR ET CONSUL	дожа посол и консул
IN TANA ET P(er) TOTUM INP(er)IU(m) GACARIE QUI	в Тане и во всей империи Газарии.

Заключение. Если формулировка *consul in Tana* не вызывает вопросов, то формулировку *p(er) totum inp(er)iu(m) gacarie qui* (консул по всей империи Газарии) следует уточнить. С.Г. Бочаров в своей работе

выделяет термин Венецианской Газарии. В географическом выражении данный регион охватывает Черное море от устья Дуная до Геленджикской бухты, включает в себя берега Крыма, все побережье Азовского моря с близлежащими территориями, то есть всю береговую линию, которая принадлежала Золотой Орде. Именно факт юридической принадлежности, данной территории Золотоордынскому хану, и обособляет Венецианскую Газарию от других владений Венеции [2, с. 248]. В целом, консулы вели не только дипломатическую деятельность, но и лоббировали личные и государственные экономические интересы.

Список литературы:

1. Барбаро Иосифат. Путешествие в Тану // Пер. Скржинского Е. Ч. – Л., 1971. – С. 113-187.
2. Бочаров С. Г. Археология венецианской Газарии XIII–XV вв. определение термина и научное содержание // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – Вып. 4. – С. 233-249.
3. Григорьев А. П., Григорьев В. П. Послание ордынской ханши Тайдулы венецианскому дожу (1359 г.) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 1996. Вып. 4. – С. 18-23.
4. Жуковский И. Н. Советская консульская служба. – М.: МГИМО, 1986. – 90 с.
5. Ильин Ю. Д. Основы тенденции в развитии консульского права. – М., 1969. – 149 с.
6. Карпов С. П. Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359–60 гг.) // Причерноморье в средние века. Вып. 5. – СПб: Алетейя, 2001. – 179 с.
7. Карпов С. П. Когда и как возникла Тана (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине) // Византийский Временник 57 (82). – 1997. С. 5-18.
8. Мартенс Ф. Ф. О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. – СПб, 1873. – [2], VIII. – 601 с.
9. Сабитов Ж. Хызр-хан хронология правления // Научный Вестник Столицы. – №4-6. 2011. – С. 109-112.
10. Скржинская Е. Ч. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. – Киев-Судак-СПб: Академперіодика, 2006. – 380 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Всемирная история

<i>Баканова Е.Н., Леонова Е.Б.</i> Средневековые итинерарии английских королей во Франции: к постановке проблемы.....	5
<i>Бессилин Н.А. Вербовский А.В.</i> Церемония торжественных въездов монарших особ средневековой Европы в отечественной историографии.....	8
<i>Бредихин А.В.</i> Фолклендский вопрос в отношениях между Аргентиной и Великобританией в 80-е гг. XX в.	11
<i>Вербовский А.В., Бредихин А.В.</i> Скульптурные портреты бургундского герцога Филиппа Храброго из династии Валуа	13
<i>Гречихин К.А., Разумный В.В.</i> Истощение экономики Ирака в ходе войны с Ираном в 1980–1988 годах	15
<i>Дьяченко Г.С.</i> Основные направления англо-американского сотрудничества в нач. 1980-х гг.	19
<i>Журба В.В.</i> К вопросу о британо-советском сотрудничестве в период 80-х гг. XX века	21
<i>Ищенко В.Б., Разумный В.В.</i> Предвыборная кампания Гарри Эс Трумэна 1948 г. ..	24
<i>Коваленко Р.Н.</i> Финансирование контрас администрацией Р. Рейгана в 80-е гг. XX в.	26
<i>Корниловский А.С.</i> Рейд конного отряда генерала Шарпантье в Урмийскую область весной 1915 года: цели и итоги	28
<i>Крыжановская И.И.</i> Американская исключительность и афганский фактор во внешней политике США	32
<i>Крысенко Д.С.</i> Становление олигархической системы в США в 2010-е гг.	35
<i>Кухтин М.М.</i> Родство Штауфенов и поздних Габсбургов как генеалогическая проблема	38
<i>Лионидас З., Санжаров В.А.</i> Джон Пейдж об осаде Руана в 1418 году.....	40
<i>Милокост Л.С.</i> Основные черты развития британо-российских отношений в период кабинетов Т. Блэра и Г. Брауна	43
<i>Носко К.Г.</i> Французские салоны и придворные группы XVIII в.	46
<i>Панасенко Д.А., Шепко Л.Г.</i> Изучение римской императорской армии в отечественной историографии	49
<i>Петрова И.Н., Бредихин А.В.</i> Королевский итинерарий Людовика XI: психологический портрет путешествующего короля	52
<i>Разумный В.В.</i> Военная кампания 1811 года в русско-турецкой войне: результаты и последствия	55
<i>Рязанов К.М.</i> Антикатолическое восстание лорда Гордона в Лондоне.....	58
<i>Санжаров В.А., Шепко Л.Г.</i> Управленческая активность английского короля Генриха V.....	61
<i>Скопылатова В.И.</i> Роль М. Тэтчер в урегулировании конфликта в Северной Ирландии.....	64
<i>Слабунов К.Л., Шепко Л.Г.</i> Граф Витте и российская политика в Китае	67
<i>Тягливая О.А.</i> К Вопросу франко-американского сотрудничества (1969–1974 гг.) .	70
<i>Харьковский Р.Г.</i> Египетская кампания Франции конца XVIII – начала XIX вв.....	73

<i>Чугрина О.Р.</i> Этнонациональные проблемы в современных исторических исследованиях.....	75
<i>Янченко Д.С., Разумный В.В.</i> Изучение событий Октябрьской войны 1973 года в исследованиях Е. М. Примакова	78

Отечественная и региональная история

<i>Аджимирова А.А.</i> Становление фотожурналистики в СССР и на территории Донбасса в 1930–1950-е годы.....	81
<i>Горбатенко Е.А.</i> Деятельность Сталинского городского театра кукол в 1933–1964 гг.	83
<i>Дмитриченкова Е.А.</i> Религиозная жизнь немецких колонистов Приазовья в XIX – нач. XX вв.: историография вопроса	85
<i>Дукин А.А., Удалова Т.М.</i> Основные направления восстановления тяжёлой промышленности Донбасса в послевоенный период.....	88
<i>Дягло А.Р., Разумная Н.Н.</i> Мариуполь в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)	91
<i>Зинченко С.Ю.</i> Влияние Великой Отечественной войны на уровень преступности и правонарушений населения Донбасса в 1943–1945 гг.....	94
<i>Коралтан Е.Н.</i> Социальная поддержка инвалидов в Донбассе в 1920-е гг.....	96
<i>Костюкова Е.С., Людоровская Т.Ю.</i> Развитие образования в среде рабочих Донбасса в 1928–1941 гг.....	99
<i>Людоровская Т.Ю.</i> Семейная политика советского государства и её реализация в Донбассе в 1943–1953 гг.....	102
<i>Мармазова О.И.</i> Профессиональное образование в Екатеринославской губернии ..	105
<i>Метейко М.А.</i> Повседневность детей в дошкольных учреждениях Сталинской области в 1943–1953 гг.....	108
<i>Мишечкин Г.В.</i> Петр Первый и Донецкий регион	111
<i>Муравьёва В.О., Удалова Т.М.</i> Фашистский «новый порядок» в промышленной сфере Донбасса (1941–1943 гг.)	114
<i>Павлова А.Г.</i> Организация горноспасательной службы в Донбассе в 1931–1941 гг.	116
<i>Петух А.В.</i> Развитие образования в Донбассе в 1953–1964 гг.....	119
<i>Пилипенко Д.В.</i> Увековечение памяти о Великой Отечественной войне на территории Донецкой Народной Республики.....	122
<i>Полевой А.В.</i> Развитие спорта в Донецкой области во второй половине XX века....	125
<i>Полякова М.А.</i> Студенческие организации высших педагогических учебных заведений Донбасса в 1954–1964 гг.....	128
<i>Разумная Н.Н.</i> Отдельные вопросы налогообложения в Славянске (1915–1916 гг.)	131
<i>Рощина Л.А.</i> Изменение структуры Донецкого политехнического института 1960-е – 1980-е годы.....	133
<i>Рощина Т.М., Людоровская Т.Ю.</i> Миссионерская деятельность зарубежных протестантских церквей в Донецкой области в к. XX – нач. XXI в.....	136
<i>Рощупкина А.С., Разумная Н.Н.</i> Участие рабочих Макеевского металлургического завода в событиях 1917–1918 гг.....	139
<i>Тупчий Л.В., Агапов В.Л.</i> Участие бельгийских предпринимателей в освоении и эксплуатации угольных месторождений Донбасса в конце XIX – начале XX вв.	142
<i>Тюльченко И.К.</i> Вклад горного института в техническую модернизацию Донбасса в 1930-е годы.....	144

Удалова Т.М. Возрождение системы здравоохранения и оказание медицинской помощи красноармейцам на территории Донбасса в 1943–1945 гг.	147
---	-----

История России и славянских народов

Агаркова М.И., Снопкова А.С. К вопросу о малоазийской теории индоевропейской прародины.....	150
Борисо В.И. Ведущая роль А. К. Алчевского в создании металлургической промышленности на Луганщине	153
Буждежан А.В. Оборона Мариуполя во время Крымской войны в историографии XIX в.....	156
Даренский В.Ю. Генерал М. К. Дитерихс – идеолог Белого движения	159
Дозморov В.А. Выпускник Керченского политехнического колледжа, Герой Советского Союза Анатолий Михайлович Кокорин	162
Зубкова Т.Д., Якубенко О.В. Опыт революционных событий 1917 года как средство преодоления общественно-политических кризисов XXI века	164
Калиниченко Е.Н. Урбанизм и индустрия в изобразительном искусстве художников Донбасса. 1970 годы	166
Колбин В.Г. Штрафбаты и заградотряды. Мифы и реальность	169
Крутова Л.А. Трансформация социально-экономической политики Российской Федерации.....	172
Крутых Я.Р. Вопросы исторической урбанистики в современной отечественной историографии.....	175
Николаев Д.С., Биленко Н.А. Почтовое дело Российской империи в период модернизации второй половины XIX – начала XX века.....	178
Носков В.Ю., Твердохлеб А.Ю. Донецкий этап научной работы историка Николая Петровича Долинина	181
Пенькова О.Б. Государственная политика в отношении религиозных праздников на рубеже 1980-х – 1990 х гг.	183
Попов М.В., Суворов М.В. Руководители областных отделов народного образования на Урале, репрессированные в 1937–1938 гг.: политическая и чиновная карьера.....	186
Саакян И.И. Этапы становления Армянской общины Донбасса в постсоветский период (1992–2021 гг.)	189
Саенко А.С., Шкрибатько Е.А. Этапирование населения оккупированных территорий на принудительные работы в Германию (по воспоминаниям бывших узников)	192
Сайганов В.С. Морская и Колониальная Лига в общественной жизни Второй Речи Посполитой (1930–1939)	195
Саржан А.А. Формирование организационных основ малого бизнеса на Украине в начале 1990-х гг.	198
Сичинава В.В. Причины появления «нового человека» в начале XX века в свете его языковой экспликации	200
Соловей М.А. Восстановление сети детских домов в Донбассе в 1943–1945 гг.	203
Старченко Н.Н. Рабочие общежития как социальное изобретение советской эпохи на примере города Сталино (1943–1953 гг.)	206
Суконкина О.И. Внедрение в жизнь закона СССР от 14 июля 1956 г. «О государственных пенсиях» на территории Сталинской области	209

<i>Тимошина И.А., Безнин М.А.</i> Решение вопроса организации уборки древесных отходов посредством механизации нижних складов на предприятии «Вологдалеспром» в 1970-е гг.	212
<i>Шабельников В.И.</i> Особенности социально-экономического развития угольной промышленности Донбасса накануне Великой Отечественной войны (1939–1941 гг.)	214
<i>Шеховцова И.В.</i> Владимир Дегтярёв: политика управления регионом с целью его индустриализации (на примере работ донецких художников)	217
<i>Шипович М.А.</i> Послевоенная повседневность детей в СССР глазами очевидцев.....	219
<i>Шкрибителько Е.А.</i> Стиль украинского барокко в архитектуре Святогорского монастыря XVII в.	222
<i>Щевич К.С.</i> Сталинский государственный украинский музыкально-драматический театр им. Артема в 1944 г.	225

Историография, источниковедение, археология и методика преподавания истории

<i>Абуков С.Н.</i> Близкая степень родства в браках Рюриковичей Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв.	229
<i>Босенко Д.Р., Краснонос Ю.Н.</i> Геральдические символы Бахмута в дореволюционный период как исторический источник.....	232
<i>Гаврилюк С.М.</i> Некоторые вопросы развития античного города в зарубежной историографии	235
<i>Данильченко А.Ю.</i> Нуклеусы с торцовым расщеплением из среднепалеолитического слоя 6 стоянки Бирючья Балка 2 в низовьях Северского Донца	238
<i>Дедкова Е.Н.</i> Информационные технологии в современном музее (на примере Донецкого республиканского краеведческого музея)	240
<i>Зоров Ю.Н.</i> История изучения памятников позднего палеолита Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона в XX в.	243
<i>Карепин К.В.</i> Особенности административно-политического положения улуса Азак в 1313–1359 гг.	245
<i>Климова К.И.</i> Ружейные кремневые замки из фортов Нижнего Дона XVII–XVIII вв. (Лютик, Старочеркасск)	248
<i>Кожушко А.В.</i> Монголы и исламский мир начала XIII в. в новейшей западной историографии	251
<i>Колесник А.В.</i> Основы археологической тафономии каменного века	254
<i>Колесник А.В., Гриб В.К., Санжаров В.А.</i> Об одном из критериев периодизации истории земель Донбасса в Средние века	257
<i>Краснонос Ю.Н.</i> Нормативно-правовые основы деятельности советской милиции в 1960–1979-е гг.	260
<i>Манько Н.В., Колесник А.В.</i> О проблеме конвертации реконструкций на основании археологических и исторических источников.....	263
<i>Миронюк В.В., Краснонос Ю.Н.</i> Участие шахтеров Донбасса в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС по данным личных источников.	266
<i>Подрезов К.А.</i> Под маской солдата: мемуары полковника Якова Старкова.....	268
<i>Рубель Т.Р., Краснонос Ю.Н.</i> Организация санитарно-гигиенических мероприятий среди учащихся Юзовского коммерческого училища.....	271

<i>Чеботарева А.В.</i> Моральный облик ответственных партийно-советских работников (1921–1928 гг.): историография вопроса	274
<i>Чепига Г.Г.</i> Культ Николая Ратного на южной окраине Российского государства (кон. XVI – нач. XVIII вв.)	277
<i>Шульга Д.П.</i> К вопросу о лошадях в Царстве Цинь.....	280
<i>Щипанова А.Г.</i> Предварительные итоги мониторинга объектов культурного наследия в Песчанокоспском и Пролетарском районах Ростовской области в 2020 г.	283
<i>Ющенко Д.А.</i> Организация венецианской консульской службы в Танае в XIV в.	285

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2021:
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ,
КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
VI Международной научной конференции
26–28 октября 2021 г.,
г. Донецк

**ТОМ 7
Исторические науки**

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Ответственный за выпуск доц. *В.В. Разумный*

Дизайн обложки	<i>Е.Г. Грудева</i>
Технический редактор	<i>М.В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>В.Б. Ищенко, В.Г. Медведева</i>

Адрес оргкомитета:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 83001, ДНР.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 20.10.2021 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 17,14.
Тираж 100 экз. Заказ № 21окт15/7.
Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.